

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Arheology
and Ethnography
of the Caucasus*

Т. 18
№ 2. 2022

Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН



ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КAVKAZA

**HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS**

**T. 18
№ 2. 2022**

Махачкала, 2022

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович,
Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук
Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной
академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук
Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфрид Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия

Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspár University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догуевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капанова Лейла Шамильевна
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022
© Все авторы, Т. 18. №2. 2022

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS
Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov

The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation

Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation

Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands

Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan

Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan

Shain M. Mustafaev, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan

Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation

Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Birlant B. Abdulvakhabova, Chechen State University, Russian Federation

Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States

Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation

Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia

Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Petersburg, Russian Federation

Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland

Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia

Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan

Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France

Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022
© All authors, V. 18. № 2, 2022

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
Т. 18. № 2 КАВКАЗА 2022

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Мусаев М.А., Магомедов М.Г.	ДАТИРОВКА НАМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ОРУЖИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ СТЕЛ КЛАДБИЩА ПОСЕЛЕНИЯ СУЛЕВКЕНТ)	266
Маргарян Г.А.	ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОЕ СОСЛОВИЕ, ЦЕРКОВЬ И ОСОБЕННОСТИ ФЕОДАЛИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ В XVI-XVIII ВЕКАХ	275
Магомедов А.Д., Омаркадиева М.А.	ТРАДИЦИОННОЕ РЕМЕСЛО ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ С РЕГИОНАМИ РОССИИ, СТРАНАМИ ЗАКАВКАЗЬЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	284
Магарамов Ш.А.	«О ВЕРНОСТИ ЕГО ИЗВЕСТНО ВСЕМ»: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАИБА ДЕРБЕНТА ИМАМА КУЛИ-БЕКА	306
Шихалиев Ш.Ш.	ДИСКУССИИ О СУФИЗМЕ В ДАГЕСТАНЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	301
Кудаева С.Г.	АДЫГСКАЯ (ЧЕРКЕССКАЯ) ДИАСПОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА: К ПРОБЛЕМЕ ИММАНЕНТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФОРМИЗМА	346
Неклюдов Е.Г.	«КЕДАБЕКСКАЯ ПОСЕССИЯ» СИМЕНСОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ	357
Наврузов А.Р.	МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ ДАГЕСТАНА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА И «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ДЖАРИДАТ ДАГИСТАН» (1913-1918)	371
Кочиева М.А.	МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	388

АРХЕОЛОГИЯ

Амирханов Х.А., Цельмович В.А.	МИКРОСТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ ОБСИДИАНА ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ АЛМАЛО 1 В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОЧНИК СЫРЬЯ И НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ	410
Шарапова С.В., Труфанов А.Я., Киселева Д.В., Шагалов Е.С., Данилов Д.А., Хорькова А.Н., Окунева Т.Г., Солошенко Н.Г., Рянская А.Д., Упорова Н.С.	ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КЕРАМИКИ В ЭЛИТНОМ ПОГРЕБЕНИИ МОГИЛЬНИКА ИСАКОВКА I (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)	429
Гмыря Л.Б.	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВОЗВЕДЕНИЯ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНЫХ СООРУЖЕНИЙ РУБАССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ VI в. (ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ)	463

ЭТНОГРАФИЯ

Мусаева М.К., Соловьева Л.Т.	ОБРЯД ОБРЕЗАНИЯ В ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ КАВКАЗА	497
---------------------------------	---	-----

ЭКСПЕДИЦИИ

Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Абиев А.К.	РАСКОПКИ ДЕРБЕНТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 2019 г.	519
--	---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Эльдаров Э.М.	РЕЦЕНЗИЯ. АЛИЕВ Б.Г. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ДАГЕСТАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. Махачкала, 2021. ISBN 978-5-00128-890-9	543
---------------	---	-----

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
Vol. 18. № 2 OF THE CAUCASUS 2022

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>M.A. Musaev, M.G. Magomedov</i>	DATING OF TOMBSTONES BY WEAPON IMAGES ON THEM (BASED ON THE STUDY OF STELES OF SULEVKENT CEMETERY)	266
<i>G.A. Margaryan</i>	THE TRADING-CRAFT CLASS, THE CHURCH AND THE PECULIARITIES OF FEUDALISM IN EASTERN GEORGIA IN THE XVI-XVIII CENTURIES	275
<i>A.D. Magomedov, M.A. Omarkadieva</i>	TRADITIONAL CRAFTS OF DAGESTAN IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS WITH THE REGIONS OF RUSSIA AND THE COUNTRIES OF TRANSCAUCASIA AND THE MIDDLE EAST	284
<i>Sh.A. Magaramov</i>	“HIS LOYALTY IS REPUTED”: POLITICAL ACTIVITY OF NAIB OF DERBENT IMAM KULI-BEK	306
<i>Sh.Sh. Shikhaliev</i>	DISCUSSION OF SUFISM IN DAGESTAN IN THE HISTORICAL RETROSPECTIVE	301
<i>S.G. Kudaeva</i>	ADYGHE (CIRCASSIAN) DIASPORA IN THE POLITICAL AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE NEAR AND MIDDLE EAST: TO THE ISSUE OF IMMANENT POLITICAL CONFORMISM	346
<i>E.G. Neklyudov</i>	THE SIEMENS’ “GADABAY POSSESSION” IN TRANSCAUCASIA	357
<i>A.R. Navruzov</i>	MUSLIM EDUCATORS OF DAGESTAN AND THE “WOMEN’S ISSUE” (ON THE MATERIALS OF “JARIDAT DAGISTAN” NEWSPAPER, 1913-1918)	371
<i>M.A. Kochieva</i>	MUSLIM COMMUNITY OF NORTH OSSETIA IN THE POST-SOVIET ERA. INSTITUTIONAL ASPECTS	388

ARCHEOLOGY

<i>H.A. Amirkhanov, V.A. Tselmovich</i>	MICROSTRUCTURE AND ELEMENTAL COMPOSITION OF OBSIDIAN FROM THE ALMALO 1 LOCATION IN DAGESTAN: THE SOURCE OF THE RAW MATERIAL AND THE DIRECTION OF CULTURAL RELATIONS	410
<i>S.V. Sharapova, A.Y. Trufanov, D.V. Kiseleva, E.S. Shagalov, D.A. Danilov, A.N. Khorkova, T.G. Okuneva, N.G. Soloshenko, A.D. Ryanskaya, N.S. Uporova</i>	A FIND OF THE NORTH-CAUCASIAN CERAMICS IN THE ELITE BURIAL OF THE ISAKOVKA 1 BURIAL GROUND (WESTERN SIBERIA)	429
<i>L.B. Gmyrya</i>	TECHNOLOGICAL METHODS OF BUILDING MILITARY ENGINEERING CONSTRUCTIONS OF THE RUBAS FORTIFICATION OF THE 6th C. (EAST CAUCASUS)	463

ETHNOGRAPHY

<i>M.K. Musaeva, L.T. Solovyova</i>	THE RITE OF CIRCUMCISION AMONG THE PEOPLES OF THE CAUCASUS	497
---	--	-----

EXPEDITIONS

<i>M.S. Gadjiev, A.L. Budaichiev, A.M. Abdulaev, A.K. Abiyev</i>	EXCAVATIONS OF THE DERBENT SETTLEMENT IN 2019	519
--	---	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>E.M. Eldarov</i>	REVIEW. OF THE MONOGRAPH BY ALIEV B.G. “HISTORICAL GEOGRAPHY OF DAGESTAN OF THE FIRST HALF OF THE 19 TH CENTURY”. Makhachkala, 2021. ISBN 978-5-00128-890-9	543
---------------------	--	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182266-274>



Мусаев Махач Абдулаевич

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

mahachmus@gmail.com

Магомедов Мурад Газиевич

независимый исследователь, Махачкала, Россия

dnc.murad@mail.ru

ДАТИРОВКА НАМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ОРУЖИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ СТЕЛ КЛАДБИЩА ПОСЕЛЕНИЯ СУЛЕВКЕНТ)

Аннотация. Специалисты, изучающие дагестанские намогильные памятники, при отсутствии конкретной даты на самом надгробии или невозможности определить ее по содержанию надписи или анализу текстов, используют несколько методов датировки по внешним признакам – по особенностям начертания (шрифтов) текстов и по анализу орнаментирования. Ключами к данным способам служат датированные памятники, внимательно изученные и классифицированные. Любой из этих методов применяется зачастую изолированно, первый – эпиграфистами, второй – искусствоведами. Между тем каждый из них имеет свои недостатки, и очевидно, что наибольшей эффективности выполнение задачи датирования достигается при их комплексном применении. Еще одним из способов датировки памятника может служить изучение предметов, изображенных на них, в частности оружия. Подобные исследования на дагестанском материале не проводились. В качестве образца использованы намогильные стелы кладбища заброшенного поселения Сулевкент Дахадаевского района, где захоронения производились как минимум с XIV до середины XX в. На четырех намогильных стелах имеются изображения сабель и кинжалов, кремневых пистолетов и ружей, пороховниц и подсумков для газырей, копья и пики. Результаты анализа вооружения позволили прийти к выводу, что памятники относятся ко второй – третьей четвертям XVIII в. Датирующими элементами послужили не только нанесенные на памятники предметы, но и отсутствие определенных элементов вооружения в составе изображений. Если исключить изображения предметов на стелах, то все рассматриваемые образцы памятников могли бы датироваться в очень широких пределах – с XVI по начало XX в. То есть, в определенных случаях, анализ изображенных предметов может служить не дополнением к иным методам уточнения или подтверждения датировки, а единственным его средством. Изучение вооружения, как датирующих элементов намогильных стел, показывает, что имеется необходимость исследования его региональной истории. В подобном изыскании важную роль могут сыграть датированные намогильные камни с изображениями оружия. Учитывая это обстоятельство, перед учеными, проводящими работу по выявлению памятников, становится актуальной постановка задачи по фиксации изображений образцов вооружения.

Ключевые слова: методика исторического исследования; история оружия; камнерезное искусство; датировка надгробия; некрополистика; эпиграфика; Сулевкент; Дагестан.

© Мусаев М.А., Магомедов М.Г., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182266-274>



Makhach A. Musaev

Cand. Sci. (History), Leading Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

mahachmus@gmail.com

Murad G. Magomedov

Independent Researcher, Makhachkala, Russia

dnc.murad@mail.ru

DATING OF TOMBSTONES BY WEAPON IMAGES ON THEM (BASED ON THE STUDY OF STELES OF SULEVKENT CEMETERY)

Abstract. Experts, who examine Dagestan tombstones, in the absence of a specific date on a tombstone itself or the impossibility of determining it by the content of the inscription or the analysis of texts, use several methods of dating by external elements – by the features of the style (fonts) of texts and by analyzing ornamentation. The subjects of these methods are dated monuments, carefully studied and categorized. Any of these methods is often used separately, the first – by epigraphists, the second – by art historians. Meanwhile, each of them has its drawbacks, and it is clear that the most effective implementation of dating is achieved with their combined application. Another method of dating monuments is to study the objects depicted on them, in particular, weapons. Such studies on Dagestan material have not been carried out yet. As a subject, grave steles of the cemetery of the abandoned settlement of Sulevkent in the Dakhadaevsky district were used, where burials were made at least from the 14th to the middle of the 20th century. Four tombstones depicting sabers and daggers, flintlock pistols and guns, powder flasks and pouches for gazys, spears and pikes. The results of the analysis of weapons allowed us to conclude that the monuments belong to the second – third quarters of the 18th century. The dating elements were not only the objects applied to the monuments, but also the absence of certain elements of weapons in the composition of the images. If we exclude images of objects on steles, then all the pieces of monuments under consideration could be dated within a very wide range – from the 16th to the beginning of the 20th century. That is, in certain cases, the analysis of the depicted objects may not serve as an addition to other methods of clarifying or confirming dating, but its only means. The study of weapons as dating elements of tombstones demonstrates that there is a need to study its regional history. In such research, dated tombstones with images of weapons can play an important role. Considering this, it becomes urgent for researchers engaged in identifying monuments to set the task of fixing images of weapon pieces.

Keywords: methods of historical research; history of weapons; stonecutting art; tombstone dating; necropolitics; epigraphy; Sulevkent; Dagestan.

Специалисты, изучающие дагестанские надгробные памятники, при отсутствии конкретной даты на самом надгробии или невозможности определить ее по содержанию надписи или анализу текстов, используют несколько методов датировки по внешним признакам. Самый распространенный из них – это определение времени создания памятника по особенностям начертания (шрифтов) текстов. Также применяется анализ орнаментировки. Ключами к данным способам служат датированные памятники, внимательно изученные и классифицированные. Всякий из этих методов зачастую применяется изолированно, первый – эпиграфистами, второй – искусствоведами. Между тем каждый из них имеет свои недостатки, и очевидно, что наибольшей эффективности выполнение задачи датирования достигается при комплексном применении. Принимая это во внимание, в трудах по изучению надгробных памятников, нами эти методы используются в совокупности, в том числе учитывая формы и степень обработки надгробий, расположение надгробия на кладбище.

Еще одним из способов датировки памятника может служить изучение предметов, изображенных на них, в частности оружия. Подобные исследования на дагестанском материале не проводились, и мы решили применить данный метод на последнем из кладбищ, которое изучили в процессе ежегодных эпиграфических экспедиций. Оно находится в Дахадаевском районе Дагестана в заброшенном поселении Сулевкент (в оригинале Сулевка), расположенном в глубоком ущелье на левом берегу р. Кинтуракотты под Амузги и Кубачи, известными центрами изготовления оружия. На противоположной стороне реки находится несколько полуразрушенных зданий и местное кладбище (координаты: 42°04'21.1»N 47°37'24.9»E). Из историографии известно лишь об одном памятнике поселения [1, с. 84–85]¹. Следует отметить, что на всем сулевкентском кладбище можно обнаружить лишь считанные единицы профессионально изготовленных стел, а точнее три. Все они относятся к уцмийскому стилю, и, видимо, изготовлены приглашенными мастерами. Остальные же стелы кладбища, кроме вышеуказанных, достаточно примитивны в своем исполнении и орнаментике. Очень мало стел, на которых встречаются надписи, соответственно, имеющих указание на время их создания.

Среди множества памятников, свидетельствующих о том, что кладбище использовалось как минимум с XIV в. до середины XX в. мы обнаружили четыре стелы с изображением оружия. Все они не датированы.

А) Вертикальная плоская плита с примитивной орнаментикой. Внизу нанесены изображения сабли, кремниевых пистолета и ружья (рис. А). Выше имеется врезная надпись: ... زذ باك خ ج ...

Данную надпись можно прочесть по буквам «З.З.Б.К. Х.Дж» и интерпретировать как имя *Зазабек-хаж*(?).

1 Л.И. Лавров, не побывавший на месте и использовавший фотографию, прочитал надпись как «Обладатель этого Лаказ б. Сулейман. 666 год». Данная стела нами не обнаружена, в то же время мы ставим под сомнение данное чтение, прежде всего по той причине, что дата указана цифрами, что весьма нехарактерно для памятников, датирующихся XIII в., а конкретнее 1267–68 г.

Б) Вертикальный памятник с простейшей орнаментикой. Мастер осуществил попытку придать стеле форму, характерную для уцмийского стиля, и изобразить центральную розетку. На нижнюю половину нанесены изображения копья, сабли лезвием вниз, кремниевых ружья и пистолета, пороховницы, кинжала и подсумка для газырей (рис. Б).

Имеется врезная эпитафия на арабском языке:

صاحب هذا القبر قربان بن يوسف غفر الله لهما و لجميع (...)

Перевод:

Хозяин этой могилы Курбан, сын Йусуфа, да простит им Аллах и всем [мусульманам].

В) Сохранившаяся нижняя часть вертикальной стелы (рис. В). На ней, просто-вато оформленной, имеются остатки врезных надписей, а также изображения кремниевых ружья и пистолета, сабли лезвием вверх, подсумка для газырей, пороховницы и пики. Справа от пики изображены два неидентифицированных нами элемента, возможно, это не предметы, а декор.

Г) Вертикальная плита с заостренным верхом. Надписи отсутствуют, а орнаментика примитивна (рис. Г). На стеле имеются изображения кремниевых ружья и пистолета, сабли, пороховницы, подсумка для газырей. Просматривается изображение кинжала, но его профиль едва различим. Отличие от предыдущих стел в изображении оружия заключается только в том, что ствол ружья передан не одной врезной полосой, а двумя, также отсутствует спусковая скоба.

К отмеченному выше следует присовокупить, что все изображения врезные, а на памятнике **А** оружие направлено в правую сторону, в отличие от всех других. Также следует указать, что стелы **Б** и **В** очевидно изготовлены одной рукой.

Интересно, что все четыре памятника расположены недалеко друг от друга. При этом практика показывает, что зачастую в один и тот же период захоронения производятся на одном и том же участке кладбища.

Не лишним будет указать, что на этом же участке имеется еще один заслуживающий внимание образец (**Д**). На нем изображены ножницы и ковер² (рис. Д), что свидетельствует о том, что вероятно погребенная занималась ковроткачеством. На данном памятнике, верху которого придано закругление, имеются надписи:

صاحب هذا (القبر) فاطم (в верхней части стелы)

فاطم بن (ت) عط (?) (в нижней части стелы)

Надписи, нанесенные с орфографическими и стилистическими ошибками, переводятся, соответственно, как «Хозяин этой могилы Фатима» и «Фатима, дочь 'Ата (?)».

На всех рассматриваемых стелах (А, Б, В, Г) встречаются изображения кремниевых пистолетов и ружей. Они схематичные, но достаточно подробные и позволяющие получить представление о строении спусковых механизмов, типах замков, строении лож и общих пропорций оружия. Период широкого

2 Также на стеле имеются изображения двух не идентифицированных предметов.

распространения подобных образцов продлился вплоть до 80-х гг. XIX в. В дальнейшем данное оружие приобрело функционал декоративного.

На памятниках также встречаются изображения патронташей (газырниц) в виде подсумков для ношения на ремне через плечо. Такой тип бытования газырниц отмечается вплоть до 50-х гг. XIX в., когда газыри в Дагестане стали массово носить на груди. Детальное изображение данного предмета можно увидеть на рисунке В.Ф. Тимма, сделанном с натуры в 1849 г. [2, с. 280, 282–283]. Он же демонстрирует не завершившийся переход от одного способа ношения газырей к другому, поскольку на этом же рисунке присутствует воин с газырями на груди.

Пороховницы можно наблюдать на трех стелах. Они массивны и предназначены для ношения на ремне через плечо. По геометрии их можно отнести к более ранним образцам. При этом следует учитывать, что, возможно, некоторые элементы пороховницы не изображены, поскольку резьба по камню схематичная.

Как мы видим из описания содержащихся на памятниках огнестрельного оружия и их атрибутов, верхняя дата памятников может быть установлена в пределах середины XIX в. Нижняя же дата определяется началом широкого бытования огнестрельного оружия в регионе. Сложность в том, что исследования по данной проблематике отсутствуют. Чтобы иметь определенное представление об этом необходимо привести несколько примеров.

Невдалеке от Сулевкента на кладбище уцмиев в Кала-Корейше имеется надгробие с изображением оружия. Памятник датирован 1005 г. хиджры, что соответствует 1596/97 г. На плите не встречается изображение огнестрельного оружия [3, с. 37–38]. Учитывая, что в могиле захоронен представитель правящей династии, соответственно обладавший возможностью приобретения оно-го, есть соблазн полагать, что в конце XVI в. в Дагестане огнестрельное оружие не использовалось. Но в данном случае следует учитывать, что изображение в большей степени могло быть данью традиции, нежели отражением реалий. На эту мысль наталкивает тот факт, что известна во многом идентичная стела со схожим сюжетом, расположенная в сотнях километрах к югу, на Апшеронском полуострове, датированная 1020 г. хиджры (1611/12 г.) [4, с. 74, рис. 181]. Об этом также могут свидетельствовать памятники с того же кладбища уцмиев в Кала-Корейше. Там, на двух намогильных камнях имеются идентичные изображения с колчанами и стрелами, огнестрельного же оружия не имеется, при этом стелы датируются первой половиной XVIII в. [5, с. 264–265], когда огнестрельное оружие в регионе широко применялось.

К рубежу XVII–XVIII вв. относится сообщение голландского географа Н. Витсена, что в Дагестане, в частности в Тарки, еще использовали лук и стрелы [6, с. 24]. При этом И.-Г. Гербер, обстоятельно изучивший Дагестан в 20-х гг. XVIII в., относительно того же Тарки указывает, что местные жители «все оруженны оружием огненным, добрыми саблями и многие в панцерях; луков и стрел мало употребляют». Он же оставил наиболее системное описание вооружения дагестанцев. Из него следует, что все вооружены огнестрельным оружием, лук и стрелы употребляют крайне редко. Лишь относительно ногай-

цев, кочевавших в районе Сулака, и горных табасаранцев, отмечено, что огнестрельного оружия они не имеют. Также сообщается об относительно широком использовании неогнестрельного (метательного) оружия в горах Дагестана, а также Эндирее и Аксае. Относительно той части Дагестана, где расположен Сулевкент, И.-Г. Гербер сообщает следующее: «Хайтаки и Карахайтаки ... – люди воинские, доброконные и храбры, употребляют все огненное оружие и добрыя сабли» [7, с. 69, 71, 74–75, 77, 83, 86, 104, 112, 114.]. Под «все» следует понимать так, что ими применялись в том числе и пушки.

В.Г. Гаджиев, глубоко проанализировавший сообщение И.Г. Гербера, отмечает, что «имеющийся фактический материал убедительно показывает, что огнестрельное оружие – пищали русского производства – в Дагестане, в том числе и Кайтаге, употреблялись с XVI в.» [8, с. 121]. Однако исследователь не приводит конкретных источников, позволивших ему сделать подобный вывод. Отметим лишь, что из одного из документов следует, что один из кайтагских беков к 1635 г. обладал несколькими пищалями [9, с. 131].

Таким образом, мы можем отметить, что если исходить из анализа огнестрельного оружия, рассматриваемые сулевкентские памятники датируются в пределах XVIII в. При этом нижняя дата определяется отсутствием изображения лука и стрел на стелах.

Среди изображений дважды встречаются кинжалы. Одно из изображений не четкое, но при этом позволяет увидеть, что он имеет ярко выраженную клиновидную форму (близкую к строгому клину). На втором памятнике изображение клинка более информативное. Кинжал массивный, с широким клиновидным лезвием (близким к строгому клину). Строй клинка позволяет отнести его к периоду не позднее конца XVIII в. Вывод основан на том, что датированные и датируемые кинжалы указанного типа клиновидной формы не встречаются в регионе в XIX в.

На трех стелах можно увидеть сабли. Все они большой кривизны, с крупными крестообразными гардами, имеющими расширения на концах, и с навершиями, изогнутыми в сторону лезвия. То есть сабли представляют собой классические образцы «восточного типа», или «шамшира». Подобное оружие бытовало в регионе вплоть до начала XX в. Однако, следует отметить, что широкое распространение этот тип холодного оружия получил в Дагестане до последней трети XVIII в. С этого времени началось их вытеснение более легким видом длинноклинкового оружия – шашкой. Учитывая, что на стелах есть три изображения сабли, но ни одного изображения шашки, то можно предположить, что время бытования шашки к моменту создания стелы еще не наступило.

На одной из стел имеется изображение копья, на другой – пики. Отличия между ними в следующем: на конце древка пики имеется круглое навершие или упор, и форма боевого наконечника узкая клиновидная, вероятно, граненая; у копья – наконечник широкий и листовидной формы, а упор отсутствует.

Нам мало известно об использовании пик и копий дагестанцами в боях. Из документов, исследованных нами, удалось лишь выявить, что пики применялись

войсками Надир-шаха в битвах в Дагестане в 1741-43 гг. В частности, в 1742 г. в одном из сражений воины из племени бахтиаров принесли своему полководцу две сотни голов убитых ими акушинцев, насаженных на пики³. Исходя из этого описания боя, мы можем допустить, что, возможно, дагестанцы использовали пики в XVIII в., как и их противники. При этом в среде знатоков вооружения бытует мнение, что пики не имели распространения в регионе, поскольку опытный воин, вооруженный саблей, имел преимущество в бою. Кроме того, нам известно множество описаний боевых действий с участием дагестанцев начала XIX в. и мы не встречали упоминания о применении ими пик и копий.

Если суммировать результаты анализа вооружения, изображенного на стелах, то можно прийти к выводу, что памятники относятся ко второй – третьей четвертям XVIII в. Датирующими элементами служит не только то, что изображено на памятниках, но и то, что отсутствует. В данном случае нет луков со стрелами и шашек. Первые, по всей видимости, практически вышли из употребления к середине XVIII в., а вторые начали употребляться незадолго до начала XIX в. В то же время наличие пики и копья позволяет уточнить верхнюю дату памятников в пределах конца третьей четверти XVIII в.

В погребальной культуре Дагестана имеются примеры того, что мастер, нанося изображения на стелу, пытался охарактеризовать захороненного. На этом же сулевкентском кладбище имеется плита, на которой изображены ковер и ножницы, отсылающие нас к тому, что погребенная была ковровщицей. В данном случае определенно стелы должны были продемонстрировать, что в этом месте лежат воины. Допустимой была бы специализация захороненных как охотников, если бы не было изображений сабли и пистолета – элементов вооружения, явно лишние на охоте.

Учитывая, что погребенные воины и захоронения относятся к середине XVIII в., то есть вероятность того, что они пали в сражениях с войсками Надир-шаха в пределах лета 1741 – конца 1742 г.

Если исключить изображения предметов на стелах, то все рассматриваемые нами образцы, учитывая содержание имеющихся надписей, способов их нанесения, форму и степень обработки памятников, а также их орнаментику в привязке к общей характеристике всего некрополя, могли бы датироваться в очень широких пределах – с XVI по начало XX в. То есть, в определенных случаях, анализ изображенных предметов может служить не дополнением к иным методам уточнения или подтверждения датировки, а единственным его средством.

Изучение вооружения, как датирующих элементов намогильных стел, показывает, что имеется необходимость исследования его региональной истории. В подобном изыскании важную роль могут сыграть датированные намогильные камни с изображениями оружия. Учитывая это обстоятельство, перед учеными эпиграфистами и искусствоведами, проводящими работу по выявлению памятников, становится актуальной постановка задачи по фиксации изображений образцов вооружения.

3 Реляция Братищева (август 1742 г.) // Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 251-252.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966. 300 с.
2. Полчаева Ф.А. Использование визуальных источников и историческом исследовании (на примере иллюстраций В. Ф. Тимма) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 15. № 3. 2019. С. 376–389.
3. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. Махачкала: МавраевЪ, 2019. 180 с.: ил.
4. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. I: арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX века. Баку: Элм, 1991. 248 с.
5. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфические диски и рельефы всадников с надмогильных стел фамильного кладбища кайтагских правителей // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. №2. С. 259–281.
6. Лавров Л.И. Тарки до XVIII века // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 12–25.
7. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. С. 60–120.
8. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курою находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 271 с.
9. №58. 1635 г. сентября 20. – Две челобитные царю Михаилу Федоровичу кайтагского посла Бадархана о возвращении ему денег и пищалей, взятых жителем г. Терки, и о разрешении купить в Астрахани ясырей // Русско-дагестанские отношения XVII–первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. С. 131–132.

REFERENCES

1. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the X-XVII centuries [Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabском, persidskom i turetskom yazykakh. Chast' 1. Nadpisi X–XVII vv.]*. Texts, translations, comments, introduction and applications by L. I. Lavrov. Moscow, 1966. (In Russ.)
2. Polchaeva FA. The use of visual sources in historical research (on the example of V.F. Timm's illustrations). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2009, 15(3): 376–389. (In Russ.)
3. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. *Epigraphy of the Utsmi necropolis in Qala-Qureish [Epigrafika nekropolya utsmiev v Kala-Koreyshe]*. Makhachkala: Mavraev, 2019. (In Russ.)
4. Neimat MS. *Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan. Vol. I: Arabic-Persian-Turkic inscriptions of Baku and Absheron XI – early XX century [Korpus epigraficheskikh pamyatnikov Azerbaydzhana. T. I: arabo-perso-tyurkoyazychnye nadpisi Baku i Apsheron XI – nachala XX veka]*. Baku: Elm, 1991. (In Russ.)
5. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. Epigraphic disks and horsemen reliefs on the stelae from the family cemetery of Kaitag rulers. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019, 15(2): 259–281.
6. Lavrov LI. Tarki until the 18th century [Tarki do XVIII veka]. *Proceedings of the Institute of History, Language and Literature*. Vol. IV. Makhachkala, 1958:12–25. (In Russ.)
7. Herber J.-G. Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728. [Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan XVIII – XIX centuries. Archival materials*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958:60–120. (In Russ.)
8. Gadzhiev VG. *The work of J. Herber "Description of the countries and peoples between Astrakhan and the Kura River" as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus [Sochinenie I. Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhdru Astrakhan'yu i rekoju Kuroyu nakhodyashchikhsya» kak istoricheskiy istochnik po istorii narodov Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ.)
9. No. 58. September 20, 1635. – Two petitions to Tsar Mikhail Fedorovich from the Kaitag ambassador Badarkhan for the return of money and harquebus taken by a resident of the city of Terka, and for permission to buy yasys in Astrakhan. [№58. 1635 g. sentyabrya 20. – Dve chelobitnye tsaryu Mikhailu Fedorovichu kaytagского посла Badarkhana o vozvrashchenii emu deneg i pishchaley, vzyatykh zhitel'em g. Terki, i o razreshenii kupit' v Astrakhani yasyrey] *Russian-Dagestan relations of the 17th – first quarter of the 18th centuries. (Documents and materials) [Russko-dagestanskije otnosheniya XVII–pervoy chetverti XVIII vv. (Dokumenty i materialy)]*. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1958:131–132.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182275-283>

Gor Ararat Margaryan

PhD, Associate Professor, Senior Researcher, Deputy Director

Institute of Oriental Studies

National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

gor_margaryan@mail.ru

THE TRADING-CRAFT CLASS, THE CHURCH AND THE PECULIARITIES OF FEUDALISM IN EASTERN GEORGIA IN THE XVI-XVIII CENTURIES

Abstract. Since the Early Middle Ages, it had been characteristic for the countries with feudal social system that not only the great secular rulers, but also the cleric power acted as major feudalists. This refers to the Georgian reality as well, where the Georgian Church was especially developed, and acted as one of the major feudal lords in the Late Middle Ages. The Georgian Church, represented by the Catholicosate of Mtskheta, possessed a large number of various immovable property (villages, lands, gardens, oil mills, etc.), and at the same time acted as a major serf owner. The Georgian Church enjoyed the favor and support of the Georgian royal houses and sometimes foreign rulers, such as the Safavid shahs, which was often expressed by giving donations to the church, or more importantly, by granting the church a partial or full tax exemption. The latter circumstance was especially important for the church serfs: as a result, they gained tax reliefs and a privileged status. This was very important giving the fact that in the 16th-18th centuries, Georgia, like Armenia, was divided into eastern and western parts, between Iran and the Ottoman Empire respectively, and of course, the heavy tax burden of the foreign domination would hinder the development of trade and crafts. In light of this, the tax benefits and a relatively privileged status that could be obtained by becoming a church serf would have been a desirable condition for merchants and craftsmen. The purpose of this article is to examine the question of whether the Georgian Church could be observed as a powerful aegis and a desirable patron by the trading-craft class, whether the church, in that case, would have shown some interest in replenishing the ranks of serfs with merchants and craftsmen, what ethnicity could those serfs be and other related matters.

Keywords: Georgia; Georgian Church; feudalism; serfs; privileged status; trading-craft class; trade.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182275-283>

Гор Араратович Маргарян

к.и.н., доцент, старший научный сотрудник

Институт востоковедения

Национальная академия наук Армении, Ереван, Армения

gor_margaryan@mail.ru

ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОЕ СОСЛОВИЕ, ЦЕРКОВЬ И ОСОБЕННОСТИ ФЕОДАЛИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ В XVI-XVIII ВЕКАХ

Аннотация. С Раннего Средневековья для стран с феодальным общественным строем было характерно, что в качестве крупных сеньоров выступали не только светские правители, но и церковная власть. Это относится и к грузинской позднесредневековой исторической реальности, где грузинская церковь выступала в качестве сильного и крупного феодала. Грузинская церковь в лице Мцхетского Католикосата обладала богатой разнообразной недвижимым имуществом (сёлами, землями, садами, маслобойнями и т.д.), но и в то же время выступала как крупный феодал и сюзерен, владеющий множеством вассалов и крепостных. Грузинская церковь в основном пользовалась благосклонностью и поддержкой грузинских царских домов, а иногда и господствующих иностранных правителей (например, Сефевидских шахов), что часто выражалось в пожертвованиях в пользу церкви или, что еще важнее, в предоставлении церкви частичного или полного освобождения от налогов. Последнее обстоятельство было особенно важно для церковных крепостных: в результате этого они получали налоговые льготы и привилегированный статус. Это очень важно также с той точки зрения, что в XVI-XVIII веках Грузия, как и Армения, была разделена на восточную и западную части между Ираном и Османской империей и, конечно, тяжелое налоговое бремя иностранного господства препятствовало развитию торговли и ремесел. В свете сказанного, налоговые льготы и сравнительно привилегированный статус, который можно было обрести, став церковным крепостным, был для торгово-ремесленного класса желаемым явлением. Цель данной статьи – рассмотреть вопрос: не могла ли грузинская церковь рассматриваться торгово-ремесленным сословием как мощный и востребованный покровитель? Проявила ли церковь со своей стороны интерес к пополнению рядов своих крепостных купцами и ремесленниками? Какой этнической принадлежности могли быть эти крепостные и другие вопросы.

Ключевые слова: Грузия; грузинская церковь; феодализм; крепостные; торгово-ремесленное сословие; привилегированный статус; торговля.

Church-state relations in the XVI-XVIII centuries (brief overview)

It is widely known that the Georgian Church used to be both the pillar of the Georgian statehood and the scales that balanced the secular power. The Georgian Church was able to influence political decisions and orientations, to interfere into the affairs of the royal family, to organize embassies and delegations, and to carry out embassy missions. The fact that the Georgian Church and its leaders had a leading position in the armed forces or in the administrative system indicates the significant role of the latter in the political life. From the 16th century and onwards, the four strategic districts in Kakheti – the Sadroshos, – were ruled by bishops, who were given the Sadrosho coat of arms and the right to lead the army. The Georgian kings assisted the church in collecting taxes from monastic estates, punishing disobedience, encroachments on church property, and further resolution of such issues [1, p. 2].

On the other hand, it should be noted that the secular power, represented by monarchs, was dominant in Georgia and sought to keep the church under its control, mainly by reserving the right to appoint a Catholicos. This can be seen in the following examples: when, for instance, King Rostom of Georgia (1632-1658) executed Catholicos Evdemoz Diasamidze [2, p. 120], who had been accused of plotting against him, and then appointed Christopher Urdubegishvili as the new Catholicos [3, p. 66-67]. Similarly, in 1703, Vakhtang VI convened a church meeting, dismissed Catholicos Evdemoz II Diasamidze (1700-1703), and appointed his brother Domenti IV (1704-1725, 1739-1741) as the new Catholicos who was an accomplice of his brother and a supporter of his policy [4, p. 38].

After Eastern Georgia came under the rule of the Safavids, the Georgian Church sought to influence and interfere in its internal affairs, including also the interests of Iran. Shah Suleiman or Sefi II (1666-1694) was the first to interfere in the affairs of the Georgian Church. He dismissed Nikoloz Amilakhori and appointed Ioan Diasamidze as the new Catholicos [5, p. 84; 6, p. 86-87]. Or in 1701, Shah Hussein I (1694-1722) confirmed Evdemoz II Diasamidze (1700-1705) as Catholicos, ordering to recognize and respect the Catholicos he had appointed [6, p. 111]. Despite all this, Iran sought to maintain close relations with the leaders of the Georgian Church, realizing their weight and role in the internal affairs of the country.

It should be also noted that these questions are provided in detail in our article on the same subject, but we shall limit ourselves here to only mentioning it briefly [7, p. 181-196].

The trading-craft class and the peculiarities of the church serfs

Serfs were a constituent part of property belonging to the monastery in Eastern Georgia. Georgian serfdom had distinctive features and did not fully correspond to the classical understanding of the term “serf”. Along with the development of the

feudal system, various strata of serfs formed, which differed not only in economic opportunities, but also in the types of obligations to their masters, their rights, and position in society. The serfdom is usually defined with the terms *glekhi* or *kma*, based on their types. There were the following strata of serfs: *msakhuri*, *kma*, *glekhi*, *bogano*, *khizani*, *mojalabe*, *natskalobevi*, *mkvidri* etc. All strata of the serf class were included among the serfs of the church. The number of serfs belonging to the monastery was replenished in different ways: for instance, with those born from an illegitimate marriage, whose future was in the hands of the church as well, and it was entitled to get those serfs marry as soon as they became adults [8, p. 101-102]. It is true that the serfs belonging to the monastery could be purchased; however, it was no longer possible to sell or buy the church serfs and, if we add to this the fact that cleric leaders increased the number of serfs in their turn [9, p. 22], it becomes clear that the serfs belonging to the monastery should have formed a significant number in Eastern Georgia. In addition, the ranks of the serfs belonging to monastery were supplemented by *nebieri*, people who dedicated themselves to voluntary servitude [10, p. 207-242].

The Georgian church had serfs among both the rural and urban populations¹. The serfs belonging to the monastery of the urban population mainly included merchants and craftsmen from the class of *mokalakes* – “honorary citizens” of the urban population. The most noticeable ones were the *mokalakes* of the Catholicos, who often did not concede to the serf *mokalakes* of the king in their position and wealth. The number of churches which had *mokalakes* was not large and mainly the wealthy churches, which had a large number of serfs and estates, owned *mokalake* serfs [12, p. 175].

The Catholicosate of Mtskheta had a large number of merchant and craftsmen serfs in Tiflis and in other cities. According to the population census conducted in Tiflis in 1783, the Catholicos owned 198 serf families, most of whom were merchants and craftsmen [12, p. 150]. Merchants with their property and trading stalls belonged to the Mtskheta Catholicosate in Gori [13, p. 264]. The catholicos of Mtskheta, in their turn, sought to increase the number of merchants under their control, buying them from other serf holders [13, p. 264]. Other dioceses and monasteries of Eastern Georgia had merchants and craftsmen in Tiflis, such as David Gareja Monastery (10 houses), Manglisi Cathedral (6 houses), Rustavi Cathedral (6 houses), Rustavi Church (18 houses), Ruisi Church (2 houses), St. Nino Church (3 houses), etc [13, p. 151]. The merchants’ belonging to the church, as well as other monastic property, was reaffirmed from time to time and given back to the church by royal edicts, by sigels and gujars. Thus, in 1552, King Luarsab established the stalls belonging to the Sioni Monastery in Tiflis as an estate and granted them to the church [14, p. 18], and at the beginning of the 17th century, King Simon II of Kartli (1619-1625) stated in the

1 It should be said that the privileged status of the serfs belonging to the monastery was not a unique phenomenon. If we compare the situation in the Russian Empire, we will see that monastic serfs in Russia was a huge number, too. For instance, before the abolition of the monastic class in 1761 by Empress Catherine II, the number of villager serfs in 1762 was about 1 million [11, p. 549-555].

edict given to the Sioni Monastery that the monastery had merchants and stalls in Tiflis and the king reaffirmed the belonging of those in Tiflis and in the Baratashvili estate to the monastery, entrusted the monastery the management of the income from them, ordered his subordinates not to interfere in the affairs of the monastery, but only to assist [15, p. 16]. In Tiflis the merchants of the monastery were exempted from taxes levied on trade, providing that they would import and sell only their goods, otherwise they would have to be taxed sevenfold [12, p. 192]. In such a way, King Alexander II of Kakheti exempted the merchants of the Ninotsminda Diocese from the tax “tamgha” in 1591, which was charged from the obligation to pay in the amount of one sapalne (one burden) of silk [14, p. 18].

Among the serfs of the church, their status of being church serfs was very favorable to the representatives of the trading-craft class: in this way, the latter appeared under the aegis of the church and were exempted from royal taxes [16, p. 102]. The church serfs were exempt from taxes partially or fully, particularly from heavy commercial taxes, such as the tamgha. In addition to tax immunity, the merchant and craftsmen serfs of the church could either provide their work and services to the church, or be obliged to pay the church a certain amount of goods annually, such as candles, threads, incense, etc. Thus, in 1703, King Heraclius I established that the serf merchants Gogijanishvili, Maminashvili, and Mamulashvili, gifted to the Kvatakhevi monastery, had to give the monastery two liters of candle and incense, and two bundles of cotton thread per year [12, p. 207]. For instance, (M)Khitarov – an Armenian who had emigrated from Persia, –dedicated himself to the monastery of Sioni and undertook to pay $1\frac{1}{2}$ liters of candle and incense, worth 1 charek ($2\frac{1}{4}$ pounds) [17, p. 55]. P. Zubov perfectly describes how the mokalakes of the Georgian church, the representatives of the trading-craft class, used the church’s aegis for their activities: “The ancestors of the present day church mokalakes acted with the utmost wisdom, promising to provide some service to the Church annually, services of little value, for instance, in the size of a palm and a few pounds of wax candle from one family, so that they could make use of the most important advantages, particularly, not to pay taxes, to tax farmers for all the food and goods they import from and export to Tiflis and not to pay taxes to the King” [16, p. 102]. For comparison, in the Russian empire these monastic serfs had a rather privileged and profitable status; for example, by becoming a monastic serf, people avoided heavy state taxes and duties (тягло – cess), received a certain amount of money from the church to create an economy or to make it prosper [18, p. 141-143]. Similarly, craftsmen were a significant number among the serfs of the Russian Church. For instance, the Yaroslavl Spassky Monastery had 27 serf houses, where there were 27 monastic craftsmen. Their products were used not only for the needs of the church, but also for sale [18, p. 148].

The serfs of the Georgian church were not homogeneous in ethnicity, that is, Georgians as well as Jews, Caucasian Tatars, and Armenians could be serfs. Thus, according to a list of serfs belonging to the monastery of 1797, the Alaverdi monastery

had 68 Tatar serf families² in Mughanlu village [17, p. 20]. In addition, some of the Tatar inhabitants were the serfs of the Catholicos [17, p. 20]. Svetitskhoveli church in Mtskheta owned Jewish serf families who were dedicated to the church with the edict of Catholicos Domentius [20, p. 198]. Armenian merchants belonged to Sioni Church in Tiflis, who dedicated themselves to the church and voluntarily became church serfs in 1619 [12, p. 158]. Another document of 1705 provides important information about the Armenian serfs of the Georgian Church, according to which, Catholicos Domentius IV bought a certain Margar in Tsintskaro and resettled him in Tiflis, the craftsmen sons of whom – carpenter Georgi, the blacksmith Avetis, carpenter Hovsep and furrier Aslamaz, – were the serfs of the Catholicosate as well. Moreover, the sons of Margar were exempted from taxes from the church, providing that the church would not pay them for their work and the latter would be obliged to give a candle or other income to the church. Additionally, if the latter ceased crafting, they would lose their right to tax exemption [13, p. 642-644; 21, p. 156-168].

Another edict listing all the estates and property belonging to Mtskheta can give the idea of the monastery merchants belonging to Catholicosate in the XVI c. This edict has a controversial dating. It is dated 1397/1398, and is considered to have been given by King Alexander of Imereti³ to Catholicos Domentius. According to this edict, 27 houses of Armenian and Jewish merchants in total belonged to the Catholicosate [22, p. 368; 15, p. 1].

It is interesting to note that in Eastern Georgia the Armenian Church was also an owner of serfs, in this case – particularly serf merchants and shops, whereas in Armenia itself, the serfdom almost did not exist in its classical sense, and the Armenian Church did not act as a serf owner in Armenia. From the work “Jambr” of Catholicos Simeon Yerevantsi we learn that the Catholicosate of Etchmiadzin had serfs in Tiflis, most of whom were merchants and craftsmen. Besides, Etchmiadzin owned 8 shops here, in Tiflis [24, p. 207-208]. In “Jambr” 3 of the 23 Tiflis serfs of Etchmiadzin were merchants: 2 *bazazs* (drapers – traders of linen and cloth) and 1 *bakhal* (grocer), and 8 of them or their sons were craftsmen (*ghalaytchi* – tinsmiths, tinmen; *basmatchi* – masters of book printing or pattern printing on cloth; *dabagh* – tanners) [24, p. 209].

Conclusions

In Eastern Georgia during the Late Middle Ages and also in the early Modern Times, a large number of the Georgian church serfs were merchants and craftsmen.

2 The Turkic peoples in Georgia called themselves “Mussulman” or sometimes “Turk”, although they were called “Tatar” by the local Christian population [19, p. 92].

3 The fact that he was considered the king of Imereti probably originated from the fact that in the edict Alexander calls himself the king of Kartli, Kakheti, Shaki and Shirvan, as well as the king of Imereti, Guria, Samtskhe, Odishi, Svaneti. However, in 1397-1398, a king named Alexander did not rule Imereti, George VII reigned in Imereti during 1395-1405 [22, p. 45]. On the other hand, the first Catholicos of Mtskheta named Domentius is known to us from the 16th century. M. Brosset does not trust such a dating as well and considers that it was given not in 1398, but in 1498 by King Alexander I of Kakheti (1490-1511) [23, p. 680].

The privileged status of the church, the phenomenon of exempting the church from taxes and its entitlement gave the opportunity to the serfs representing the trading-craft class, to gain the influential patronage of the church and have a privileged status by avoiding many taxes, often avoiding the very commercial taxes, such as tamgha⁴, by means of providing certain services or giving the goods demanded by the church in the form of a “tax”, and accordingly to have the opportunity to act more freely. The ranks of the church serfs from the representatives of this class were supplemented in two ways – either the merchants and craftsmen could dedicate themselves to the church, to the servitude, and become subordinate to the church, or the church itself could buy serfs in the face of merchants and craftsmen. These serfs of the Georgian Church (merchants and craftsmen) were multi-ethnic: apart from Georgians, there were also Armenians and Jews. The Armenian Church also acted as a serf holder in Eastern Georgia. In the 17-18th centuries, the Catholicosate of Etchmiadzin in Tiflis was a serf holder, whose serfs were exclusively Armenians and more than half of the serfs belonged to the trading-craft class.

Acknowledgments. This work was supported by the RA Science Committee, within the frames of the research project No. 20TTSH-046 (“The South Caucasus on the International transit trade routes in the XI-XVIII centuries”).

REFERENCES

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bagaturov S. *Personal and land rights in ancient Georgia [Lichnye i pozemel'nye prava v drevnej Gruzii]*. Volume 1. Tiflis, 1886.
2. Nakashidze N. *Georgian-Russian political relations in the first half of the 17th century [Gruzino-russkie politicheskie otnoshenija v pervoj polovine XVII veka]*. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1968.
3. Vakhushti Bagrationi. *The history of the Georgian kingdom [Istorija tsarstva gruzinskogo]*. Nakashidze N. (transl.). Tbilisi, 1976.
4. Magradze E. *The Wail and Life of David Gouramishvili [Stenanie ili zhizn' Davida Guramishvili]*. Tbilisi: Merani, 1980.
5. *The Paris Chronicle (Georgian Chronicle of the 18th century) [Parizhskay hronika (Gruzinskay Hronika XVIII veka)]*. Alasania G. (transl.). Tbilisi, 1991.
6. *Tbilisi Collection of Persian Firmans [Tbilisskay kollekcia persidskih firmanov]*. Todia M. (ed.). Volume I. Kutaisi, 1995.
1. Багатуров С.И. Личные и поземельные права в древней Грузии. Вып. 1. Тифлис: тип. И. Мартиросианца, 1886. - 20.
2. Накашидзе Н.Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1968. - 289 с.
3. Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Пер., снабдил предисл., словарями и указ. Н.Т. Накашидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. - 339 с.
4. Маградзе Э.С. Стенание, или Жизнь Давида Гурамишвили / Пер. с груз. А. Беставашвили. Тбилиси: Мерани, 1980. 240 с.
5. Парижская хроника. Памятники грузинской исторической литературы IX. Пер., исслед., примеч. и указатели Г. Аласаниа. Тбилиси. Мецниереба 1991. - 128 с.
6. Тбилисская коллекция персидских фирманов / Под ред. М. Тодуа. Т. 1. Кутаиси, 1995. - 1127 с.

4 In Iran, Armenia and Georgia since the 13th century one of the major taxes on the trade was called the tamgha, a toll on commercial goods, as well as a license for commercial acts. The collector of the tamgha was called tamghachi, for he put a tamgha (seal) on goods for sale [25, p. 114; 26, p. 97]

7. Margaryan G. *Church-state relationship in Eastern Georgia (XVI-XVIII centuries)*. Kantegh, Volume 2-3. Yerevan, 2014, p. 181-196. (in Armenian).
8. *Collection of Laws of the Georgian King Vakhtang VI [Sbornik zakonov gruzinskogo carya Vahtanga VI]. D. Bakradze (ed.)*. Tbilisi, 1887.
9. Bregvadze A. *Glorious page in history: Voluntary annexation of Georgia to Russia and its socio-economic implications [Slavnaya stranica istorii: Dobrovolnoe prisoedinenie Gruzii k Rossii i ego socialno-ekonomicheskie posledstviya]*. Moscow: Mysl, 1983.
10. Kalantarov G. *Serfdom in Georgia at the Beginning of the Present Century, Compendium of Materials on the Caucasus [Krepostnoe pravo v Gruzii v nachale nastoyashego stoletiya, Sbornik svedenij o Kavkaze]*. Volume II. Tbilisi, 1877.
11. *Complete Collection of the Laws of the Russian Empire since 1649 [Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda]*. Volume XVI. Saint-Petersburg, 1830.
12. Meskhia Sh. *Cities and Urban Order in Feudal Georgia in the 17th and 18th Centuries [Goroda i gorodskoj stroj feodalnoj Gruzii 17-18 vv.]*. Tbilisi: TSU, 1959.
13. *Monuments of Georgian Law [K'art'uli samart'lis dzeglebi]. I. Dolidze (transl., comm.)*. Volume III. Tbilisi: Mec'niereba, 1970. (in Georgian).
14. Aslamazišvili L. *Socio-economic development of Georgia in XV-XVIII centuries: according to the documents of the Central State Historical Archive [Sak'art'velos soc'ial-ur-ekonomikuri ganvit'areba XV-XVIII ss.-ši, c'entraluri saxelmcip'o saistorio ark'ivši dac'uli dokumentebis mixedvit']*. Tbilisi: Universali, 2005. (in Georgian).
15. Berzhe A. (ed.). *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission [Akty sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoi-kommissyeu]*. Volume 1. Tiflis, 1866.
16. Zubov P. *Six Letters about Georgia and the Caucasus [Shest pisem o Gruzii i Kavkaze]*. Moscow: Lazarev Institute of Oriental Languages, 1834.
17. Purceladze D. *Georgian Church Gurjars (Decrees) [Gruzinskie cerkovnye gudzhary (gramoty)]*. Tbilisi, 1881.
7. Маргарян Г. Церковно-государственные отношения в Восточной Грузии (XVI-XVIII вв.). Кантех, Том 2-3. Ереван, 2014, с. 181-196. (на арм. яз.).
8. Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI" / Под ред. Д. З. Бакрадзе. Тифлис, 1887.
9. Брегвадзе А.И. Славная страница истории: Добр. присоединение Грузии к России и его соц.-экон. последствия. М.: Мысль, 1983. - 174 с.
10. Калантаров Г.А. Крепостное право в Грузии в начале настоящего столетия Тифлис, ценз. 1877.
11. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 16. Санкт-Петербург, 1830-1851 (тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии).
12. Месхиа Ш.А. Города и городской строй феодальной Грузии 17-18 вв. Тбилиси, 1959.
13. Памятники грузинского права. И. Долидзе (пер., комм.). Том III. Тбилиси: Мецниереба, 1970. (на груз. яз.).
14. Асламазишвили Л. Социально-экономическое развитие Грузии в XV-XVIII вв.: по документам Центрального государственного исторического архива Тбилиси: Универсали, 2005. (на груз. яз.).
15. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 1. Тифлис, 1866.
16. Зубов П.П. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году Платоном Зубовым. - Москва : тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1834. - 107 с.
17. Пурцеладзе Д.П. Грузинские церковные гуджари (грамоты) : Материалы для 5 Археол. съезда) / Сост. Д.П. Пурцеладзе. - Тифлис: тип. Гл. упр. наместника кавк., 1881.
18. Смолич И.К. Русское монашество, 988-1917: [Возникновение, развитие и сущность]; Жизнь и учение старцев : [Путь к совершенной жизни] : Прил. к "Истории Рус. Церкви": [Пер. с нем.]. - М.: Церков.-науч. центр "Православ. энцикл.", 1997. - 606 с.
19. Gachechiladze R. *The New Georgia: Space, Society, Politics*, Routledge, London and New York, 1995, 238 pages.
20. Лернер К.Б. Евреи Грузии от эллинизма до позднего феодализма: II в. до н. э.-XIX в. н. э. Иерусалим, 2008. - 300 с.
21. Мартиросян В. Грузинские правовые

18. Smolich I. *Russian monkhood 988-1917* [*Russkoe monašestvo 988-1917*]. Moscow, 1997, 608 p.
19. Gachechiladze R. *The New Georgia: Space, Society, Politics*. Routledge, London and New York, 1995, 238 pages.
20. Lerner K. *Jews of Georgia since Hellenistic times till the late feudal period* [*Evrei Gruzii ot ellinizma do pozdnego feodalizma*]. Ierusalim, 2008, 300 pages.
21. Martirossian V. *Georgian legal monuments on Armenians of Georgia* [*Vrac iravownqi howshard'annery' virahayowt'yan masin*]. *Herald of the Social Sciences*, Yerevan. 1991, 5: 156-168. (in Armenian).
22. Natroev A. *Mtskheta and its Sveti Tskhoveli Cathedral (historical and archaeological description)* [*Mtskheta i ego sobor Sveti-Choveli (istoriko-arheologicheskoe opisanie)*]. Tbilisi, 1901.
23. M. Brosset. *Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX^e siècle*, I partie. Saint Petersburg, 1849. (in French).
24. Sime'o'n Erewanci, Jamb'r' (Archival Chamber), Valarshapat, 1873. (in Armenian).
25. Dashdondog B. *The Mongols and the Armenians (1220-1335)*. Brill, Leiden-Boston, 2010.
26. Kolbas J. *The Mongols in Iran (Chingiz Khan to Uljaytu 1220-1309)*. Routledge, London and New York, 2005.
- памятники об армянах Грузии // Вестник общественных наук. Ереван. 1991. Вып. 5. С. 156-168. (на арм. яз.).
22. Натроев А.И. Мцхет и его собор Свети-Цховели: Историко-археол. описание: [(К столетию присоединения Грузии к России)] / [Соч.] А. Натроева. Тифлис: Ком. по реставрации Мцхетск. собора, 1900. - 504 с.
23. М. Броссет. История Грузии с древнейших времен до XIX века, часть I. Санкт-Петербург, 1849. (на фран. яз.)
24. Симеон Эреванци, Джамбр' (Архивная палата), Валаршапат, 1873. (на арм. яз.).
25. Dashdondog B. *The Mongols and the Armenians (1220-1335)*. Brill, Leiden-Boston, 2010.
26. Kolbas J. *The Mongols in Iran (Chingiz Khan to Uljaytu 1220-1309)*. Routledge, London and New York, 2005.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182284-305>



Магомедов Амирбек Джалилович

д.и.н., главный научный сотрудник

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

amirbek.49@mail.ru

Омаркадиева Мадина Абдурашидовна

д.филос. по архитектуре, и.о. доцента кафедры

Азербайджанский архитектурно-строительный университет, Баку, Азербайджан

amirbek.49@mail.ru

ТРАДИЦИОННОЕ РЕМЕСЛО ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ С РЕГИОНАМИ РОССИИ, СТРАНАМИ ЗАКАВКАЗЬЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Цель исследования — изучение феномена формирования и массового развития художественных ремесленных производств в Дагестане за последнее тысячелетие. Развитие традиционных ремесел и промыслов Дагестана раскрывается через историю их формирования, контакты Дагестана с культурами Закавказья, Ирана, Ближнего Востока и России. Ведущими при исследовании проблемы стали комплексный подход, соединяющий историко-культурный, историко-сравнительный и художественно-описательный методы, позволяющие всесторонне рассмотреть культурные влияния соседних (Закавказье, Россия) и ближневосточных стран на развитие в Дагестане художественных ремесел в течение последнего тысячелетия. В статье показано, что распространение ислама, тесные контакты Дагестана с народами Закавказья, Ближнего Востока, присоединение Дагестана к России, инокультурные влияния советского времени создали важные предпосылки для развития в Дагестане профессиональных и народных художественных промыслов и ремесел. При этом мастера Дагестана не только заимствовали, но и перерабатывали многие инокультурные, иноэтнические традиции, создавая здесь новые художественные формы и явления, нередко мирового и регионального уровня. Историческое развитие Дагестана, связанное с распространением ислама, влиянием закавказских, иранских, ближневосточных, русско-европейских, советских традиций художественной культуры, способствовало формированию в Дагестане традиций культовой архитектуры, обычной, поливной и расписной керамики, ковроткачества, оружейного, ювелирного, медницкого дела, декоративной резьбы по камню и по дереву, вышивки золотой и шелковой нитью и др. Материалы статьи представляют научную ценность для ученых-историков культуры, искусства, этнографов, практиков декоративно-прикладного и изобразительного искусства, для специалистов, занятых образовательной практикой в школах и вузах.

Ключевые слова: история Дагестана; художественные промыслы и ремесла; монументально-декоративное искусство; инокультурные влияния; российская художественная культура XIX–XX вв.

© Магомедов А.Д., Омаркадиева М.А., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182284-305>



Amirbek D. Magomedov
Dr. Sci. (History), Principal Researcher
Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
amirbek.49@mail.ru

Madina A. Omarkadieva
PhD (Architecture), Acting Associate Prof.
Azerbaijan University of Architecture and Construction, Baku, Azerbaijan
amirbek.49@mail.ru

TRADITIONAL CRAFTS OF DAGESTAN IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS WITH THE REGIONS OF RUSSIA AND THE COUNTRIES OF TRANSCAUCASIA AND THE MIDDLE EAST

Abstract. The present study examines the formation and mass development of artistic crafts in Dagestan for the past millennium. The evolution of traditional arts and crafts of Dagestan can be seen through the history of their formation, contacts of the inhabitants with foreign cultures. The leading approach in the study of the problem that combines historical-cultural, historical-comparative and artistic-descriptive methods, which allow for a comprehensive consideration of the cultural influences of neighboring (Transcaucasia, Russia) and the Middle Eastern countries on the development of arts and crafts in Dagestan over the past millennium. The article shows that the spread of Islam, close contacts of Dagestan with the peoples of Transcaucasia, Iran, the Middle East, the accession of Dagestan to Russia, foreign cultural influences of the Soviet era provided prerequisites for the development of professional and folk arts and crafts in Dagestan. At the same time, the craftsmen of Dagestan not only borrowed, but also redesigned many other cultural and ethnic traditions, creating new artistic forms and phenomena, often of a world and regional level. The historical development of Dagestan, associated with the spread of Islam, the influence of the Transcaucasian, Iranian, Middle Eastern, Russian-European, Soviet traditions of artistic culture, contributed to the formation in Dagestan of the traditions of religious architecture, ordinary, glazed and painted ceramics, carpet weaving, weapons, jewelry, coppersmithing, decorative stone and wood carvings, embroidery with gold and silk thread, etc. The provided material is of great scientific value for historians of culture and art, ethnographers, practitioners of arts and crafts and fine arts, for specialists engaged in educational practice in schools and universities.

Keywords: history of Dagestan; arts and crafts; monumental-decorative art; foreign cultural influence; Russian fine arts of 19-20 c.

Введение

Дагестан – один из регионов России, мира, где народные и профессиональные формы художественно-ремесленного производства получили широкое развитие. В их числе изготовление защитных доспехов с элементами кузнечно-го декора, оружейное дело («холодные» и огнестрельные виды), ювелирное искусство (с использованием известных и малоизвестных декоративных техник и особенно редкой на сегодня черни), медночеканное дело и ковка, медное (бронзовое) литье, декоративная и скульптурная резьба по дереву, декоративная и скульптурная резьба по камню, гончарное дело, ковроткачество и ковроделие, вышивание с использованием золотой и шелковой нити, художественное вязание, архитектура и монументально-декоративное искусство. Если говорить об ассортименте изделий, то это – архитектурные детали для культовых и общественных сооружений, жилья, массовое и парадное оружие, бытовая утварь из разных материалов, предметы, связанные с исламским культом (надмогильные камни), украшения костюма, ковры, праздничные наряды, бытовые мелочи, «сувениры».

Развитые традиции художественного ремесла определили самобытное место Дагестана в мозаике культур народов Российской империи начала XX в. Особый расцвет традиций художественного ремесла падает на вторую половину XIX – нач. XX в., когда с окончательным присоединением Дагестана к России были созданы объективные предпосылки для экономического и культурного подъема края, формирования здесь новых художественных промыслов и ремесел. Вместе с тем, многие ремесла Дагестана, известные в XIX в., возникли в более ранний период (в VIII–XVIII вв.) под влиянием хозяйственных и культурных контактов со странами Закавказья, Ближнего и Среднего Востока¹.

Формирование феномена ремесленного Дагестана на сегодня еще до конца не разгадано и не изучено. Это нетрудно понять, полистав и первый том двухтомной «Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т.1. История Дагестана с древнейших времен до XX в» (М.: Наука, 2004), его разделы о развитии хозяйства. Авторы тома пишут о том, что не располагают «прямыми данными» о развитии ремесел и промыслов (см. параграф о развитии хозяйства в XIII –XV вв.), но вместе с тем считают возможным делать выводы «с учетом последующего развития отрасли, а также этнографических данных» [1, с. 237]. Методическая верность таких подходов у нас вызывает сомнения. Иногда за сто лет ремесленная традиция в том или ином центре могла кардинально измениться. Хотя надо признать и то, что ремесленные традиции, как показывает исторический опыт, часто «оживали» через много лет, трансформируясь в новые или похожие на них формы культуры.

1 Страны, которые входят в регион «Закавказье» – это Азербайджан, Армения, Грузия, в регион «Ближний Восток» - Сирия, Ирак, Турция и др.

Авторы названного обобщающего исследования в выводах, сделанных на основе указанных допущений, отмечают, что в Дагестане еще в XI в. были «крупные центры ремесла», что уже в то время происходила «производственная специализация» ремесел и т.д. [2, с. 208, 333]. Такие «дежурные» выражения можно встретить и в других публикациях, касающихся истории хозяйства VIII–XVIII вв.

Ключевым методом нашего исследования является комплексный подход, соединяющий ряд научных приёмов. Наибольшей ценностью обладают три метода: историко-культурный историко-сравнительный и художественно-описательный. Сущность первых методов сводится к учёту историко-культурного контекста, поскольку ни одно явление не существует без связи с прошлыми традициями и более поздними реалиями, возникшими на их базе. Использование этого метода позволяет увидеть то или иное явление в динамике внутренней эволюции и историко-культурных контактов. Традиционная культура, художественные промыслы и ремесла, народная архитектура и монументально-декоративное искусство – это часть культуры общества, её подсистема.

Историко-сравнительный метод основан на анализе историко-искусствоведческих объектов (изобразительных, декоративно-стилистических, технологических их составляющих) в их хронологическом срезе. Он включает также знание базы артефактов, накопленных в науке и отражающих особенности традиций. Вместе с тем смысл этого метода не сводится к перечислению этих явлений. Напротив, он подразумевает разбор закономерностей, приводящих к появлению тех или иных артефактов, начиная с явного или скрытого запроса общественной потребности на них и заканчивая изучением стилистики вещей, индивидуальных манер работы мастеров прикладного и декоративного искусства в той или иной области художественных промыслов и ремесел.

Работ на данную тему немного; а то, что есть, как правило, ограничивается изучением локальных (узкорегionalных, отраслевых или характерных только для отдельных сел) аспектов, связанных с традиционными промыслами и ремеслами Дагестана. Наиболее интересны наблюдения известного искусствоведа П.М. Дебирова. По его словам, «торговля и культурные связи с соседними странами и народами обогатили местные художественные формы, орнаментальное искусство, навыки и технику резьбы» [3, с. 16].

Результаты

Художественно-ремесленные традиции Дагестана стали формироваться издавна. Об этом свидетельствуют археологические и письменные материалы. Однако формирование многих известных по этнографическим материалам ремесел и промыслов (художественного и нехудожественного профиля), обслуживающих не только этническую округу того или иного центра, но и более широкий многоэтничный по составу населения ареал, думается, надо относить

к эпохе Средневековья (примерно с X века и несколько более раннего времени). Развитие рыночных связей между разными этническими регионами неизбежно приводило к формированию развитых ремесел и промыслов. Поэтому историки культуры сегодня склонны изучать хорошо известные традиции дагестанских художественных промыслов и ремесел не только как локально-этнические, но и как регионального, общедагестанского масштаба явления.

Исследования показывают, что в той же Европе по мере складывания городов в них перемещались многие сложные ремесла: ювелирное и монетное дело, точная металлообработка, оружейное дело, изготовление военного снаряжения и даже ткачество [4, с. 78]. В отличие от Европы на Востоке и после формирования городов в сельской среде устойчиво держались традиции сложных видов ремесла. Кроме того, если в Европе ремесленная традиция еще в Средневековье все более и более начинает тяготеть к профессиональным («ученым») формам искусства и производства, то на Востоке оно все более приобретает черты народных форм, в которых особое место занимает непрерывно бытующая историческая традиция.

К ним можно отнести традиции горской архитектуры и монументально-декоративного искусства, мастерства декоративной резьбы по камню, по дереву, формирования штукатурных рельефов, орнаментальное искусство арабескового типа, оружейное дело, обработка меди, поливная керамика, ювелирное дело.

А.С. Башкиров в 30-е гг. XX в. впервые начал рассматривать явления прикладного искусства средневекового Дагестана в неразрывной связи с искусством других народов [5, с. 10]. Позже многие исследователи более конкретно стали прослеживать связи традиций художественного ремесла народов Дагестана с искусством стран Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, России. В их числе кроме названного А.С. Башкирова, были Н.Б. Бакланов, П.М. Дебиров, А.Р. Шихсаидов, С.О. Хан-Магомедов, М.М. Маммаев, А.А. Иванов, З.В. Доде, Э.Г. Аствацатурян, А.Дж. Магомедов.

Ремесла арабо-мусульманского, ирано-мусульманского Средневековья (Азербайджан, Иран, Ирак, Сирия, Турция и др.) составляли, как пишут исследователи, «существенную – и по объему, и по социальной и эстетической роли – область художественной культуры» своего времени [5, с. 277]. Проникновение многих ремесленных традиций мусульманского Востока началось в период утверждения в Дагестане ислама. Резьба по камню, по дереву, штук, орнаментальное искусство, оружейное (огнестрельное оружие) дело,ковка и чеканка по меди, поливная керамика, вышивка шелком и золотыми нитями в Дагестане в этот период во многом были связаны с традициями сопредельных стран. Этот процесс растянулся на тысячелетие (VIII–XVIII вв.). Истоки традиций художественного ремесла Дагестана XIX в. связаны и с древним периодом. Однако наиболее ярко эта связь прослеживается с традициями Средневековья. Поэтому, учитывая цели статьи, мы ограничиваемся этим периодом. В частности, в этом плане интересна история средневекового резного камня конца XIII – начала XV вв. села Кубачи (Зирихгеран). Как пишет исследователь З.В. Доде,

«...Следует согласиться, что в культурном плане Зирихгеран был открыт культурным влияниям извне. Речь идет о монгольской имперской культуре, перед которой не смогли устоять ни Иран, ни Китай. Полагать, что школы мастеров Зирихгерана остались в стороне от этого евразийского явления, означает недооценивать их творческий потенциал». Рассмотрение изображений и сюжетов кубачинского резного камня в культурно-политическом контексте Монгольской империи позволило раскрыть семантику сюжетов, которая в других контекстах выглядит не столь убедительно..., (они) отражают не региональный, а имперский масштаб исторической ситуации, в который был вовлечен средневековый Зирихгеран-Кубачи» [7, с. 85, 184; 8, с. 115].

История художественного ремесла Дагестана – это периоды ярких «вспышек» отдельных традиций и столетия некоторого «застоя», даже угасания художественных достижений во многих видах ремесла. Так, например, многими исследователями отмечается пагубное влияние на развитие экономики и культуры Дагестана арабо-хазарских войн, нашествия татаро-монголов, Тимура, Надир-шаха, эпидемий и стихийных бедствий. В то же время в условиях средневековой экономической «стабильности», преобладания натуральных форм хозяйства непосредственные потери от войн, эпидемий часто были менее значительными по сравнению с прекращением торгово-экономических и культурных контактов в результате противостояния средневековых государств и империй.

В этой связи интересны наблюдения азербайджанского исследователя М.Х. Гейдарова о том, что с конца XVII в. начинается упадок в городской жизни Азербайджана. Упадок объясняется развитием капиталистической мануфактуры в странах Западной Европы и уменьшением значения сухопутной транзитной торговли вдоль западного побережья Каспия. Капиталистическая Европа, освоив технологии производства восточных художественных тканей, керамических изделий, сама начинает торговать ими. В итоге в том же Азербайджане сокращается производство ряда тканей и других товаров, ранее составлявших экспорт. Европейские изделия были лучше и дешевле. Происходит «натурализация ремесленного производства» [9, с. 98]. Такие изменения не могли не влиять и на развитие художественных ремесел в Дагестане. С упадком ремесла в азербайджанских городах падает, например, значение такого известного дагестанского ремесленного и торгового центра, как Дербент. Одновременно ослабевает процесс проникновения в Дагестан традиций художественного ремесла Востока.

Недоучет таких факторов приводит к разбросу мнений и по вопросу периодизации истории художественного ремесла в средневековый период. Так в «Истории народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII в.)» история культуры [10] рассматривается в рамках таких хронологических этапов: X–XII вв., XIII–XV вв., XV–XVIII вв. Периодизация истории культуры, на наш взгляд, в целом совпадает с периодизацией истории художественного ремесла.

При рассмотрении традиций художественного ремесла исследователь П.М. Дебиров выделял VII–XIV вв. и XV–XVIII вв. (резьба по камню) [4, с. 6], XI–XV и XVI–XVIII вв. (резьба по дереву) [11, с. 238]. В самостоятельный период выделяет X–XVI вв. М.М. Маммаев, касаясь истории развития декоративно-прикладного искусства в целом [12]. Нет единства в периодизации истории культуры и в различных изданиях сводного характера по истории Дагестана [13; 14]. При этом аргументы в пользу выделения тех или иных этапов истории культуры или истории художественного ремесла, к сожалению, в исследованиях приводятся редко.

Не претендуя на решение этой сложной проблемы в целом, отметим лишь некоторые моменты. Известно, что за основу периодизации необходимо брать узловые и масштабные явления той или иной сферы жизни. Так, если рассматривать историю художественного ремесла Дагестана, то таковыми могут быть высокохудожественные памятники резьбы по штуку, камню, изделия бронзового литья, поливной керамики, традиции эпиграфического искусства. Многие датированные изделия этих видов ремесла, отличающиеся ярко выраженными художественно-стилистическими признаками, укладываются в хронологические рамки XI–XV вв. и потому могут характеризовать один из средневековых этапов развития ремесла и прикладного искусства. XVI–XVIII вв. в этом плане до сегодняшнего дня остаются малоизученными. Но и здесь XVII в. может считаться этапным, т.к. в этот период заметен рост торговли и культурных связей с Россией, Северным Кавказом.

Обращает внимание и то, что XVI–XVII вв. выделяются некоторым «затишьем» творческих поисков в художественном ремесле. На это обращают внимание и исследователи. Как свидетельствовал А.А. Иванов, именно в эти века «наступает пока не ясный период в истории искусства Кубачи, поскольку мы не имеем какого-либо последовательного ряда памятников XVI–XVIII веков». Одновременно «замирает изобразительная традиция», о причинах которой «трудно судить с достаточной уверенностью» [15, с. 183]. Такая же ситуация и в эпиграфическом искусстве. «Как правило, – писал А.Р. Шихсаидов, – в районе отдельно взятого аула памятники XII–XV вв. (речь о надмогильных памятниках – М.А.) сохранились в значительно большей степени, чем за последующие два века». Исключение, по его словам, представляют лакские села Кумух и Хури [16, с. 6].

К XVI в. приходят в упадок яркие традиции поливной керамики Дербента [16]. Меняется характер и неполивной керамики того же центра. Орнаментация на столовой неполивной керамике из культурных слоев послемонгольского Дербента почти полностью отсутствует, в то время как неполивные кувшины домонгольского времени покрывались самым разнообразным орнаментом. Заметна также унификация форм изделий, исчезновение ряда видов сосудов, бытовавших ранее. Таким образом, в XVI в. и в производстве неполивной посуды Дербента наблюдается явный спад [17, с. 119; 18, с. 126, 140].

После нашествий Тимура (конец XIV в.) исчезли многие центры керамического производства на севере Дагестана [19, с. 143].

В XVI–XVII вв. ослабевают культурные контакты Аварии с Грузией. Ранее, когда Грузинское царство достигло высокого уровня культурного, политического и экономического развития, эти контакты были значительными.

Объяснение упадка художественного ремесла в XVI–XVII вв. может быть найдено в особенностях истории искусства, развитие которого часто обуславливается закономерностями становления, развития и упадка отдельных художественных школ. Как указывали историки искусства Т.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель, «пути искусства идут порой вне прямой связи с политическими ситуациями» [20, с. 207]. То же можно сказать, касаясь связи закономерностей истории художественной культуры и экономики.

При изучении этой проблемы необходимо обратить внимание и на то, что в XVI–XVII вв. произошла натурализация хозяйства горной зоны Дагестана, возросла замкнутость сельских общин и целых микрорегионов. Более того, в этот период усиливаются набеги дагестанских владетелей на соседние регионы. Косвенным результатом этих процессов было расстройство торговых контактов мирного населения, рост риска торговых операций [21, с. 148, 149; 22, с. 167]. Все это не могло не отражаться на уровне культурного развития Дагестана. Центробежные процессы общественного развития, характерные для XVI–XVII вв., все более изолировали край от процессов интеграции хозяйственной и культурной жизни, характерных для многих регионов этого периода.

При объяснении причин упадка в развитии художественного ремесла в XVI–XVII вв. несколько иначе надо оценивать и процессы культурного развития, связанные с распространением ислама и его культуры. В этот период завершается процесс исламизации Дагестана. При этом внимание населения усиливается на идеологической стороне общественной и частной жизни. Отсюда легко объясняются многие тенденции в развитии художественного ремесла. Так, забывается изобразительная традиция прикладного искусства². Даже яркая декоративность арабескового узора может в этот период восприниматься как нарушение канонов ислама. Примат ценностей религиозного характера стал закономерностью в развитии культуры Дагестана в XVI–XVII вв. В итоге развитые до этого виды прикладного искусства уходят на второй план общественного сознания. Даже расцвет «шамхальского» орнаментального стиля [5, с. 50, 51] в художественной резьбе надмогильных камней у лакцев, наблюдаемый в этот период, был бы невозможен, если бы не многочисленные надписи, занимающие в композициях памятников главное место [5, с. 35]. Мелкое узорочье в этих работах является всего лишь дополнением каллиграфического убранства. То же можно сказать и о графике, декоративных элементах рукописной книги этого периода.

Ярким звеном традиционной исторической культуры Дагестана была архитектура и монументально-декоративное искусство его горной зоны. По словам

2 Возможно, к этому периоду надо отнести и порчу изображений животных, людей в произведениях резьбы по камню сел. Кубачи. Хотя, по другим данным, это могло произойти в более поздний период, в первой половине XIX в.

исследователя С.Д. Сулименко, например, «башенное жилище и различные типы башенных сооружений горцев Северного Кавказа предстают одновременно и как региональные, и как общечеловечески значимые проявления народной культуры»³. Такое же значение имели и другие явления горской архитектуры.

При этом исторически горская архитектура Дагестана не была застывшим явлением. Так, круглые башни встречаются главным образом лишь в Дагестане, имевшем, как и Закавказье, контакты с передней Азией. Круглая форма башни имела преимущество перед прямоугольной. Стенобитные машины срезали квадратную башню, выбивая ее угловые камни. Кроме того круглая башня была удобнее прямоугольной и для ведения из нее кругового обстрела⁴.

В XVI–XVII вв. претерпел существенные изменения жилой дом горцев Дагестана. Отражая этапы дробления семьи, однокамерное жилище древности начинает постепенно дробиться на отдельные помещения. Во многих случаях древнее жилое помещение надстраивается точно таким же вторым помещением для отделившейся части семьи. Благодаря международным связям происходит проникновение в горы Дагестана и новых, заимствованных, приемов домостроения. Влияние новых связей сказывается на всех сторонах архитектуры, начиная с самого факта заимствования представителями элиты чужих архитектурных обычаев в устройстве жилища и заканчивая новыми типами сооружений. В убранстве новой парадной комнаты появляются пристенный очаг, полки с парадной посудой, ниши, крытые паласами и коврами нары и прочие атрибуты интерьера, свойственные народам Востока [23].

В Средневековье в Дагестане развернулось строительство культовых мусульманских сооружений – мечетей и минаретов, а также мадраса, архитектура которых была во многом заимствована из культур Ближнего Востока. Коренные изменения в народной архитектуре Дагестана происходят после Кавказской войны. Исчезают многие местные архитектурные особенности. Постепенно формируется единый тип жилища, охватывающий весь Дагестан⁵.

При изучении истории художественных промыслов и ремесел Дагестана большое значение приобретает исследование влияния профессиональной городской ремесленной традиции на формирование народных сельских традиций ремесла. В современном искусствоведении сформулированы критерии такого различия. Они позволяют глубже оценить явления художественного ремесла, уяснить различия исторических корней двух традиций. Профессиональное искусство, основанное на традициях специального образования, больших региональных художественных стилей, обслуживания элиты общества, принципиально отличается от народного, с его фольклорностью, опорой на

3 Сулименко С.Д. Архитектура в традиционной культуре горских народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 2000. 426 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/arkhitektura-v-traditsionnoi-kulture-gorskikh-narodov-severnogo-kavkaza> (дата обращения 25.08.2021)

4 Боевые и сторожевые башни Дагестана. URL: <https://avarsky.ru/blog/boevye-i-storozhevye-bashni-dagestana-nepristupnost-2-chast> (дата обращения 25.08.2021)

5 Этническая архитектура Дагестана. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://www.moidagestan.ru/news/articles/44700>

народность традиции, семейными формами передачи мастерства, ориентацией на создание вещей, необходимых для широких слоев общества и для очень конкретных, утилитарных нужд. Нередко народные мастера вдохновлялись «высоким стилем» восточных форм, технологий, по-своему переосмысливали и перерабатывали их. Со временем развитые традиции народного искусства стали привлекать внимание и элиты общества. В этом заключалась диалектика истории искусства.

В истории дагестанского художественного ремесла Средневековья многие явления действительно связаны с искусством профессиональных городских ремесленников. В VIII–X вв. во многих центрах Дагестана появляются не характерные для традиций его предшествующего периода произведения ремесла, художественные стили. Последние легко сравнимы с искусством Закавказья, Ирана, Средней Азии этого же времени. Так, в VIII в. начинают формироваться традиции поливной керамики в Дербенте, профессиональный характер которых не вызывает сомнений у исследователей [24]. Дело в том, что с самого начала появления здесь этих традиций они обнаруживают тесную связь с аналогичными традициями городских центров раннесредневековой эпохи арабского Востока.

Период X–XV вв. характеризуется исследователями как время активного проникновения в Дагестан ремесленной культуры Ближнего Востока и Средней Азии [16, с. 314], а также Закавказья (Азербайджан, Грузия). Арабоязычная письменность, традиции орнаментальной культуры и культового строительства, многие технологии и формы изделий художественных ремесел, так или иначе, связаны с этими регионами. Проникновению этих традиций во многом способствовали профессиональные школы ремесленников. Еще А.С. Башкиров писал о том, что высокоразвитое камнерезное искусство Дагестана, характерное для его южной части (Кубачи и др.), не является сугубо народным [11, с. 11]. Позднейшие материалы и исследования способствовали уточнению его датировок, но не самой идеи. Действительно, кубачинский резной камень XIV в. – первой половины XV в. выделяется яркостью, разработанностью композиций, декора и даже форм, отсутствием ранних эволюционных звеньев [25, с. 172]⁶. Поэтому несомненна связь этой традиции с искусством профессиональных мастеров, находившихся под влиянием городского средневекового искусства.

Под влиянием профессиональных ремесленных традиций Закавказья и Ближнего Востока в Позднем Средневековье в Дагестане развиваются и многие декоративные технологии ювелирного дела (насечка, чернь, гравировка, вышивка и др.). В частности, в том же сел. Кубачи получают развитие разнообразные виды черни и гравировки. У историков искусства нет еще прямых фактов, тем не менее Е.М. Шиллинг правильно подметил, что «все многочисленные виды техники кубачинского гравировщика представляют собой до

6 А.А. Иванов пишет, что эволюционный ряд в пределах того же периода надо определять «по характеру заполнения фона надписей растительным орнаментом: на ранних плитах его меньше». Но его мнение не подкрепляется датированным материалом.

такой степени сложный комплекс, так срослись, сплелись в одно стройное и органическое целое, что в самом этом факте нельзя не усмотреть, так сказать, монолитности данного элемента культуры. Другими словами, я полагаю, что тут нельзя считать одни приемы заимствованными, другие местными, одни более старыми, другие более новыми ... Все эти признаки в одинаковой мере приложимы и неприменимы к кубачинской гравировке в силу того, что круг аналогичных очагов мастерства когда-то был неизмеримо шире; в силу того, что очаги эти никогда нельзя было рассматривать изолированно одни от других, все они брали и давали, и каждый из них жил и перерабатывал; в силу того, наконец, что описанные нами выше работы не могли создаваться на коротком промежутке времени, – все они стары, но они же и молоды, так как не застыли, не окаменели, а неуклонно из поколения в поколение видоизменяются, – видоизменяются и на наших глазах» [26].

«Изделиями мастеров профессиональных школ всегда были, – писал искусствовед П.М. Дебиров, – столбы дагестанских мечетей». Да и «декор архитектурных форм культовых сооружений мастера вначале вырабатывали на основе образцов, заимствованных из более совершенного искусства» [11, с. 75]. По наблюдениям того же исследователя, деревянные столбы мечетей Центрального и Южного Дагестана, деревянные двери мечети в известном дагестанском селе Калакорейш, мечетей в селениях Тамма и Тпиг, датируемые XI–XV вв., надо также относить в разряд произведений профессионального искусства, испытавшего «значительное влияние современного ему городского искусства». Традиции последнего «весьма заметны в относящихся к XI–XIII вв. дагестанских памятниках монументально-декоративного искусства, резьбы по штукатурке, камню и дереву» [11, с. 41, 42]. Поэтому не случайна и закономерность, что основные дагестанские памятники с растительным типом орнамента относятся «к зрелому Средневековью». Они, по словам П.М. Дебирова, «легко сравнимы с аналогичными памятниками искусства народов сопредельных с территорией Дагестана и с памятниками Средней и Передней Азии» [27, с. 35].

Тесная связь с профессиональными школами Средневековья выявляется и при изучении традиций художественного металла. Сохранились изделия бронзолитейного производства XII–XV вв. из сел. Кубачи. По мнению А.Р. Шихсаидова, они могут быть связаны с именем «прибывших в Дагестан из Мерва мастеров по медному литью (тюрков по этнической принадлежности)» [16, с. 404]. Об этом, на его взгляд, свидетельствует кунья «Марвази», профессиональное звание мастера «саффар» – «медник» [16, с. 432]. XI–XII вв. – период усиленного проникновения тюрков в Дербент.

К аргументам А.Р. Шихсаидова о связи этой традиции с активным проникновением тюркско-сельджукского населения в Дагестан надо добавить и то, что ряд элементов, образов декоративной резьбы по камню кубачинцев XIII–XV вв. обнаруживает прямую связь с искусством кочевников, в том числе тюрков-сельджуков, которые стали переносчиками многих сасанидских мотивов по степям Евразии. Так, например, с их помощью мотив пропущенного между

ногами хищника хвоста с пальметтой или лепестками на конце, или хищник с поднятым над спиной хвостом широко распространяется в восточном искусстве XI–XII вв. на Руси, в романском искусстве [28, с. 198]. Эти мотивы – один из характерных элементов декоративной стилизации образов хищников в художественной резьбе и бронзовом литье Кубачи XII–XV вв. Учитывая общность этих образов в бронзовом литье (более ранние) и резьбе по камню нельзя исключать то, что в Кубачи появление этих традиций связано с одной школой ремесленников-профессионалов.

Взаимосвязь профессиональной и народной традиции ремесла часто зависела от пределов сложности технологических традиций. С повышением технологичности ремесла уменьшалась вероятность заимствования его традиций. Так было в стеклоделательном производстве. Стеклоделие в средневековый период было «специфическим видом городского ремесла» [29, с. 134]. «Городским» осталось и яркое искусство резьбы по штуку XI–XII вв., от которой сохранились выразительные произведения декора [30]. Оно также не оставило следов в народной традиции⁷.

Процессы влияния прикладного искусства городских центров мусульманского Востока эпохи Средневековья были опосредованы таким известным центром ремесла и торговли, каким был Дербент. Не случайно основной круг произведений ремесла этой эпохи, известных сегодня исторической науке, выявлен в зоне, которая по свидетельству письменных источников, была тесно связана с Дербентом. Здесь же еще в X–XI вв. сформировались «профессиональные ремесленные корпорации» [31, с. 161], что свидетельствует о масштабах и характере ремесленной традиции города.

Школы профессиональных ремесленников оказали большое влияние на народное мастерство. Народные мастера перенимали опыт городских мастеров, подражали их «высокому» стилю. С другой стороны, многие из городских ремесленников оседали на постоянное жительство в местах, куда они были приглашены для работы, осваивали фольклорное мышление, характерное для народных мастеров, заимствовали образы и другие художественные решения из их творчества. Так закладывались основы высокоразвитых традиций народного прикладного искусства Дагестана.

Историческая тенденция усиления народных традиций в художественном ремесле Дагестана, ставшая особенно заметной с XVI в., ярко проявлялась в характере создаваемых изделий. Известно, что народность традиций искусства выражается в том, что ремесленники создают, как правило, изделия, доступные и необходимые для своей среды, для широких слоев общества [32, с. 224].

К сожалению, еще слишком мало датированных произведений художественного ремесла, чтобы составить полное представление об особенностях потребления таких изделий в массовой среде до XIX в. Сохранившиеся изделия раннего

⁷ «Лепной настенный рельеф», встречающийся у всех народностей нагорного Дагестана [30, с. 14], как можно судить по материалу, технике исполнения, более архаичен и ближе как вид искусства к керамическому делу с его приемами лепки из глины. Надо также отметить, что «резной штук не получил широкого развития и на Кавказе в целом» [29, с. 159].

периода единичны, их сохранность в основном обусловлена их назначением (украшение мечети, надгробная плита). Изделия ремесла, бытовавшие в массовой бытовой среде, или не сохранились, или, возможно, их место в ней было незначительно. Письменные свидетельства XVII–XVIII вв., зафиксировавшие лишь традиции сукноткачества, оружейного дела дагестанских мастеров, свидетельствуют в пользу последней версии. В тот период эстетическое пространство народного быта было еще узким.

XIX – начало XX в. стало временем особого развития народных традиций художественного ремесла Дагестана. Этот расцвет отчасти был подготовлен предшествующими столетиями. В то же время особую роль сыграли общественно-политические процессы этого времени. Они связаны с присоединением Дагестана к России, проникновением новой культуры, началом развития новых капиталистических отношений. В сфере культуры новые явления могут быть охарактеризованы как «дагестанское Возрождение XIX в.», понятием, введенным в научный оборот академиком Г.Г. Гамзатовым. Возрожденческие процессы характеризовались общей демократизацией культуры, повышенным интересом к человеку, его повседневному быту, земному бытию в целом [33, с. 187].

Главным источником творческих поисков народных мастеров XIX в. стали художественные традиции предшествующего периода. Можно сказать, что точно так же, как в литературах XIX в. происходит поворот от арабского к дагестанским языкам, так и в искусстве художественных ремесел усиливается интерес к собственным достижениям раннего периода. Это хорошо заметно на материалах резьбы по дереву, камню, бронзового литья, оружейного дела, керамики, ювелирного дела. Наиболее ярко это проявилось в орнаментальном искусстве.

В этой связи интересны наблюдения культурологов, изучающих европейское искусство XIX в. И здесь в XIX в. в сфере архитектурных искусств (зодчество, художественные ремесла, художественная промышленность) господствуют различные формы декоративного эклектизма, которые вытесняются во второй половине столетия модерном. В ярком виде этот стиль проявился в орнаменте, получившем «небывалую самооценку». Безмерное насыщение поверхности вещей и сооружений орнаментальным декором становится главным смыслом украшения. По мысли Д.В. Сарабьянова, «украшение перестает служить чему-то, что оно должно украшать, и в самом себе ищет конечную реализацию» [34, с. 132].

Сравнивая процессы, происходившие в европейском искусстве, с материалом дагестанских художественных ремесел второй половины XIX – нач. XX в., мы обнаруживаем удивительную общность многих явлений. Можно, конечно, утверждать, что в Дагестане «многоголосие» декора изделий XIX в. питается глубокой исторической традицией, а в Европе основой орнаментального искусства модерна становятся разные исторические стили. Однако существо сходства явлений от этого не уменьшается. Объяснение этому может быть найдено в типологической общности признаков, связанных с демократизацией культуры в эпоху капиталистического развития XIX в.

Демократизм народного ремесла проявился и в росте числа и разнообразия художественных форм. XIX в. дает обилие художественных решений бытовых изделий. Мерки, ступки, поставцы, ящички для соли, надгробные плиты, всевозможные украшения костюма, оружие привлекают зрителя большим числом вариантов одной и той же модели. Варьирование традиционной (канонической) формы – одна из характерных черт народного искусства.

В XIX в. растет потребление изделий художественного ремесла. Несмотря на некоторый эклектизм этих комплексов (горцы для «красоты» развешивают яркие привозные ткани, расставляют на полках фарфоровую посуду и т.д.), они развивают эстетическое чувство, формируют ценностное отношение к художественной стороне быта. Меняется интерьер и внешний вид мечетей. Интерьер их, например, становится более эстетичным, ярким, нарядным. Разбогатевшие дагестанцы дарят или завещают мечетям ковры, светильники, другое имущество, необходимое для их интерьеров. Строятся новые или реставрируются старые здания мечетей с использованием дорогостоящей кладки и декоративно отделанных вставок.

В развитии народного художественного ремесла XIX в. значительна роль нарождающейся новой элиты, которая часто выступает носителем развитых эстетических взглядов. Новая элита в отличие от старой (феодалов, верхушки и др.) ближе к народной культуре, у нее шире кругозор, богаче эстетические представления.

Многие исследователи справедливо подчеркивают, что с присоединением к России Дагестан приобрел широкий рынок для мелкотоварного ремесленного производства. Широкий выход на этот рынок стал одной из основных предпосылок бурного развития художественных ремесел во второй половине XIX в. и особенно в конце XIX – начале XX в.

При этом признаны неточными оценки о том, что в пореформенный период (1860–1890-е годы) якобы наблюдался упадок ремесленного производства на Кавказе, так как изделия народных мастеров не выдерживали конкуренции с более дешевыми фабричными товарами [35, с. 265]. Действительно, капиталистическое производство второй половины XIX в. с его фабричными технологиями и широким разделением труда во многих странах за небольшой период времени вытеснило с рынка продукцию ремесленников.

В то же время при изучении ремесел этого периода нужна конкретность анализа и учет исторических особенностей. Материал показывает, что художественно-ремесленное производство того же Дагестана в пореформенный период получило сильный импульс для развития. Так, на всем Северном Кавказе в эти годы стал расти спрос на ставшие популярными дагестанские медные, и даже кузнечные, изделия. В начале 80-х годов XIX в. дагестанские кузнецы со своими изделиями появились даже в Кабарде. Их изделия – стремяна, пряжки для стремян и подпруг, удила, уздечки – были, по наблюдениям того времени, «значительно дешевле кабардинских» [36, с. 165].

В 1880–1890-е годы широким спросом на всем Кавказе стали пользоваться дагестанские ювелирные украшения, ковры, керамика. Даже после широкого распространения в быту фабричной посуды дагестанские медники, пользуясь дешевым заводским прокатом, продолжали активно торговать своими изделиями. Рос спрос и на другие изделия художественного ремесла. При этом, как писал деятель Кавказского кустарного комитета А.С. Пиралов, с дагестанскими «коврами, паласами, сукнами, серебряными и медными предметами не могут конкурировать фабричные изделия ни по качеству, а в некоторых случаях даже по цене» [37, с. 199].

Ярким примером развития художественных промыслов Дагестана в конце XIX в. был растущий экспорт дагестанских ковров в Европу. К сожалению, нам не удалось выявить статистические сведения, которые характеризовали бы этот процесс полно. Но отмеченную тенденцию можно проиллюстрировать косвенными материалами, собранными в начале XX в. в соседнем с Дагестаном Кубинском уезде Бакинской провинции. Здесь в начале 30-х годов XIX в. ежегодно изготавливалось на продажу всего 850 ковров и 1700 паласов. В конце века из этого уезда ежегодно вывозилось около 15420 штук ковровых изделий [38, с. 4; 39]. В этой продукции значительную часть составляли работы дагестанских мастериц, которые через посредников попадали на рынок азербайджанского г. Куба.

В то же время надо отметить и неоднозначность этих процессов. Развитие капитализма в России приводило к тому, что фабричные товары все же вытесняли продукцию ряда кустарных промыслов. В этих условиях одни мастера разорялись, другим приходилось работать быстрее, изыскивать менее трудоемкие технологии и приемы. Вот почему «некоторые виды художественной продукции сменяются на менее трудоемкие, убыстряющие процесс производства изделий». Однако «было бы неверно видеть в этих процессах только упадок народного искусства. Кризис одних его видов сочетается с развитием других» [40, с. 13]. Эти наблюдения исследователей наглядно подтверждаются на дагестанском материале. Так, к примеру, в ряде художественных промыслов края, как и во многих русских, вместо пластических, трудоемких решений декора распространялись менее трудоемкие росписи (в гончарном деле Сулевкента, Джули, Балхар и др.), штриховая гравировка (в медночеканном деле аварцев, лакцев). В ювелирном деле мастера вместо сложной и дорогой насечки золотом стали чаще использовать гравировку с чернью, а вместо вставок камней-самоцветов – дешевые цветные стекла и пасты.

В художественной обработке дерева распространилась пропильная резьба с растительным орнаментом, которая легче выполнялась, чем традиционная. В камнерезном искусстве, как правило, стал использоваться только мягкий песчаник, облегчающий работу мастера. А в вышивке вместо трудоемкой технологии «вприкреп», стали активно применяться более легкие «тамбурный шов», вышивка гладью («базарная вышивка»).

На развитие ремесел в конце XIX в. влияло, прежде всего, то, что в сфере потребления художественных изделий населением городов до начала XX в.

сохраняется традиционный быт. Отсюда и устойчивый характер ориентации горожан на приобретение изделий народных мастеров, да и конкуренция им со стороны фабрично-заводской промышленности часто отсутствовала. Вот почему в 1900-е гг. даже ювелиры Житомира были заинтересованы производить так называемые «кавказские изделия»: пояса, пряжки, флаконы, ножи и др. Эти изделия украшались черневым узором, похожим на кавказский орнамент. Сбывались они на Кавказе, где торговцы выдавали их за продукцию местных мастеров. Изделия с гравировкой и чернью в характерных для кавказских мастеров традициях изготавливались и в Новочеркасске, и в Петербурге [41, с. 34, 35, 36].

Дагестанские мастера, живя годами в местах отходничества, перенимали у народов Северного Кавказа, русских мастеров С.-Петербурга новые декоративные технологии. Под влиянием северокавказских мастеров в орнаменте ювелирного искусства дагестанских ювелиров появляются новые узоры. Дагестанские мастера широко использовали декор филигрании-паутинки армянских мастеров.

В начале XX в. под влиянием российского ювелирного искусства в традиционное ювелирное дело Дагестана также проникают некоторые промышленные технологии. Так, в первой половине XIX в. в столичных городах России трудоемкая чеканка стала вытесняться механической штамповкой с использованием гравированных стальных пластин. Вместо золочения «через огонь» начинает применяться золочение гальваническим способом.

В 1910-е годы в Дагестане появились первые вальцовочные станки, которые позволили заменить трудоемкую ручную проковку серебряных листов. Уходит в прошлое специальность ковачей, которые проковывают в листы литейные болванки серебра. Мастера научились гравировке стальных валков, пластин, с помощью которых они стали получать узорчатые детали серебряных изделий. Дагестанские мастера и в прошлом использовали несложные штампы для изготовления подвесных деталей, накладок, но эти приемы не имели самодовлеющего значения. В новый период интерес к этим приемам значительно возрастает. В условиях рыночных отношений это было неизбежным. Стремление ускорить техпроцесс, удешевить изделие толкает многих мастеров к упрощению декора, к широкому применению штампа.

Под влиянием дизайна фабричных художественных изделий значительно расширяется ассортимент ювелиров. Благодаря расширению рынков медного проката российских заводов дагестанские мастера расширяют производство медных водоносов, которые вытесняют гончарную посуду. Появляются и другие новые промыслы и художественно-ремесленные производства. Многие ювелиры копируют, перерабатывают фабричные формы изделий, украшают их дагестанским орнаментом, декоративными техниками. Значительное развитие получает сувенирное производство (изготовление вещей для «подарка», «на память»). Городская жизнь России воспитывает новые представления об эстетике и назначении бытовой вещи.

Таким образом, после присоединения Дагестана к России влияние восточных стран на развитие дагестанского ремесла уступает место культурному влиянию городов Закавказья, Северного Кавказа, столичных центров России.

Советская эпоха с монополией внешней торговли, ограничением частного производства и инициативы, а также резким сокращением выездов населения за границу не могла способствовать развитию традиционных художественных промыслов [42, с. 49–56]. Но кооперирование мастеров и создание художественных артелей в ряде центров народных промыслов в 1920–1930-е гг. в Дагестане дали определенную перспективу для развития народного мастерства. В ряде центров художественные промыслы сохранялись в форме небольших полуправильных производств. В художественных артелях, которые в начале 1960-х гг. были преобразованы в государственные комбинаты и фабрики, были созданы творческие лаборатории, где для небольшой группы талантливых мастеров были созданы благоприятные условия для свободного творчества. Однако практика таких участков была привязана к идеологическим ориентирам власти. Создание «пышных» (с обилием декора и ювелирных приемов отделки) изделий, призванных средствами ювелирного искусства «восславить» партийных и советских вождей, «достижения пятилеток» стали их главным ориентиром, своеобразным социальным заказом вышестоящей организации (от лица власти) для предприятия.

В артелях, фабриках и комбинатах народных промыслов были созданы условия и для заимствования художественных традиций, технологий, ассортимента изделий других центров народного искусства страны. Так, ковроткацкие традиции Дагестана стали базой для развития ковровых промыслов (в форме ковровых фабрик) многих городов Северного Кавказа. Дагестанские мастера переняли из других промыслов СССР ажурную и скульптурную резьбу по кости, рогу, вырубные штампы, набойку, простой гравированный декор («дрожировка»), синтетические нитки.

При изучении роли историко-культурных связей Дагестана с соседними регионами в формировании его художественных ремесел значение имел и опыт изучение лексики местных языков. Очень много такой лексики в кубачинском языке. Эту лексику активно начал изучать языковед А.А. Магомедов. В качестве примеров заимствований он называл такие слова кубачинского языка, как *накъиш*, *уста*, *шагир*, *яракъ*, *санигъят*, *матяхI*, *къалип*, *мангъал*, *лямташ*, *мина*, *сагъре*, *пинд*, *тахта*, *парчин*, *тия*, *къум*, *лулла*, *тутия*, *пиргер*, *чагъ*, *мискъал*, *алмас*, *якъут*, *зумрут*, *жавгъар*, *садап*, *пируза*. Эти слова пришли в кубачинский язык из иранских, арабского, тюркских языков.

Нами выявлен ряд и других слов. Среди них наименования художественных тканей и драгоценных камней: *калхана парча* («кархана» – крупная ремесленная мастерская в Иране, Азербайджане), *ляйлулла къакъа* (перс. «лал» – рубин), *юсрулла шумиш* (араб. «юсру» – янтарь), *забрабла уге* (перс. «зербафт» – парчовая ткань), *хIялале* (араб. хIарирун – шелк), *дараэ*, *къанават дараэ*, *къанават дараэ* (от перс. слов, обозначающих виды шелковых тканей). Приведем и

другие примеры. Слово *мазгай* (есть кубачинские антропонимы *Мазгархъал*, *Мискарчихъал*) является производным от перс. «мискарь» медник; *танакар* – от перс. «денекар» филигранщик; *пумле* (трубочка для ручного поддува при пайке) – от перс. «буте» тигель. Из азербайджанского языка, вероятно, проникли в кубачинский язык слова-иранизмы: *туп* (антропоним Тубчихъал) пушка; *тупанг*, *тупанча* огнестрельное ружье, пистолет. Немало слов в кубачинском языке, проникших из других тюркских языков. Возможно, из их числа слова *игъвла* шабер, *дулган* горн, *уг* (*уг дедка*) стрела (боевой лук).

В кубачинском языке есть заимствования, проникшие и из русского языка. В XVII–XVIII вв. проникло слово *маскав* (*накьиш*) – композиция узора «московский узор». Из русского языка в XIX в. было заимствовано кубачинцами слово *шушка* – пашка. В советское время появились слова химия, *нейзильбер*, изготавливаемый здесь же в Кубачи путем добавления в латунь никеля; *пункла* нож-финка; *къанав-дуп* разновидность гравировочного резца от слова «канав-ва-резец» и др. [43, с. 535–536].

Обсуждение

Традиционное прикладное искусство, или традиционные художественные промыслы и ремесла, сегодня в условиях глобализации хозяйственной и культурной жизни отходит в прошлое. Но сохраняется устойчивый интерес к его этнокультурным истокам, к этнической идентичности многих его явлений (чернь, ручная гравировка, филигрань и др.). Потому сегодня актуализировалось не только его изучение, но и возрождение, сохранение в производственной сфере, в быту его составляющих. И особенно все это важно для развития культуры малочисленных народов России.

Искусствоведы, культурологи должны учитывать всё это в своей дальнейшей научной деятельности. Сохранение и развитие традиционных ремесел должно стать предметом широкого и конкретного в плане перспектив их возрождения обсуждения.

Заключение

Таким образом, в статье показана роль историко-культурного влияния на формирование и развитие традиционных промыслов и ремесел Дагестана в контексте историко-культурных контактов со странами Закавказья, Ближнего Востока и России. Это влияние прослеживается на протяжении более чем тысячелетнего периода. Благодаря инициативности и таланту дагестанских мастеров художественные ремесла Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. стали феноменом кавказского и российского масштаба. В советское время наблюдался упадок ряда художественных ремесел Дагестана. Он был связан

с запретительными мерами власти на использование драгоценных и цветных металлов, на организацию даже малых частных предприятий и др., отсутствием легальных рынков сырья и изделий для индивидуально работающих мастеров. Традиции художественных промыслов получали развитие только в художественных артелях и госпредприятиях страны. Распад СССР, восстановление рыночных отношений способствовали возрождению традиционной культуры народных промыслов. В итоге художественное ремесло Дагестана вновь стало одним из ярких явлений самобытности культуры региона, сохраняющим свою актуальность как экономическое и художественное явление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Дагестана с древнейших времен до XX в. М.: Наука, 2004.
2. Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т.1.
3. Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.
4. Сванидзе А.А. Деревенские ремесла в средневековой Европе. М., 1986.
5. Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
6. Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование. Л., 1984.
7. Доде З.В. Кубачинские рельефы: Новый взгляд на древние камни / науч. ред. М.С. Гаджиева. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: ГУП «Наследие», 2010.
8. Магомедов А.Дж. Рецензия на книгу З.В. Доде «Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни» // Вестник Дагестанского научного центра. 2010. № 39. С. 114-115.
9. Гейдаров М.Х. Социально-экономические отношения и ремесленные организации в городах. Азербайджана в XIII-XVII вв. Баку, 1987. С. 98.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
11. Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.
12. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989.
13. История Дагестана. Курс лекций. Махачкала, 1992.
14. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: 1994.

REFERENCES

1. *History of Dagestan from ancient times to the twentieth century [Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do 20 v.]*. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ)
2. *History of Dagestan from ancient times to the present day [Istorii Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dney]*. Vol. 1. (In Russ)
3. Debirov PM. *Wood carving in Dagestan [Rez'ba po derevu v Dagestane]*. Moscow, 1982. (In Russ)
4. Svanidze AA. *Village crafts in medieval Europe [Derevenskie remesla v srednevekovoy Evrope]*. Moscow, 1986. (In Russ)
5. Debirov PM. *Stone carving in Dagestan [Rez'ba po kamnyu v Dagestane]*. Moscow, 1966. (In Russ)
6. *Artistic culture in pre-capitalist formations. Structural-typological study [Khudozhestvennaya kul'tura v dokapitalisticheskikh formatsiyakh. Strukturno-tipologicheskoe issledovanie]*. Leningrad, 1984. (In Russ)
7. Dode ZV. *Kubachi reliefs: A new look at ancient stones [Kubachinskie rel'efy: Novyy vzglyad na drevnie kamni]*. M.S. Gadzhiev (ed.). Moscow: Monuments of historical thought; Stavropol: State Unitary Enterprise "Heritage", 2010. (In Russ)
8. Magomedov AJ. Book review by Z.V. Daudet "Kubachi reliefs. A new look at ancient stones" [Retsenziya na knigu Z.V. Dode «Kubachinskie rel'efy. Novyy vzglyad na drevnie kamni»]. *Herald of the Dagestan Scientific Center*. 2010, 39: 114-115. (In Russ)
9. Geydarov MKh. *Socio-economic relations and craft organizations in cities. Azerbaijan in the 13th-17th centuries [Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i remeslennye organizatsii v*

15. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Л., 1976.
16. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.
17. Гамзатов Г.Г. Поливная керамика Дербента XIII–XVI вв. // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
18. Гамзатов Г.Г. Неполиванная керамика Дербента XIII–XVI веков // Древние промыслы ремесла и торговля в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1984.
19. Магомедов А.Р. Керамическое производство в средневековом Дагестане (XV–XVII вв.) // Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 141–147.
20. Пугаченкова Т.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1982.
21. Русско-дагестанские отношения в XVIII–нач.XIX вв. Сб. документов. М., 1988.
22. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / сот. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992.
23. Исмаилова А.М. Культура и искусство Дагестана. Махачкала: ДГУНХ, 2016.
24. Кудрявцев А.А. Поливная художественная керамика Дербента XIII–XX в. // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1979.
25. Иванов А.А. (сост.) Искусство Кубачи. Л., 1976.
26. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., Л., 1949. Переиздано: Махачкала, 2012.
27. Дебиров П.М. Истоки орнамента растительного стиля // Народное декоративно-прикладное искусство и современность. Махачкала, 1979.
28. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
29. Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI – середине XIII в. М. : Наука, 1993. - 320 с.
30. Дебиров П.М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.
31. Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М.: КОИЗ, 1959 г.
- gorodakh. Azerbaydzhana v 13-17 vv.]. Baku, 1987. p. 98.
10. *History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century [Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.]*. Moscow, 1988. (In Russ)
11. Debiror PM. *Wood carving in Dagestan [Rez'ba po derevu v Dagestane]*. Moscow, 1982.
12. Mammaev MM. *Decorative and applied art of Dagestan. Origins and formation [Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Dagestana. Istoki i stanovlenie]*. Makhachkala, 1989. (In Russ)
13. *History of Dagestan. Lecture course [Istoriya Dagestana. Kurs lektsiy]*. Makhachkala, 1992. (In Russ)
14. Magomedov RM, Magomedov AR. *History of Dagestan [Istoriya Dagestana]*. Makhachkala, 1994. (In Russ)
15. Ivanov AA. On the dating of the Kubachi monuments [O datirovke kubachinskih pamyatnikov] *Art of Kubachi*. Leningrad, 1976. (In Russ)
16. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan [Epigraficheskie pamyatniki Dagestana]*. Moscow, 1984. (In Russ)
17. Gamzatov GG. Glazed ceramics of Derbent of the 13th–16th centuries [Polivnaya keramika Derbenta XIII–XVI vv.] *Ceramics of ancient and medieval Dagestan [Keramika drevnego i srednevekovogo Dagestana]*. Makhachkala, 1981. (In Russ)
18. Gamzatov GG. Unglazed ceramics of Derbent of the 13th–16th centuries [Nepolivnaya keramika Derbenta XIII–XVI vekov]. *Ancient crafts and trade in Dagestan. Collected articles [Drevnie promysly remesla i trgovlya v Dagestane]*. Makhachkala, 1984. (In Russ)
19. Magomedov AR. Ceramic production in medieval Dagestan (XV–XVII centuries) [Keramicheskoe proizvodstvo v srednevekovom Dagestane (XV–XVII vv.)] *Ancient crafts, crafts and trade in Dagestan [Drevnie promysly, remesla i trgovlya v Dagestane]*. Makhachkala, 1984: 141–147. (In Russ)
20. Pugachenkova TA, Rempel LI. *Essays on the art of Central Asia. Antiquity and the Middle Ages [Ocherki iskusstva Sredney Azii. Drevnost' i srednevekov'e]*. Moscow, 1982. (In Russ)
21. *Russian-Dagestan relations in the 18th – early 19th centuries. Collected documents*

32. Эстетика: словарь / [Абрамов А.И. и др.; под общ. ред. А.А. Беляева]. Москва: Политиздат, 1989. - 445 с.
33. Гамзатов Г.Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978.
34. Художественная культура в капиталистическом обществе. Структурно-типологическое исследование. Л., 1986.
35. Этнография. Учебник для вузов / Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М.: Высшая школа. 1982. - 320 с.
36. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
37. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Весь Кавказ. Баку, 1914.
38. Сумбатзаде А.С. Промышленность Азербайджана в XIX в. Баку, 1964.
39. Кустарная промышленность на Кавказе. Вып. 1. Ковровый промысел в Кубинском уезде Бакинской губернии. Тифлис, 1902.
40. Народные художественные промыслы РСФСР. М., 1982.
41. Аствацатурян Э.Г. Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела. М., 1982.
42. Магомедов А.Дж. Художественные промыслы Дагестана в XX в. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2003.
43. Магомедов А.Дж., Саидов-Аккут-та Н.И. Кубачи: язык и фольклор: Исследование и материалы. Махачкала, 2010.
- [*Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII-nach. XIX vv.*]. Moscow, 1988.
22. *Dagestan in the news of Russian and Western European authors of the XIII-XVIII centuries [Dagestan v izvestiyakh russkikh i zapadnoevropeyskikh avtorov XIII-XVIII vv.]*. Makhachkala, 1992.
23. Ismailova AM. *Culture and art of Dagestan [Kul'tura i iskusstvo Dagestana]*. Makhachkala: DGUNKh, 2016.
24. Kudryavtsev AA. Glazed artistic ceramics of Derbent of the 13th–20th centuries [Polivnaya khudozhestvennaya keramika Derbenta XIII–XX v.] *Folk arts and crafts of Dagestan [Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo Dagestana]*. Makhachkala, 1979. (In Russ)
25. Ivanov AA. (comp.) *Art of Kubachi [Iskusstvo Kubachi]*. Leningrad, 1976. (In Russ)
26. Schilling EM. *Kubachins and their culture. Historical and ethnographic studies [Kubachintsy i ikh kul'tura. Istoriko-etnograficheskie etyudy]*. Moscow, Leningrad, 1949. Republished: Makhachkala, 2012. (In Russ)
27. Debиров PM. The origins of the floral style ornament [Istoki ornamenta rastitel'nogo stilya] *Folk arts and crafts of Dagestan [Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo i sovremenost']*. Makhachkala, 1979. (In Russ)
28. Fedorov-Davydov GA. *Art of nomads and the Golden Horde. Essays on the culture and art of the peoples of the Eurasian steppes and cities of the Golden Horde [Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ordyy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziyskikh stepey i zolotoordynskikh gorodov]*. Moscow, 1976. (In Russ)
29. Kudryavtsev AA. *Feudal Derbent: Ways and Patterns of City Development in the 6th – mid-13th centuries [Feodal'nyy Derbent: Puti i zakonomernosti razvitiya goroda v VI – seredine XIII v.]*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)
30. Debиров PM. *Architectural carving of Dagestan [Arkhitekturnaya rez'ba Dagestana]*. Moscow, 1966. (In Russ)
31. Kilchevskaya EV, Ivanov AS. *Artistic crafts of Dagestan [Khudozhestvennye promysly Dagestana]*. Moscow: KOIZ, 1959. (In Russ)
32. *Aesthetics: dictionary*. [Abramov A. I. et al.; A. A. Belyaeva – ed.]. Moscow: Politizdat, 1989. (In Russ)
33. Gamzatov GG. *Formation of a multinational literary system in pre-revolutionary Dagestan [Formirovanie mnogonatsional'noy*

literaturnoy sistemy v dorevolutsionnom Dagestane]. Makhachkala, 1978.

34. *Artistic culture in a capitalist society. Structural-typological study [Khudozhestvennaya kul'tura v kapitalisticheskom obshchestve. Strukturno-tipologicheskoe issledovanie]*. Leningrad, 1986. (In Russ)

35. Bromley YuV, Markova GE (eds.). *Ethnography. Textbook for universities*. Moscow: Vysshaya shkola. 1982.

36. Marggraf OV. *Essay on handicraft industries of the North Caucasus with a description of production techniques [Ocherk kustarnykh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva]*. Moscow, 1882. (In Russ)

37. Piralov AS. *Brief essay on handicrafts in the Caucasus*. Baku, 1914. (In Russ)

38. Sumbatzade AS. *Industry of Azerbaijan in the 19th century*. Baku, 1964. (In Russ)

39. *Handicraft industry in the Caucasus. Issue. 1. Carpet craft in the Quba district of the Baku province [Promyshlennost' Azerbaydzhan v XIX v. Kustarnaya promyshlennost' na Kavkaze. Vyp. 1. Kovrovyy promysel v Kubinskoy gubernii]*. Tiflis, 1902.

40. *Folk art crafts of the RSFSR [Narodnye khudozhestvennye promysly RSFSR]*. Moscow, 1982.

41. Astvatsaturyan EG. *Index of hallmarks and names of Caucasian weaponsmiths and silversmiths [Ukazatel' kleyim i imen kavkazskikh masterov oruzheynogo i serebryanogo dela]*. M., 1982. (In Russ)

42. Magomedov AJ. *Artistic crafts of Dagestan in the XX century [Khudozhestvennye promysly Dagestana v 20 v.]*. Makhachkala: IHLL DSC RAS, 2003. (In Russ)

43. Magomedov AJ, Saidov-Akkutta NI. *Kubachi: language and folklore: Research and materials [Kubachi: yazyk i fol'klor: Issledovanie i materialy]*. Makhachkala, 2010. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 14.02.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182306-322>

Магарамов Шарафутдин Арифович

к.и.н., старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

sharafutdin@list.ru

«О ВЕРНОСТИ ЕГО ИЗВЕСТНО ВСЕМ»: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАИБА ДЕРБЕНТА ИМАМА КУЛИ-БЕКА

Аннотация. Присоединение Дербента к Российской империи в результате Персидского похода Петра Великого и нахождение города в ее составе до 1735 г. является одним из важных этапов в многовековой истории Дербента. Мирному процессу присоединения города к империи в значительной мере способствовала политическая позиция и деятельность правителя города в лице наиба Имама Кули-бека, решившего не оказывать сопротивление императорским войскам и мирно сдать город государю Петру Первому. Будучи утвержденным Петром I в той же должности, наиб развил активную политическую деятельность с имперскими властями, проявил своевременную заботу о защите города от нападений отрядов горцев и продовольственном обеспечении горожан, разделил управленческие и судебные функции с российским комендантом А.Т. Юнгером. Изучение политической деятельности наиба Имама Кули-бека, характера его взаимоотношений с российской центральной и региональной властью дает возможность углубить и расширить исторические знания о событиях в Дербенте, и на Восточном Кавказе в целом, связанные с имперской политикой в регионе в первой трети XVIII в. Однако специального изучения деятельности наиба Имама Кули-бека в отечественной историографии до сих пор не предпринималось, чем и обусловлена актуальность принятого исследования. В статье поставлена цель проанализировать деятельность наиба по выстраиванию отношений с новой имперской властью, интеграции Дербента в политико-правовое и экономическое пространство Российской империи; показать сюжеты, демонстрирующие лояльность (верноподданническая речь, подношение ключа, почитание монарха, визит к императорскому двору) со стороны наиба, и могущество и благосклонность (утверждение в должности, чин, подарки, пожалования) со стороны государей. Работа подготовлена на основании анализа имеющихся исследований и широкой источниковой базы с использованием документальных данных из фондов федеральных и региональных архивов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Петр Великий; Персидский поход 1722–1723 гг.; Дербент, наиб Имам Кули-бек; пророссийская деятельность; инвеститура; пожалования.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182306-322>

Sharafutdin A. Magaramov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology of Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
sharafutdin@list.ru

“HIS LOYALTY IS REPUTED”: POLITICAL ACTIVITY OF NAIB OF DERBENT IMAM KULI-BEK

Abstract. The accession of Derbent to the Russian Empire as a result of the Persian campaign of Peter the Great and being the part of it until 1735 is one of the important milestones in the centuries-old history of Derbent. The peaceful process of joining the city to the empire was greatly facilitated by the political position and activities of the city ruler in the person of Naib Imam Kuli-bek, who decided not to resist the imperial troops and peacefully surrender the city to Tsar Peter the Great. Being approved by Peter I in the same position, Naib developed an active political activity with the imperial authorities, demonstrated timely concern for protecting the city from attacks by mountaineers and providing food for the townspeople, shared managerial and judicial functions with the Russian commandant A.T. Junger. The study of the political activities of Naib Imam Kuli-bek, the nature of his relationship with the Russian central and regional authorities makes it possible to deepen and expand historical knowledge about the events in Derbent, and in the Eastern Caucasus as a whole, related to imperial policy in the region in the first third of the 18th century. However, a special study of the activities of Naib Imam Kuli-bek in domestic historiography has not yet been undertaken, which is the reason for the relevance of the present study. The article aims to analyze the activities of the Naib in building relations with the new imperial government, integrating Derbent into the political, legal and economic space of the Russian Empire; show cases demonstrating loyalty (loyal speech, offering a key, honoring the monarch, a visit to the imperial court) on the part of the Naib, and power and favor (approval in office, rank, gifts, awards) on the part of sovereigns. The study has been prepared on the basis of an analysis of available works and a wide range of documentary data from the collections of federal and regional archives, a significant part of which is being introduced into science for the first time.

Keywords: Peter the Great; Persian Campaign of 1722-1723; Derbent; Naib Imam Kuli-bek; pro-Russian activity; investiture.

23 августа 1722 г. в двух верстах¹ от Дербента российскую армию во главе с императором Петром Великим встретил правитель (наиб²) города Имам Кули-бек вместе с многочисленной городской знатью. Наиб поприветствовал государя Петра I, произнеся верноподданническую речь: «Дербент получил основание от Александра Македонского, а потому нет ничего приличнее и справедливее, как город, основанный великим монархом, передать во власть другому монарху, не менее его великому»; в знак покорности он поднес императору серебряный ключ³ от городских ворот на серебряном подносе⁴, покрытом дорогой персидской тканью – красным изорбафтом [1, с. 11–12; 2, с. 122–124]. У городских ворот высоких гостей ожидала новая торжественная встреча: выстроилась дербентская пехота со знаменем под ружьем, стояло духовенство со священным шиитским флагом («Алиевым знаменем») и множество горожан. Парадным строем под грохот троекратного пушечного салюта и под военную музыку императорские войска вошли в добровольно открывший им ворота Дербент. Пехота расположилась в прибрежной части города, в Дубарах, а конница и казаки разбили лагерь за городом, на берегу реки Милюкент (совр. р. Рубас), в пяти верстах от ее устья, где травы и пресной воды для лошадей довольно много [3, с. 485]⁵. Персидский поход с личным участием Петра I с взятием Дербента подходил к концу.

Во всем этом описанном церемониале с местной стороны первостепенную роль играл представитель дербентской власти, наиб Имам Кули-бек, персона которого в кавказоведческой исторической науке незаслуженно предана забвению. Встречающиеся в научной литературе данные о дербентском наибе ограничиваются лишь отрывочными упоминаниями о нем в связи с мирной сдачей Дербента российским властям и наделением его чином генерал-майора. Отсутствуют какие-либо исследования даже в виде кратких научных сообщений и/или публикаций биографического жанра, за исключением небольшой энциклопедической статьи [4, с. 306–307]. В этой связи в статье поставлена цель

1 В отдельных источниках указано в одной версте от города.

2 Наиб («горододержавец») – правитель Дербента, выбираемый (чаще должность наиба передавалась по наследству) из знатных родов, утверждался в должности персидским шахом. Власть наиб разделял с султаном или беглербегом – наместником шаха, посылаемый от имени шаха из Исфахана.

3 В разных источниках по-разному написано относительно количества ключей: в одних упоминается один серебряный ключ, в других – два ключа. В барельефе А.К. Нартова «Древний Дербень вечному в славе Петру склонися» («Взятие Дербента») 1730-х гг. изображены два ключа. Участник Персидского похода английский врач Джон Белл сообщает о двух золотых ключах от городских ворот и крепости. По замечанию другого участника похода, капитан-лейтенанта Ф.И. Соймонова, «один из сих ключей (и сказывают, что один токмо был) хранится и ныне (на деревянном блюде) в Императорской Кунсткамере при Академии Наук». Далее этот же автор поясняет, что ключ «был от посредственного висячего замка, каковые во всех восточных землях и в Китае обыкновенно употребляются». Можно предположить, что императору все-таки был поднесен один серебряный ключ, который долгое время хранился в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), затем переданный в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), который, по нашим уточненным данным, и сейчас хранится там.

4 В Походном журнале 1722 г. написано, что серебряный ключ был преподнесен на деревянном подносе.

5 Документы и письма к графу Апраксину по Персидскому походу: о военных действиях; о плаваньи судов; о доставке припасов; о сношениях с горцами. Приготовления к приезду Петра I в Дербент // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 215.

изучения политической деятельности наиба Имама Кули-бека, характера взаимоотношений с российской центральной и региональной властью, совмещения им управленческих функций в городе с комендантом А.Т. Юнгером, что дает возможность углубить и расширить исторические представления о событиях в Дербенте, и на Восточном Кавказе в целом, в период установления имперской власти в регионе в первой трети XVIII в.

Работа подготовлена с использованием документальных данных из фондов федеральных (РГВИА, РГАДА, РГАВМФ) и региональных (ЦГА РД, НА ИИАЭ ДФИЦ РАН) архивов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, и с учетом современных достижений исторической науки. Применение комплексного подхода при изучении и анализе архивных документов и материалов позволило показать пророссийскую деятельность наиба Имама Кули-бека, приведшую к мирному процессу присоединения Дербента к Российской империи и сохранению жителями города своего имущества и положения.

Имам Кули-бек (?–1731) родился в Дербенте в знатной семье, принадлежавшей тюркоязычному шиитскому племени курчи и занимавшей в городе привилегированное положение. Представители данного племени в количестве 400 семейств были переселены из Ирана в Дербент в правление шаха Тахмаспа I (1524–1576) в целях укрепления своего господства в стратегически важном Дербентском проходе и усиления позиций шиизма в регионе. Из представителей данного племени формировалась шахская или ханская гвардия, которой командовал наиб или юзбаша (сотник) [5, с. 258; 6, с. 54; 7, с. 61–62].

Судьба дербентского наиба Имама Кули-бека удивительна: занимая должность городского наиба при Сефевидях, ему удалось сохранить за собой этот пост и в период установления российской власти в Дербенте, и до своей кончины. В связи с антииранскими выступлениями на Восточном Кавказе в 1721 г. персидский наместник (султан) Дербента бежал в Исфахан, оставив Имама Кули-бека правителем в городе [8, с. 70]. В отличие от некоторых дагестанских правителей, не смирившихся с появлением многотысячной армии Петра I и присутствием русских интересов в Дагестане, наиб изначально сумел рассчитать правильную стратегию своей политики, выбрав путь союзника российской власти. Пожалуй, наиб Имам Кули-бек – единственный из дагестанских правителей, который изначально проявив лояльность к новой власти, оставался таковым до конца своей жизни. Оценивая отношение наиба к имперской власти, командовавший армией в Западном Прикаспии фельдмаршал В.В. Долгоруков 29 мая 1730 г. писал, что «о верности его известно всем» [9, с. 93].

Пророссийская позиция наиба, который, очевидно, понимал, что в сложившейся ситуации сопротивление бесполезно, и дабы сохранить свою власть и город от разрушения и разорения, определилась сразу после того, как петровская армия высадилась в Дагестане. 4 августа 1722 г. в ответ на Манифест Петра I от 15 июля 1722 г., адресованного кавказским и персидскому народам, наиб Дербента отправил к императору свою депутацию с посланием, в котором говорилось: «Доношу Вашему Императорскому Величеству, что отправленные

от Вашего Величества к нам указы получили, и милость Вашего Величества со удовольствием и покорным благодарением приняли, и должны за Ваше Величество Бога молить...» [9, с. 45]. Посланцы наиба заверили Петра I о его готовности быть под покровительством царя [10, с. 16]. Положение Дербента на тот период было очень тяжелым, на город постоянно нападали восставшие против персидской власти отряды Хаджи-Давуда и Сурхай-хана, от которых наибу приходилось защищать дербентцев своими силами [11, с. 85]. 9 августа последовал ответ от императора дербентскому наибу и его жителям: «Листы Ваши отправленные к нашему Императорскому Величеству получены, из оных усмотрели мы, что Вы посланные от нас универсалы получили и имеете к нам свою верность, и представляете свои услуги, что мы приемлем милостию, и обнадлежаю Вас нашею Императорского Величества милостию...» [9, с. 46].

Еще до вступления Петра Великого в Дербент наиб Имам Кули-бек дружелюбно принял подполковника Г. Наумова, прибывшего в город с отрядом солдат и драгун 15 августа 1722 г. для переговоров. В это же время со стороны моря к городу подошла русская эскадра капитана К.П. Вердена в составе 25 судов. В тот же день в письме Петру I К.П. Верден сообщал, что «из города Дербента комендант или наиб присылал собственного человека своего ко мне на судно с поздравлением о счастливом прибытии с ластовыми судами В.И.В. и зело на оныя суда дивился как оныя на море ходят и сказывал словесно от наиба, что они очень рады видеть очи В.И.В. и в поклонении городом своим под Вашу Императорскую державу» [12, с. 322]. В ходе переговоров наиб согласился о мирной сдаче Дербента и в целях пресечения непредвиденных инцидентов со стороны отдельных горожан, попросил Г. Наумова поставить караул из русских солдат к северным городским воротам и воротам со стороны моря. Поскольку в команде Г. Наумова не было достаточно людей для караула, решено было определить караульщиков из числа эскадры капитана К.П. Вердена [13, с. 89]. 17 августа из Дербента Г. Наумов доносил генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, что грамоту императора дербентский наиб и жители «приняли с великою радостью, и как мы ехали городом можно было видеть, что все здешние жители тому были рады..., часа через три приходил ко мне дербентской наип и с ним знатные юзбаши и благодарили за милостивою и Его Императорского Величества грамоту»⁶. Жители города направили послание Петру I, в котором говорилось: «По оного Вашего величества указу и манифесту служить и по нашему желанию в послушании пребыть за потребность рассуждаем..., а мы бы бедные милосердным Вашего величества охранением изысканы были» [14, с. 59–60].

В своем донесении подполковник Г. Наумов сообщал об одном неожиданном для них случае: когда они прибыли в город, то столкнулись с тем, что за российские деньги местные купцы отказывались продавать им товар – «как мы прибыли в Дербень на первый день монеты российской в Дербене ни за какие

6 Документы и письма к графу Ф.М. Апраксину по Персидскому походу: о военных действиях; о плавании судов; о доставке припасов; о сношениях с горцами. Приготовления к приезду Петра I в Дербент // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 209.

товары не брали». Данная проблема была благополучно разрешена после вмешательства наиба Имама Кули-бека, который «приказал опубликовать, чтоб российскую монету брали по той цене, почему в России берут и по оной публикации дербентские жители российскую монету берут равномерною ценою, как и свою ...»⁷.

Лояльное отношение наиба, как и основной массы горожан, к появлению российских войск в регионе отражено во многих письменных источниках того периода. 30 августа 1722 г. сам Петр I из Дербента, вероятно, из лагеря на р. Миллюкент, впечатленный теплым приемом его наибом, городской знатью и жителями, писал в Сенат, что «... когда приближались к сему городу (Дербенту. – авт.), то наип [наместник] сего города встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сии люди нелицемерною любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили» [15, с. 36; 16, с. 5–60]. Из Петербурга в свою очередь сенаторы поздравляли государя Петра Великого, выступившего на стези Александра Великого, и «по этому случаю радостно пили» [17, с. 252].

Находящемуся в Дербенте Петру I дербентский наип продолжал оказывать внимание и любезность. Как сообщает один из участников Персидского похода английский врач Джон Белл, Имам Кули-бек предложил царю свой дом для ночлега и свои подворья для его войск, но он любезно отказался из соображений не беспокоить горожан, или по другой неизвестной причине [18, с. 175]. По имеющимся данным, царь со своей супругой Екатериной посетили дом наиба, где переночевали с 24 на 25 августа под охраной гвардейской роты, а остальное время Петр I предпочел оставаться в построенной специально для него на берегу моря землянке [2, с. 73–74]⁸.

Проанализировав различного характера письменные свидетельства, мы можем утверждать, что государь не проживал в крепости. Утверждение военного историка В.А. Потто, что в Дербенте Петр I жил в цитадели, занимая в ней бывший ханский дворец, где в тиши кабинета обдумывал свои масштабные планы относительно морской торговли России со странами Южного Кавказа, Персией и Индией, вероятно, связано с легендой о том, что якобы государь Петр I, находясь в дербентской крепости, прорубил «окно на Восток», которую историк выдает за достоверный исторический факт [20, с. 30]. Вот как приводит В.А. Потто данную легенду: «Там же (в цитадели Дербента – авт.) в нетерпеливом

⁷ Там же. Л. 209 и об.

⁸ Землянка (домик) Петра I стала одним из мнемонических мест Дербента. В XIX в. над землянкой был построен павильон с колоннами и памятной надписью «Место отдохновения Императора Великого Петра». Царственные особы, будучи в Дербенте, старались посетить землянку своего знаменитого предка. В октябре 1850 г. здесь побывал наследник российского престола, Великий князь Александр Николаевич (Александр II). В сентябре 1858 г. достопамятное место в Дербенте посетили великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. В июне 1868 г. осмотрел город и посетил землянку Петра I юный лейтенант флота, Великий князь Алексей Александрович. В мае 1873 г. это памятное место посетил Председатель Государственного Совета, Великий князь Константин Николаевич во время своего путешествия по Каспию, а в декабре 1914 г. – император Николай II. Благодаря стараниям археологов землянка обнаружена, она является частью музейного комплекса «Дом Петра в Дербенте». Более подробно о пребывании Петра I в Дербенте и исследовании землянки см. [19, с. 165–182; 31, с. 232–244].

ожидании флотилии, плывшей из Астрахани, он собственными руками прорубил в одной из комнат окно, из которого открывается превосходный вид на Каспийское море, на город и на его окрестности» [20, с. 30]. Сакральная персона Петра I оказала сильное воздействие на местное население, которое стало сочинять легенды с момента встречи с ним [6, с. 77–78].

Наиб Имам Кули-бек поднес государю Петру Великому, как царствующему гостю, в качестве подарков породистых лошадей – аргамаков, ковры, сахар, сорочинское пшено и проч. [21, с. 106]. Но самым дорогим подношением императору со стороны наиба была рукопись хроники «Дербенд-наме», которая впоследствии стала широко известна в научных кругах востоковедов, за издание которой в 1852 г. был удостоен Демидовской премии уроженец Дербента профессор Мирза (Александр Касимович) Казем-бек – первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета [22, с. 3].

Находясь в Дербенте четверо суток, с 23 по 27 августа, любопытный монарх продолжал знакомство с городом, его достопримечательностями и его возможностями: осмотрел крепость, наметил место для строительства гавани, посетил дом наиба, побывал в мыльне, где банщику заплатил «один червонной» [17, с. 251]. Пребывание Петра I в Дербенте завершилось пиром в его шатре, где наиб сидел за одним столом с государем [2, с. 73–74].

2 сентября 1722 г. государь, находясь в лагере при Милюкенте, издал грамоту, согласно которой утвердил Имама Кули-бека в той же должности наиба города за оказанные им российской власти «верные свои услуги» [23, с. 259–260]. Тогда же государь предоставил всем дербентским жителям привилегию свободной торговли, т.е. уравнивал дербентцев в статусе с русскими купцами и торговыми людьми [2, с. 77; 3, с. 485–486; 11, с. 85]. Перед отъездом в Астрахань Петр I 6 сентября 1722 г. подарил наibu собственный портрет с алмазами⁹, пожаловал ему чин генерал-майора, назначил начальником «туземного» войска, определил постоянное ежегодное жалованье в размере три тысячи руб., а остальной городской знати – суммарно четыре тысячи руб.¹⁰

Торжественная церемония встречи Петра Великого дербентской делегацией во главе с наибом и процесс мирной сдачи города, которые можно рассматривать как визуализацию подданства со стороны наиба и дербентцев, позже нашло отражение в барельефе А.К. Нартова «Древний Дербень вечному в сла-

9 Недавно с.н.с. ИИАЭ ДФИЦ РАН Н.Д. Чекулаевым в Центральном государственном архиве Республики Дагестан обнаружен документ (ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 203. Д. 79 и об.), датируемый 14 мая 1750 г., в котором сын Имама Кули-бека Мухаммад Хусейн-хан просит командующего российскими войсками в Кизляре генерал-лейтенанта А.П. Девица помочь выкупить данный портрет Петра I с алмазами у индийского купца Хожа Чанты. Из текста данного документа выясняется, что Мухаммад Хусейн-хан заложил данный портрет индийскому купцу за пятьдесят рублей, когда он испытывал «крайнюю нужду в деньгах», с условием, что он выкупит его при первой возможности. Когда Мухаммад Хусейн-хан хотел выкупить портрет, выяснилось, что купец Хожа Чанта сбежал из Дербента в Кизляр. К сожалению, пока нам не удалось выяснить, какова судьба этого портрета с алмазами.

10 Копии ордеров кн. В.В. Долгорукова к Донскому войску, допросы войскового толмача о намерении ногайцев и кабардинских князей выступить против России с ханом Дава-Гиреем на Моздок; указы Военной, штат и камер коллегии (копии) о выборе делегатов для проекта нового уложения, о содержании формы, кабацких сборах, ордера коменданта о готовности войск // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2. Л. 96 и об.

ве Петру склонися» («Взятие Дербента») 1730-х гг., в литографии А. Абрамова «Взятие крепости Дербент» 1872 г., а в наши дни – на картине Камбулатовых «Петр I у стен Дербента» (1988 г.) [22, с. 3].

Процесс мирного взятия Дербента императором Петром Великим, как последнего акта петровского похода в Западный Прикаспий, нашел воплощение в описании торжественного въезда государя 18 декабря¹¹ 1722 г. в Москву после возвращения из Персидского похода. На Триумфальных воротах был изображен Дербент с лаконичной латинской надписью с указанием года 1722: «Struxerat hanc fortis, tenet hanc fed fortior urbem» – «Создал крепость сию храбрый, но взял храбрейший» [24, с. 28; 5, с. 313–314]. По другим данным, текст надписи гласил: «Struxerat fortis, sed fortiori hanc cepit urbem») [22, с. 4]. Согласно мнению В.А. Потто, надпись гласила: «Основан героем – покорён Великим» [20, с. 30]. Существует еще мнение, что надпись звучала совершенно по-другому: «Omnes portae foli aperiuntur PETRO», однако И.И. Голиков предполагает, что она могла быть на других воротах [5, с. 313].

По данным Ф.И. Соймонова, Петр I велел данную надпись нанести на городские ворота в Дербенте, однако по неизвестной причине это сделано не было [13, с. 105]. Интересно мнение И.И. Голикова на сей счет, который отрицает данный факт: «профессор Мартини¹² пишет в своем известии о России, что государь повелел сей стих написать на градских воротах в Дербенте, но сие неправда» [5, с. 313].

Одним из мероприятий российских властей в Дербенте было освобождение путем выкупа находящихся в плену у дербентских жителей лиц христианской веры. В этом деле наиб Имам Кули-бек принимал активное участие. Так, 30 августа 1722 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин распорядился, чтобы «христиане, которых от дербенских жителей будут к нему полковнику (дербентскому коменданту А.Т. Юнгеру. – авт.) приходить, тех имена велеть записывать, а их по-прежнему отдавать их хозяевам, и велеть их держать у себя впредь до указа. Токмо того смотреть накрепко, чтоб христиан не приводили в магометанской или в персидской закон, и сказать наипу, чтобы он велел во всем городе публиковать, дабы все дербенские жители подали ему наипу ведение, сколько у кого христиан есть, а он бы наип о том ведомость дал ему полковнику»¹³. Как видно из данного документа, горожане должны были предоставить информацию об имеющихся у них пленниках-христианах наibu с последующей передачей коменданту города, полковнику А.Т. Юнгеру. Имеются также документальные данные, по которым дербентский наиб «лета от Махометава 1134 году месяца

11 В сочинении Ф.И. Соймонова «Описание Каспийского моря...» указано, что император въехал в Москву 13 декабря. И.И. Голиков, комментируя уточнение даты на 18 декабря, отмечает, что он следовал данным хранящегося у него одного манускрипта, в подлинности которого не сомневается [5, с. 314].

12 Христиан Мартини (1699–1739) – физик, философ, немец по происхождению. В 1725–1729 гг. работал в Петербургской академии наук. После отъезда из России опубликовал сочинение «Сообщения из России», считавшееся в то время на Западе одним из источников по российской истории, куда вошли оригинальные рассказы самого автора.

13 Письма, резолюции и мнения Петра I по выступлению войск в Низовой поход, по военным действиям в Гилян, по допросам военных, по постройкам, расходу казны // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 216. Л. 201.

зелхаджи» расписался за взятые им четыреста сорок три рубля, которые необходимо было заплатить горожанам за выкуп десяти «ясырей» [25, с. 9–10].

При участии дербентского наиба также были освобождены из плена две русские девушки, когда некий «татарин» отвозил их из Аксая в Гилян на продажу. Совершенно случайным образом «из оных обретающихся при Дербене поп бывший в полону узнал дочь свою девку Авдотью, оную наиб взял от того татарина и отдал ему, попу. Да одна девка русская ж Катерина Пензенского уезду с села Трубетчины, коя и в допросе сказала, что она русская, и она чрез наипа взята ж, а за попову дочь тот татарин, которой ее купил, требует деньги, чтоб он дал...»¹⁴.

Пророссийская позиция дербентского наиба не могла не вызывать негативной реакции у тех владетелей, которые не желали смириться с присутствием российских сил в Западном Прикаспии. Так, бакинский султан Мухаммад Гусейн, которого наиб Имам Кули-бек в письме¹⁵, исходя из собственного опыта, призывал к сотрудничеству с российскими властями, порицал поступок наиба: «дербентской де наип сам крестился и людей своих в Дербени всех крестил, а я де того не учиню и государя российского с войском в Баку всякими мерами пущать не буду»¹⁶. Торгового человека Гамзу, доставившего письмо дербентского наиба в Баку, султан хотел убить, а его товарища, информировавшего султана о возвращении Петра I в Астрахань, велел вознаградить 10 руб. Однако жизнь Гамзы была спасена: ему помогли вернуться в Дербент сторонник России Мамет Кули-бек и его единомышленник Дергах Кули-бек¹⁷, заявившие при этом, что они «... его Императорскому Величеству служить рады, понеже де мы и прежде сего до Его Императорского Величества о том писали» [26, с. 126]¹⁸.

Отношение государя Петра I к жителям Дербента было особенным. Это было выражено в предоставлении дербентцам особых торговых привилегий, как было отмечено выше, а также в указе императора об их обеспечении продовольствием по запросу коменданта или наиба города: «Дербентских жителей надлежит кормить нашим же провиантом и когда комендант Юнгор или Наиб будут к нам о провианте для пропитания дербентским жителям писать, тогда им определите провиант на семью по чему надлежит, а имянно против того, почему в ваших домах людям на семью дается» [24, с. 52].

14 Экстракты из писем ген-майора Матюшкина к графу Апраксину: о военных действиях в Персии и на Кавказе // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 226. Л. 74 об.

15 Очевидно, наиб Имам Кули-бек написал письмо бакинскому султану Мухаммаду Гусейну после того, как последний не пустил в город лейтенанта флота Осипа Лунина, отправленного для переговоров с той же миссией, что и подполковник Г. Наумов в Дербент, и отказался принять русский гарнизон.

16 Опись книг входящим в Кабинет письмам от разных персон 1722 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 61. Л. 865–866.

17 Дергах Кули-бек – бакинский правитель (юзбаша), сдавший город русским войскам в июле 1723 г., затем перебежавший на сторону шаха. В 1727 г. он получил прощение и вернулся к русским, но в том же году опять ушел на службу к шаху. В 1732 г. получил прощение и вернулся обратно, и жил в своем дворце в родовом селении Маштага на Апшероне, но уже никаких должностей не занимал. Российская военная администрация, несмотря на его неустойчивое настроение, хорошо к нему относилась. «Умняе его не вижу», – писал о нем командующий российскими войсками от Терека до Куры генерал-майор А.И. Румянцев в Москву в 1730 г.

18 Опись книг входящим в Кабинет письмам от разных персон 1722 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 61. Л. 865–866.

После ухода основных сил российской армии во главе с Петром I из Дербента в начале сентября 1722 г. город напоминал осажденную крепость, горожане испытывали крайнюю нужду в хлебе и продовольствии. В этих условиях наиб Дербента отправил письмо императору и генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, «что ныне отправлен к Е.И.В. вернейший наш Махамет Юсуфбек, которой Божьим сохранением про здешние состояние... обстоятельно доносить будет [о том], [что] дербенские жители чрез несколько лет жалования небирали, и пришли в великую скудость и бедность, и весьма голодны стали, так ж я приведен во всеконечную скудость... Того ради прошу дабы о сих бедных людей безжалованных и голодных, также ко мне учинена была резолюция, дабы были пожалованы, оные отправленные триста четвертей провианту мы получили»¹⁹.

Получивший письмо наиба император распорядился командующему войск в регионе генералу М.А. Матюшкину, находившемуся в Астрахани, погрузить «две бусы хлебом, маслом и солью, чтоб определено дербенским жителем послать в Дербень и отдать наипу, и те бусы отдать ему вообще, объявля ему дабы оные употреблял он в Гилян для пшена и на протчие их потребности»²⁰.

Среди архивных документов нам удалось выявить также личное распоряжение Петра I генералу М.А. Матюшкину «помогать дербенцам в их нуждах, прикрывая их полевые работы»²¹. Дело в том, что с уходом основных военных сил из Дербента, на город возобновились нападения недовольных появлением российских войск в регионе дагестанских владетелей Хаджи-Давуда, Сурхай-хана Казикумухского, уцмий Кайтагского и майсума Табасаранского, которые пытались захватить город. Сохранилась деловая переписка наиба с императором и другими государственными деятелями, в которых наиб сообщал о неоднократных нападениях на город горских отрядов²². Нередко от их действий страдали горожане, выходившие за городские оборонительные стены на полевые работы на расположенные в ближайшей сельскохозяйственной округе земельные наделы. Не только солдатам, но и «дербенским жителям из города выходить нельзя, разве для дров на гору с ружьем и то собрався многолудством...»²³, — докладывал от 15 октября 1722 г. комендант города А.Т. Юнгер генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину.

Император, высшие военные чины и командующие войск в регионе старались во всем удовлетворять просьбы и пожелания дербентского наиба, держать его в курсе имперской политики в условиях, когда отдельные кавказские владетели переходили на сторону турецких властей и с уходом основных российских сил занимали враждебную России позицию. В сентябре 1722 г. наиб

19 Экстракты из писем ген-майора Матюшкина к графу Апраксину: о военных действиях в Персии и на Кавказе // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 226. Л. 40.

20 Там же. Д. 216. Л. 219 об.

21 Там же. Л. 219.

22 Сношения России с Персией «Дела Андреевской деревни» (1716–1724) // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 205–208, 354–358, 363–365, 368–372.

23 Документы и письма к графу Ф.М. Апраксину по Персидскому походу: о военных действиях; о плавании судов; о доставке припасов; о сношениях с горцами. Приготовления к приезду Петра I в Дербент // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 143 и об.

Дербента жаловался на драгунов и казаков, что они «у дербенских жителей, которые ездят в поле для жатвы хлеба и на мельницы, отнимают лошадей и волов ...». С целью пресечения незаконных реквизиций со стороны солдат и казаков было объявлено, что «ежели кто такую противность будет чинить и сыщитца про то подлинно, такие противники будут за то без всякого милосердия казнены смертию ...»²⁴. Другая жалоба дербентского наиба о том, что дербентцам вместо нормального судна было отдано разбитое судно, была разрешена приказом генерал-адмирала Ф.М. Апраксина капитану флота фон Вердену в сентябре 1722 г.: «немедленно отдать им (дербентцам. – авт.) одно судно из ластовых со всею снастию из тех, которые у вас в команде обретаются ...»²⁵.

По указанию Петра I дербентский комендант, как представитель российской администрации, в своей управленческой практике должен был тесно сотрудничать с наибом. Для этого, по императорскому указу, генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным от 30 августа 1722 г. была подготовлена специальная инструкция для только назначенного комендантом Дербента полковника А.Т. Юнгера, второй пункт которой гласил: «с дербенским наипом иметь согласие, и поступать ласково, и в среднем городе ево команды не отнимать, и по воротам оной крепости караулам быть от него, или как с общего согласия заблагодаря судите»²⁶.

В других пунктах той же самой инструкции было указано, чтобы с разрешения наиба купцы ездили в Персию, и только самого наиба и его посланников следовало пускать в крепость города: «Нижней город ведать вам же и ворота запереть боковые на поле, но сие чинить с согласия с наипом. И никою [в] Персию не пущать и разве когда наип будет говорить для отправления какова купечества, отправлять какое судно, тогда отпирать и караул иметь... В верхнюю крепость кроме наипа и присланных от него жителей здешних кроме тех, которые там живут домами, без своего позволения никого не пущать, и ворота в верхней крепости, и нижнего города также, и которые есть на поля держать под своим караулом, и без дела не отворять, только калитку иметь отперту у тех ворот, которые [ведут] в Нижний город»²⁷. Подобное правило стало следствием запрета всем комендантам крепостей и ретраншементов «чужеземцев магометанского закона никакой нации в крепость не пущать; а кто будет прислан, от которого владельца с письмом, у таких принимать письма, и разговаривать за крепостью, так же которые станут привозить какой харч, таких отводить места от крепости ..., и там покупать и продавать, а в крепость не пущать»²⁸.

Наиб Дербента совместно с комендантом города осуществлял правосудие в тех случаях, когда в противоправные дела были вовлечены, с одной стороны, солдаты и офицеры, с другой, местные жители. Каждая сторона судилась по собственным законам: «Ежели будут происходить между здешних обывателей и салдат какие ссоры и будет челобитье, розыскивать праведно, буде побьет челом персиянин,

24 Там же. Д. 259. Л. 201 об.

25 Там же. Л. 216.

26 Там же. Д. 216. Л. 198–201.

27 Там же.

28 Там же. Л. 192, 203–205 об., 206–209 об.

то сказать через посылку наипу, чтоб для розыску приехал, буде же сам при том быть не похочет, то б прислал своего юзбашу. А вам от себя посылать афицера и розыскивать верно и ни в какие несправедливыя обиды не допускать. А ежели салдат побьет челом на дербенского жителя, то делать против вышеписанного ж, а буде учинитца ссора между афицерами, то рассуждать самим купно с наипом. А буде подлых людей, то определить афицера, а к наипу послать, чтоб от себя афицера ж определил, и так все ссоры купно с ними вышеписанным порядком судить, наказания чинить каждому народу по их правам»²⁹.

В один конфликтный случай был втянут сам наиб Имам Кули-бек. Как отмечал комендант города А.Т. Юнгер в своем донесении генералу М.А. Матюшкину, в 1725 г. произошла ссора между наибом и дербентскими армянами во главе с их епископом Мартиросом. Причиной послужила судьба купленной наибом у местных жителей за 350 руб. «девки ясырки черкесски» в качестве «подарка Ея Величеству Государыне Императрице» Екатерине I. Однако некий армянин Яков Миризян (Миржанов) сумел увезти данную «девку» со двора наиба, проживавшую с его женами, и спрятать в амбаре у епископа Мартироса, где она провела четыре дня. Наиб пожаловался коменданту на дербентских армян, от которых, по его словам, «нам житья не стало», доходило до того, что его «самово они обижают» и далее «будут и жен наших уводить из домов наших» [26, с. 293–294]. Дербентские армяне, в случае наказания Якова, погрозились покинуть Дербент. Как выяснилось из показаний черкешенки, армянский епископ Мартирос был в курсе всей этой истории. Коменданту приходилось сталкиваться с подобными действиями епископа, о чем он извещал военное руководство Низового корпуса Императорской армии: «онные неприятели от армян чинятся чрез самово их епископа Мардироса, и признаваю, что он их армян доброму смирению и порядочному житию не учит, токмо им он потатчик...» [26, с. 294]. Для российской администрации данный инцидент был сложным для разрешения, поскольку она не могла оставить без внимания жалобу наиба, которого «с людьми его раздрожить не можно и надлежит быть к ним ласкову», с одной стороны, и невозможно «также и армян не дать ни в малую обиду и за них стоять и беречи их», с другой [27, с. 294].

Видимо, отношения между наибом и армянским епископом Мартиросом были сложными и непростыми. Последний старался показать наиба в негативном качестве, сообщая неправдоподобную информацию о нем до российской администрации. Так, в 1724 г. епископ заявил коменданту «Юнгеру будто усмей, Сурхай и шемхал з дербенским наипом согласились, чтоб обратца и вырубить русских и армян, обретающихся в Дербени...»³⁰. Здесь уместно будет ограничиться оценкой самого коменданта, что «епископ Мардирос о некоторых случаях чинил доношения, чего и не бывало» [27, с. 294].

²⁹ Там же.

³⁰ Книга Персидского наряда. «О бытии у разграничения при генерал-майоре Румянцеве майору Герберу и подполковнику фон-Лукею, и о замешании в Ряще и в Баке; об убийстве полковника Зинбулатова и прочих и об отправлении в Низовой корпус от артиллерии майора, француза, Меклера» (1724–1728) // РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/ 47. Д. 4. Л. 20.

Поддержкой наиба в урегулировании отношений с российской администрацией пытался заручиться уцмий Ахмед-хан, изначально не смилившийся с присутствием российской власти в Дагестане. В 1725 г. он обратился к наibu с письмом (аналогичное письмо он отправил и коменданту города), в котором информировал, что отправил к нему «вернова своего слугу мулла Магамет-казы с вашими людьми и с шихом моим Аджи Сафи» для того, чтобы «учинить между собою и нами верную дружбу, и между нами бы никакой противности не было». Далее уцмий просил наиба, чтобы он отправил от себя и «от русских несколько человек» для переговоров и «чтоб были всегда в дружбе, о чем и люди мои о том желают, что с вами и с рускими быть в приятстве»³¹. 26 июня 1725 г. письмо с аналогичным текстом наibu отправил шамхал Адиль-Гирей³², видимо, пытаясь с помощью наиба смягчить сложные российско-шамхальские отношения. Однако к этому времени проблема настолько усугубилась, что ее решение российская администрация видела только в пленении и отстранении шамхала от власти, что в итоге и произошло.

В сентябре 1726 г. Имам Кули-бек отправился в Петербург, где провел несколько месяцев. Наиб несколько раз (2 ноября, 29 декабря 1726 г., 4 января, 15 марта 1727 г.) был принят князем А.Д. Меншиковым, на тот период президентом Военной коллегии, и вместе с ним посетил императрицу Екатерину I в Зимнем дворце, с которой он был лично знаком еще с августа 1722 г. [28, с. 473, 498, 501, 526]. Сменивший в феврале 1726 г. в должности командующего Низовым корпусом больного генерала М.А. Матюшкина князь В.В. Долгоруков предостерегал центральные власти, чтобы наиба не одаривали дорогими подарками и не выплачивали ему сверх положенного жалованья, поскольку и другие горские владетели захотят всего этого блага для себя. «Еже ль ево (наиб. – авт.) высоко поведут и по его желанию все ему отдадут, то так здешние дела тем повредят, что исправит будет невозможно. Первое, что здешние владельцы, как дагистанские, так и горские пожелают такова ж всякой себе награждения, что уже и видно, усмей ко мне прислал первого своего человека, написав челобитную, чтоб ево отправить к двору, в челобитье ево написано, чтоб ему и детям ево, и ближним ево людям, и секретарям, и узденям погодно давать, по чему ему давалось от персического шаха на всякой год больше двенадцати тысяч рублев»³³, – заключал князь.

В.В. Долгоруков считал и без того «не ущербным» положение наиба, которому со времени перехода его в российское подданство и «по нынешнее время (сентябрь 1726 г. – авт.) как денег, так и хлеба не мало дано» – более 10 тыс. руб. Кроме этого, наиб владел деревнями Дербентской округи, с которых доход «имеет великое», а «нам из ево богатства какая польза может быть». Поэтому

31 Реестр книгам входящим в Кабинет из присудственных мест и от других персон сообщениям, письмам и прочим делам 1725 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 74. Л. 847.

32 Сношения России с Персией «Дела Андреевской деревни» (1716–1724) // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 367.

33 Реестр книгам входящим в Кабинет из присудственных мест и от других персон сообщениям, письмам и прочим делам 1726 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1033 и об.

здешний народ такой, «что умерено их содержать к нашей пользе прибыльно» [29]. Вероятно, к советам В.В. Долгорукова в Петербурге прислушались: по распоряжению императрицы наибу было выдано жалованье в три тысячи рублей – не более того, что он получал ежегодно. Не был наиб наделен и новым чином. До конца своей жизни Имам Кули-бек оставался в чине российского генерал-майора. В 1731 г. после его смерти должность наиба перешла его брату, полковнику Алла Кули-беку [30, с. 258].

Подводя итоги, прежде всего, следует обратить внимание на то, что наиб, служивший при прежней персидской администрации, удачно перестроился под новые военно-политические реалии, перейдя на службу империи и сохранив за собой должность наиба при новой власти. Политическая позиция наиба в сложившейся международной ситуации была, на наш взгляд, единственно верной – благодаря его действиям жители Дербента сохранили свое имущество и положение, перешли под покровительство сильной державы, получили возможность свободной торговли в России. Горожанам не было смысла и шансов оказывать военное сопротивление многочисленной, сильной, хорошо организованной петровской армии – в противном случае их ожидала тяжелая, гибельная участь. В качестве такого примера – осада Баку в июле 1723 г., когда после отказа от сдачи начался артиллерийский обстрел, продолжавшийся несколько дней и вызвавший гибель защитников и горожан, разрушения и пожары; в итоге начальник гарнизона (юзбаша) Дергах Кули-бек объявил о сдаче города, а жители Баку приветствовали русских солдат [30, с. 94–95]. В отличие от ряда дагестанских владетелей, у которых была возможность не проявлять лояльность Петру и чьи владения не входили в сферу его интересов, с Дербентом дело обстояло иначе. Дербент, имевший особое стратегическое значение, изначально входил в число городов, которые Петр I планировал присоединить к Российской империи, взятие его было одной из важнейших задач Персидской кампании. Мощь и сила русской армии, заблаговременно разосланный императорский манифест, гарантии безопасности обусловили решение дербентского наиба с первых дней вступления российских войск в Дагестан выразить свою покорность государю Петру Великому. Имперская власть в свою очередь высоко оценила позицию наиба, проявив благосклонность не только наибу, но и ко всем горожанам. Наибу была предоставлена возможность служить империи и даже осуществить визит ко двору императрицы Екатерины I. До конца своей жизни наиб остался верен российской власти.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Пётр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона». Рук.- Ш.А. Магарамов.

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-42023 "Peter the Great in the historical fate of the Caucasus-Caspian region". Leader - Sh.A. Magaramov.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потто В.А. Петр I на берегу Каспийского моря. СПб.: В. Березовский, 1912. – 14 с.
2. Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. – 194 с.
3. О Персидском походе при государе Петре Великом бывшем // Русский архив. 1899. № 12. С. 481–491.
4. Имам-Кули-бек // Гусейнов Г.-Б.Я. Краткая энциклопедия города Дербента. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2005. С. 306–307.
5. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М.: В Университетской типографии, 1789. – 449 с.
6. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина, 1906. – 468 с.
7. Магарамов Ш.А. Этно-конфессиональная картина города Дербента в VI–XIX вв. // История, археология и этнография. Т. 16. № 1. 2020. С. 50–75.
8. Краткая летопись войнам, веденным русскими против персиян // Отечественные записки. Ч. 32. СПб., 1827. С. 53–93.
9. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку: Изд-во «Элм», 1975. – 232 с.
10. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 2. Т. IV. СПб.: Печатано в Военной типографии Главного штаба, 1823. – 255 с.
11. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 60–120.
12. Материалы для истории русского флота. Ч. IV. СПб.: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1867.
13. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1763. – 380 с.
14. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. 221 с.

REFERENCES

1. Potto VA. *Peter I on the shore of the Caspian Sea [Petr I na beregu Kaspiyskogo morya]*. Saint-Petersburg: V. Berezovsky, 1912.
2. *Travel journal of 1722 [Pokhodnyy zhurnal 1722 g.]*. Saint-Petersburg, 1855.
3. About the Persian campaign under the former sovereign Peter the Great [O Persidskom pokhode pri gosudare Petre Velikom byvshem]. *Russian archive*. 1899, 12: 481–491.
4. Imam-Kuli-bek. In: Guseynov G.-B. Ya. *Brief encyclopedia of the city of Derbent*. Makhachkala: Yupiter, 2005: 306–307.
5. Golikov II. *Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from reliable sources and arranged by years [Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennye po godam]*. Part VIII. Moscow, 1789.
6. Kozubsky EI. *History of the city of Derbent [Istoriya goroda Derbenta]*. Temir-Khan-Shura, 1906.
7. Magaramov ShA. Ethno-religious composition of the city of Derbent in the VI-XIX centuries. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(1): 50–75.
8. Brief chronicle of the wars waged by the Russians against the Persians [Kratkaya letopis' voynam, vedennym russkimi protiv persiyan]. *Otechestvennye zapiski*. Part 32. Saint-Petersburg, 1827: 53–93.
9. Aliev FM. *Anti-Iranian speeches and the struggle against the Turkish occupation in Azerbaijan in the first half of the 18th century [Antiiranskie vystupleniya i bor'ba protiv turetskoy okkupatsii v Azerbaydzhane v pervoy polovine XVIII v.]*. Baku: Elm, 1975.
10. Buturlin DP. *Military history of Russian campaigns in the 18th century [Voennaya istoriya pokhodov rossiyan v XVIII stoletii]*. Part 2. Vol. IV. Saint-Petersburg, 1823.
11. Herber J.-G. Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728. [Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan XVIII-XIX centuries. Archival materials*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958: 60–120.
12. *Materials for the history of the Russian fleet [Materialy dlya istorii russkogo flota]*. Part IV. Saint-Petersburg: Printing house of the Naval Ministry in the Main Admiralty, 1867.

15. Бумаги императора Петра I. СПб.: Тип. 2-го отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1873. – 59 с.
16. Мельгунов Г.В. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. Т. 110. 1874. С. 5–60.
17. Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М.: Синодальная типография, 1914. – 416 с.
18. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испогань, в Пекин, в Дербент и Константинополь» Ч. 3. СПб.: при Имп. Акад. наук., 1776. – 247 с.
19. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. Исследования выявленного объекта культурного наследия «Домик Петра I» в Дербенте // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3 (43). С. 165–182.
20. Потто А.В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1881. – 385 с.
21. Лантева Т.А. Дербент в составе Российской империи: Письма коменданта полковника А.Т. Юнгера в Кабинет Е.И.В. (1722–1725) // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2019. С. 105–129.
22. Гаджиев М.С., Юсуфов В.М. Петр Великий и Дербент // Мавраевъ. № 4 (5). 2014. С. 2–10.
23. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII века. Сборник статей / Под. ред. Р.Г. Маршаева. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958 г. – 336 с.
24. Комаров В. Персидская война 1722–1725. М.: в Университетской тип., 1867. – 68 с.
25. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.). Сборник архивных документов. Махачкала: Мавраевъ, 2020. – 376 с.
26. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. М., Изд-во МГУ. 1951. – 247 с.
27. Черкешенка для императрицы Екатериной Первой // Русский архив. 1911. № 6. С. 293–296.
28. Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. М.: 13. Soymonov FI. *Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made on it, as part of the history of the Emperor Peter the Great* [Opisanie Kaspiyskogo morya i chinenykh na onom rossiyskikh zavoevaniy, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikogo]. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763.
14. Sotavov NA. *North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century* [Severnyy Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh v XVIII v.]. Moscow: Nauka, 1991.
15. *Documents of Emperor Peter I* [Bumagi imperatora Petra I]. Saint-Petersburg, 1873.
16. Melgunov GV. Campaign of Peter the Great in Persia [Pokhod Petra Velikogo v Persiyu]. *Russkiy vestnik*. Vol. 110. 1874: 5–60.
17. Sheremetev PS. *Vladimir Petrovich Sheremetev. 1668–1737*. Moscow: Synodal Printing House, 1914.
18. *Bell's travel through Russia to different Asian lands; namely: Isphahan, to Beijing, to Derbent and Constantinople* [Belevy puteshestviya cherez Rossiyu v raznye Asiyatskie zemli; a imenno: Ispogan', v Pekin, v Derbent i Konstantinopol']. Part 3. Saint-Petersburg: Imp. Acad. of Sciences, 1776.
19. Gadzhiev MS, Abiev AK, Budaichiev AL, Abdullaev AM, Shaushev KB. Research of the identified object of cultural heritage “House of Peter I” in Derbent [Issledovaniya vyyavlennogo ob'ekta kul'turnogo naslediya «Domik Petra I» v Derbente]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2015, 3(43): 165–182.
20. Potto AV. *Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies* [Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh]. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1881.
21. Lapteva TA. Derbent as part of the Russian Empire: Letters from Commandant Colonel A.T. Junger to the Cabinet of E.I.V. (1722–1725). [Derbent v sostave Rossiyskoy imperii: Pis'ma komendanta polkovnika A.T. Yungera v Kabinet E.I.V. (1722–1725)] *Peter I and the East. Proceedings of the XI International Peter's Congress*. Saint-Petersburg: European House, 2019: 105–129.
22. Gadzhiev MS, Yusufov VM. Peter the Great and Derbent. *Mavraev*. 2014, 4(5): 2–10.

Рос. Фонд культуры; Студия «ТРИТЭ», Рос. Архив, 2000. – 646 с.

29. Магарамов Ш.А. Российская империя в Западном Прикаспии в 1722–1735 гг.: опыт управления регионом // История. Т. 12. Вып. 10. (108). DOI 10.18254/S207987840017048-1

30. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 384 с.

31. Гаджиев М.С. Петр Великий и Дербент // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2016. С. 232–244.

23. *Russian-Dagestan relations of the XVII – the first quarter of the XVIII century. Collection of articles [Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoy chetverti XVIII veka. Sbornik statey]. R.G. Marshaev (ed.). Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1958.*

24. Komarov V. *Persian War of 1722-1725 [Persidskaya voyna 1722-1725]. Moscow, 1867.*

25. *Western Caspian within the Russian Empire (1722–1735). Collection of archival documents [Zapadnyy Prikaspiy v sostave Rossiyskoy imperii (1722–1735 gg.). Sbornik arkhivnykh dokumentov]. Makhachkala: Mavraev, 2020.*

26. Lystsov VP. *Persian campaign of Peter I [Persidskiy pokhod Petra I]. Moscow: MSU Publ., 1951.*

27. Circassian woman for Empress Catherine the First [Cherkeshenka dlya imperatritsy Ekaterinoy Pervoy]. *Russkiy arhiv*. 1911, 6: 293–296.

28. *Russian archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries [Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.]. Issue. X. Everyday notes on the affairs of Prince A.D. Menshikov. 1716–1720, 1726–1727 Moscow: Ros. Cultural Foundation; Studio “TRITE”, Ros. Archive, 2000.*

29. Magaramov ShA. The Russian Empire in the Western Caspian in 1722–1735: the experience of managing the region [Rossiyskaya imperiya v Zapadnom Prikaspii v 1722–1735 gg.: opyt upravleniya regionom]. *History*. Vol. 12. Issue 10. (108). DOI 10.18254/S207987840017048-1

30. Kurukin IV. *Persian Campaign of Peter the Great: Grassroots Corps on the Banks of the Caspian Sea (1722–1735) [Persidskiy pokhod Petra Velikogo: Nizovoy korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735)]. Moscow: Quadriga; United edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.*

31. Gadzhiev MS. Peter the Great and Dербent. *Petrovsky monuments of Russia and Europe: study, preservation, cultural tourism. Proceedings of the VII International Peter's Congress*. Saint-Petersburg: European House, 2016: 232–244.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182323-345>

Шихалиев Шамиль Шихалиевич
к.и.н., научный сотрудник
Университет Амстердама, Нидерланды;
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
shihaliev74@mail.ru

ДИСКУССИИ О СУФИЗМЕ В ДАГЕСТАНЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье дан анализ дискуссий о суфизме между представителями различных течений в Дагестане – суфийскими шейхами, с одной стороны, и лидерами исламских реформаторов, с другой. В вводной части дается краткий исторический экскурс об истории распространения суфизма в Дагестане. Первоначально, до распространения идей мусульманского реформаторства в Дагестане и даже параллельно с движением реформизма, дискуссия о легитимности тех или иных практик шла внутри разных групп суфийских общин. В конце имперского периода к этой полемике подключились реформаторы, более известные в научной литературе как джади́ды. Примечательно, что в среде реформаторов отношение к суфизму и суфиям было неодинаковым. Одна группа джади́дов считала суфизм легитимным в исламе течением, критикуя на страницах исламской прессы лишь современных им дагестанских суфийских шейхов. Другая группа реформаторов пошла дальше и не признавала легитимность суфизма вообще. Эта полемика не завершилась в ранний советский период, а перешла из прошлого в день настоящий. В постсоветский период ту же риторику о нелегитимности суфизма как течения, которого не было во времена пророка Мухаммада и первом поколении после него, подхватили уже современные салафиты. В свою очередь суфийские шейхи как ранне-советского, так и постсоветского периода также писали работы с опровержением взглядов своих оппонентов. Несмотря на общую риторику раннесоветских джади́дов и постсоветских салафитов, все же между ними нет преемственности традиций. Статья основана на анализе оригинальных арабских источников, в том числе рукописей и статей в местной прессе, многие из которых впервые введены в научный оборот.

Ключевые слова: суфизм в Дагестане; полемика; реформаторы; салафиты; дискуссии, рукописи, ислам.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182323-345>

Shamil Sh. Shikhaliev,
Cand. Sci. (History), Researcher
University of Amsterdam, Netherlands;
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
shikhaliev74@mail.ru

DISCUSSION OF SUFISM IN DAGESTAN IN THE HISTORICAL RETROSPECTIVE

Abstract. The paper analyses the discussion of Sufism between the representative of different trends in Dagestan – Sufi sheikhs, on the one side, and Islamic reformers on the other. The introduction part provides a brief historical excursus on the history of Sufism dissemination in Dagestan. Initially, before the spread of the ideas of Muslim reformism in Dagestan and even in parallel with the movement of reformism, the discussion about the legitimacy of certain practices took place within different groups of Sufi communities. At the end of the imperial period, the reformers, better known in the scientific literature as the Jadids, joined the discussion. It is noteworthy that among the reformers, the attitude towards Sufism and Sufis was not the same. One group of Jadids considered Sufism to be a legitimate trend in Islam, criticizing in the pages of the Islamic press only contemporary Dagestan Sufi sheikhs. Another group of reformers went further and did not recognize the legitimacy of Sufism at all. This controversy did not end in the early Soviet period, and survived to this day. In the post-Soviet period, the same rhetoric about the illegitimacy of Sufism as a trend, which did not exist during the time of the Prophet Muhammad and the first generation after him, was picked up by modern Salafists. In turn, Sufi sheikhs of both the early Soviet and post-Soviet periods also wrote works refuting the views of their opponents. Despite the common rhetoric of the early Soviet Jadids and post-Soviet Salafists, there is still no continuity of traditions between them. The paper is based on the analysis of original Arabic sources, including manuscripts and articles in the local press, many of which have been introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Sufism in Dagestan; controversy; reformers; Salafis; discussions, manuscripts, Islam.

В научной литературе устоялось мнение о тысячелетней истории суфизма в Дагестане. На протяжении долгого периода мы наблюдаем возникновение и развитие идей суфизма, проникновение в Дагестан братств Сафавийя, Сухравардийя, Халватийя, Накшбандийя, Шазилийя, Кадирийя [1]. Одни из этих братств так и не получили широкого распространения в Дагестане, другие развивались, но прекратили свое существование, третьи дошли до наших дней.

Суфизм играл и продолжает играть важную роль в духовной жизни народов Северо-Восточного Кавказа. Популярность идей суфизма в советский и постсоветский период была настолько высока, что некоторые суфийские обряды, такие как мавлид и посещение могил святых, часто практиковались и продолжают бытовать среди той части мусульман, которые не являются суфиями.

Весь период бытования суфизма в Дагестане он сталкивался с критическим отношением к нему со стороны ряда представителей мусульманской духовной элиты. Причем, авторитет некоторых из них был настолько высок, что это в некоторой степени обусловило снижение интереса к суфизму в Дагестане в определенный исторический период или даже вообще прекращению его развития.

Современный суфизм в Дагестане, представленный разными ветвями накшбандийского и шазилийских братств, сталкивается с критикой в свой адрес со стороны части мусульманской религиозной элиты, которая считает ряд практик противоречащими нормам шариата. Вместе с тем, скепсис богословов в отношении суфийских обрядов и практик мы можем наблюдать, начиная с середины 1990-х вплоть до сегодняшних дней, и он вовсе не является чем-то новым в истории Дагестана: он был и в имперский, и в ранний советский, и в послевоенный периоды. На современном этапе эти дискуссии являются всего лишь продолжением раннесоветских дебатов. Вместе с тем, современная критика суфизма и суфийских практик не является продолжением аналогичных дебатов, не опирается на предыдущие дискуссии, а развилась параллельно, будучи следствием обучения ряда дагестанцев в странах Ближнего Востока. Однако, несмотря на разные корни этой критики, все же современные дебаты по поводу легитимности суфизма и суфийских практик, практически идентичны тем, что были в раннесоветский период.

Краткий исторический экскурс

Первые сведения о распространении суфизма на Северо-Восточном Кавказе мы находим в арабоязычных источниках XI в. Дербентский богослов и суфийских шейх Абу Бакр Мухаммад ад-Дарбанди (между 1158-68–1145) в своем произведении «Райхан ал-хака'ик ва бустан ад-дака'ик» упоминает ряд суфийских шейхов, которые жили в Дербенте [2, с. 26]. Сам Абу Бакр ад-Дарбанди жил в период формирования суфийской идеологии и кодификации практики мусульманского мистицизма, предшествовавший появлению первых структурно оформившихся суфийских братств [3, с. 33–34].

С появлением сельджуков процесс распространения суфизма на Северо-Восточном Кавказе значительно активизировался, что в большой степени связано тем, что сельджуки весьма благосклонно относились к идеям суфизма [4, с. 691].

После утверждения в государстве Хулагуидов и в Золотой Орде ислама как государственной религии, монгольские ханы также симпатизировали суфийским шейхам и стремились заручиться их поддержкой [5, с. 46–47; 6, с. 326].

В XIV–XV вв. некоторые суфийские шейхи в Дагестане выступали активными миссионерами ислама в немусульманских регионах. В частности, об этом свидетельствует деятельность двух шейхов братства Сухравардийа – Хасана ас-Садика аш-Ширвани (уб. в 1305 г.) и Абу Бакра аш-Ширвани (ум. в нач. 1300 гг.), которые исламизировали ряд регионов центрального Дагестана [7, с. 107–126; 8, с. 864–887].

В XVI в. в Дагестане начало широко распространяться суфийское братство Халватийа [9, с. 202], которое было отпочковавшейся ветвью тариката Сухравардийа. Проникнув в Дагестан через Ширван, это братство вначале укрепилось в союзах сельских общин Южного Дагестана [10, с. 105–111; 11, с. 97–102; 12, с. 179–188]. Постепенно продвигаясь на северо-запад, оно распространилось в Центральном Дагестане и, наконец, достигло Западного Дагестана [13, с. 70–81], к тому времени относительно недавно исламизированного.

Халватийскому братству характерен сложный процесс инициации адептов. Вступление в братство сопровождалось непростой церемонией, которая включала в себя и сорокадневное уединение (*халват*), и дополнительные молитвы, с упором на аскетизм. Таков был подготовительный, начальный период, называемый «уход» (*хилла*), и только после этого начинающий суфий мог стать полноправным членом братства [14, с. 189; 15, с. 43].

По мнению шейхов этой ветви, суфии больше остальных людей следуют повелениям Аллаха, остерегаются Его запретов. То есть, по их мнению, суфии – это отдельная группа мусульман, которые «чище» и «лучше» других, потому что они более строго следуют повелениям Аллаха и очищают свое сердце от скверны [16, с. 57]. Очевидно, что деятельность Халватийа в Дагестане была обусловлена включением в свой круг узкого, ограниченного числа последователей, что с одной стороны говорит об элитарности этого братства, с другой – ввиду своей ограниченности и упором на избранность, вкупе со сложной ритуальной практикой, оно было маргинальным для Дагестана.

Небольшое количество трудов халватийских шейхов на Северо-Восточном Кавказе, свидетельствует о том, что братство не имело широкого распространения в Дагестане. В довольно богатой дагестанской книжной традиции мы встречаем всего несколько сочинений, написанных шейхами этой ветви. Это два сочинения Абу Хафса ‘Умара б. Мухаммада ас-Сухраварди (1145–1234/35 гг.) «И‘лам ал-худа» и «‘Авариф ал-ма‘ариф», сочинение дагестанского халватийского шейха Ахмада аз-Зирихгерани

«Силсилат ал-масну'ат»¹ и сочинение «Тифл ал-ма'ан», приписываемое халватийскому шейху из Ширвана Йусуфу ал-Мускури².

Ко второй половине XVIII в. деятельность этого суфийского братства в Дагестане прекратилась. По крайней мере, ни эпиграфический материал, ни другие письменные источники не подтверждают наличие того или иного суфийского шейха, суфийских общин Халватийа в этот период.

Рукописные сочинения халватийских шейхов, переписанные в Дагестане, показывают динамику интереса дагестанцев к этому братству в хронологическом срезе. В Институте истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, в самом крупном хранилище рукописей в Махачкале, хранятся две рукописи по Сухравардийа и Халватийа, переписанные во второй половине XVI в.³ В XVII в. количество переписанных в Дагестане сочинений халватийских шейхов стремительно растет и достигает 13 рукописей⁴. В XVIII в. пропадает интерес дагестанцев в целом к суфизму, о чем свидетельствует полное отсутствие сочинений халватийских шейхов, равно как и минимальное количество рукописей по суфизму других авторов. Интерес к работам халватийских шейхов вновь появляется уже во второй половине XIX в., что связано с проникновением и широким развитием в Дагестане Накшбандийского братства. Так, в XIX в. здесь было переписано 8 сочинений халватийских шейхов, причем самое раннее датируется 1856 г., а самое позднее – 1890 г.⁵

Конечно, приведенные выше цифры отражают наличие рукописей халватийских шейхов в одной коллекции. Вместе с тем, наш опыт работы с десятком частных коллекций показывает, что рукописи этих шейхов крайне редко встречаются в Дагестане, а имеющиеся списки датируются либо XVII⁶, либо XIX вв.⁷. К настоящему времени в частных коллекциях не найдено ни одного списка, который был бы датирован XVIII в.

Таким образом, можно говорить об уменьшении интереса к суфизму в Дагестане в целом, и к братству Халватийа в XVIII в., в частности.

Одной из причин такого снижения интереса к суфизму стала деятельность дагестанского ученого Мухаммада б. Муса ал-Кудуки (1652–1717) из аварского селения Кудутль в Северо-Западном Дагестане.

По примеру своего учителя Салиха ал-Йамани, который «критиковал суфизм и суфиев, считая их путь и тарикат противоречащими исламу и шариату»,⁸ Мухаммад ал-Кудуки выступал с критикой ряда положений теории

1 Коллекция Института ИАЭ, Ф. 14, № 1919 (b). Копия другого списка этого сочинения хранится в личном архиве автора.

2 Коллекция Института ИАЭ, Ф. 14 № 111 (g), 1959 (a), 2597 (c), 2850 (c). Копия еще одного списка этого сочинения хранится в личном архиве автора.

3 Коллекция Института ИАЭ, Ф. 14, №№ 1170, 1913.

4 Коллекция Института ИАЭ, Ф. 14, №№ 321, 569 (c), 680 (b), 763 (d), 1184 (g), 1611 (d), 1766 (b), 1918 (d), 1925 (e), 1959 (a), 2245, 2284, 2850 (c).

5 Коллекция Института ИАЭ, Ф. 14, №№ 111 (g), 674, 764 (c), 1200 (b), 1919 (b, c, l), ,

6 Коллекция Ибрахима-хаджи ал-Уради (с. Урада, Дагестан), № 32 (b)

7 Коллекция Дийа ад-Дина Йусуфа ал-Курихи (с. Гурик, Дагестан), № 110.

8 Али Каяев. История гражданской войны в Дагестане. Рукопись на арабском языке, № 209, с. 3. Рукопись хранится в личном архиве И.А. Каяева (1962 г.р.) в г. Махачкала. См. также: [17, с. 289].

мусульманского права и догматики, выходя в своих решениях за рамки шафитской правовой традиции и ашаритского богословия [18, с. 233].

Метод рационализма ал-Кудуки и его учеников в вопросах теории мусульманского права отразился и на его взглядах на догматику и суфизм. Ал-Кудуки, по примеру своего учителя Салиха ал-Йамани, придерживавшегося рационалистических позиций му'тазилитов, весьма критически относился к метафизическому опыту суфиев, о чем свидетельствуют дагестанские письменные источники [19, с. 335; 20, с. 279–281].

Мухаммад ал-Кудуки переформатировал всю учебную исламскую литературу в Дагестане, определив направление в системе исламского образования на несколько столетий вперед. В новой системе исламского образования изменились не только главные дисциплины, такие как мусульманское право, логика и грамматика арабского языка, но и внутри этих жанров поменялся определенный репертуар литературы – сочинения одних авторов, широко распространенных в Дагестане, были вытиснены другими авторами. Суфийская литература в этой системе в конце XVII–XVIII вв. занимала совсем незначительное место. Скептическое отношение ал-Кудуки и его учеников к иррациональному опыту суфиев совпало по хронологии с затуханием деятельности халватийского братства в Дагестане, как, впрочем, и в целом уменьшением значения суфизма и суфийской литературы в регионе.

В первой трети XIX в. в Дагестан проникло и начало активно развиваться братство Накшбандийа, представленное двумя параллельными ветвями (*вирд*) – Халидийа и Махмудийа [21, р. 41–71].

Первая ветвь, Халидийа, начала распространяться в Дагестане в конце 1820-х гг. Она была тесно связана с первым, Гази Мухаммадом (1795–1832), и третьим дагестанским имамом, Шамилем (1797–1871), которые возглавляли мусульманское сопротивление российскому завоеванию Северо-Восточного Кавказа. Оба имама считали себя учениками двух главных дагестанских халидийских шейхов – Мухаммада ал-Йараги (1771–1838) и Джамала ад-Дина ал-Газигумуки (1788–1866).

В период и после окончания Кавказской войны многие накшбандийские шейхи этой халидийской ветви предпочли эмигрировать в Османскую империю. Каждый из них также имел своих последователей, как на территории Османской империи, так и в Дагестане [22, с. 351–359; 23, с. 13–72; 24, 71–77; 25, с. 39–57].

Вторая ветвь накшбандийского братства, названная по имени закавказского шейха Махмуда ал-Алмали (1810–1877), развивалась продолжительное время в соседнем Ширване, преимущественно, среди дагестаноязычных мусульман-суннитов. Во второй половине XIX в. эта ветвь проникает в Дагестан и начинает конкурировать с ветвью Халидийа, имевшей к тому времени широкое здесь распространение.

Ветвь Махмудийа имела также определенное распространение в Волго-Уральском регионе, где она параллельно сосуществовала с другими

накшбандийскими сетями, проникшими туда через Центральную Азию, а позже и Османскую Империю [26; 27].

Распространяясь параллельно в Дагестане и Волго-Уральском регионе, в начале XX в. Накшбандийя вновь возвращается в Дагестан, уже объединенная с шазилийским тарикатом в лице дагестанского шейха Сайфуллы-кади Башларова (1853–1919). Последний имел несколько разрешений на наставничество в тарикате (*иджаза*), в том числе накшбандийскую, шазилийскую и кадирийскую *иджазы*, полученные им от татарских шейхов в г. Троицке и в Астрахани [28, с. 166–198]. Вернувшись в Дагестан, Сайфулла-кади Башларов несколько изменяет организационную структуру Накшбандийя, объединяя ее с шазилийской практикой, где последняя выступала в качестве подготовительной ступени для перехода в Накшбандийя [29, с. 137–152]. В последующем, эта ветвь, объединившая в себе дагестанские и поволжские ветви Махмудийя, несколько накшбандийских ветвей, распространенных в Волго-Уральском регионе, а также шазилийскую ветвь, начала широко распространяться в Дагестане.

В бурных политических событиях Революции и Гражданской войны в Дагестане, суфийские шейхи не имели единой позиции в отношении тех или иных политических групп. Причем, симпатии шейхов и их приверженность той или иной политической силе не зависели от их принадлежности к определенному вирду. В одном политическом лагере были шейхи, принадлежавшие разным суфийским вирдам.

По мере укрепления советской власти, в конце 1920-х гг. усилилась антирелигиозная кампания в Дагестане. Итогом этого стало повсеместное закрытие мечетей и святых мест (*зийаратов*), упразднение шариатских судов, изъятие вакуфов в пользу крестьянских комитетов. Многие представители мусульманской духовной элиты, в том числе суфийские шейхи, были репрессированы.

С началом Второй Мировой войны отношение к религии и религиозным организациям в стране претерпело некоторые изменения. В этот период началось возрождение старых и формирование новых религиозных центров. В 1943–1944 гг. было создано четыре муфтията, в том числе Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК).

Частичная легализация ислама весь послевоенный советский период проводилась под контролем Совета по делам религиозных культов. Советское правительство пыталось с помощью официального института мусульман контролировать религиозную жизнь мусульман страны и в том числе через них претворять в жизнь законы и постановления правительства СССР.

С этого периода начинается борьба советской власти с суфизмом, сети которого были неподконтрольны ДУМСК, равно как и контролирующему его советскому органу.

Идеологическая борьба с суфизмом шла в двух направлениях. Первое – это критика суфизма как «пережитка прошлого», который в первую очередь стал мишенью советской прессы и научно-популярной литературы.

В дагестанских газетах на русском и местных национальных языках периодически печатались резкие критические статьи против суфизма и суфийских практик. В этот же период было написано немало брошюр, как против суфизма, так и против ислама в целом. Как правило, такие статьи и брошюры писались учеными обществоведами, работавшими в научных учреждениях и преподававшими на кафедрах научного атеизма, появившихся в советских вузах с 1959 г. Они представляли адептов суфизма в виде «мракобесов» и «реакционеров» из лагеря противников советского государства и общества.

Второе направление было связано с деятельностью подконтрольного советскому правительству ДУМСК.

Не ограничившись развертыванием пропаганды против «культа святых», основную работу по борьбе с суфизмом советская власть возложила на ДУМСК. С середины 1950-х по конец 1980-х годов ДУМСК выпустило целый ряд религиозно-правовых заключений (*фатава*) на русском и некоторых местных дагестанских языках против суфизма и практики посещения святых мест (*зийарат*) [30, р. 55–102].

Несмотря на антисуфийскую направленность органов советской власти, суфийские братства не прекратили свое существование. Парадоксальным образом, переселенческая политика советского государства, осуществляемая в 1950–70 гг., повлияла на распространение суфийских сетей в тех регионах Дагестана, где они были утрачены [31, р. 398–420].

Возрождение религиозной жизни, в том числе и суфийских братств, которое началось со второй половины 80-х годов, способствовало резкой активизации деятельности суфийских шейхов Дагестана. Выйдя из полулегального существования, они значительно расширили географию своего влияния. Просуфийская деятельность постсоветского Духовного управления привела к его распространению практически во всех районах республики. И если к концу советского периода в Дагестане было всего лишь несколько суфийских шейхов, то с середины 1990-х гг. их количество начало стремительно расти, так что к середине 2000-х в Дагестане насчитывалось более 20 шейхов накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов [32, с. 115–120]. Эти шейхи были представлены в основном четырьмя основными вирдами, отличающимися друг от друга особенностями ритуальной практики [33, с. 138–148; 34, с. 216–231].

Дискуссии о суфизме в поздний имперский и ранний советский периоды

После распада СССР мы наблюдаем всплеск интереса историков, востоковедов, журналистов и политологов к исследованию суфизма. Как правило, этот интерес был обусловлен идеологическим или политическим противостоянием суфиев и ваххабитов в постсоветский период. Зачастую религиозная полемика этих двух групп определяется исследователями как возникшая именно

в 1990-е гг. Вместе с тем, дагестанские арабоязычные письменные источники показывают, что дискуссии о легитимности суфизма и суфийских практик появились в Дагестане намного раньше, примерно в конце XIX в. Причем, шли они как среди противников суфизма в целом, так и внутри параллельных суфийских групп. Условно эти дискуссии можно разделить на два типа.

Первый тип характеризуется полемикой по поводу легитимации той или иной ветви и суфийских ритуальных практик внутри параллельных ветвей Накшбандийа [35].

Начало дискуссии по поводу легитимности параллельной ветви Накшбандийа было положено дагестанским шейхом ветви Махмудийа Шуайбом ал-Багини. В своем произведении, посвященном биографиям суфийских шейхов, он поставил под сомнение легитимность шейха Абд ар-Рахмана ас-Сугури (1792–1882), представляющего параллельную халидийскую ветвь. Поскольку в накшбандийском тарикате считается обязательной непрерывность духовной генеалогической цепи (*силсила*), ал-Багини делает вывод о том, что все шейхи, которые связаны по силсиле с Абд ар-Рахманом ас-Сугури, являются «мнимыми шейхами» (*муташаййих*), а, следовательно – нелегитимными [36, с. 377–397]. Критика Шуайба ал-Багини была направлена также на практику громкого зикра, характерную для последователей халидийской ветви. По его мнению, громкий зикр связан с братством Кадирийа и не может быть применим в Накшбандийа [36, с. 396–397].

Другой дагестанский шейх этой ветви, Сайфулла-кади Башларов, продолжил традицию критики «мнимых шейхов» (*муташаййих*). В одном из писем своему ученику и преемнику Хасану ал-Кахи, он пишет: *«Я путешествовал во многих странах и общался с разными рабами [Аллаха] и я не видел и не слышал более вредных, более скверных и более отдаленных от Всевышнего Аллаха, чем те, которые утверждают, что они самые совершенные суфьи. Свою суть души они считают совершенной и внешне проявляют это в своем образе. Вместе с тем, они не веруют в Аллаха, в Его Посланника и в Судный День. Они не придерживаются твердых рамок шариата... Они утверждали, что являются шейхами, вместе с тем они не являлись последователями совершенного наставника (ал-муриид ал-кадил)»* [37, с. 21].

Преемник ал-Багини и Башларова – шейх Хасан ал-Кахи, являющийся автором наибольшего количества суфийских сочинений из числа дагестанских авторов, практически в каждой работе затрагивал вопрос нелегитимности «мнимых шейхов» [38–43]⁹. Одна из его работ «Предостережение следующих [по мистическому пути] от обмана мнимыми шейхами»¹⁰ специально посвящена этому вопросу [44].

9 Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи. Файд ар-Рахман фи зикр калам Абд ар-Рахман (Рукопись; копия хранится в личном архиве автора); Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи. ал-Джавхара ал-нафиса фи и'ана ат-тарика ан-накшубандийа. Рукопись, копия хранится в личной коллекции М.Г. Шехмагомедова (1981 г.р., сел. Мачада Шамильского района РД).

10 Хасан б. Мухаммад ал-Хилми. Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташаййихин. Рукопись // Коллекция Института ИАЭ. Ф. 14. № 1722

В свою очередь, некоторые халидийские шейхи возражали на критику со стороны махмудийских шейхов. Так, в одном из своих писем халидийский шейх, выступая против критики своего шейха Абд ар-Рахмана ас-Сугури со стороны Хасана ал-Кахи, писал: «*Большинство того, что содержится в «Бурудж ал-мушаййада»¹¹ ложно и не соответствует действительности. [Абд ар-Рахману] ас-Сугури разрешение на наставничество (иджаза) передал Джамалутдин [ал-Газигумуки]. Затем, когда он сопровождал [Мухаммада] ал-Йараги, тот передал ему абсолютную иджазу на наставничество по мере достижения им совершенства. Затем [когда ас-Сугури] совершал паломничество (хаджж) совместно с Исмаилом ал-Курдамири, тот, будучи весьма доволен шейхом ас-Сугури, [также] передал ему иджазу... И упрек этого достойного шейха Хасана ал-Кахи [в нелегитимности] шейха ас-Сугури подобен свинцовой пуле, выпущенной из винтовки в железную гору»¹².*

Вопрос «истинных» и «мнимых» шейхов бурно обсуждался в среде суфиев в поздний имперский и весь советский период. Во многих сочинениях махмудийских шейхов были четко обозначены принципы и условия, которым должен соответствовать «истинный» шейх (*ал-муриид ал-каmil*). Естественно, обозначая критерии, которым должен соответствовать «совершенный шейх», махмудийские шейхи показывали, что многие шейхи параллельной халидийской ветви не соответствуют этим требованиям.

Второй тип – это критика богословами, не являющимися суфиями, ряда суфийских практик, таких как посещение святых мест (*зийарат*), обращения с мольбой к Аллаху посредством шейхов и праведников (*таваccул*), обращение за помощью к кому-либо помимо Аллаха (*истигаса*). В поздний имперский и ранний советский период такая критика исходила от последователей мусульманского реформаторства в Дагестане¹³, в советский период – от имени ДУМСК, а в постсоветский период – со стороны салафитов и ряда представителей шафиитской правовой традиции, обучавшихся в странах Ближнего Востока.

Говоря о мусульманских реформаторах, необходимо отметить, что по отношению к суфизму их взгляды несколько отличались. Так, некоторые из них не выступали против суфизма как течения, считая его легитимным в исламе. Их критика была направлена против своих современников-шейхов, которых они упрекали за нарушение ими норм шариата и использование суфизма в достижении мирского благополучия.

Ярким примером этого служит арабоязычный журнал «Байан ал-хакаик», издаваемый в Дагестане в период с 1925 по 1928 гг. [47].

11 Сочинение шейха Хасана ал-Кахи, в котором он критикует халидийскую ветвь за нарушение ими принципов тихого зикра, а также ставит под сомнение легитимность шейхов этой ветви ввиду того, что духовная генеалогия этих шейхов была прервана. См. [38, с. 226–228].

12 Копия письма хранится в личном архиве автора.

13 О движении мусульманского реформаторства в Дагестане и классификации его последователей см.: [45, с. 134–169; 46, р. 593–624].

Целью этого журнала, как писал его главный редактор Абусуфьян Акаев (1872–1931) является «разъяснение достоинств ислама, выявление истины и очищение шариата от вредоносных новшеств и домыслов»¹⁴.

В этом журнале немало положительных статей о суфизме, в нем приводятся фрагменты трудов, как ближневосточных суфиев Средневековья, так и некоторых современных дагестанских шейхов. В то же время, практически в каждом номере журнала встречаются статьи, где авторы критикуют своих современников-шейхов, отмечая их низкий уровень образования, стяжательство, жажду наживы, нарушение норм шариата.

Так, в одном из номеров журнала, Абусуфьян Акаев пишет: «Нет ни одного довода, указывающего на то, что следование суфизму является предписанием и обязанностью. Вместе с тем, шариат не запрещает, а наоборот, поощряет следовать суфизму при условии, что его практика не противоречит нормам шариата. В прошлом были очень праведные шейхи, которые наставляли людей в тарикате. С течением времени же увеличилось среди них количество лжецов, которые претендуют на степень шейха»¹⁵.

Как мы видим, критика «лжешейхов» со стороны реформаторов этой группы схожа с аналогичной критикой со стороны последователей махмудийской ветви Накшбандийа.

Другая группа реформаторов крайне критично относилась не только к суфиям, критикуя их «стяжательство», «невежественность», «обман необразованных мусульман» или «жажду наживы», но и считала суфизм «вредоносным новшеством» (*бид'а*), суть которого противоречит нормам шариата.

В подавляющем большинстве это были ученики одного из главных лидеров реформаторского движения в Дагестане Али Каяева (ал-Гумуки, 1878–1943) [48].

Сам Али Каяев оставил много работ в области публицистики, истории, теории мусульманского права. Вместе с тем, анализ его наследия показывает, что сам Али Каяев не критиковал ни суфизм в целом, ни отдельные суфийские практики. Более того, он положительно отзывался о праздновании дня рождения пророка Мухаммада (*мавлид*), получившем широкое распространение среди суфиев в конце XIX – первой трети XX вв.¹⁶.

Несмотря на это, многие из его близких учеников, в числе которых следует отметить Мухаммада Абд ар-Рашида ал-Харакани (1900–1927), Мухаммада 'Умари ал-Ухли (1897 – сер. 1940-х гг.), Мас'уда ал-Мухухи (1893–1941), Абд ар-Рахима ал-Аймаки (ум. в 1980-х гг.) и М.-С. Саидова (1902–1985) критиковали и суфизм, и суфиев.

14 *Абу Суфьян Акаев*. От редакции // Байан ал-хака'ик. Буйнакск. 1925. № 1. С. 1.

15 *Абу Суфьян Акаев*. Письмо Абд ал-Ваххаба аш-Шарани // Байан ал-хака'ик. Буйнакск, сентябрь 1925 г.

16 *Али ал-Гумуки*. Мавалидуна // Джаридат Дагистан. 2 января 1915. № 1, с. 4.; Его же, Мавалидуна // Джаридат Дагистан. 26 декабря 1915. № 52, с. 4.; *Его же*, ал-Мавлид фи Джунгутай // Джаридат Дагистан. 1 января 1917. № 1, с. 4. См.: [49, с. 162–165].

Наиболее жестким критиком суфизма был Мухаммад Абд ар-Рашид ал-Харакани, на работу которого написал опровержение преемник шейха Хасана ал-Кахи Мухаммад ал-Йа'суби (1872–1942).

Дагестанский востоковед М.-С. Саидов, который близко дружил с Мухаммадом Абд ар-Рашидом, в своих воспоминаниях писал об отношении этого ученого к суфизму: *«В начале учебы он изучал логику, философию, суфизм и другие науки, которые были распространены в Дагестане. Мухаммад Абд ар-Рашид был инициирован (талкин) в суфизм одним из известных шейхов, однако его яркий и острый ум не был удовлетворен объяснением формы и сути [суфизма], и он глубоко погрузился в поиск истины. Вследствие такого поиска он понял истину суфизма, его основные начала и при свидетелях заявил о ложности (бутлан) суфизма и о полном отклонении суфизма от норм ислама, приводя при этом очевидные, веские доводы. Тогда он объявил непримиримую священную войну (джихад) искажению [ислама] суфиями. Он разметал в пыль намерения и обман суфиев, так что всем стало очевидным неспособность этих отступников-суфиев (марик) возразить ему. Суфии же в свою очередь стали обвинять его в отступничестве от ислама. Они уговаривали его отказаться от вражды с суфиями, в противном случае, говорили они, на него падет трость обладателей чудотворств (карамат)¹⁷. Однако он, да смилуется над ним Аллах, продолжал твердо стоять на своем пути [критики суфизма] и вел явную борьбу с ними вплоть до своей смерти в 1928 году»¹⁸.*

В Коллекции ИИАЭ ДФИЦ РАН хранится фрагмент письма Мухаммада Абд ар-Рашида одному из суфийских шейхов Дагестана. Судя по контексту, шейх обосновывает легитимность совершения зикра в суфизме. В ответ Мухаммад Абд ар-Рашид пишет: *«Конечно же, я не отрицаю совершение зикра после молитвы или же в других некоторых случаях, которые имели место в первые три столетия [ислама]. Однако, я не принимаю ничего, что не было передано через нашего пророка и его сподвижников. Я отвергаю любые вредоносные новшества (бид'а), которые были включены в сунну [пророка] и следую принципу «следовать повелениям [Аллаха] и отрицать порицаемое (ал-амр би-л-ма'руф ва-н-нахй 'ан ал-мункар)»». В этом же письме Мухаммад Абд ар-Рашид упрекает адресата за то, что тот пожаловался учителю Мухаммада Абд ар-Рашида – Мухаммаду ал-Харикули и попросил последнего приехать к своему ученику, чтобы Мухаммад Абд ар-Рашид ал-Харакани отказался от критики суфизма¹⁹.*

В одной из своих заметок Мухаммад Абд ар-Рашид ал-Харакани пишет о том, что суфизм является течением, которое ослабляет ислам, принося в него

17 Образное выражение, то есть, если Мухаммад Абд ар-Рашид не прекратит свою критику суфизма, то чудотворства суфиев обрушат на его голову беду.

18 Саидов М.-С. Тазкира (воспоминания). [Краткая биография Мухаммада Абд ар-Рашида ал-Харакани]. Коллекция ИИАЭ. ФМС. Оп. 5. № 52. Л. 16.

19 Письмо на арабском языке Мухаммада Абд ар-Рашида ал-Харакани неизвестному адресату. Коллекция ИИАЭ. ФМС. Оп. 5. № 574. Л. 1а-1б.

порицаемые новшества²⁰. Ему также приписывают следующие слова: «*Да проклянет Аллах суфизм (тававуф). Поистине, это – болезнь, и тот, кто следует ему – пропадет*»²¹.

Мухаммадом Абд ар-Рашидом ал-Харакани было написано сочинение, в котором он подвергал жесткой критике некоторые суфийские практики, такие как *таваассул*, *зикр*, *рабита*²². Он также считал ложным способность шейхов совершать «чудотворства», «необычные деяния» (*карамат*). Тех же, кто совершает *рабита*, предусматривающую духовную связь мурида со своим шейхом, Мухаммад Абд ар-Рашид ал-Харакани считал многобожниками (*мушрикун*), приравнивая эту практику приданию Аллаху сотоварищей.

Само его сочинение, содержащее критику суфизма и суфийской ритуальной практики, к настоящему времени не найдено. Эта работа воспроизводится по сочинению другого дагестанского автора – накшбандийского и шазилийского шейха Мухаммада ал-Йа‘суби, написанному в качестве ответа на критику ал-Харакани²³.

Другой ученик Али Каяева – Мухаммад Умари ал-Ухли также выступал противником суфизма. В частности, его племянник Абд ал-Хафиз-хаджи ал-Ухли так писал о нем: «*Мухаммад Умари ал-Ухли конфликтовал с великими суфиями. Он велел нам сжечь их ценные книги, говоря: «Мы не нуждаемся в них. Нам достаточно изучать только арабский язык для того, чтобы понять слова Всевышнего Аллаха и Сунну Его Пророка. Также, при вынесении решений по религиозным вопросам мы не нуждаемся ни в чем, кроме как в [Коране и Сунне]*»²⁴.

Критика суфизма и его практик со стороны реформаторов вызвала ответную реакцию шейхов.

Одно из подобных сочинений было написано накшбандийским шейхом Хасаном ал-Кахи. Оно посвящено обоснованию легитимности таких практик как духовная связь посредством шейха с пророком Мухаммадом (*рабита*), взывание к Аллаху посредством шейха (*таваассул*), а также посещение могил святых и праведников (*зийарат*) [39; 40].

Как пишет в предисловии Хасан ал-Кахи, обстоятельством написания этого сочинения послужило письмо, полученное им от одного дагестанского ученого. Вероятно, данное сочинение было написано в ответ на критику суфийских практик со стороны Мухаммада Абд ар-Рашида ал-Харакани. Автор отмечает, что в письме тот критикуется посещение могил святых и праведников как

20 Выписки Мухаммада Абдурашида ал-Аракани (на арабск. яз.). Коллекция ИИАЭ. ФМС. Оп. 5. № 42. Л. 36.

21 Абд ал-Хафиз ал-Ухли. Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-муслих. Рукопись на арабском языке. Частный архив автора. Л. 10.

22 Рабита – духовная связь с наставником посредством воссоздания в сердце его образа.

23 Мухаммад ал-Йа‘суби ал-‘Асави. Адживба ал-Асали ал-Йасуби ала тарахат ал-ваххаби ал-Харакани // Рукопись. 35 л. Сочинение было переписано 12 зу-л-хиджжа 1381 г.х. / 17 мая 1962 г. Из частной коллекции жителя сел. Датун Шамильского района РД Ш. Магомедова. Цифровая копия рукописи хранится в личном архиве автора.

24 Абд ал-Хафиз ал-Ухли. Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-муслих. Л. 10.

практика, противоречащая Корану и сунне; а также отмечается, что *рабита*, которую практикуют суфии, и обращение к Аллаху с мольбой посредством шейхов являются ничем иным как многобожием (*ширк*). Ал-Кахи также приводит слова автора письма том, что он, что не нашел никаких основ для этих практик ни в Коране, ни в сунне. А поскольку он руководствуется только тем, чему имеется явный довод в Коране и сунне, то соответственно, он считает эти практики нелегитимными в исламе [39, с. 43–44]. Хасан ал-Кахи опровергает все доводы оппонентов, обосновывая что перечисленные суфийские практики не противоречат нормам шариата, а потому – легитимные в исламе.

Преемник Хасана ал-Кахи, накшбандийский и шазилийский шейх Мухаммад б. Нур ал-Йа‘суби ал-Асали (1872–1942) также писал работы с обоснованием суфийских практик с точки зрения шариата. Одна из этих ранних работ называется «Ответы ал-‘Асали ал-Йа‘суби на ваххабитский вздор ал-Харакани»²⁵. Критикуя мнение Мухаммада Абд ар-Рашида о недозволенности ряда суфийских практик с точки зрения шариата, Мухаммад ал-Йа‘суби пишет, что суфии гораздо тверже придерживаются установлений Корана и сунны, чем те, кто критикует суфизм. В своем сочинении он обосновывает легитимность таких суфийских практик как *рабита*, *таваассул*, *истигаса*, *зикр*, отмечая, что автор в своей критике повторяет доводы ваххабитов, которые опровергли крупные ученые²⁶.

В Дагестане, в частных и государственных коллекциях рукописей, было найдено несколько подобных работ, написанных в ранний советский период в жанре «*радд*» (опровержение) на критику суфийских практик со стороны реформаторов [50, с. 23–38]. Подобная дискуссия среди суфиев и их оппонентов продолжалась также и весь послевоенный советский период [51, с. 173–179; 52, с. 34–39]. Любопытно, что дагестанские суфийские шейхи советского периода называли своих оппонентов из числа реформаторов «ваххабитами» [53, с. 240].

Споры о легитимности суфизма и суфийских практик перешли в реальность постсоветской религиозной жизни Дагестана. Непрекращающиеся дискуссии о «правовереии» и «заблуждении» суфиев вновь актуализировались. Причем, главными критиками суфизма и суфийских практик стали салафиты.

Начиная с 1990-х гг. по сегодняшний день, мы наблюдаем в Дагестане продолжение тех же дискуссий, которые широко развивались и в ранний советский период. С одной стороны, мы видим продолжающуюся полемику внутри суфийских групп относительно легитимности той или иной ветви накшбандийского тариката. С другой стороны, сторонники дагестанского накшбандийского шейха Али-хаджи ал-Акуши (1847–1828) всех современных шейхов считали нелегитимными, обосновывая это тем, что цепочка духовной преемственности прервалась на шейхе ал-Акуши. С третьей стороны, дагестанские

²⁵ Мухаммад ал-Йа‘суби ал-‘Асали. Аджвиба ал-Асали ал-Йасуби ‘ала тарахат ал-ваххабийя ал-Харакани. Копия рукописи хранится в личном архиве автора.

²⁶ Там же. Л. 16-2а.

салафиты, также как и реформаторы, считают суфизм и суфийские практики противоречащими шариату и обвиняют суфиев в грехе многобожия (*ширк*).

Критика салафитов не отличалась оригинальностью: также как у раннесоветских реформаторов ее объектом были суфийские практики – *рабита*, *тавассул*, *истигаса*, посещение зийаратов, а также празднование мавлидов.

Современные суфии, как и их раннесоветские предшественники, продолжили практику написания работ с легитимацией этих практик. Так, известно сочинение дагестанского халидийского шейха Мухаммада Мухтара Баба-това (1954–2015), которое является ответом арабскому ученому Мухаммаду б. Али ал-Урдуни, проживавшему в тот период в селении Карамахи в Дагестане.

Согласно рукописи, Мухаммад б. Али написал небольшую работу, где он критиковал *тавассул*, *мавлид*, чтение Корана над покойным, посещение могилы пророка Мухаммада, *истигаса*. В ответ, Мухаммад Мухтар в очень доброжелательной и корректной форме позволяет не согласиться с ним по всем пяти вопросам, обосновывая свое мнение ссылками на Коран и хадисы²⁷.

Любопытно, что работа Баба-това является последней, которая продолжала арабоязычную традицию дискуссий о суфизме в Дагестане. Все остальные работы с опровержением взглядов салафитов были написаны либо на аварском, либо на русском языках [54–60].

Противостояние суфиев и салафитов носило волнообразный характер. Если до конца 1990-х гг. оно шло в большей степени в рамках богословской дискуссии, то в дальнейшем оно перерастает в серию террористических актов против суфиев – сотрудников ДУМД и имамов мечетей, назначенных Духовным управлением. Причем, число террористических актов в отношении суфиев возрастает, начиная с 2000-х гг. вплоть до конца 2000-х годов, когда их противостояние достигло пика напряженности.

Вероятно, понимая бессмысленность такого противостояния, обе стороны решили попытаться прийти к мирному диалогу и вернуться к богословской дискуссии. Инициатива исходила от суфийского шейха Саида-афанди Чиркеевского. 29 апреля 2012 г. состоялась встреча между представителями ДУМД и умеренными салафитами, называвшими себя «представителями ученых Ахл ас-сунна в Дагестане». В ходе обсуждений участниками съезда была выработана общая резолюция, которая была направлена на предотвращение дальнейшего противостояния суфиев и салафитов. В резолюции, единогласно принятой обеими сторонами, были указаны следующие пункты:

Полное следование аятам Корана.

Следование сунне Пророка Мухаммада.

В правовых вопросах необходимо опираться на мнения четырёх правовых школ – ханафитской, маликитской, шафиитской и ханбалитской.

27 Рисала Мухаммад Мухтар ал-Фараули ила Мухаммад б. 'Али ал-Урдуни. Рукопись. Сочинение было написано 11 апреля 1995 г. Копия рукописи хранится в личном архиве автора.

Необходимость строго следовать приверженности Корану, сунне Пророка Мухаммада, согласно мнениям четырёх имамов – основателей правовых школ (мазхабов).

Запрет оскорбления мусульманами друг друга, в том числе, запрет поношения мусульманских ученых прошлого и настоящего.

Запрет выслеживания и доноительства на мусульман, несмотря на приверженность их различным направлениям в исламе.

Решение всех возникающих спорных вопросов путём обсуждения в научном диспуте, для чего создаётся совместный орган, собирающийся раз в месяц и состоящий из равного количества участников с обеих сторон.

Осуждение действий любой категории лиц, препятствующих призыву к исламу, а также совместная двусторонняя поддержка призывающих к исламу.

Недопустимость препятствования выезду дагестанцев за рубеж для обучения в исламских высших учебных заведениях²⁸.

28 августа того же года террористка-смертница Аминат (Алла) Сапрыкина под видом паломницы посетила шейха Саида-афанди и совершила чудовищный террористический акт. Вместе с Саидом-афанди на месте скончались 7 человек, в том числе 12-летний ребенок. Убийство шейха Саида-афанди вызвало огромный резонанс в мусульманской умме России. Позже были установлены и осуждены на различные сроки заключения организаторы этого преступления. Вполне естественно, что это положило конец мирному диалогу суфиев и салафитов.

Очевидно, что сближение суфиев и салафитов вовсе не устраивало радикальное крыло террористического подполья, которое и организовало этот теракт. Вместе с тем, и в среде суфиев также было скептическое отношение к перспективе этого диалога. В частности, вскоре после убийства шейха Патимат Гамзатова на подконтрольном ей сайте «Islam.ru» опубликовала статью, в которой отметила свои сомнения относительно успеха в диалоге в самом начале этого процесса. Убийство шейха, по ее мнению, показало правильность ее сомнений в том, что с салафитами диалог невозможен²⁹.

В 2011 г. в Сирии началось военное противостояние между сторонниками действующего президента Башара Асада и оппозицией. Первоначально гражданская, война быстро перешла границы одного государства, охватив и соседний Ирак. Со временем в затяжной конфликт включились представители международных исламистских групп. Было организовано несколько военных группировок, в том числе запрещенные в России «Джабхат ан-Нусра» и «Игил». Представители дагестанского террористического подполья начали уезжать в Сирию, где они вливались в ряды военизированных группировок, воюющих с правительственными войсками Сирии. По данным официальных лиц, свыше 1300 выходцев из Дагестана принимали участие в боевых действиях в Сирии на стороне бо-

28 Резолюция по итогам совместной встречи Ассоциации учёных ахлю-сунны в Дагестане и Духовного управления мусульман Дагестана. Кавказский узел. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/206244/>

29 Патимат Гамзатова. «Худайбийский» «мирный» договор. <http://islam.ru/content/analitics/30336>

евиков³⁰. Отъезд наиболее радикальной молодежи в Сирию существенно снизил накал напряженности между суфиями и салафитами в Дагестане.

Заключение

История суфизма в Дагестане носила волнообразный характер. Начиная с периода Средневековья, вплоть до XVIII в. мы наблюдаем динамичное развитие его идей в рамках братств Сухравардийа и Халватийа. Заметным вкладом в изучение истории суфизма в регионе являются последние статьи дагестанских исследователей [10, с. 105–111; 11, с. 97–102; 12, с. 179–188; 13, с. 70–81; 15, с. 38–49]. В XVIII в. наблюдается резкое снижение интереса к тасаввуфу в Дагестане, о чем свидетельствует малое количество сочинений по суфизму, переписанных в этот период.

Начиная с первой трети XIX в. он вновь динамично развивается в рамках накшбандийского, с последней трети XIX в. – кадирийского, а начиная с XX в. и шазилийского тарикатов.

Накшбандийское братство в Дагестане отличалось наличием направлений с разными особенностями ритуальной практики. Это вызвало дискуссии о легитимности некоторых ветвей Накшбандийа. Дагестанские суфийские шейхи в конце XIX – первой трети XX в. начали писать работы с критикой практик параллельных суфийских течений и братств.

С началом распространения идей мусульманского реформаторства к дискуссиям о суфизме подключились и некоторые последователи этого течения.

Необходимо отметить, что в вопросах тасаввуфа дагестанские реформаторы разделились на две группы. Одни из них критиковали современных им шейхов, признавая при этом авторитет ранних шейхов и в целом суфизм легитимным в исламе течением. Другие из них пошли дальше, критикуя своих современников-шейхов, а также считая суфизм в целом вредоносным новшеством (*бид'а*), которого не было во времена пророка Мухаммада, а потому – запретным.

Подобная дискуссия продолжалась и в послевоенный период. Причем, источники показывают, что суфизм в 1950–80 гг. подвергался критике, как со стороны советских органов, так и со стороны ДУМСК.

С конца 1980-х гг. суфизм вышел из полулегального существования и начал широко распространять свое влияние в регионе, тем не менее, одновременно с этим мы наблюдаем его критику уже со стороны постсоветских салафитов, именуемых в дагестанском обществе и в литературе ваххабитами. Дагестанские суфии в этот период также начали писать сочинения в защиту суфийских практик и с критикой ваххабизма.

В постсоветском Дагестане в критике салафитами суфиев мы не видим последовательную динамику заимствования ими более ранних идей, с которыми выступали их предшественники – дагестанские реформаторы. Не смотря на общую риторику и источники критики суфизма, постсоветские дагестанские

³⁰ Стало известно сколько дагестанцев воюют на стороне боевиков в Сирии. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.stav.kp.ru/online/news/3420382/>

салафиты мало знали о предшествующей дискуссии, развернувшейся в позднем имперском и раннем советском периоде. Критика суфизма со стороны современных салафитов не опирается на местные корни, а является следствием влияния и проникновения идей с Ближнего Востока.

Благодарность. Статья написана в рамках проекта РНФ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографичных рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России».

Acknowledgments. The article was written within the framework of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00295 "Electronic Library of Arabographic Manuscripts from Archival, Library, Museum and Private Collections in Russia".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Knysh A. *Islamic Mysticism: A Short History*. E.J. Brill, Leiden-Boston-Köln, 2000.
2. Саидов М.-С. Рукопись Абу Бакра Мухаммада, сына Мусы, сына аль-Фараджа ад-Дарбанди «Райхан ах-хакаик ва бустан ад-дакаик» // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991.
3. Аликберов А.К. Ад-Дарбанди // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Прозорова. Т. I. М., 1998. С. 33-34.
4. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1963.
5. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. I: Арабо-персо-туркоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX века. Баку, 1991.
6. Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII – XIV вв. Баку, 1956.
7. Мусаев М. А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Надмогильные стелы конца XIII – начала XIV в. кладбища в с. Шири // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2020. № 2. С. 107-126.;
8. Шихалиев Ш.Ш., Чмилевская И.А. О воинах Тимура и первых мусульманах в сел. Кища: анализ эпиграфики кладбища Абу Бакар-шейха // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала, 2020; 16 (4), 864-887.
9. Бакиханов Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам, Баку: ЭЛМ, 1991.
1. Knysh A. *Islamic Mysticism: A Short History*. E.J. Brill, Leiden-Boston-Köln, 2000.
2. Saidov M.-S. Manuscript of Abu Bakr Muhammad, son of Musa, son of al-Faraj ad-Darbandi "Raykhan ah-khaqaiq va bustan ad-daqa-iq". *Handwritten and printed in Dagestan*. Makhachkala, 1991.
3. Alikberov AK. Ad-Darbandi. *Islam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. S.M. Prozorov (ed.). Moscow, 1998: 33-34.
4. Barthold. VV. The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world. [Mesto prikaspiskikh oblastei v istorii musul'manskogo mira] *Works [Sochineniya]*. Vol. II. Part 2. Moscow, 1963.
5. Neimat MS. *Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan. T.I: Arabic-Persian-Turkic inscriptions of Baku and Absheron XI – early XX century [Korpus epigraficheskikh pamyatnikov Azerbaidzhana. T.I: Arabo-perso-tyurkoyazychnye nadpisi Baku i Apsheron XI – nachala XX veka]*. Baku, 1991.
6. Ali-Zade A.A. *Socio-economic and political history of Azerbaijan XIII-XIV centuries [Sotsialno-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Azerbaidzhana XIII – XIV vv.]*. Baku, 1956.
7. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. Gravestones of the end of the 13th – beginning of the 14th century. cemetery in the village Shiri [Nadmogil'nye stely kontsa XIII – nachala XIV v. kladbishcha v s. Shiri]. *Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies*. 2020, 2: 107-126.

10. Закарияев З.Ш. Средневековый дагестанский суфий Шейх Амир ал-Мишлиши и его зийарат в селении Мишлеш // Исламоведение. Махачкала: ДГУ. № 3 (9), 2011. С. 105-111.
11. Закарияев З.Ш. Новые данные арабоязычных эпиграфических памятников по истории суфизма в Дагестане // Исламоведение. Махачкала: ДГУ. № 4 (14), с. 97-102;
12. Айтберов Т.М. Эпитафии шейхов братств Сафавийа, Халватийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей / Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. – М.: Марджани, 2010. – С. 179–188.
13. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Суфийский орден Халватийа в горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI–XVII вв.) // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 1. С. 70–81.
14. Trimingham J. Spencer, The Sufi Orders in Islam. Oxford University Press, 1973.
15. Алескерова Н.Э. Начальный ширванский период в развитии братства Халватийа (вторая половина XIV – первая половина XVI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13, вып. 4., 2010, с. 38-49.
16. Шихаб ад-Дин Умар б. Мухаммад ас-Сухраварди. 'Авариф ал-ма'ариф. Каир: Мактаба ас-сакафа ад-динийа. 2006.
17. Мухаммад б. Али аш-Шавкани. Ал-Бадр ат-Тали' би махасин ман ба'д ал-карн ас-саби'. Каир: Дар ал-киتاب ал-ислами. 1348 / 1930. с. 289.
18. Хасан-эфенди ал-Алкадари. Асари Дагистан. Санкт-Петербург, 1894, с. 233.
19. Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи. Васа'ил ал-мурид ва расаил ал-устаз ал-фарид. Махачкала, 2011, с. 335.
20. Хасан ал-Алкадари. Джабраб ал-Мамнун. Темир-хан Шура, 1912, с. 279-281.
21. Michael Kemper. Khalidiyya Networks in Daghestan and the Question of Jihad, in: Die welt des Islams (Leiden) 2002. Vol. 42 No 1, 41-71.
22. Гордлевский В.А. Дагестанлы Сейид Ахмед // Избранные сочинения. Т. III. М.: Восточная литература, 1962, с. 351-359;
23. Юсуфов Ю.-х. Духовное родство. Махачкала: Ихлас, 2005, с. 13 – 72;
24. Ibragimova Z.B. Muhammad-Hajji and Sharapuddin of Kikuni // Islam and Sufism in Daghestan. Finland, 2009. P. 71-77.
8. Shikhaliev ShSh, Chmilevskaya IA. Timur's warriors and first Muslims in Kisha village: epigraphic analysis of Abu Bakar-sheikh cemetery [O voynakh Timura i pervykh musul'manakh v sel. Kishcha: analiz epigrafiki kladbishcha Abu Bakar-sheikha]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. Makhachkala, 2020, 16(4): 864-887.
9. Bakikhanov Abbas-Kuli-Aga. *Golestan-e Eram*. Baku: Elm, 1991.
10. Zakariaev ZSh. Medieval Dagestan Sufi Sheikh Amir al-Mishlishi and his ziyarat in the village of Mishlesh [Srednevekovyi dagestanskii sufii Sheikh Amir al-Mishlishi i ego ziariat v selenii Mishlesh]. *Islamovedenie*. Makhachkala: DGU. 2011, 3(9): 105-111.
11. Zakariaev ZSh. New data of Arabic-language epigraphic monuments on the history of Sufism in Dagestan [Novye dannye araboyazychnykh epigraficheskikh pamyatnikov po istorii sufizma v Dagestane]. *Islamovedenie*. Makhachkala: DGU. 4(14): 97-102.
12. Aitberov TM. Epitaphs of the sheikhs of the Safaviya, Khalvatiya and Suhrawardiyya brotherhoods in Dagestan: on the history of Iranian-Dagestan relations in the 15th century. [Epitafii sheikhov bratstv Safaviia, Khalvatiia i Sukhravardiia v Dagestane: k istorii irano-dagestanskikh svyazei XV v.] *Dagestan and the Muslim East. Collection of articles [Dagestan i musul'manskii Vostok. Sbornik statei]*. A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov (comp., eds.). Moscow: Marjani, 2010: 179-188.
13. Khapizov ShM, Shekhmagomedov MG. The Sufi order Khalvatiya in mountainous Avaria: new pages in the history of Sufism in medieval Dagestan (XVI–XVII centuries) [Sufiiskii orden Khalvatiia v gornoi Avarii: novye stranitsy istorii sufizma v srednevekovom Dagestane (XVI–XVII vv.)]. *Islamovedenie*. 2017, 8(1): 70-81.
14. Trimingham J. Spencer. *The Sufi Orders in Islam*. Oxford University Press, 1973.
15. Aleskerova NE. The initial Shirvan period in the development of the Khalvatiya brotherhood (the second half of the 14th – the first half of the 16th century) [Nachal'nyi shirvanskii period v razvitii bratstva Khalvatiia (vtoraya polovina XIV – pervaya polovina XVI v.)]. *Bulletin of St. Petersburg University*. 2010, 13(4): 38-49.
16. Shihab ad-Din 'Umar b. Muhammad as-Suhrawardi. 'Awarif al-ma'arif. Cairo: Maktaba as-sakafa ad-diniya. 2006.

25. Шихалиев Ш.Ш. Из истории появления в Дагестане последователей накшбандийского и шазилийского тарикатов // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень №1 (4) Махачкала, 2003. С. 39-57.
26. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008.
27. Allen J. Frank. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, education and paradox of Islamic prestige. Leiden-Boston: Brill. 2012.
28. Shikhaliev Sh., Kemper M. Saifullah-Qadi Bashlarov: Sufi Networks between the North Caucasus and the Volga-Urals, in: The Piety of Learning. Islamic Studies in Honor of Stefan Reichmuth, ed. by Michael Kemper, Ralf Elger, (Leiden / Boston: Brill, 2017), 166-198.
29. Шихалиев Ш.Ш. Суфийские вирды Накшбандийа и Шазилийа в Дагестане // Вестник Евразии. М., 2007. №. 3 (37). С. 137-152.
30. Kemper M., Shikhaliev Sh. "Administrative Islam: Two Soviet fatwas from the North Caucasus" in: Alfrid K. Bustanov and Michael Kemper (eds.), Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia. Amsterdam: Pegasus, 2012. P. 55-102.
31. Shikhaliev Sh. Downward Mobility and Spiritual Life: The Development of Sufism in the Context of Migrations in Daghestan, 1940s – 2000s, in: Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s – 2000s), ed. by Stephane A. Dudoignon / Christian Noack. Klaus Schwarz Verlag. Berlin. 2014. P. 398–420.
32. Ханбабаев К.М. Мусульманский мистицизм на Северо-Восточном Кавказе // Исламоведение. Махачкала: ДГУ, 2009. № 1. С. 115-120.
33. Аликберов А.К., Шихалиев Ш.Ш. Суфийские тарикаты на Кавказе: опыт системно-коммуникационного анализа культурно-сложных обществ // Восток (Oriens). 2019. № 6. С. 138-148
34. Шихалиев Ш.Ш. К вопросу о суфийской ритуальной практике братств Накшбандийа и Шазилийа в Дагестане // Кавказский
17. Muhammad b. Ali ash-Shawkani. *Al-Badr at-Tali' bi mahasin man ba'd al-qarn as-sabi'*. Cairo: Dar al-kitab al-islamiy. 1348 / 1930.
18. Hasan-efendi al-Alqadari. *Asari Daghistan*. Saint-Petersburg, 1894.
19. Hasan b. Muhammad Khilmi al-Qahi. *Wasa'il al-murid wa rasa'il al-ustaz al-farid*. Makhachkala, 2011.
20. Hasan al-Alqadari. *Jirab al-Mamnun*. Temir Khan Shura, 1912. p. 279–281.
- 21 Michael Kemper. *Khalidiyya Networks in Daghestan and the Question of Jihad*. *Die welt des Islams*. Leiden. 2002, 42(1): 41–71.
22. Gordlevsky VA. Dagestanly Seyid Ahmed. *Selected works*. Vol. III. Moscow: Vostochnaya literature, 1962.
23. Yusufov Yu. *Spiritual relationship [Dukhovnoe rodstvo]*. Makhachkala: Ikhlas, 2005.
24. Ibragimova ZB. Muhammad-Hajji and Sharapuddin of Kikuni *Islam and Sufism in Daghestan*. Finland, 2009: 71-77.
25. Shikhaliev ShSh. From the history of the appearance in Dagestan of the followers of the Nakshbandi and Shazili tarikats [Iz istorii poyavleniya v Dagestane posledovatelei nakshbandiiskogo i shaziliiskogo tarikatov] *State and religion in Dagestan. Information and analytical bulletin*. Makhachkala. 2003, 1(4): 39-57.
26. Kemper, Michael. *Sufis and scholars in Tatarstan and Bashkortostan: Islamic discourse under Russian domination [Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane: islamskii diskurs pod russkim gospodstvom]*. Kazan: Russian Islamic University, 2008.
27. Allen J. Frank. *Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, education and paradox of Islamic prestige*. Leiden-Boston: Brill, 2012.
28. Shikhaliev Sh, Kemper M. Saifullah-Qadi Bashlarov: Sufi Networks between the North Caucasus and the Volga-Urals, in: Michael Kemper, Ralf Elger (eds.). *The Piety of Learning. Islamic Studies in Honor of Stefan Reichmuth*. Leiden/Boston: Brill, 2017. p. 166–198.
29. Shikhaliev ShSh. Sufi virds Nakshbandiya and Shaziliyya in Dagestan. *Bulletin of Eurasia*. Moscow. 2007, 3(37): 137-152.
30. Kemper M, Shikhaliev S. Administrative Islam: Two Soviet fatwas from the North Caucasus, in: Alfrid K. Bustanov and Michael Kemper (eds.). *Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*. Amsterdam: Pegasus, 2012: 55-102.

сборник. Под ред. В.В. Дегоева. Москва, 2020. С. 216–231.

35. *Шехмагомедов М.Г.* Критика лжешейхства в Дагестане в конце XIX – нач. XX вв. (на примере сочинения Хасана-Хилми ал-Кахи «Дурра ал-байда’ фи радди-л-бада’ ва-л-ахва») // История, археология и этнография Кавказа. 2021;17(3), с. 558–567

36. *Шуайб б. Идрис ал-Багини.* Табакаат ал-хваджаган ан-накшбандиййа ва садат ал-машаих ал-халидиййа ал-махмудиййа. Дамаск, 1996, с. 377–397.

37. *Сайф Аллах ан-Ницубкри.* Мактубат Халид Сайф Аллах ила фукара’ ахл Аллах. Дамаск, 1998.

38. *Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи.* Бурудж ал-мушаййада би-н-нусус ал-муаййада. Дамаск, 1998;

39. *Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи.* Дуррат ал-байда фи радд ал-бида ва-л-ахва. Махачкала: Дар ар-Рисалат, 2016;

40. *Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи.* Сифр ал-асна фи ар-рабита ал-Хусна. Дамаск, 1998 г;

41. *Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи.* Талхис ал-ма’ариф фи таргиб Мухаммад Ариф. Дамаск, 1996;

42. *Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи.* Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташаййихин. Дамаск, 1996;

43. *Хасан б. Мухаммад Хилми ал-Кахи.* Хуласат ал-адаб ан-Накшбандиййа. Темир-Хан-Шура, 1907–8 г.

44. Издания: Ал-матба’а ал-исламиййа. Темир-хан Шура. Б.г.; Дамаск. 1996.

45. *Шихалиев Ш.Ш.* Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900 – 1930) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: «РАНХиГС», № 3 (35), 2017, 134 – 169

46. *Kemper M., Shikhaliev Sh.* Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan, in: *Asiatische Studien – Études Asiatiques*. Volume 69, Issue 3, 593–624.

47. *Наврузов А.Р.* «Байан ал-хакаик» (1925–1928) – духовный журнал ученых арабистов Дагестана // Дагестанские святыни. Махачкала: Эпоха, 2013, 147–174.

48. *Шихалиев Ш.Ш., Наврузов А.Р.* Из истории жизни и творчества Али Каяева и Сайфулла-кади Башларова: документы и материалы. Махачкала: Rizo-Press, 2018

31. *Shikhaliev S.* Downward Mobility and Spiritual Life: The Development of Sufism in the Context of Migrations in Daghestan, 1940s – 2000s, in: *Stephane A. Dudoignon, Christian Noack (eds.). Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s – 2000s)*. Klaus Schwarz Verlag. Berlin, 2014: 398–420.

32. *Khanbabaev KM.* Muslim mysticism in the North-Eastern Caucasus [Musul'manskii mistitsizm na Severo-Vostochnom Kavkaze]. *Islamovedenie*. 2009, 1: 115–120.

33. *Alikberov AK, Shikhaliev ShSh.* Sufi tarikats in the Caucasus: an experience of system-communication analysis of culturally complex societies [Sufiiskie tarikaty na Kavkaze: opyt sistemno-kommunikatsionnogo analiza kul'turno-slozhnykh obshchestv]. *Vostok [Oriens]*. 2019, 6: 138–148.

34. *Shikhaliev ShSh.* On the question of the Sufi ritual practice of the Naqshbandiyya and Shaziliyya brotherhoods in Dagestan [K voprosu o sufiiskoi ritual'noi praktike bratstv Nakshbandiia i Shaziliia v Dagestane], in: *Degoev VV. (ed). Caucasian collection*. Moscow, 2020. p. 216–231.

35. On the controversy within various Sufi groups in Dagestan, see: *Shekhmagomedov M.G.* “False sheikh” critique in Dagestan in the end of the 19th – early 20th centuries (on the example of the work of Hasan-Hilmi al-Kakhi “Durra al-bayda’ fi raddi-l-bada’ wa-l-ahwa”). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(3): 558–567.

36. *Shuaib b. Idris al-Bagini.* *Tabaqat al-khwajagan an-naqshbandiyya wa sadat al-mashaih al-khalidiya al-mahmudiyya*. Damascus, 1996. p. 377–397.

37. *Sayf Allah al-Nitsubkri, Maktubat Khalid Saif Allah ila fukara’ ahl Allah.* Damascus, 1998.

38. *Hassan b. Muhammad Khilmi al-Qahi.* *Burudj al-mushayyad bi-n-nusus al-muayyada*. Damascus, 1998.

39. *Hasan b. Muhammad Khilmi al-Qahi.* *Durrat al-baida fi radd al-bida wa-l-ahwa*. Makhachkala: Dar al-Risalat, 2016.

40. *Hassan b. Muhammad Khilmi al-Qahi.* *Sifr al-asna fi ar-rabita al-Husna*. Damascus, 1998.

41. *Hasan b. Muhammad Khilmi al-Qahi.* *Talhis al-ma’arif fi targib Muhammad Arif*. Damascus, 1996.

49. Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Марджани, 2012.
50. Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. Апологетика и критика суфизма в Дагестане в начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2019, № 1. С. 23–38.
51. Ибрагимова З.Б. Дискурс дагестанских богословов по проблеме «лжешейхства» (краткий экскурс в историю вопроса) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (114). С. 173–179.
52. Ибрагимова З.Б. Продолжение богословской полемики начала XX в. в дагестанских арабографических сочинениях советского периода // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала, Т. 14. № 3. 2018. С. 34–39.
53. Шехмагомедов М.Г. Критика «Ваххабизма» в трудах дагестанских суфийских шейхов нач. XX в. // Актуальные проблемы современного востоковедения («Буньятовские чтения»). Баку, 2017.
54. Рамазанов Курамухаммад-хаджи. Заблуждение ваххабизма в шариатских вопросах / пер. с аварского языка У.Г. Магомедова. Махачкала, 2007.
55. Рамазанов Курамухаммад-хаджи. Табрикат – истинный путь Ислама. – Махачкала, 2008.
56. Без авторства. Где Ирак, а где Неджд или с чего начинается ваххабизм? Махачкала: Духовное управление мусульман Дагестана, 2008.
57. Гамзатова П. О ваххабизме. Часть вторая. – М.: Изд-во «Ислам», 2008.
58. Сайгидгусейнов А.Ю. Суфизм: основа и сущность. Элиста, 2008.
59. Магомедов А.А. Обоснование тавассуля и обращения к усопшим. Махачкала: Нуруль Иршад, 2010.
60. Саид-афанди аль-Чиркави. Сокровищница благодатных знаний. М.: Иршад, 2003.
42. Hasan b. Muhammad Khilmi al-Qahi. *Tanbih as-salikin il gurur al-mutashayyihin*. Damascus, 1996.
43. Hassan b. Muhammad Khilmi al-Qahi. *Khulasat al-adab an-Naqshbandiyya*. Temir-Khan-Shura, 1907–8.
44. *Editions: Al-matba'a al-islamiya*. Temir-Khan Shura. B.g.; Damascus. 1996.
45. Shikhaliev ShSh. Muslim Reformation in Dagestan (1900–1930) [Musul'manskoe reformatorstvo v Dagestane (1900 – 1930) *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2017, 3(35): 134–169.
46. Kemper M, Shikhaliev S. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan, in: *Asiatische Studien – Études Asiatiques*. Volume 69, Issue 3, 593–624.
47. Navruzov AR. “Bayan al-khaqaiq” (1925–1928) – the spiritual journal of scholars of the Arabists of Dagestan [«Baian al-khakaik» (1925–1928) – dukhovnyi zhurnal uchenykh arabistov Dagestana]. *Dagestan shrines*. Makhachkala: Epokha, 2013. p. 147–174.
48. Shikhaliev ShSh, Navruzov AR. *From the life and work history of Ali Kayaev and Saifulla-kadi Bashlarov: documents and materials [Iz istorii zhizni i tvorchestva Ali Kayaeva i Saifulla-kadi Bashlarova: dokumenty i materialy]*. Makhachkala: Rizo-Press, 2018.
49. Navruzov A.R. “Jaridat Dagistan” – an Arabic-language newspaper of the Caucasian Jadids [«Dzharidat Dagistan» – araboyazychnaya gazeta kavkazskikh dzhadidov]. Moscow: Marjani, 2012.
50. Abdulmazhidov RS, Shekhmagomedov MG. Apologetics and criticism of Sufism in Dagestan at the beginning of the 20th century [Apologetika i kritika sufizma v Dagestane v nachale XX v.]. *Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental studies*. 2019, 1: 23–38.
51. Ibragimova ZB. Discourse of Dagestan theologians on the problem of “false sheikhism” (a brief excursion into the history of the issue) [Diskurs dagestanskikh bogoslovov po probleme «lzheshekhstva» (kratkii ekskurs v istoriyu voprosa)]. *News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017, 1(114): 173–179.
52. Ibragimova ZB. The continuation of the Islamic discourse of the early 20th century in Dagestan Arabographic Script of the Soviet Period. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(3): 34–39.

53. Shekhmagomedov MG. Criticism of “Wahhabism” in the works of Dagestan Sufi sheikhs of the early 20th century [Kritika «Vakhkhabizma» v trudakh dagestanskikh sufiiskikh sheikhov nach. KhKh v. *Actual problems of modern oriental studies* (“Buniyatov Readings”). Baku, 2017.

54. Ramazanov Kuramukhammad-haji. *The fallacy of Wahhabism in Sharia issues* [Zabluzhdenie vakhkhabizma v shariatskikh voprosakh]. U.G. Magomedov (transl. from Avar). Makhachkala, 2007;

55. Ramazanov Kuramuhammad-haji. *Tarikat is the true path of Islam* [Tarikat – istinnyi put’ Islama]. Makhachkala, 2008.

56. Without authorship. *Where is Iraq, and where is Nejd, or where does Wahhabism begin?* [Gde Irak, a gde Nedzhd ili s chego nachinaetsya vakhkhabizm?]. Makhachkala: Spiritual Administration of Muslims of Dagestan, 2008.

57. Gamzatova P. *About Wahhabism. Part two* [O vakhkhabizme. Chast’ vtoraya]. Moscow: Islam, 2008.

58. Saygidguseynov AYu. *Sufism: basis and essence* [Sufizm: osnova i sushchnost’]. Elista, 2008.

59. Magomedov AA. *Justification of tawassul and appeal to the dead* [Obosnovanie tavassulya i obrashcheniya k usopshim]. Makhachkala: Nurul Irshad, 2010.

60. Said-afandi al-Chirkawi. *Treasury of blessed knowledge* [Sokrovishchnitsa blagodatnykh znanii]. Moscow: Irshad, 2003.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182346-356>

Кудаева Светлана Григорьевна

д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и права

Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия

istpavo@yandex.ru

АДЫГСКАЯ (ЧЕРКЕССКАЯ) ДИАСПОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА: К ПРОБЛЕМЕ ИММАНЕНТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФОРМИЗМА

Аннотация: Сегодня северокавказская диаспора представлена в основном адыгами (черкесами) и по неофициальным данным насчитывает от трех до пяти миллионов человек, в то время как на исторической родине их количество немногим превышает семьсот тысяч. Такое состояние адыгского этноса стало результатом событий Кавказской войны, когда большая его часть была вынуждена покинуть свою историческую родину и поселиться в странах Ближнего и Среднего Востока. Естественно, историческое явление такого масштаба не могло не привлечь внимание ученых. К настоящему времени в науке имеется достаточно наработок по теории диаспор, в основу которых положен опыт изучения еврейской диаспоры. Это позволило выделить основные критерии, характеризующие «классические» (исторические) диаспоры и экстраполировать их на адыгское (черкесское) рассеяние. Данная статья посвящена изучению одного из критериев – имманентного политического конформизма, т.е. особого отношения диаспоры к политической системе стран проживания, способности быть полезными для принимающего государства. Этот процесс представлен в динамике, что дает возможность проследить, как на разных этапах менялся статус адыгского общества в зависимости от колебаний в общественно-политической ситуации в странах их нового проживания. Специфика исследуемой проблемы обусловила использование широкого спектра методов и принципов исторического исследования. Это ретроспективный, системный и проблемно-хронологический методы, которые в сочетании с принципами историзма и объективности позволили реконструировать целостную картину прошлого и настоящего во взаимосвязи и взаимообусловленности. В ходе исследования автору удалось прийти к достаточно аргументированному выводу, что адыги (черкесы) сегодня представляют собой высокостатусные, хорошо интегрированные группы в странах проживания.

Ключевые слова: Россия; Османская империя; Кавказская война; адыги (черкесы); диаспора; имманентный политический конформизм.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182346-356>

Svetlana G. Kudaeva

Dr. Sci. (History), Prof., Head of Dep. of History and Law

Maikop State Technological University, Maikop, Russia

istpavo@yandex.ru

ADYGHE (CIRCASSIAN) DIASPORA IN THE POLITICAL AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE NEAR AND MIDDLE EAST: TO THE ISSUE OF IMMANENT POLITICAL CONFORMISM

Abstract. Currently, the North-Caucasian diaspora consists mainly of Adyghe people (Circassians) and, according to unofficial data, numbers from 3 to 5 million people; at the same time, their number in their historical homeland slightly exceeds 700,000 people. Such state of the Adyghe ethnic group was the result of events of the Caucasian War, when most of its population had to flee from their historical land and settle in the countries of the Near and Middle East. Naturally, a historical phenomenon of this magnitude could not but attract interest from the scientific community. To date, we possess enough works on the theory of diasporas, based on the experience of studying Jewish diaspora. This makes it possible to single out key criteria, typical for “classical” (historical) diasporas and extrapolate them on the Adyghe dispersion. The present paper studies one such criteria – immanent political conformism, i.e. a specific attitude of a diaspora to the political system of the country of residence, the opportunity to be productive within the receptive state. This process can be considered in the dynamics, which allows to trace the transformation of the status of the Adyghe community on different stages in connection with the fluctuations of the socio-political situation in the countries of their new residence. The specificity of the issue under question has led to the use of a wide range of methods and principles of historical research. These are retrospective, systematic and problem-chronological methods, which, coupled with the principles of historicism and objectivity, allowed for reconstruction of a full picture of the past and present in the context of interrelations and interdependence. During our study, we have come to a well-grounded conclusion that Adyghe people (Circassians) today represent high-status, integrated groups within the countries of their residence.

Keywords: Russia; Ottoman Empire; Caucasian War; Adyghe (Circassians); diaspora; immanent political conformism.

Введение

В современном мире возрастает значимость и влияние диаспор не только на социально-экономические и политические процессы стран проживания, но на формирование системы международных отношений. Сложность и многоаспектность феномена диаспоры обусловили то, что ее изучением занимаются ученые разных научных направлений – этнологи, социологи, культурологи, историки. В данном контексте большое значение приобретает, прежде всего, теоретическое осмысление проблем «классических» (исторических) диаспор, выделение основных характеристик и их экстраполяция на конкретные диаспоры. Это существенно облегчит более детальное изучение особенностей, присущих именно природе определенной диаспоры. К настоящему времени уже сложились определенные подходы к их изучению, в которых, вследствие устоявшейся в науке традиции, в качестве типологической конструкции выступает еврейская диаспора. Это позволило провести сопоставительный анализ наиболее известных характеристик «классических» (исторических) диаспор и выделить их инвариантную составляющую.

Результаты многолетних исследований по истории становления и развития черкесской (адыгской) диаспоры в странах Ближнего и Среднего Востока позволили автору адаптировать их к адыгской диаспоре, т.е. определить вариативный компонент методики ее изучения и обосновать вывод, что черкесскую (адыгскую) диаспору можно поставить в один ряд с «классическими» историческими диаспорами [1, р. 51–66].

Данная статья посвящена изучению одного из критериев – проявлению имманентного политического конформизма. Т.е. необходим анализ особенностей процесса инкорпорации адыгских (черкесских) иммигрантов в политическую и социокультурную структуры страны, гражданами которой они стали. При этом мы хотим обратить особое внимание на то, как в процессе социализации они смогли использовать навыки и умения, приобретенные на исторической родине с пользой для принимающего государства. Этот процесс представлен в динамике, что дает возможность проследить, как на разных этапах менялся статус адыгского общества в зависимости от колебаний в общественно-политической ситуации в странах их нового проживания. Интерес представляет то, как в контексте взаимодействия политических, экономических и социальных явлений, обусловивших особенности формирования адыгской (черкесской) диаспоры в Османской империи, адыги (черкесы) смогли реализовать себя и интегрироваться в новое социокультурное пространство стран их нового проживания.

Материалы и методы

В ходе исследования привлекались различные историографические источники – архивные материалы, публикации мемуарного характера, свидетельства очевидцев описываемых событий, статистические материалы, работы,

посвященные Кавказской войне. Существенная информация получена в ходе научной историко-этнографической экспедиции в Турцию, а также из работ зарубежных авторов, некоторые из них впервые переведены на русский язык и введены в научный оборот.

Систематизация и анализ источников, с учетом специфики исследуемой проблемы, обусловили использование широкого спектра методов и принципов исторического исследования. Это ретроспективный, системный и проблемно-хронологический методы, которые в сочетании с принципами историзма и объективности позволили реконструировать целостную картину прошлого и настоящего во взаимосвязи и взаимообусловленности и прийти к значимым выводам.

Обсуждение и результаты

Основные волны переселенцев попали в Османскую империю в основном в период правления султанов Абдул Меджида (1839–1861) и Абдул Азиза (1861–1876). Окончательное оформление адыгской (черкесской) диаспоры пришлось на последнюю четверть XIX в. при активном участии султана Абдул Хамида II (1876–1909) и во многом зависело от изменений политической конъюнктуры в регионе, обусловленных исходом русско-турецких войн.

По сведениям известного исследователя северокавказской эмиграции Г.А. Дзидзария, первая массовая волна переселенцев в Османскую империю пришла уже в конце 30–40-х годов XIX в. В этот период они осели в азиатских регионах Османской империи. Большая часть их оказалась в Трапезунде, Самсуне, Синопе [2, с. 68] Позже, после окончания Крымской кампании (1853–1856), переселение принимает массовый характер и обусловлено это усилением военных действий российских войск на Северо-Западном Кавказе.

С 1858 г. решение проблем, связанных с черкесским населением, становится весьма значимым как для российского, так и османского правительств. Это видно из дипломатической переписки [3, с. 1011]. И Россия, и Османская империя стремились извлечь из переселения черкесов свою пользу. Россия освобождала от коренных народов территории, важные в стратегическом отношении. Планы османского правительства диктовались в основном особенностями политического и социально-экономического состояния страны в рассматриваемый период. В мировой практике нет случаев, чтобы государство, принимая беженцев в таком количестве, не имело бы планов по их применению. Очевидно, что переселенцы (беженцы) не могли рассчитывать на одинаковое положение с гражданами принимающего государства. И адыги вынуждены были доказывать «собственную нужность государству», им необходимо было определить свое место в новой социокультурной структуре. Еще древняя философская мысль гласила, что адаптация в новом социуме

возможна только при условии принятия всех норм и правил, установленных в этом обществе. Т.е., со стороны переселенцев требовалась полная трансформация прежнего образа жизни. Особенно сложно это было сделать на первоначальном этапе их пребывания в Османской империи.

Начавшийся еще в XVIII в. глобальный кризис империи к началу XIX в. достиг своего пика. К рассматриваемому периоду Османская империя представляла собой сложный агломерат народов, удержание которого в прежних границах требовало изменения военно-политической системы. Решение этой проблемы в первую очередь было связано с усилением армии и в этом правительство возлагало большие надежды на адыгских переселенцев. В 60-х гг. султанским генерал-губернатором (вали) Ахмедом Мидхат-пашой был разработан план расселения черкесов. Их размещали в европейских владениях империи, на Балканах, чтобы увеличить мусульманское представительство в ранее христианских регионах: от устья Дуная до Боснии и Герцеговины. Как писал Ф. Канитц, «черкесским переселенцам было назначено населять клин, идущий с Востока на Запад, в противоположном направлении магометанско-албанскому элементу, которому они, в случае нужды могли бы подать руку, и, таким образом, составить живую пограничную изгородь между христианскими болгарскими массами с их единоверцами сербами» [4]. В итоге черкесские поселения оказались рассеяны по всей Болгарии и Югославии вперемежку с местными деревнями.

К лету 1864 г. в Стамбул прибыло столько переселенцев, что только Балканами было не обойтись. Тем не менее, до 1878 г. османские власти соблюдали условия договоренностей с Россией селить их только во внутренних районах и подальше от русских границ. Правительство вынуждено было расселять их в Малой Азии – в центральной и западной Анатолии.

Османскому правительству было сложно принять переселенцев в таком количестве. Адыги, попадая в места своих новых поселений, испытывали неимоверные страдания. Согласно источникам, среди переселенцев была очень высокая смертность. Много жизней унесла эпидемия оспы и чумы. Многие авторы утверждают, что в этот период погибло полмиллиона человек. Но из слов очевидцев этих событий можно предположить, что эта цифра весьма занижена. В газете «Дроэба» один из ее корреспондентов пишет: «Я поражен физической и духовной силой этого народа – из каждых пяти человек один все же жив, несмотря на перенесенные ужасы» [2, с. 373].

Итоги русско-турецкой войны 1877-78 гг. кардинально изменили ситуацию. В этой войне адыги вновь столкнулись с российской армией, но теперь они защищали интересы Османской империи, гражданами которой стали. Опыт многолетней войны с российскими войсками на своей родине сыграл свою роль. По некоторым сведениям, около 80 тыс. адыгов были отправлены для участия в русско-турецких сражениях. «...Турция не ошиблась, – писал султан Довлет-Гирей, – ей выгодно было получить новый на-

род – народ здоровый, воинственный, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности»¹ [5].

В ходе войны адыги оправдали ожидания османского правительства. Они приняли активное участие в боевых действиях в составе регулярных, иррегулярных и полицейских войск. А. Кушхабиев приводит сведения из османского источника о том, что «...из черкесских иммигрантов, расселившихся в Анатолии в районах Азизие, Сиваса и Джаника были сформированы четыре кавалерийских полка по одной тысяче человек в каждом. Первой бригадой, состоявшей из 6 эскадронов, командовал генерал Мустафа-паша; второй, состоявшей также из 6 эскадронов, – генерал Муса Кундух, в прошлом офицер российский службы; третьей, насчитывавшей 10 эскадронов, – сын Шамиля генерал Гази Мухамед-паша» [6, с. 36.].

Много черкесов уже в статусе военачальников османской армии принимали участие в военных действиях на Балканах. Их имена вошли в историю: Дагестанлы Мирлива Мехмед Мухлис-паша – командующий кавалерией на балканском фронте, Ибрагим-паша, командующий добровольческими конными подразделениями, полковник Садетин-бей, Дели Хусреу-бей (младший брат Маджан Рауф-паши), Дилавер Карзег-паша – адмирал Дунайской морской флотилии. Один из последних черкесских предводителей времен русско-кавказской войны Берзег Хаджи Герандук уже в преклонном возрасте командовал на Балканах адыго-абхазо-убыхским кавалерийским отрядом. Некоторые из них получили маршальские звания и занимали высокие посты в османской армии. Так маршал Маджан Рауф-паша после войны был главнокомандующим османской армией, Ферик Туга Фуат-паша после войны получил звание маршала и должность заместителя главнокомандующего османской армией [7, с. 8–11].

Итоги русско-турецкой войны 1877–78 гг. окончательно определили дальнейший ход событий. Победа России способствовала освобождению народов Балкан, а черкесов, расселенных в этом регионе, вновь ожидали сложности. Они очередной раз вынуждены были переселяться в другие места империи без права возвращения на Балканы. Потерпевшая поражение Османская империя не могла нарушить решение Филиппопольской конференции европейских держав (ноябрь 1878 г.)², а также условия договора в Сан-Стефано (март 1878 г.) и Берлинского трактата (июнь 1878 г.). Российское правительство в категорической форме требовало выселение черкесов с Балканского полуострова и отказ в расселении их вблизи русско-турецкой границы: «...не употреблять в пограничных гарнизонах иррегулярных войск, как-то башибузуков и черкесов»³ [8, с. 190; 9, с. 190]. Так началось новое переселение – с Балкан в Анатолию и страны Ближнего Востока.

1 Доклад султана Довлет-Гирея «Черкесские племена в Турции» на собрании Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) // ЛОААН (Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР). Ф. 800, Н.Я. Марра. Д. 188 Л. 2 об.

2 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517 (2). Д. 3290. Л. 5.

3 АВПР. Ф. Трактаты. Оп. 466. Д. 1414. Л. 1691.

К этому времени политическая ситуация обострилась и в арабских провинциях Османской империи. Правительство вновь использовало адыгов в качестве охранной силы, расселив их на окраинах и вокруг крупных городов. В окрестностях Стамбула по сей день располагаются 120 адыгских аулов, образуя защитный полумесяц.

Эти события пришлось на правление Абдул Хамида II, который приложил немало усилий для облегчения участи переселенцев. По этому поводу он писал: «Я сделал все возможное для поселения и защиты этих наших единоверцев мухаджиров. Я создал поселения мухаджиров от Стамбула до Алеппо. Большинство расходов по их поселению я покорно заплатил сам» [10, с. 120, 132, 146, 150; 11, с. 17]. Таким образом, черкесы оказались рассеянными по всей территории империи. По сведениям Дж. Мак Карти «в результате всех миграций северокавказцев из России и Балкан мусульманское население Анатолии с 1878 по 1911 гг. возросло на 50%» [12, с. 116, 375].

Как и на первоначальном этапе пребывания адыгов в Османской империи, правительство рассчитывало, используя их земледельческий опыт в сложных ландшафтных условиях Кавказа, навыки животноводства и ремесла, улучшить экономическое состояние обширных регионов империи. С этой миссией они также успешно справились.

Следует отметить, что именно Абдул Хамид II по достоинству оценил возможности адыгов и смог привлечь их во все сферы жизни государства. Благодаря так называемой «черкесской политике» Абдул Хаида II черкесы смогли занять высокие посты в армии и государственном аппарате. Доверие к ним было настолько высоким, что к периоду младотурецкого переворота, черкесы составляли 40–50% командного состава империи. Примечательно, что оценивая свое участие в младотурецком перевороте, они называли этот период «золотым веком черкесов» в Турции. Выходцы из Северного Кавказа и сейчас занимают значительное место в генералитете турецкой армии [11, с. 150].

Внешне- и внутривполитическая обстановка в Османской империи стали благоприятной средой для включения черкесов в важнейшие сферы жизни общества. Известно, что и в последующем адыги продолжали занимать значимое место в общественно-политической и культурной жизни стран проживания. Из их среды выходили великие визири, крупные государственные деятели, талантливые военачальники, писатели, композиторы, художники. Здесь мы можем назвать имена только некоторых из них. Среди сподвижников основателя Турецкой Республики Мустафы Кемалю (Ататюрка) были известные черкесские генералы Али Фуад Джебесой и Изет-паша Дженатуко. Одним из выдающихся партизанских командиров Западной Анатолии стал черкес Этхем из шапсугского рода Дипшой. Немало высших офицеров из числа адыгов служит в вооруженных силах Сирийской Арабской Республики. Их имена известны всей стране. Фуад Баг – генерал – лейтенант, был военным атташе Посольства САР в Москве, занимал пост заместителя министра обороны Сирии, Гиса Апыш – генерал-майор, Саид Беретарь – генерал-лейтенант и другие.

У истоков Иорданского Хашимитского королевства стояли адыги Мирза-паша (Къумыкъу), Саид-паша аль-Муфти (Хъэвжокъуэ), который был премьер-министром Иордании, избирался мэром Аммана, был назначен министром торговли, министром экономики.

Известный писатель, кинодраматург и режиссер, продюсер, бизнесмен Кандаур Мухадин Иззет, адыг по происхождению, родился в Аммане в 1938 г. Защитил докторскую диссертацию по философии в Клермонтском университете (Калифорния, США) по теме «Движение мюридизма на Северном Кавказе в XIX веке». Автор многих романов, член Союза писателей и Союза кинематографистов США, снял в Голливуде несколько художественных и свыше 50 документальных фильмов.

Видный общественный деятель Иордании, бывший атташе посольства Иордании в Москве, член Амманской Адыгэ Хасэ Хашим Амшуко, известен как один из организаторов укрепления связей с нашими соотечественниками за рубежом [4].

Этот список может продолжить известный общественно-политический деятель историк и философ Айтек Намиток. Он жил и работал в Праге, где написал свой главный труд «Происхождение черкесов». В соавторстве с французским кавказоведом Жоржем Дюмезилем А. Намиток написал «Басни Цея Ибрагима» [12, с. 124–125].

В странах Ближнего и Среднего Востока и сегодня ходят легенды не только о красоте, уме, но и мужестве адыгских женщин. Общественная деятельность, плоды литературной деятельности знаменитой черкешенки XVIII в. Айссе Айшет Шарлотта внесли заметный вклад в историю мировой культуры и были высоко оценены самыми строгими ценителями искусства во Франции.

Всему миру известно имя черкешенки Людмилы Чериной (Моники Шэмырзэ). Уже в 15-летнем возрасте она была удостоена звания прима-балерины и возглавляла выступления в Опера Монте-Карло. Позже Моника танцует в Париже в Гранд Опера, а в 1945 г. переходит в Опера Марсель. Имя Л. Чериной во Франции стало символом прогрессивного содержания искусства, гуманистического духа французской культуры.

Куна Уджуху была признана национальной героиней Сирии. В 1967 г. в период оккупации Голландских высот Израилем в знак протеста она отказалась покинуть свой дом в Эль-Кунейтре. Восемь лет Куна провела в пустом городе. Ее поступок был высоко оценен лидерами арабских стран.

Всем известны имена Таужан Егзэн из Иордании – первой женщины депутата, писательницы Халиде Адиб из Турции, Сатаней Схалыхо – доктора антропологии, внучки автора трехтомного издания «История Кавказа», известного турецкого генерала Исмаила Беркока [12, с. 126–127].

И в настоящее время адыги вносят значимый вклад в общественно-политическую и культурную жизнь стран проживания и прилагают немало усилий для сохранения языка и традиций. В этом мы смогли убедиться в ходе

встреч во время научной историко-этнографической экспедиции в Турции⁴. Побывав в Кавказском культурном обществе (Kafkas Kultur Dernegi), Кавказском благотворительном фонде (Kafkas Vakfi) г. Стамбула, Северокавказском обществе г. Яловы (Yalova Kuzey Kafkas Dernegi) нам удалось пообщаться с известными адыгами Турции – мэром г. Яловы Барбаросой Беничиоглы, известным кардиологом, доктором медицины Гюнсель Шурдум; Рахми Тумэ – юристом, общественным деятелем (принимал активное участие в организации и работе Хасэ); Али Мирзой Чурэй – в прошлом офицером турецкой армии, автором 4 научных монографий об адыгах и др.

Заключение

В рамках небольшой статьи невозможно в полной мере показать несколько значим вклад во все сферы жизни общества стран проживания адыгов (черкесов) зарубежья, назвать все имена. Приведенные примеры со всей очевидностью показывают, что процесс инкорпорации адыгов-переселенцев в новые политические и социокультурные структуры стран их нового проживания проходил весьма сложно. Но, очевидно, что, несмотря на нарушение внутренней архитектоники этноса, трансформацию его социальной структуры и образа жизни, обусловленные резкими политическими и социальными потрясениями, адыгам удалось реализовать себя. На первоначальном этапе это, естественно, был опыт пассивного политического конформизма, когда они вынуждены были исполнить волю своего нового правительств. Но, преодолев все сложности, они в полной мере смогли проявить свои способности в разных сферах жизни общества и стать полноценными гражданами стран проживания. Это дает право с уверенностью утверждать, что это уже яркий пример активного имманентного политического конформизма. Адыги (черкесы) сегодня представляют собой высокостатусные, хорошо интегрированные группы в странах проживания. Это является подтверждением проявления высокого уровня конформности, т.е. умения воспринять правила и нормы поведения, господствующие в обществе новой страны проживания и, при этом, сохранить устойчивость самооценки и самоуважения, а также собственной идентичности.

Естественно, это наводит на раздумья о судьбах национальной культуры. Об этом очень хорошо пишет К.К. Султанов «... происходящее в последние годы возвращение многих имен, произведений, достижений в разных областях культуры и искусства, принадлежащих адыгскому зарубежью со всей очевидностью демонстрируют, насколько односторонни, недостаточны

4 Автор данной работы в составе группы ученых Северного Кавказа принимала участие в работе историко-этнографической экспедиции в Турции в 2004-2005 гг. в рамках гранта РГНФ «Северокавказская диаспора на Ближнем и Среднем Востоке: истоки, проблемы, перспективы. Социально-политические и этнокультурные аспекты».

наши вчерашние представления о путях развития, насколько они могут быть уточнены, стать объемнее, шире, богаче, чем прежде, если мы включим в круг наших суждений оба потока, сопоставляя, соединяя в наших размышлениях опыт развития Адыгеи и адыгского зарубежья» [14, с. 35].

Очевидно, что встает задача более глубокого и объективного изучения адыгской диаспоры и решение такой актуальной задачи, как ее связь с национальными процессами в современной Адыгее, на родине национальной диаспоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Kudaeva S.G. Circassian (Adyg) scattering in the Countries of the Middle East: theoretical and methodological approaches to the study of diasporality (on the example of the Jewish classical diaspora). *Astra Salvensis Pevista de istorie si cultura*. Year V. № 12. Salva, 2018. P. 51-66.
2. Дзидзария А.Г. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Ч. II. №890. С. 1011.
4. Канитц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения 1860-1875 гг. СПб., 1876.
5. Черкесское зарубежье. №2. 1994.
6. Кушхабиев А.В. Черкесы в Сирии. Нальчик, 1993. С.36.
7. Berzeg Safer. 1877-1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzey Kafkasya`ve Sürgündeki Kafkasyalilar // Kafkasya Gerceqi. 1990. N 1. S. 8-11.
8. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917 гг. М., 1952.
9. Авакян А.Г. Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Ереван, 2001.
10. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М., 1952. С. 190.
11. Abdülhamid`in Hatira Defteri. İstanbul, 1996. S. 17.
1. Kudaeva SG. Circassian (Adyg) scattering in the Countries of the Middle East: theoretical and methodological approaches to the study of diasporality (on the example of the Jewish classical diaspora). *Astra Salvensis Pevista de istorie si cultura*. 2018, 5(12): 51-66.
2. Dzidzaria AG. *Makhadzhirstvo and problems of the history of Abkhazia in the 19th century [Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya]*. Sukhumi, 1975.
3. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission [Akty, sobrannye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiiy]*. Vol. 12. Part II. No. 890. p. 1011.
4. Kanits F. *Dunaskaya Bulgaria and the Balkan Peninsula. Historical, geographical and ethnographic travel observations of 1860-1875 [Dunayskaya Bolgariya i Balkanskiy poluostrov. Istoricheskie, geograficheskie i etnograficheskie putevye nablyudeniya 1860-1875 gg]*. Saint Petersburg, 1876.
5. *Circassians abroad [Cherkesskoe zarubezh'e]*. No. 2. 1994.
6. Kushkhabiev AV. *Circassians in Syria [Cherkesy v Sirii. Nal'chik]*. Nalchik, 1993. p. 36.
7. Berzeg Safer. 1877-1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzey Kafkasya`ve Sürgündeki Kafkasyalilar. *Kafkasya Gerceqi*. 1990, 1: 8–11.
8. *Collection of treaties between Russia and other states in 1856-1917 [Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856-1917 gg]*. Moscow, 1952.
9. Avakyan A.G. *The Circassian factor in the Ottoman Empire and Turkey (the second half*

12. Кудеева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп 2014.

13. Чеучев Н.Ш. Основы современной цивилизации. Майкоп, 1994. С. 124-125

14. Султанов К.К. Две культуры или одна? (Проблема целостной характеристики) // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск. 1993.

of the 19th – the first quarter of the 20th century) [Cherkesskiy faktor v Osmanskoy imperii i Turtsii (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX v.)]. Yerevan, 2001.

10. *Collection of treaties between Russia and other states 1856-1917 [Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856-1917]. Moscow, 1952. p. 190.*

11. *Abdülhamid'in Hatira Defteri. Istanbul, 1996. p. 17.*

12. Kudaeva SG. *Adyghe (Circassians) of the North-Western Caucasus in the 19th century: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society [Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva]. Maykop, 2014.*

13. Cheuchev NSh. *Foundations of modern civilization [Osnovy sovremennoy tsivilizatsii]. Maykop, 1994. p. 124–125.*

14. Sultanov KK. Two cultures or one? (The problem of integral characteristics). *Cultural diaspora of the peoples of the Caucasus: genesis, problems of study. Cherkessk, 1993.*

Статья поступила в редакцию 25.03.2021 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182357-370>



Неклюдов Евгений Георгиевич
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт истории и археологии
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия
ntplant9@mail.ru

«КЕДАБЕКСКАЯ ПОСЕССИЯ» СИМЕНСОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Аннотация: В статье представлена история так называемой «кедабекской посессии», заключавшейся в отводе казенных земель и лесов к Кедабекскому и Калакендскому медеплавильным заводам в Закавказье во второй половине XIX – начале XX в. С ее помощью было организовано одно из крупнейших горнозаводских хозяйств в регионе, принадлежавшее знаменитым предпринимателям прусского происхождения Сименсам. Лесные отводы требовались для заготовки древесного топлива для металлургических печей. На примере деловой переписки владельцев и директоров предприятий с региональными и центральными горными властями показано, как условия посессионного владения, положенные в основу взаимоотношений владельцев и государства, влияли на поступательное развитие крупнейшего в регионе горнозаводского хозяйства. Жесткая увязка размеров лесных отводов с годовой производительностью предприятий на определенном этапе стала ограничивать рост производства, который в условиях падения рыночных цен был единственным способом выживания заводов. Острота топливной проблемы, с одной стороны, вызывала трудности во взаимоотношениях с региональной горной администрацией и рост накладных расходов, но с другой, – подталкивала заводу управление к внедрению новейших способов плавки меди и применению ископаемого топлива. Посессионные правоотношения оказались одним из факторов, заставивших владельцев отказаться не только от лесных отводов, но и от дальнейшей эксплуатации налаженного многолетними усилиями крупного промышленного дела.

Ключевые слова: Закавказье; вторая половина XIX – начало XX в.; горные заводы; Сименсы; посессионное право.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182357-370>



Neklyudov Evgeny Georgievich
Dr. Sci. (History), Chief Researcher
Institute of History and Archaeology
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia
ntplant9@mail.ru

THE SIEMENS' "GADABAY POSSESSION" IN TRANSCAUCASIA

Abstract. The article presents the history of the so-called "Gadabay possession", which was the allotment of public lands and forests to the Gadabay and Kalakend copper smelters in Transcaucasia in the second half of the 19th – early 20th centuries. With its help, one of the largest mining enterprises in the region was organized, which belonged to the famous entrepreneurs of the Prussian origin – the Siemens. Forest allotments were required for the procurement of wood fuel for metallurgical furnaces. Using the example of business correspondence between owners and directors of enterprises with regional and central mining authorities, we demonstrate how the conditions of possession, which form the basis of the relationship between owners and the state, influenced the progressive development of the region's largest mining enterprise. At a certain stage, the rigid connection of the size of forest allotments to the annual productivity of enterprises began to restrict the growth of production, which, in the context of falling market prices, was the only way for the plants to survive. The severity of the fuel problem, on the one hand, caused difficulties in relations with the regional mining administration and an increase in overhead costs, but on the other hand, it pushed the plant management to introduce the latest methods of copper smelting and the use of fossil fuels. Possessional legal relations turned out to be one of the factors that forced the owners to abandon not only forest allotments, but also the further exploitation of a large industrial business, established by many years of hard work.

Keywords: Transcaucasia; second half of the 19th – early 20th centuries; mining plants; the Siemens; possession law.

Посессионное право в горнозаводской промышленности России продержалось до конца имперского периода. Как система норм и правил оно оформилось в начале XIX в. и было следствием реализации государством своего «участия» в предпринимательстве частных лиц, воспользовавшихся при возведении заводов так называемыми «казенными пособиями», или посессиями, в виде земель, лесов, рудников и людей разных категорий. Посессионные горные заводы в отличие от владельческих, или состоявших на праве частной собственности, платили повышенную в полтора раза подать за выплавленный металл и находились под контролем государства в лице горного ведомства, которое строго следило за «правильным» использованием предоставленных пособий [1; 2; 3; 4].

Большинство посессионных заводов располагалось в «старинных» металлургических районах страны – на Урале и в Замосковном крае, объединявшем несколько центральных губерний. Там их статус был установлен в начале XIX в. административным порядком после выяснения того, какими пособиями пользовались те или иные заводы. Третьим районом распространения этого «ограничительного» права стало Закавказье, когда после присоединения к Российской империи там было введено «Положение для грузинского горного производства» в 1816 г. «Приискивать руды, минералы или камни» на государственных землях было разрешено «всякому», но разрабатывать рудники и строить заводы допускалось лишь с согласия горного начальства и «на особых с ним условиях» [5]. Частные посессионные имения, таким образом, появились здесь на основании договоров с казной и условия их владения могли отличаться от общих положений, зафиксированных в Горном уставе – кодексе горнозаводского законодательства Российской империи, действовавшего с 1835 г. Но, также как и в старинных районах, на Закавказье распространялись «коренные» принципы этого эксклюзивного для России права, заключавшиеся в «нераздельности» заводов и посессий и условности пользования ими до тех пор, пока действуют заводы.

По данным Главного управления кавказского наместника, к началу 1860-х гг. посессионными считались 8 из 11 медеплавильных заводов подведомственного региона. Это были Алавердский (Алвердский, Аллавердский) и Шамблугский заводы, расположенные в Борчалинском уезде Тифлисской губернии, Кедабекский и Дашкесанский – в Елизаветпольском уезде той же губернии. В Эриванской губернии в Александропольском уезде действовал Сицимаданский (Сисимаданский) завод, в Ордубадском уезде – Агаракий и Пирдоуданский заводы, в Новобаязетском – Мисханский завод¹. Эти небольшие предприятия принадлежали, как правило, компаниям мелких предпринимателей греческого происхождения и пользовались казенными «пособиями в землях, лесах и рудниках» [7, с. 124–127]. Как свидетельствовал управляющий горной частью на Кавказе инженер И.А. Штейнман, заводовладельцы применяли здесь

¹ С 1862 г. в Тифлисской губернии действовал еще посессионный Чатахский железоделательный завод [6].

«самые неумелые и хищнические» способы горных разработок и «весьма несовершенный», так называемый «азиатский», метод выплавки меди «в низких шахтных печах прямо на черную медь, без промежуточных операций». Он был возможен при условии использования «исключительно богатых руд и полном пренебрежении рудами с незначительным содержанием металла». Выплавленная в небольших объемах медь продавалась в районе расположения завода и шла на изготовление посуды, «употреблявшейся туземцами вместо стеклянной и глиняной»; часть металла отправлялась в Персию [8].

Благодаря подключению русских и иностранных инженеров и предпринимателей «горный промысел» в Закавказье стал совершенствоваться и расширяться. Одними из крупнейших во второй половине XIX в. стали здесь заводы, основанные известными прусскими предпринимателями братьями Сименсами. В обширной (особенно западноевропейской) литературе [9, с. 325–326, 399–411], посвященной этой семье, вопрос о правовых условиях владения кавказскими заводами и их влиянии на развитие предприятий, еще не поднимался. В основном авторы уделяли внимание организационным, экономическим и техническим аспектам [см., напр.: 10; 9; 11; 12]. Попытаемся на основании деловой переписки, обнаруженной в Российском государственном историческом архиве, а также экономических описаний, опубликованных в ведомственном «Горном журнале», прояснить эту сторону работы крупнейших в Закавказье медеплавильных предприятий и их знаменитых владельцев.

По официальным данным, в апреле 1864 г. Сименсы² купили Кедабекское меднорудное месторождение у «турецко-подданных греков», которые еще в 1855 г. получили от наместника Н.Н. Муравьева разрешение пользоваться окрестными лесами и выплавлять медь на устроенном ими одноименном заводе³. И.А. Штейнман уточнил, что покупка состоялась «от прежних кратковременных владельцев Морица и Таннера, приобретших со своей стороны право разработки Кедабекского месторождения от рудопромышленников греков и армян» [8, с. 24].

Интерес «пруско-подданных» покупателей к кавказским рудам был вызван потребностью в меди: она использовалась при проведении телеграфа, чем Сименсы активно занимались в то время. Предполагалось создать в Закавказье современное крупное производство, для чего потребовался отвод лесов для заготовки древесного топлива, который и был осуществлен на посессионном праве, видимо, несколькими партиями (в 1868 г. отвели под завод 69 дес. земли и 8808 дес. леса, в 1874 г. – еще 4650 дес. леса). Тогда же был введен в действие обновленный Кедабекский завод, производительность которого в соответствии с количеством отведенных лесов была рассчитана на 40 тыс. пуд. меди в год.

2 Источники не позволяют точно установить изначальную структуру владения. Но известно, что Кедабекское имение сохраняло семейный статус даже после акционирования в 1897 г. основной фирмы «Siemens&Halske AG» [9, с. 279]. По нашим сведениям, после кончины всех братьев имение поровну делили между собой наследники Вернера и наследники Карла Сименсов.

3 Из рапорта уполномоченного министра государственных имуществ А.А. Штофа в Горный департамент от 31 декабря 1885 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 50–60.

Крупное и перспективное предприятие освободили от платежа горной подати на 15 лет, разрешив впоследствии начислять ее в размере, установленном для владельческих заводов.

По наблюдениям того же И.А. Штейнмана, завод управлялся «сведущими инженерами» и «посессоры его, имеющие громкую известность в промышленном и ученом мире», не щадили «первоначальных затрат для устройства предприятия на прочных рациональных началах». При сравнении результатов, «получаемых при азиатском и европейском способах заводского действия», оказалось, что «при первом употребляется горючего от трех до четырех раз более на выплавку одного и того же количества меди; суточная выплавка печей в пять раз менее, и руды добывается на одного человека от 15 до 20 раз менее» [8, с. 25–26].

Правда, по свидетельству директора завода Больтона, «во время льготного срока» вместо допустимых 600 тыс. пуд. сумели выплавить лишь 363 232 пуд. Такое «неудовлетворительное действие» объяснялось трудностями возведения предприятия. «Завод лежит в горах на высоте 4500 футов над уровнем моря, в 200 верстах от Тифлиса, – сообщал директор. – К нему ведет из долины Куры самая первобытная дорога с подъемом в 3000 футов. Во время строительства не существовало Закавказской железной дороги и потому пришлось доставлять туда все машины и заводские приспособления на быках с берегов Черного моря, на расстояние более 500 верст. За неимением на Кавказе в то время сведущих людей, все служащие выписаны были из заграницы, а первые мастеровые прибыли из Нижнетагильского завода (И.А. Штейнман сообщал, что «для первоначального выжигания угля и успешной выплавки меди» с Урала были приглашены 16 мастеровых, «которые уже успели доказать на деле полезность такой меры» [8, с. 25]. – *Е. Н.*). Рудники вовсе не были разведаны, а единственный действовавший рудник – затоплен. Постройка самого завода и жилых зданий продолжалась пять лет сряду»⁴.

Когда же производительность предприятия достигла установленных по договору 40 тыс. пуд., выяснилось, что оно при таких условиях «не имеет будущности»: требовалось увеличить годовое производство меди, чтобы покрыть все накладные расходы. Возникла острая необходимость пересмотра первоначальных условий договора с казной, за нарушение которых могло последовать в лучшем случае начисление повышенной подати за сверхнормативный металл, а в худшем – «отобрание земель и лесов в казну».

Сименсы 21 марта 1879 г. подали прошение о возведении нового завода для ежегодной выплавки 20 тыс. пуд. меди и строительства узкоколейной железной дороги длиной в 30 верст, которая бы соединила оба предприятия. Одновременно они ходатайствовали о дополнительном отводе леса, который обеспечил бы новый завод топливом в соответствии с установленной производительностью. Получив разрешение и отвод (5945 дес.), в мае 1883 г. владельцы завершили

⁴ Письмо директора Кедабекского завода Больтона. Декабрь 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 23–31 об.

строительство Калакендского завода, на которое потребовалось 100 тыс. руб., и железной дороги стоимостью 800 тыс. руб. При этом, по сообщению Болтона, Сименсы «не пользовались никакими чужими капиталами», вкладывая ежегодно в дело от 150 тыс. до 200 тыс. руб. Когда же «стали образовываться небольшие прибыли, они не вынули эти доходы из оборота, а... употребили на разные усовершенствования и постройку завода и железной дороги, а, следовательно, не имели ни малейшей личной выгоды»⁵.

Эти аргументы потребовались директору для того, чтобы обосновать свою просьбу не останавливать заводы после достижения нормы годовой выплавки и не начислять повышенную подать за сверхнормативный металл. Тем не менее, когда в 1885 г. производительность обоих заводов превысила 80 тыс. пуд. (при допустимых 60 тыс.), управляющий горной частью на Кавказе В.И. Мёллер счел это нарушением условий посессионного владения и распорядился, чтобы «братья Сименсы впредь не позволяли себе, не испросив предварительного разрешения установленным порядком, вести выплавку меди в размере выше назначенной нормы и чтобы не уклонялись от правильной разработки отведенных им рудных месторождений и... по отношению к горючему материалу». Он потребовал уплатить «за переработку» более 14 тыс. руб. дополнительной подати (а с пеней – около 19 тыс. руб.)⁶. В своем отчете министру государственных имуществ В.И. Мёллер особо подчеркнул, что «считает своею обязанностью строго следить за тем, чтобы медеплавильные заводы, пользующиеся пособием в лесе от казны, не выходили из этих рамок во избежание значительного вреда, который, в противном случае, легко может быть нанесен ими лесному хозяйству страны». В то же время он пообещал, что будет «всеми возможными мерами содействовать развитию медного производства на минеральном топливе и при посредстве электричества» [13, с. 457, 482].

Карл Сименс, который, приняв российское подданство (в 1895 г. он получит и потомственное дворянство), вел семейные дела в империи, жаловался министру государственных имуществ М.Н. Островскому на действия местного горного начальства, своими требованиями якобы ставившего заводы на грань остановки. Сначала он попросил сообщить В.И. Мёллеру «на мой счет по телеграфу» о том, что вместо остановки «калакендского шплейзофена» (печь для очистки меди) «вполне достаточно точной проверки излишнего производства для исчисления причитающейся казенной пошлины». «В настоящее время, – со знанием дела предупреждал он, – шплейзофен понапрасну потребляет топливо, так как в случае совершенного закрытия его кварцевый свод, при возобновлении топки, неминуемо должен провалиться»⁷.

Однако, как сообщал Сименс уже после получения затребованной телеграммы, управляющий горной частью хотя и разрешил «возобновление действия...

⁵ Там же.

⁶ Из рапортов Управления горной частью на Кавказе в Горный департамент от 25 сентября и 9 ноября 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 1–4, 18.

⁷ Письмо Карла Сименса в Горный департамент от 10 октября 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 5–5 об.

шпейзофена, но при этом воспретил всякое дальнейшее выплавление; таким образом, Калакендский завод вовсе прекратил свое действие и все рабочие остались без дела». «Вообще мне кажется, что г-н Мёллер поставил себе целью лишить меня возможности продолжить свои предприятия на Кавказе», – предположил он, дополнительно указав на то, что управляющий нажаловался местному губернатору на директора Больтона, который одновременно выполнял на заводе и обязанности «полицейского органа» в отношении 1,5–1,8 тыс. рабочих, на две трети состоявших из местных жителей. «А между тем, – констатировал предприниматель, – всякий обыватель той местности мог бы сказать ему, что только со времени такого соединения должностей там водворены тишина и порядок. При том очевидно, что столь значительный завод, находящийся в местности, населенной вполне дикими племенами, не может существовать без полицейской власти»⁸. Губернатор князь А.Д. Накашидзе поддержал Сименса, объяснив, что чиновник IX класса по Табели о рангах (титулярный советник, или штабс-капитан в армии) при Елизаветпольском уездном управлении Больтон, «состоя на государственной службе, приносит местной администрации громадную пользу». При этом он упомянул не только о том, что заводладельцы фактически содержали полицию, но и «открыли даровое телеграфное сообщение». Вскоре инцидент был исчерпан, и директору разрешили «остаться в полицейской должности», хотя В.И. Мёллер поставил условие, чтобы тот «отстранял себя от всех дел по полиции, касавшихся действий местного заводоуправления»⁹.

В отношении же «излишне взыскиваемой пошлины» Карлу Сименсу пришлось уступить, несмотря на то что этот вопрос, вопреки прежним заявлениям, по его словам, все-таки «был для нас особенно чувствителен»¹⁰. Директор пояснил слова заводчика тем, что в связи с открытием богатых залежей медной руды в Северной Америке цена на медь на Нижегородской ярмарке упала с 11,45 руб. в 1883 г. до 7,90 руб. в 1885 г. «Есть только одно спасение, чтобы избежать закрытия заводов, – писал он министру, – увеличить производство до 80 тыс. пуд. и этим удешевить стоимость продукта»¹¹.

Побывав по заданию М.Н. Островского на заводах Сименсов, В.И. Мёллер убедился в том, что, «благодаря аккуратности и толковитости заведующего рудником иностранца Шрёдера», добыча руды велась там правильно, но «относительно лесной операции не все... обстояло благополучно». Причиной тому называлось отсутствие «плана лесного хозяйства», который требовалось составлять при эксплуатации посессионных дач и которому нужно было неукоснительно следовать. В такой ситуации «в виде особой льготы» министр

8 Письмо Карла Сименса в Горный департамент от 28 октября 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 11–12.

9 Из рапорта Управления горной частью в Горный департамент от 5 ноября 1885 г. и отношения губернатора в Управление горной частью от 25 октября 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 15–17.

10 Из письма Карла Сименса в Горный департамент от 12 декабря 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 38.

11 Письмо директора Кедабекского завода Больтона. Б/д. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 23–31 об.

простил Сименсам допущенное нарушение договора, но потребовал все-таки уплатить повышенную горную подать за медь, выплавленную сверх нормы, обязал составить план вырубki и в дальнейшем согласовывать с горным начальством годовые объемы производства¹².

Урок не прошел даром, и в последующие годы директор стал своевременно обращаться за разрешением о превышении производительности (в частности, в 1888 г. – до 100 тыс., в 1890 г. – до 108 тыс. пуд.), аргументируя просьбу переводом производства «на нефтяное топливо и отчасти введением электролитического процесса», что не требовало «усиления отпуска леса»¹³. Но осуществить это удалось не сразу из-за недостатка мазута и средств его транспортировки. Поэтому потребность в древесном топливе не сократилась, более того, понадобились новые лесные отводы. Последний из них был предоставлен в 1891 г. (2054 дес.). Тогда Кедабекская заводская дача увеличилась до 21 458 дес. (по другим сведениям она достигала 21 998 дес.)¹⁴.

По свидетельству побывавшего там в 1897 г. члена министерского Горного совета князя С.С. Абамелек-Лазарева, 10-летний план лесного хозяйства был все-таки составлен и в 1894 г. утвержден товарищем министра. Карл Сименс взял на себя обязательство оплатить таксационные работы и на устройство лесничества ежегодно направлять до 1,5 тыс. руб. Однако техническая смета не была составлена, в результате чего «дело заглохло», и никаких «лесокультурных работ» не проводилось. При этом князь указал на опасности, с которыми сталкивалось бы заводоуправление при осуществлении этих работ. Они исходили «от выселенных распоряжением губернской администрации из заводских лесов кочевников, не принявших оседлого местожительства и постоянно вторгающихся в леса», а также «от ежегодного весеннего и осеннего прохода через отведенные леса кочевников, идущих с летних пастбищ на зимние и обратно» [14, с. 375]. Местное начальство, видимо, полагало, что заводская администрация, обладая полицейскими полномочиями, должна сама справиться с этими проблемами.

Когда же в 1903 г. пришло время для составления нового плана, директор заводов Густав Келле (Кёллес) заявил об истощении запасов руды в Кедабекском руднике, которых, по его словам, едва ли хватило бы на полгода работы предприятий. Это не было простой уловкой нового директора. О недостатке руд ранее сообщал и С.С. Абамелек-Лазарев. «Необходимо самым энергичным образом искать новые рудные месторождения, – советовал он, – иначе дни обширного Кедабекского предприятия сочтены... Тогда из общей производительности Кавказа, приблизительно в 140 тыс. пуд. меди, 100 тыс. пуд. придется вычеркнуть». В своем отчете князь упомянул также о том, что Сименсы были готовы даже продать дело, если бы нашлись покупатели [14, с. 377, 390].

12 Из рапорта В.И. Мёллера в Горный департамент от 9 ноября 1885 г. и объявления Горного департамента от 16 декабря 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 18–23, 48.

13 Из переписки директора Больтона с Горным департаментом. 1886–1888 гг. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 78, 89–91, 93.

14 Из прошений директора заводов А.Г. Эрнот от 15 июня 1913 г. и 12 февраля 1914 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 64–65, 81–82 об.

В сложившейся ситуации директор счел бессмысленными крупные расходы на предстоящую «ревизию» и новые таксационные работы «ввиду возможного прекращения работы заводов в недалеком будущем» и ходатайствовал об отсрочке ревизии на два года¹⁵. Когда же предоставленная отсрочка закончилась, Келле в январе 1905 г. вновь попросил перенести ревизию, но уже на неопределенное время, ссылаясь на «необнаружение в Кедабекском руднике достаточных запасов руды». Горный департамент согласился предоставить новую отсрочку лишь на пять лет, но когда и она истекла, в январе 1910 г. новый директор Кедабекского завода (Калакендский был уже закрыт) Адольф Эрн сообщил, что «доверители его (это были наследники Вернера Сименса, скончавшегося еще в 1892 г., и умершего в 1906 г. Карла Сименса. – *Е. Н.*) ввиду крайне стеснительного положения заводов... не находят возможным дать средства на ревизию и... готовы отказаться от заготовки лесных материалов в посессионной даче», полностью заменив древесное топливо нефтепродуктами (для их доставки к заводу был уже проложен нефтепровод длиной 42 версты от станции «Далляр» Закавказской железной дороги) [14, с. 401] и донецким антрацитом. Когда же через год он вновь повторил свою просьбу, директор Горного департамента Я.И. Хованский распорядился «отобрать в казну заводскую посессионную лесную дачу» в случае, если владельцы в течение года не выделят 12,9 тыс. руб. на составление нового плана лесного хозяйства¹⁶.

В июне 1912 г. директор Эрн сообщил, что «в самое последнее время в окрестностях Кедабека обнаружались признаки руды, до обследования коих... было бы преждевременно отказываться от надежды на возможность дальнейшего ведения Кедабекского медного предприятия». Последняя отсрочка по его просьбе была предоставлена до конца 1912 г. Хотя в том году на заводе выплавили около 95 тыс. пуд. меди, деньги для составления плана лесного хозяйства так и не были внесены. В такой ситуации Кавказское горное управление распорядилось изъять лесную дачу. В свою очередь директор завода счел возможным просить об отмене повышенной горной подати и вообще о снятии посессионного статуса с имения, в котором оставалось всего 69 дес. казенной земли под строениями.

В июне 1913 г. он ходатайствовал о предоставлении этой площади «на арендных началах» и переводе Кедабекского завода во владельческие, «как не имеющего вещественных от казны пособий». «Владение и пользование одним только небольшим заводским отводом, на котором не производится никаких рудничных работ, а служащим лишь местом для резиденции, никоим образом не может оправдать обременение завода... податью... в размере 25 коп. за пуд меди», – писал он министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву. Эта так называемая «добавочная подать» собиралась с

15 Из рапорта Кавказского горного управления в Горный департамент от 12 февраля 1903 г. и // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 1, 1 об.

16 Из переписки Кавказского горного управления и Горного департамента. 1903–1912 гг. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 9, 13, 26–28 об., 30, 30 об., 44, 57, 60.

посессионных горных заводов даже после того, как в 1898 г. подать с меди была заменена общим промысловым налогом. Эрн сообщал, что новый налог и без того составлял около 14 тыс. руб. и еще уплачивался 2-% земский сбор с недвижимого имущества в размере 6165 руб. Уплата дополнительной подати была бы в такой ситуации «явлением несправедливым». «Кроме того, – повторял он, – в настоящее время Кедабекский завод переживает тяжелый кризис, вследствие видимого истощения месторождения и крайне трудной добычи остатков руды, при продолжающихся значительных расходах на разведочные работы»¹⁷. Однако уже в феврале 1914 г. директор просил оставить «заводский отвод» на посессионном праве ввиду «трудности определения размера арендной платы»¹⁸.

Эти действия заводоуправления и местной администрации поставили высшие горные власти в сложную ситуацию. «Вследствие неразделимости по закону недвижимого имущества посессионных заводов, из состава всего имущества не могут быть выделены каким бы то ни было образом (путем ли отчуждения в другие руки или путем отобрания в казну) отведенные заводам земли и леса. Они могут быть отобраны в казну или отчуждены лишь вместе с заводом, – размышляли чиновники Горного департамента. – Между тем законных поводов для отобрания земель и лесов от Кедабекского завода вместе с самим заводом также не имеется налицо. Такое отобрание может явиться лишь следствием трехлетнего бездействия завода. Но Департаменту известно, что Кедабекский завод продолжает действовать». Отобрать посессионную дачу «при отсутствии возможности обосновать это на нормах действующего закона, а также и на специальных условиях предоставления упомянутых отводов» можно было только с высочайшего разрешения. Но это был сложный и долгий путь решения спешного вопроса.

Однако некоторые особенности сложившейся ситуации позволяли надеяться на более простой вариант решения. «Необходимость прибегать к испрошению высочайшего разрешения через Совет министров, – сочли чиновники, – устраняется силою того обстоятельства, что само заводоуправление заявляет согласие об отобрании ... ссылаясь на обременительность для завода нести расходы, сопряженные с пользованием этими дачами. Вопрос об отобрании лесных отводов представляется в данном случае лишенным характера принудительной меры и, приобретая значение добровольного отказа от пользования предоставленным правом, не требует для своего осуществления какой-либо санкции со стороны верховного управления и обуславливает лишь необходимость соответствующего хозяйственного распоряжения со стороны подлежащих казенных ведомств относительно дальнейшего назначения освобождающегося казенного имущества»¹⁹.

17 Прощение А.Г. Эрн министру торговли и промышленности от 15 июня 1913 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 64–65, 142.

18 Прощение А.Г. Эрн министру торговли и промышленности от 12 февраля 1914 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 81–82 об.

19 Записка Горного департамента от 18 ноября 1914 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 88–96.

Найдя, таким образом, простой выход из сложной ситуации, Министерство торговли и промышленности в июне 1915 г. согласилось передать лесные дачи в ведение Главного управления землеустройства и земледелия «с оставлением 69 дес. в распоряжении завода». Полтора года ушло на передачу имущества и организацию особого казенного лесничества²⁰. Между властями и заводоуправлением еще продолжались споры о том, кто должен платить за работу лесничих в этот переходный период, когда 30 января 1917 г. в Горный департамент поступило ходатайство от поверенного наследниц Карла Сименса – российских потомственных дворянок баронессы Марии Гревениц (жила в Петрограде на Французской наб., 24) и баронессы Шарлотты Буксгевден (Дворцовая наб., 24). Совладелецницы просили «разрешения на продажу в полном ходу завода Кедабек, расположенного на посессионной земле, русскому Чорохскому медному и рудному акционерному обществу», устав которого был утвержден в том же месяце²¹.

Однако решение вопроса было приостановлено вмешательством Особого делопроизводства по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями, принадлежавшими подданным враждебных государств. Это чрезвычайное контрольное учреждение, образованное в условиях войны с Германией, «возбудило вопрос о фиктивности передачи наследниками германско-подданного Вернера фон Сименса половины принадлежавших им прав на Кедабекский завод наследникам русско-подданного Карла Сименса», которая состоялась, видимо, в начале войны. В августе 1917 г. Особое делопроизводство запросило у Министерства торговли и промышленности сведения об акционерном обществе – о составе его правления, капитале и акционерах. Но удалось выяснить лишь то, что его учредителем выступил горный инженер Р.Ф. Зиверт²². Других сведений в распоряжении министерства не оказалось, не последовало и окончательного решения по спорному вопросу о продаже Кедабекского завода вместе с его сократившейся до заводского отвода посессионной дачей. Дальнейшие события в стране, скорее всего, окончательно сняли этот вопрос с повестки дня.

Таким образом, «кедабекская посессия» Сименсов в Закавказье, действовавшая полстолетия и заключавшаяся в отводах казенных земель и лесов, помогла знаменитым предпринимателям прусского происхождения организовать одно из крупнейших горнозаводских хозяйств в регионе. Вместе с ним здесь появились передовые технологии и техника медеплавильного производства, получили развитие новейшие транспортные коммуникации и средства связи, что способствовало общему экономическому подъему края. Вместе с тем, посессионное право, положенное в основу взаимоотношений владельцев и государства, ярко проявило здесь свое «ограничительное действие», заключавшееся в данном

20 Из переписки Кавказского горного управления и Горного департамента. 1915–1916 гг. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 110–116.

21 Из прошения поверенного владелиц инженера А.Ф. Гернета от 30 января 1917 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 129.

22 Из переписки Кавказского горного управления и Горного департамента. Февраль – август 1917 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 136, 148, 149.

случае в жесткой увязке размеров лесных отводов с производительностью предприятий. Хотя совместными усилиями владельцев и горных властей эти ограничения преодолевались (предоставлением новых отводов, отсрочками платежей, строительством второго завода, применением технологии электролиза меди, использованием ископаемых видов топлива), но они усложняли действия заводууправления, вызывали рост накладных расходов, становившихся обременительными при всех прочих трудностях организации крупного горнопромышленного дела в регионе. Владельцы и руководство предприятий были поставлены перед тяжелым выбором между отказом от посессионных отводов и связанных с ними обременительных условий, с одной стороны, и опасением остаться без столь необходимого для деятельности металлургических заводов «горючего материала», с другой. В итоге посессионные правоотношения оказались одним из факторов, все-таки заставивших владельцев отказаться не только от лесных отводов, но и от дальнейшей эксплуатации налаженного многолетними усилиями крупного промышленного дела.

С.С. Абамелек-Лазарев, много путешествовавший по Ближнему Востоку, поделился своими впечатлениями от горнозаводских имений Сименсов в Закавказье. «Когда я приехал на станцию Далляр, – писал он в 1897 г., – то был поражен сходством долины Куры с долиною Иордана, недалеко от Иерихона. Та же широкая пустынная долина с несколькими ярко-зелеными пятнами ирригированных полей. Те же мрачные, голые, крутые гряды холмов, окаймляющие долину. Бесконечными зигзагами по горе Маргуль дорога подымается на мрачное плоскогорье, лежащее над станцией на 3500 футов. По этому унылому плоскогорью едешь 30 верст до Кедабекской долины, затянутой густыми облаками едкого сернистого дыма, губящего растительность. Над заводом справа возвышается круглая вершина Мис-Дага, с изрытыми рудничными работами склонами и всюду виднеются то зеленоватые, то розовые отвалы пород, и из-под них текут ручьи, окрашенные в синий и зеленый цвет. Картина принимает ночью зловещий, адский характер, когда из всех высоких заводских труб виден огонь, и временами озаряются облака заревом. С радостью покидаешь Кедабек по заводской дороге, живописно извивающейся зигзагами по склонам гор с открывающимися видами на снежные вершины, окружающие Гокчинское озеро, и незаметно подъезжаешь к Калакендскому заводу, расположенному в живописной долине, скаты которой покрыты красным лесом. Здесь нет удушливого дыма, так как руда не обжигается, и самый завод имеет меньше труб». Князя, который сам вскоре станет владельцем крупного промышленного имения на Урале, совсем не смутил «адский» горнозаводский пейзаж Кедабека. Наоборот, его, как человека своего времени, мало знакомого с экологической проблематикой, восхитила «вся эта кипучая деятельность, превратившая пустыню в почти городские поселения», и он отметил успешную деятельность братьев Сименсов «в том смысле, что они создали, при трудных обстоятельствах, крупнейший медеплавильный завод в России» [14, с. 373, 378].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Митинский А.Н. Посессионное право. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1911. – 137 с.
2. Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. – 274 с.
3. Удинцев В.А. Русское горноземельное право. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1909. – 373 с.
4. Штоф А.А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. – 618 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 33. № 26116.
6. Неклюдов Е.Г. Статусы и владельцы Чатахского горнозаводского имения в Закавказье во второй половине XIX – начале XX в. // *Magistra Vitae*. 2016. № 2. С. 30–39.
7. О горнозаводской производительности в Кавказском и Закавказском крае по 1863 г. // *Горный журнал*. 1874. № 4. С. 124–127.
8. Штейнман И.А. Записка об осмотре горных заводов и промыслов Кавказского и Закавказского края // *Горный журнал*. 1869. № 10. С. 1–29.
9. Лутц М. Карл фон Сименс (1829–1906). Жизнь между семьей и всемирно известной компанией / Пер. с нем. – М.: Сименс, 2014. – 424 с.
10. Далгатов А.Г., Исмаилова А.М. Медеплавильное производство Северного Азербайджана во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Дагестанского гос. ун-та*. – 2012. – Вып. 4. – С. 68–71.
11. Мешкунов В.С. Карл Сименс – русский дворянин и электротехник // *Немцы в России: Петербургские немцы* / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 211–224.
12. Наниташвили Н.Л. Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы
1. Mitinsky AN. *Possession law [Posessionnoye pravo]*. Saint-Petersburg: P.P. Soykin Print, 1911.
2. Neklyudov EG. *Possession law in the history of the Ural mining industry in the 19th – early 20th centuries [Posessionnoye pravo v istorii ural'skoy gornozavodskoy promyshlennosti XIX – nachala XX v.]*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011.
3. Udintsev VA. *Russian mining law [Russkoye gornozemel'noye pravo]*. Kiev: I.I. Chokolov Print, 1909.
4. Shtof AA. *Mining law. Comparative presentation of mining laws in force in Russia and the main mining states of Western Europe [Gornoye pravo. Sravnitel'noye izlozheniye gornykh zakonov, deystvuyushchikh v Rossii i glavneyshikh gornopromyshlennykh gosudarstvakh Zapadnoy Yevropy]*. Saint-Petersburg: M.M. Stasyulevich Print, 1896.
5. *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. Vol. 33. No. 26116.
6. Neklyudov EG. *The statuses and owners of the Chatakhsy mining and plant estate in the Transcaucasia in the second half of the 19th – early 20th centuries [Statusy i vladel'tsy Chatakhskogo gornozavodskogo imeniya v Zakavkaz'ye vo utroy polovine XIX – nachale XX v.]*. *Magistra Vitae*. 2016, 2: 30–39.
7. On mining productivity in the Caucasian and Transcaucasian territories up to 1863 [O gornozavodskoy proizvoditel'nosti v Kavkazskom i Zakavkazskom kraye po 1863 g.]. *Gornyi Zhurnal*. 1874, 4: 124–127.
8. Steinman I.A. Note on the inspection of mining plants and industries of the Caucasian and Transcaucasian territories [Zapiska ob osmotre gornykh zavodov i promyslov Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraya]. *Gornyi zhurnal*. 1869, 10: 1–29.
9. Lutz M. *Karl von Siemens (1829–1906). Life between a family and a world-famous company [Karl fon Simens (1829–1906). Zhizn' mezhdu sem'yey i vseмирno izvestnoy kompaniyey]*. Moscow: «Siemens» Publ., 2014.
10. Dalgatov AG, Ismailova AM. Copper smelting production in Northern Azerbaijan in the second half of the 19th – early 20th

«Сименс и Гальске» 1860–1917 гг. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1982. – 376 с.

13. Мёллер В.И. Горнозаводский промысел Кавказа в 1885 г. // Горный журнал. – 1886. – № 12. – С. 455–483.

14. Абамелек-Лазарев С.С. Отчет о командировке в Закавказье // Горный журнал. – 1897. – № 3. – С. 367–404.

centuries. *Bulletin of the Dagestan State University*. 2012; 4: 68–71 (In Russ).

11. Meshkunov VS. *Karl Siemens – Russian nobleman and electrical engineer*. In: Smagina G.I. (ed.). *Germans in Russia: St. Petersburg Germans [Karl Simens – russkiy dvoryanin i elektrotekhnik]*. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 1999. p. 211–224.

12. Nanitashvili NL. *German capital in the Transcaucasus. Activities of Siemens & Halske 1860–1917 [Germanskiy kapital v Zakavkaz'ye. Deyatel'nost' firmy «Simens i Gal'ske» 1860–1917 gg.]*. Tbilisi: Publishing house of Tbilisi University, 1982.

13. Möller VI. Gornozavodskiy trade of the Caucasus in 1885 [Zapiska ob osmotre gornykh zavodov i promyslov Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraya]. *Gornyi Zhurnal*. 1886, 12: 455–483.

14. Abamelek-Lazarev SS. Report on a business trip to Transcaucasia [Otchet o komandirovke v Zakavkaz'ye]. *Gornyi Zhurnal*. 1897, 3: 367–404.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182371-387>



Наврузов Амир Рамазанович
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
Махачкала, Россия
anavruzov@rambler.ru

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ ДАГЕСТАНА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА И «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ДЖАРИДАТ ДАГИСТАН» (1913-1918))

Аннотация. История мусульманского просветительства на Северном Кавказе первой трети XX в. в дагестанской историографии практически не изучена, не введены в научный оборот и не интерпретированы должным образом основные источники – сочинения самих реформаторов-просветителей на арабском и других восточных языках. Пытаясь закрыть имеющийся в современной литературе пробел, автор статьи разбирает публицистическое наследие дагестанских реформаторов-просветителей по «женскому вопросу», опубликованное в газете «Джаридат Дагистан» (1913–1918). Анализируемые источники позволяют проследить как эволюцию взглядов самих реформаторов в «женском вопросе», так и картину эмансипации дагестанской женщины в досоветский и начальный советский периоды – от угнетенной, зависимой, лишенной элементарных прав в семье и обществе – до обретения равных прав с мужчиной, реализации права на образование, получение профессии, избирательных прав и т.д. Дагестанские реформаторы-просветители приняли советскую власть и работали над своей концепцией построения нового мусульманского общества и воспитания нового человека, где женщине-матери отводилось центральное место. Они были толерантны по отношению к другим конфессиям, а шариат считали самодостаточной основой для своего развития и дальнейшей интеграции в российское и мировое пространство. По таким вопросам, как обучение и образование женщин, привлечение на государственную службу, положение женщины в обществе и участие в общественно-политической жизни мы наблюдаем отход реформаторов от традиционной точки зрения. Благодаря их активной деятельности были решены многие вопросы эмансипации дагестанской женщины. Но многие из них (например, вопрос женского мусульманского образования и воспитания, профессиональной подготовки, участия в общественной жизни и др.), продолжают оставаться чрезвычайно актуальными и на современном этапе.

Ключевые слова: мусульманское просветительство; «женский вопрос»; шариат; многоженство; эмансипация; равноправие; избирательное право.

© Наврузов А.Р., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182371-387>



Amir R. Navruzov

Cand. Sci. (History), Leading Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia

anavruzov@rambler.ru

MUSLIM EDUCATORS OF DAGESTAN AND THE “WOMEN’S ISSUE” (ON THE MATERIALS OF “JARIDAT DAGISTAN” NEWSPAPER, 1913-1918)

Abstract. History of the Muslim enlightenment in the North Caucasus of the first third of the 20th century in Dagestan historiography is a poorly-studied subject: the works of the reformers-educators in Arabic and other oriental languages are practically not introduced or interpreted. In attempt to close the gap in modern literature, the author of the article analyzes the journalistic heritage of the Dagestan reformers-educators on the “women’s issue”, published in the newspaper “Jaridat Dagistan” (1913-1918). The analyzed sources allow to trace the evolution of views of the reformers themselves on the “women’s issue”, as well as the full picture of emancipation of the Dagestan women in pre-Soviet and early Soviet periods – from the oppressed, dependent position, deprived of basic rights in the family and society – to gaining equal rights with men, realizing the right to education, obtaining a profession, voting rights, etc. The Dagestan reformers-enlighteners accepted the Soviet power and worked on their concept of building a new Muslim society, in which a mother was put in the center. They were tolerant towards other confessions, and considered Sharia a self-sufficient basis for their development and further integration into the Russian and global space. On issues such as the training and education of women, recruitment to the civil service, the position of women in society and participation in public and political life, we see a departure from the traditional point of view of the reformers. Due to their active work, many issues of the emancipation of the Dagestan woman were resolved. However, many of them (for example, the issue of women’s Muslim education and upbringing, professional training, participation in public life, etc.) are quite relevant in current times.

Keywords: Muslim enlightenment; womens issue; Sharia; polygamy; emancipation; equality; suffrage.

Начало XX века стало новым этапом в истории развития общественно-политической, в том числе просветительской, мысли народов Дагестана. В этот период мусульманское просветительство в Дагестане получило новый виток развития, расшилась его проблематика, выросла теоретико-идеологическая функция. М.А. Абдуллаев отмечает, что в этот период в дагестанском просветительстве наметилось два течения. «Первое было связано с мусульманской реформацией, которое в России (и в Дагестане) было известно, в основном, как джадидизм (араб.: «новый метод»). Второе течение исходило из европейско-русской культуры» [1, с. 122].

Реформаторские идеи проникали на Северный Кавказ как с арабского Востока, так и из внутренних районов России. Имя Али Каяева (1878–1943), который в 1905–1907 гг. учился и работал в университете ал-Азхар, и его учеников дагестанская традиция связывает с распространением идей египетских реформаторов в Дагестане [2, с. 333]. В деятельности Джамалуддина ал-Гарабудаги ад-Дагистани (1858–1947), Мухаммада-кади Дибирова (1875–1929) [3], Сайфуллы-кади Башларова (1852–1919) [4, с. 72–73; 5, с. 144–145], Назира ад-Дургели (1891–1935), Абусуфйана ал-Газаниши (Акаев) (1872–1931) и др. [6, с. 27–31] прослеживается влияние идей татар Крыма и Волго-Уральского региона [7, с. 141]. В отличие от этих регионов особенностью Северного Кавказа было распространение здесь арабоязычной письменной традиции, сохранявшей свое влияние и в ранний советский период.

Начало XX в. характеризуется развитием городов, появлением типографий, благотворительных организаций, мусульманской печати, национальной прессы. «Модернизаторское просветительство, как самостоятельное явление особенно активно проявляло себя в точках наиболее тесного соприкосновения Востока и Запада – в столичных, приморских городах» [8, с. 79]. Такими в Дагестане были: Темир-Хан-Шура – столица Дагестанской области, Нижнее Казанище, Нижний Дженгутай.

В 1901 г. в Дагестане официально функционировало десять типографий.

Именно в столичных городах с середины XIX в. появлялись культурно-просветительские общества: «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» [9, с. 428], «Общество ученых» [10], «Благотворительное общество в Нижнем Казанище» [11], «Шариатское общество» [12] в Гели и др. «Там, где деспотическое правление или чужеземное господство было иноверческим по отношению к основной части населения, там культурно-просветительское движение оппозиционных сил нередко начиналось с пропаганды традиционно-религиозного мировоззрения, с возрождения традиционной культуры» [8, с. 89].

На Северном Кавказе религиозно-просветительская деятельность была направлена на возрождение интереса народа к исламу и шариату. Этой цели было посвящено открытие в 1903 г. первой паровой исламской типолитографии им. М. Мавраева в г. Темир-Хан-Шуре. Издание газеты на арабском языке

«Джаридат Дагистан» и журнала «Байан ал-хака'иак», газет на местных национальных языках «Мусават (Равенство) на кумыкском языке, «Аваристан» на аварском языке [13], «Заман» (Время) на кумыкском и аварском языках [14], еженедельной газеты «Илчи» на газикумухском (лакском) языке [15], «Чанна цІуку» (Утренняя звезда) на лакском языке» [16], общественно-политического журнала на кумыкском языке «Танг-Чолпан»¹ также было подчинено этой идее.

«Между тем замечено, что национальные историографии редко называют просветительскими идейные движения просветительской направленности XIX – начала XX в. В Турции движение называют *реформаторским* и *конституционным*, в арабских странах говорят о *Нахде* – культурном подъеме, в Корее это *кэхва ундон* – движение за реформы, в Индии, где просветительство развивалось преимущественно в рамках социальной и религиозной реформ, – *Индийский ренессанс*, в Шри-Ланке используется понятие *религиозное просветительство, индуистское и мусульманское возрождение*. И этот факт знаменателен и закономерен по ряду причин. Главная из них состоит в том, что процессы обуржуазивания восточного общества происходили крайне быстро, в чрезвычайно сжатые исторические сроки. Несколько десятилетий развития общественной мысли на Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) сопоставимы с четырехсотлетней историей западноевропейской либеральной мысли» [8, с. 87–88].

Работы мусульманских реформаторов-просветителей Северного Кавказа этого периода охватывали разнообразную тематику: это вопросы реформы мусульманского образования, *иджтихада* и *таклида*, реформы мусульманского права (*фикха*), критика суфизма и отживших себя адатов, вопрос правильного использования *вакфов*, уплаты *закята* с ассигнаций, вопрос посещения могил, празднования *мавлида*, на каком языке читать полуденную молитву (*хутбу*), критика ваххабизма и др. [17, с. 16].

Среди них на особом месте стоял и так называемый «женский вопрос» – вопрос женского равноправия, воспитания и образования, положения женщины в семье и обществе, трудоустройстве и другие вопросы женской эмансипации.

Задачей данного исследования является попытка проследить как решался «женский вопрос» изнутри самими представителями передовой и высокообразованной мусульманской интеллектуальной элиты региона, проследить эволюцию их взглядов в первой трети XX в. – в этот очень сложный, насыщенный важными историческими событиями период в статьях на арабском языке в печатном органе мусульманских реформаторов-просветителей Северного Кавказа «Джаридат Дагистан» (1913–1918)². Газета предоставляла свои страницы

1 Первый кумыкский журнал «Танг-Чолпан» отметил 100-летний юбилей // URL:<https://www.rgvgktv.ru/obshchestvo/48397> (Дата обращения: 9.03.2022)

2 «Джаридат Дагистан» (араб. «Газета Дагестан»; с 19 января 1918 – «Дагестан»), общественно-политическая, литературная и научно-популярная еженедельная газета в Российской империи, Российской республике, Горской республике. Издавалась на арабском языке в административном центре Дагестанской области г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) в 1913–1918 гг. в паровой лито-типографии

исламским модернистам, которые выступили с реформаторских позиций против религиозного консерватизма, общей и культурной отсталости [1, с. 125].

Учитывая, что вопрос мусульманского просветительства Северного Кавказа первой трети XX в., составной частью которого является и «женский вопрос», совершенно не разработан, практически полностью отсутствуют работы по данной теме, не исследованы и не введены в научный оборот арабоязычные источники, данная статья является попыткой в какой-то мере восполнить этот пробел и приобретает в связи с этим особую важность и актуальность.

В статье был использован метод описательного анализа источников. Введение в научный оборот новых материалов диктовало передачу их в неизменном виде, что объясняет наличие пространных цитат из статей. При анализе самих источников использовался метод сравнительного анализа и историко-системный подход, направленный на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем.

Положение женщины в дореволюционном Дагестане уже исследовалось в работах российских ученых. Вопросы женского образования в дореволюционный период полно и подробно рассматривается в книге известного дагестанского историка Каймаразова Г.Ш. «Просвещение в дореволюционном Дагестане (1989)», где сообщается, что уровень образованности среди девочек примечательных школ был очень низким – он составлял всего 10,6 % от общего числа учащихся. В то время в церковно-приходских школах доля девочек в составе обучающихся составляла около 40 % [18, с. 135].

Высокий уровень образованности в досоветском Дагестане был довольно редким явлением. Однако «ряд представителей мусульманской духовной элиты: кадии, шейхи, преподаватели мусульманских школ – все-таки старались давать начальное образование своим дочерям, так что последние умели читать и писать, изучали правила чтения и рецитации Корана» [19, с. 48]. Дагестанкам, кто получил блестящее мусульманское образование, посвящена статья дагестанского исследователя Шихалиева Ш.Ш. «Образованная мусульманка в досоветском Дагестане».

Монография Гасановой А.И. «Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940) (1963)» посвящена семейному и общественному положению женщины в досоветском Дагестане, которое характеризуется как очень тяжелое.

По шариату женщина не имела прав прямого наследования. Женщина-горянка была лишена личных и политических прав. «Мусульманская религия способствовала закреплению её бесправного положения. Ислам узаконивал многоженство, продажу невесты, выдачу замуж малолетних. Хотя

М. Мавраева. Распространялась по подписке в Дагестане, Чечне, Черкесии, Притеречье, на Ставрополье, Кубани, в Азербайджане и Туркестане. Официальным редактором газеты до 19 января 1918 г. был Бадави Саидов. Фактически вся работа по подготовке издания к печати велась Али Каяевым, ставшим с 19 января 1918 г. официальным редактором газеты. Созданная по инициативе и на средства царской областной военной администрации, благодаря Али Каяеву, Бадави Саидову, Мухаммадмирзе Мавраеву и её наиболее активным респондентам, газета стала площадкой по распространению мусульманских просветительских идей в Дагестане и всем Северном Кавказе.

многоженство для Дагестана и не было характерным, но оно имело место среди богатых людей плоскостного Дагестана» [20, с. 10–13].

В книге Гаджиевой С.Ш. и Мелешко А.Г. «Женщины советского Дагестана» говорится, что «поведение женщины строго регулировалось адатами и шариатом. Женщина не имела права требовать развода». «Бракосочетание, личные и имущественные отношения супругов, развод, взаимные отношения родителей и детей, опека, наследование т.д. определялось правилами шариата, которые по существу сводили на нет права женщин» [21, с. 9–10].

Приведенное выше в работах российских и дагестанских исследователей положение женщины, стоящей неизмеримо ниже мужчины в социальном отношении и совершенно от него зависимой в дореволюционном Дагестане, как периферии исламского мира, было традиционным для всего исламского мира.

Египетский реформатор Джамал ад-дин ал-Афгани (1838–1897) придерживался традиционной мусульманской точки зрения, согласно которой мужчина и женщина созданы разными при сотворении мира, а посему всякий, кто добивается равенства между ними, идет против божьей воли [22, с. 112, 428].

Али Каяев, один из лидеров реформаторского движения Дагестана и Северного Кавказа, подтверждает эту точку зрения в статье газеты «Джаридат Дагистан» в №2 за 1918 г.: «... ученые естественных наук опытным путем установили, что большая часть крови, которая идет к мозгу, поступает к специальным центрам управления, восприятия и воображения в мозге мужчины, и к специальным центрам, связанным с функциями чувств, возбуждения, поведения – в мозге женщин. По мнению ученых, в этом заключается причина того, что мужчина сильнее женщины сообразительностью, пониманием, воображением. А женщина сильнее его в ощущениях, возбудимостью, в поступках, чувствительностью на внешние и внутренние раздражители».

Али Каяев пишет, что ученые не говорят, что это различие между мужчиной и женщиной по разуму, пониманию и т.д. – следствие обучения, воспитания и культуры, к которым мужчина имеет доступ и активно пользуется ими, а женщина лишена всего этого уже на протяжении многих веков. Это различие между мужчиной и женщиной характерно не только для наций, где мужчины пользуются свободой, а женщины нет, но и для диких племен, где мужчины и женщины вместе лишены обучения и воспитания.

В итоге, рассуждает Али Каяев, различие между мужчиной и женщиной среди развитых наций больше, чем между мужчиной и женщиной в диких племенах. Сегодня различие между мужчиной и женщиной среди представителей темной и белой расы не одинаковое. Белая раса является выше по цивилизованности, культуре, знаниям. И чем больше прогрессирует цивилизация, тем больше степень различия между мужчиной и женщиной.

Причина этого различия не в особенностях женщины, а в том, что женщина темной расы в диких племенах сохраняется в тех естественных границах, которые определил Аллах Всевышний, в отличие от женщины белой расы, где она

перешла до этого установленные пределы и продолжает это делать сегодня. И вторгается туда, где ей не положено быть и для чего не создал её Аллах Всевышний. Чем больше переходит женщина эти границы, тем больше расхождение между мужчиной и женщиной.

Если дело обстоит таким образом, и мы желаем нашим женщинам добра, считает Али Каяев, то нам – мусульманам, надлежит сказать им, чтобы они оставались в границах, которые определил им Аллах Всевышний. И не поступать подобно женщинам Европы и Америки, которые, соревнуясь с мужчинами в добывании средств пропитания, теснят их.

Али Каяев делает вывод что, может быть, высказывания ученых естественных наук раскроют тайну высказывания Аллаха Всевышнего: «Мужчины – хранители женщин» и тайну того, почему дело развода и расставания возложено на мужчин [23]. Такова была общераспространенная традиционная мусульманская точка зрения на статус и положение женщины в мусульманском обществе.

Первая треть XX в. – время глубоких перемен: это и Первая русская революция 1905–1907 гг., Первая мировая война 1914–1917 гг., Великая российская революция 1917 г., Гражданская война 1917–1922 гг., распад Османской империи в 1924 г. и другие события эпохального характера, которые обусловили исторические потрясения и преобразования цивилизационного характера, способствовавшие диалогу культур традиционного Востока и техногенного Запада. В это время наблюдается оживление интереса и к «женскому вопросу».

В №17 за 1913 г. Али Каяев публикует статью, в которой цитирует французскую газету «Матйён», где сообщается, что, «когда женщины Османской империи отчаялись в борьбе с мужчинами за свои, несправедливо попранные силой права, они создали свою ежедневную газету «Мир женщин», чтобы «пробудить при помощи нее от сна невежества и озарить светом знаний своих соотечественниц». Как написала в первом номере редактор газеты, «смысл издания газеты в том, что мы, сообщество женщин, не хотим от мужчин ничего, кроме того, что нам положено по шариату. И мы работаем не покладая рук, чтобы вернуть отнятые у нас права». Также редактор писала, что мужчины в течение многих веков «использовали и продолжают использовать женщин для себя в качестве пленниц, рабынь и служанок», что продолжается и по сей день. «Напрасно мы просим у них помощи, чтобы освободили нас от того, во что они ввергли нас, чтобы вылечили нас от тех духовных болезней и внутренних болей, которые мы продолжаем испытывать на протяжении многих веков» [24].

Из публикации этого отрывка из французской газеты в «Джаридат Дагистан» о положении женщин в Турции мы понимаем, что дагестанские реформаторы-просветители не замыкались в географических границах собственно Дагестана и России, а были информированы о том, что происходило в мире, в том числе и по «женскому вопросу», как на Востоке, так и на Западе. И что немаловажно, эту информацию читатели могли узнать на страницах мусульманской периодической печати.

Редакция газеты в лице Али Каяева чутко реагировала на своих страницах на все изменения в политике царизма в «женском вопросе» в дореволюционный период. Так в газете №13 за 2014 г. опубликована заметка: «О представлении председателем комиссии по контролю в Думу «Положения о назначениях женщин на государственные должности». В ней отмечалось, что женщины преимущественно занимают более низкие должности по сравнению с мужчинами. На одних и тех же должностях женщины довольствуются меньшей оплатой своего труда. В то же время, у них более высокая квалификация и подготовка, т.к. решение о принятии женщины возможно только после окончания ей средней школы, они умны, проникательны, сведущи в делах. Большинство мужчин, которые служат в канцелярии, невежественны: или совсем не знают ничего или знают немного. А что касается способности выполнения женщинами возложенных на них обязанностей, то, по мнению руководителей судов, которые выполняют функции управления службами, где работают женщины, то они выполняют свои обязанности добросовестно, с чистой совестью. С их стороны отсутствует обман и лицемерие на службе. Собрание, которое рассматривало новые «Положения», представляемые в Думу, вынесло решение о возможности назначения женщин на восьмую ступень, с условием наличия у кандидата документа об окончании средней школы, уравнивании их с мужчинами во всех правах, назначении пенсии, даже после выхода замуж, и в случае, когда их мужья тоже получают пенсию [25]. Повышение внимания к статусу работающей женщины, учет её прав и закрепление этого в правовых документах стали результатом происходящих процессов демократизации российского общества в этот период.

Дагестанские мусульманские реформаторы-просветители понимали решающую роль матери в воспитании подрастающего поколения. В статье №6 за 1916 г. Али Каяев, характеризуя женщин, пишет, что «... они находятся рядом со своими детьми со дня их рождения и являются их первыми учителями. Они те, кто сеет в сердцах детей зерна счастья или страдания. Женщины имеют величайшую возможность укреплять и упрочивать в ребенке то, что посеяли: добро или зло, внушили благо или порок. Это происходит, когда женщины соприкасаются с сердцами детей. А сердца детей свободны от всего, чисты и готовы принять все, что мы поседем там. ... Бывает затруднительно после матери учителям и воспитателям исправить то, что «поднапорчено» в этих сердцах, а порой и невозможно это сделать. В итоге, «пробуждение женщин и их знания в рационалистических науках развивают и воспитывают их умы и сердца, очищают от всего, что налипло из домослов и суеверий, а знания в исторических науках пробуждают их от сна невежества – это основа всякого добра, пользы и счастья. А невежество, беспечность – источник любого заблуждения, разложения и порока». Али Каяев убежден, что «разложение наших нравов и то, что каждый из нас занят самим собой – все это началось с тех пор, как нашим достоинством стало невежество наших женщин и безразличие их ко всему или их порочные качества, которые они унаследовали от своих, себе же подобных, невежественных и беспечных матерей, и которые теперь наследуют их дети».

По мнению Али Каяева, некоторые дагестанцы считают, что занятие женщины наукой и обучение ее является большим непростительным грехом. А также, что обучение женщины чтению и письму абсолютно запрещено. А оставление их в полном невежестве и полном неведении обо всем на свете – обязательным предписанием шариата [26, с. 68]. И доказывают они это следующим хадисом: «.... Не обучайте женщин письму». Али Каяев считает этот хадис ложным, не достоверным.

Высказывают мнение, рассуждает далее Али Каяев, что обучение женщин письму, якобы, приводит к тому, что они становятся коварными и скрытными, и даже развивает у женщин порочные качества [27, с. 13] – всего этого женщины достигают, якобы, быстрее, если ее обучать письму.

Али Каяев абсолютно не согласен с этим. Он утверждает, что так происходит от того, что женщины обучаются только письму. А если обучать их, помимо письма, похвальным нравственным качествам и достодолжным приличиям, то мы отвлечем их от этих и многих других пороков, направив их тем самым на праведный путь.

В подтверждение своих слов, автор перечисляет имена выдающихся мусульманок, таких, как Умм Муа'ййид Зайнаб – дочь Абу ал-Касима аш-Ша'ри (аш-Шу'ра), о которой упоминал шейх Таки ад-Дин б. ас-Салах; Зайнаб, дочь Камала, о которой писал шейх Тадж ад-Дин ас-Субки; А'иша ал-Ба'унийя – автор известной касыды по риторике, стилистике и поэтике. А также упоминает многочисленные имена кавказских женщин, проявивших чудеса храбрости и доблести в сражениях и битвах: дагестанках – уроженках Хунзаха (Баху-Бике, Худулай), чеченках, казачках, осетинках и др. [28, с. 3]. К ним мы можем отнести и имя египетской правительницы Шаджарат ад-Дурр, «возглавившей борьбу своего народа против крестоносцев, о которой упоминает в своей недавно опубликованной статье узбекский исследователь Ходжаева Р.У. Она пишет, что турецкий просветитель начала XX в. Ризоуддин Фахриддин угли в своей книге «Знаменитые женщины» насчитал более 500 имен известных мусульманских женщин [29, с. 40-41; 20].

Али Каяев продолжает свою мысль словами, что на современном этапе женщины-мусульманки – учительницы, поэты, писатели призывают к добру и праведности и нет ни у одной из них порочных качеств. Более того, они милосерднее, лучше и чище, чем множество невежественных и беспечных женщин [30].

После победы Октябрьской революции 1917 года и установления в крае советской власти, социалистические преобразования, коснувшиеся всех сфер жизни дагестанского общества, радикальным образом «развернули» и «женский вопрос»: участились дискуссии, конференции по переосмыслению семейного и социального статуса женщины, о равноправии женщины и мужчины, участии в выборах и общественно-политической жизни. Об этих переменах реформаторы-просветители писали на страницах мусульманской периодической печати.

В газете от 15 июня 1917 г. опубликована статья участника исламской конференции в Москве – дагестанского ученого ал-Хаджиса‘адуллы, сына ал-Хаджибудда из Кумуха, который был очевидцем выступления на ней татарского богослова Мусы Бигиева³, одного из лидеров джадидизма мусульман России начала XX в.

Муса Бигиев выступил на конференции с докладом о равноправии женщины с мужчиной, в частности, за предоставление ей равной или большей доли в наследовании. Он объяснял это возросшими потребностями современных женщин, по сравнению с тем, что было в эпоху раннего ислама. На конференции большинством голосов было принято решение об уравнивании прав женщины с мужчиной. Согласно же традиционной точке зрения, мужчине в наследовании полагается доля в два раза больше, чем женщине. Ал-Хаджиса‘адулла выразил в статье категорическое несогласие с решением конференции в Москве, так как оно противоречило положениям Корана и попирало нормы шариата [31].

Принятие на исламской конференции в Москве решения об уравнивании в правах мужчины и женщины было судьбоносным, ибо означало коренной поворот от веками устоявшейся традиционной мусульманской теории и практики в женском вопросе. Оно устраняло зависимое положение женщины, открывая широкие возможности на пути к повышению её статуса в семье и обществе. Автор статьи, как видно из её содержания, убежденный сторонник традиционной школы. Публикация же взглядов Мусы Бигиева, как сторонника равноправия женщин, глубоко символична и наталкивает на мысль о том, что изменения в общественном сознании побуждали к переосмыслению и перестройке сознания самих дагестанских реформаторов-просветителей в «женском вопросе» в этот переломный период. Последовавшие за этим обсуждения на исламских конференциях, где мы наблюдаем существенно расширившуюся и углубленную повестку принимаемых решений по «женскому вопросу», подтверждают эту мысль.

В газете №18 от 1917 г. были опубликованы решения по женскому вопросу Кавказской конференции в Баку (май 1917 г.), согласно которым в каждом городе и селе при начальных школах должны быть открыты специальные классы по обучению прикладным ремеслам, а также по обучению девушек женским занятиям. Конференция в Баку постановила просить установить финансирование указанных выше школ целиком за счет казны государства. Причем средства должны распределяться пропорционально количеству населению региона [32].

Решения этой конференции ориентировали на решение вопросов образования и профессиональной подготовки девочек, что было очень актуально для дальнейшего получения ими специальности и достижения финансовой самостоятельности. Прорабатывались пути стабильного финансирования женской образовательной деятельности со стороны государства.

3 Муса Яруллович (Джарулла) Бигиев (1873-1949) – выдающийся татарский богослов, публицист, общественный и религиозный деятель.

В статье №21 за 1917 г. приводится выступление женщины из Казани на конференции, посвященной вопросу запрета многоженства. Оратор ссылается на аяты из Корана, как аргументы против многоженства. Автор статьи пишет, что до неё высказывались по этой теме многие некоторые имамы му‘тазили-тов⁴ во время правления халифа ал-Ма‘муна (786–833)⁵. Из их высказываний вытекает, что согласно Корану, жениться надо только на одной женщине [33].

В статье №20 за 1917 г. цитируется мнение имама священного города мусульман Медины Малика б. ал-Унса, до которого дошла весть о том, что исламская конференция в Москве приняла решение о запрете многоженства. Он категорически не согласен с этим решением и спрашивает: «Разве вы не видите мужчин, которые женятся сначала по шариату, а затем по закону. А после посещают женщин в публичных домах и не видят в этом ничего зазорного? ... Какая разница между таким поведением и женитьбой на двух, трех и четырех женщинах?». И сам же отвечает: «Никакой, кроме как, ненормальность рассудка в первом случае и красота здравого смысла и природной натуры – во втором». «Духовная деградация, поражение венерическими болезнями и потеря потомства – как следствие первого случая и – благополучие, здоровье тела и потомства – во втором, как это можно видеть воочию, и свидетельствует об этом практика», – заключает он. О требовании женщин равноправия с мужчинами и предоставления ей права развода, Малик б. ал-Унс пишет, что, если бы природа уравнивала бы их, то и шариат сделал бы то же самое [34].

Статья Али Каяева №1 за 1918 г. информирует читателей газеты об острой полемике, которую вызвал вопрос равноправия мужчины и женщины в разводе после прихода к власти большевиков. Реформаторы, хотя и поддержали советскую власть, гарантировавшую им свободу религии, но не желали поступаться ценностями ислама. В тоже время они излагали на страницах газеты и позицию большевиков, которые считали, что женщина имеет такое же право на развод, как и мужчина. Признавая только брак по закону, большевики не признавали брак церковный. Али Каяев считал, что они так делали, чтобы уменьшить влияние религии на людей [26, с. 69].

Он добавляет, что христиане и другие народы Европы до сих пор ругали мусульманский обычай развода (*талак*), считая его омерзительным, самым отвратительным и наиболее позорным в исламе. Однако острая потребность и необходимость заставила их признать его положительные качества и необходимость для людей. Понимая пользу, они заложили его в свои юридические законы и ввели в комплекс гражданских постановлений, игнорируя запреты своих же религиозных книг. Но они не остановились в границах, установленных исламским шариатом, а вышли за их пределы. И дали женщине право развода наравне с мужчиной, уравнив её с ним, безо всякого различия, не учитывая, к

4 Му‘тазилитизм – направление в исламе, подчеркивающее главенствующую роль атрибута знания, что означало подчинение иррационально-волевого начала в Боге началу рациональному, разумному.

5 Абу ал-Аббас Абдуллах ибн Харун ал-Ма‘мун, известный как ал-Ма‘мун (786–833) – багдадский халиф из династии Аббасидов, сын Харуна ар-Рашида (766–809).

каким великим пагубным последствиям это может привести. Они осознали это, только увидев огромную армию желающих разводиться. Сегодня редко, кто не желает развестись. Так что в некоторых штатах Америки, а это величайшая цивилизованная страна, на 21 брачующихся приходится один развод. В других штатах на 13 браков – один развод, в-третьих, на 10 браков – один развод. Есть штаты, где на 8 браков – один развод. А в некоторых случаях на 3 брака – один развод. И это, в первую очередь, благодаря принятию этого закона.

Али Каяев заключает, что шариат предоставил право развода мужчине, но не предоставил такого права женщине, делегировав при этом дело развода с мужем двум третейским судьям, с его и ее стороны, вменив им в обязанность развести их, если они усматривают, что не восстановятся единодушие, симпатия и любовь между ними. Или развестись с помощью имама. Али Каяев добавляет, что шариат был ниспослан только для защиты от гнета и устранения его корней, притеснения и запрещает мужу причинять побои жене. Более того, женщина сама может инициировать развод, если выяснится вина мужчины. Такое внимание к женщине со стороны шариата кратное число раз больше и глубже учитывает её интересы, чем предоставление ей права развода [35].

Тезис о достаточно полном внимании и учете интересов женщины со стороны шариата, на наш взгляд, не так далек от истины. Как пишет современный российский исследователь Бобровников В.О. «права женщин были и остаются защищены шариатом лучше, чем сто лет тому назад, в XIX и начале XX столетия, права женщин в Европе и США, а также в центральной России, не знавших многоженства и затворничества женщины [36 с. 10].

В статье №19 от 18 мая 1917 г. были опубликованы решения конференции женщин в Казани, где приводятся высказывания участниц о том, что лицо и кисти рук не являются частями тела, которые следует прикрывать; что шариат категорически против многоженства, позволяя его только для того, чтобы приютить сирот; что многоженство обуславливается многими условиями, которые трудно супругам исполнять; о важности устранения споров и раздоров между супругами с помощью двух третейских судей; о праве посещения женщинами мечетей, предоставленном им по шариату и др.

После обсуждения конференция утвердила такие решения: шариат относится одинаково к мужчине и женщине; шариат не запрещает женщинам участвовать в выборах и общественно-политических движениях; нет укрывания покрывалом в исламе [26, с. 70–72].

Затем женщинам были зачитаны следующие предложения, которые тоже были приняты: супруги имеют одинаковые права в доме; при вступлении в брак будущие супруги должны предоставлять свидетельство о медицинском освидетельствовании, что они здоровы; мужчина при вступлении в брак берет на себя обязательство не жениться, помимо первой жены, на другой женщине: он оставляет подписанное заявление об этом в органах регистрации брака, которое будет обнародовано при нарушении данного обязательства; надлежит записать в книге регистрации брака, что за женщиной, при необходимости,

остается право расторжения брака; при разводе дети должны оставаться у женщины, а отец должен обеспечивать их материально до достижения совершеннолетия; следует распространять среди всех женщин знания всеми доступными способами; надо создавать детские дома, интернаты и приюты для детей, которые не достигли возраста обучения.

В конце статьи имеется комментарий от имени редакции, где говорится, что в вопросе многоженства цели шариата более глобальные. Одна из них то, что женщин во все времена было больше, чем мужчин, и запрет многоженства привел бы к тому, что многие женщины остались без мужей, ухудшилось бы их положение, и они были вынуждены заниматься запретным. Второе – это большая смертность мужчин во время войн и опасность вырождения потомства. Третье – женщина бывает бесплодной, а мужчина хочет иметь детей. И нет у него другого средства достичь этого, поэтому он вынужден жениться на другой или развестись с первой [37].

Относительно медицинского освидетельствования – это решение было вызвано увеличением венерических заболеваний. Также по шариату разрешено расторгнуть брак, если один из супругов болен проказой.

На наш взгляд эти решения и предложения, даже спустя сто с лишним лет, как будто прописаны сегодня – настолько они важны и остаются актуальными для любого, не только мусульманского общества, на современном этапе.

Дагестанские мусульманские реформаторы-просветители поддержали Октябрьскую революцию 1917 года, так как советская власть гарантировала им свободу исповедания ислама. Поэтому они выстраивали свою концепцию построения нового мусульманского общества на основе ислама и шариата в составе Российского государства.

По некоторым вопросам, таким, как многоженство, равноправие в браке и разводе многие из них оставались на традиционной исламской позиции. Но в других вопросах, таких, как обучение и образование женщин, привлечение их на государственную службу, положение женщины в семье и обществе, участие в общественно-политической жизни мы наблюдаем у дагестанских мусульманских реформаторов-просветителей отход от неё. Будучи глубоко и всесторонне эрудированными и энциклопедически образованными представителями традиционной школы, они выступили против культурной отсталости, невежества и религиозного консерватизма. Они были гибки и готовы к восприятию всего нового, если это не нарушало нормы ислама и шариата.

Дагестанские реформаторы-просветители живо интересовались происходящими событиями не только на Востоке, но и на Западе. В переходный и неоднозначный исторический период на изломе взаимодействия культур Востока и Запада, реформаторы поставили цель построить новое общество и воспитать нового человека, пытаясь найти достойное решение, в том числе, и «женскому вопросу». Они были толерантны по отношению к другим конфессиям, а шариат считали самодостаточной основой для своего развития и дальнейшей интеграции в российское и мировое сообщество.

Представленный в статье материал из арабоязычной газеты «Джаридат Дагистан» – печатного органа мусульманской периодической печати реформаторов-просветителей Северного Кавказа позволяет проследить как эволюцию взглядов самих реформаторов-просветителей в «женском вопросе», так и картину эмансипации дагестанской женщины в досоветский и начальный советский период в течение относительно короткого в историческом плане периода времени – от угнетенной, зависимой, лишенной элементарных прав в семье и обществе – до обретения равных прав, реализации права на образование, получение профессии, избирательных прав и т. д. Наглядным примером этого являются обсуждаемые вопросы и пункты повестки принятых решений приведенных выше исламских конференций.

Некоторые из этих пунктов удалось реализовать именно благодаря деятельности мусульманских реформаторов-просветителей первой трети XX в.. Но многие из них (например, вопрос женского мусульманского образования и воспитания, профессиональной подготовки, участия в общественной жизни и др.), продолжают оставаться чрезвычайно актуальными и на современном этапе. Нам надо изучать этот бесценный опыт дагестанских реформаторов-просветителей для его успешной реализации в сегодняшнем дагестанском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М., 1987. – 326 с.
2. Шихалиев Ш.Ш. «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» 'Абд ал-Хафиза Охлинского. сб.ст. / сост. и отв.ред. А.К. Аликберов, В. О. Бобровников. – М.: Изд.дом. Марджани, 2010. С. 324–340.
3. Доного Хаджи Мурад. Дахдуев Дахдугаджи. Мухаммад-Кадди Дибиров. На изломе веков: Историческое исследование. Махачкала: «Эпоха», 2015. – 504 с.
4. Шихалиев Ш.Ш. Сайпулла-Кадди // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М.: Восточная литература, 2003. Вып. 4. С. 72–73.
5. Абдуллаев Р., Алимова Д., Багирова И., Сулаев И., Рамазанзаде Ш., Кенжаев Д. История общественно-культурного реформаторства в Центральной Азии и на Кавказе (XIX – начало XX века). Самарканд: МИЦАИ, 2012. С. 144–145.

REFERENCES

1. Abdullaev MA. *Socio-political thought in Dagestan at the beginning of the 20th century [Obshestvenno-politicheskaya misl v Dagistane v nachale XX v.]*. Moscow, 1987.
2. Shikhaliev ShSh. "Al-Jawab as-sahih li-l-ah al-musallah" by 'Abd al-Hafiz Okhlinsky. *Collected articles*. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O. (eds., comp.) Moscow: Marjani Publ., 2010: 324-340.
3. Donogo Hadji Murad. *Dakhduev Dakhdugadzi. Muhammad-Qadi Dibirov. At the turn of the century: Historical research [Dahduev Dahdugaji. Muhammad-Kadi Dibirov. Na izlome vekov: Istiricheskoe issltdovanie]*. Makhachkala: Epoha, 2015.
4. Shikhaliev ShSh. Saipulla-Kadi *Islam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2003; (4): 72-73.
5. Abdullaev R, Alimova D, Bagirova I, Sulaev I, Ramazanzade Sh, Kenzhaev D. *History of so-*

6. Шихалиев Ш.Ш. К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в. // МавраевЪ. 2015. №1(16). С. 27–31.
7. Шихалиев Ш.Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3. С. 134–169.
8. Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX–XX вв. М.: «Наука», «Восточная литература», 1993. – 245 с.
9. Доного З.М. Роль «Общества просвещения туземцев мусульман» в развитии светского образования в Дагестане // Казанский педагогический журнал. 2015. №6. С. 427–431.
10. Мукаррарат ан-надват ал-‘улама’ // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 28. С. 3.
11. Абу Суфийан ал-Казаниши. Ал-Джамиййа ал-хайрийа фи ал-Казаниш ал-Кубра // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 5. С. 4.
12. ‘Абд ал-Джалил ал-Хили. Ал-Джамиййа ал-хайрийа фи ал-Хийли // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 38. С. 3.
13. И‘лан // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 20. С. 4.
14. Ал-Джарида ал-Исламийа ал-Джадида // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 15. С. 4.
15. Ал-Джарида ал-Джадида // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 15. С. 4.
16. Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2003. – 240 с.
17. Сеньюткина О.Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) // Исламоведение. 2018. Т. 9. № 2. С. 15–29.
18. Каймаразов Г.Ш. Просвещение в до-революционном Дагестане. Дагучпедгиз, 1989. – 160 с.
19. Шихалиев Ш.Ш. Образованная мусульманка в досоветском Дагестане // Женщина и ислам: сб. ст. / под ред. А. К. Бустанова. М.: Дизарт Тим, 2017. С. 48–56.
20. Гасанова А.И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940). Махачкала, 1963. – 156 с.
- cio-cultural reformism in Central Asia and the Caucasus (XIX – early XX century) [Istoriya obshchestvenno-kulturnogo reformatorstva v Zentral’noy Azii i na Kavkaze (XIX – nachalo XX veka)]. Samarkand: ICAI, 2012: 144–145.
6. Shikhaliev ShSh. On the issue of Dagestani reformism in the first quarter of the 20th century [K voprosu o dagestanskom reformatorstve v pervoy chetverti XX v.] Mavraev. 2015, 1(16): 27–31.
7. Shikhaliev ShSh. Muslim Reformation in Dagestan (1900–1930). *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2017, (3): 134–169.
8. Levin ZI. *The development of social thought in the East. Colonial period. XIX–XX centuries [Razvitie obshchestvennoy misli na Vostoke. Kolonialniy period. XIX–XX vv.]*. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura. 1993.
9. Donogo ZM. The role of the “Society for the Education of Muslim Natives” in the development of secular education in Dagestan. *Kazan Pedagogical Journal*. 2015, (6): 427–431.
10. Mukarrarat an-nadvat al-ulama. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 28: 3. (In Arabic).
11. Abu Sufyan al-Gazanishi. al-Jamiyya al-hayriyya fi al-Gazanish al-Qubra. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 5: 4. (In Arabic).
12. Abd al-Jalil’ al-Hiyli. al-Jamiyya al-hayriyya fi al-Hiyli. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 38: 4. (In Arabic).
13. I’lan. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 20: 4. (In Arabic).
14. al-Jariyda al-Islamiyya al-Jadiyda. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 15: 4. (In Arabic).
15. al-Jariyda al-Jadiyda. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 20: 4. (In Arabic).
16. Isaev AA. *Magomedmirza Mavraev – the first printer and educator of Dagestan [Magomedmirza Mavraev – pervopechatnik i prosvetitel’ Dagestana]*. Makhachkala: DSC RAS, 2003.
17. Senyutkina ON. Jadidism as part of the Russian Islamic discourse (modern historiographical assessments) [Jadidizm kak chast’ rossiyskogo islamskogo diskursa (sovremennye istoriograficheskie otsenki)]. *Islamovedenie*. 2018, 9(2): 15–29.
18. Kaimarazov GSh. *Education in pre-revolutionary Dagestan [Prosveshchenie v dorevolutsionnom Dagestane]*. Daguchpedgiz, 1989.

21. Гаджиева С.Ш., Мелешко А.Г. Женщины советского Дагестана. Дагестанское книжное издательство. Махачкала, 1960. – 144 с.
22. Ал-Махзуми Мухаммад. Хатират Джамал-ад-Дин ал-Афгани ал-Хусайни. Бейрут, 1931. С. 112, 428.
23. Али ал-Газимуки. Наксан ан-ниса' укулан ва мадарика // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1918. № 2. С. 4.
24. Али б. Абдулхамид ал-Гумуки. Алам ан-ниса' // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1913. № 17. С. 2
25. Тавлийат ан-ниса' ваза'иф ад-давлат // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1914. № 13. С. 3.
26. Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Издательский дом Марджани, 2012. – 240.
27. Каймаразов Г.Ш. Региональная историческая наука о роли дагестанки в социально-культурном развитии республики (1918-2010 гг.). Историографическое обозрение. Махачкала, 2021.
28. Камински. Шуджаат ниса Кавказ // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1913. № 36. С. 3.
29. Ходжаева Р.У. Женщины-правительницы в истории исламской цивилизации // Сборник статей по материалам IV Международной научной конференции «Османовские чтения» (г. Махачкала, 28 октября 2021 г.). Махачкала: Издательство ДГУ, 2021. С. 40–46.
30. Али ал-Гумуки. Та'аллум ан-ниса' ва китабатахунна // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1916. № 6. С. 4.
31. Ал-Хаджи Са'адулла бин ал-Хаджи Будда. Ан-надва ал-Исламийа фи Муску // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 23. С.
32. Мукаррат ан-надва ал-исламийа фи Баку // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 18. С. 2.
33. Бакийат ма фи ан-нумра 20 мин маса'ил ан-ниса' // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 21. С. 4.
34. Малик б. Унс. Бакийат ма ан-нумра 19 мин маса'ил ан-ниса' // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 20. С. 4.
35. Али ал-Гумуки. Ал-Кисм ал-илми // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1918. № 1. С. 34.
19. Shikhaliev ShSh. An educated Muslim woman in pre-Soviet Dagestan [Obrazovannaya musulmanka v dosovetskom Dagestane] In: Bustanov A.K. (ed.). *Woman and Islam: Collected articles*. Moscow: Dizart Tim, 2017: 48-56.
20. Gasanova AI. *Emancipation of a mountain woman in Dagestan (1920-1940) [Raskreposhenie zhenshiny-goryanki v Dagestane (1920-1940)]*. Makhachkala. 1963.
21. Gadzhiyeva SSh, Meleshko AG. *Women of Soviet Dagestan [Zhenshiny sovetskogo Dagestana]*. Makhachkala: Dagknigizdat, 1960.
22. al-Mahzumi Muhammad. *Hatirat Jamal ad-din al-Afgani al-Husayni*. Bayrut. 1931: 112, 428. (In Arabic).
23. Ali al-Gumuki. Naksan an-nisa' ukulan va madarika. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1918, 2: 4. (In Arabic).
24. Ali b. Abdulhamid al-Gumuki. Alam an-nisa'. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1913, 17: 2. (In Arabic).
25. Tavliyat an-nisa' vaza'if ad-davlat. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1914, 13: 3. (In Arabic).
26. Navruzov AR. *Jaridat Dagistan as an Arabic-language newspaper of Caucasian Jadids [“Jaridat Dagistan” – araboyazichnaya gazeta kavkazskikh jadidov]*. Moscow: Marjani Publ., 2012.
27. Kaimarazov GSh. *Regional historical science on the role of the Dagestan woman in the socio-cultural development of the republic (1918-2010). Historiographic review [Regionalnaya istoricheskaya nauka o roli dagestanki v sozialno-istoricheskom razvitii respublik (1918-2010gg.)]. Istoriograficheskoe obozrenie*. Makhachkala, 2021.
28. Kaminski. Shujaat nisa Kavkaz. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1913, 36: 3. (in Arabic).
29. Khojaeva RU. Female as the rulers in the history of Islamic civilization [Zhenshiny-pravitelnitsy v istorii islamskoy tsivilizatsii]. *Collection of articles based on the materials of the IV International Scientific Conference “Osmanovskiy Reading”*. Makhachkala: DGU Publ., 2021: 40-46.
30. Ali al-Gumuki. Ta'allum an-nisa va kitabatunna. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1916, 6: 4. (in Arabic).

36. Бобровников В.О. Женщина в шариате и горских 'адатах // Женщина и ислам: сб. ст. / под ред. А.К. Бустанова. М.: Дизарт Тим, 2017. С. 10–18.

37. Надват ан-ниса' фи Казан // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 19. С. 3.

31. al-Haji Saadulla bin al-Haji Budda. An-nadva al-Islamiya fi Musku. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 23: 3–4. (In Arabic).

32. Mukarrat al-nadva al-islamiyya fi Baku. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 18: 2. (In Arabic).

33. Bakiyat ma fi an-numra 20 min masa'il an-nisa'. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 21: 4. (In Arabic).

34. Malik b. Uns. Bakiyat ma fi an-numra 19 min masa'il an-nisa'. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 20: 4. (In Arabic).

35. Ali al-Gumuki. al-Kism al-ilm. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1918, 1: 34. (In Arabic).

36. Bobrovnikov VO. Woman in Sharia and mountain 'adat. In: Bustanov A.K. (ed.). *Woman and Islam: Collected Articles [Zhenshina v shariate I gorskih adatah // Jenschina i islam: sb.st.]*. Moscow: Dizart Tim, 2017: 10–18.

37. Nadvat an-nisa' fi Kazan. *Jaridat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917, 19: 3. (In Arabic).

Статья поступила в редакцию 24.01.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182388-409>



Madina A. Kochieva

Assistant of Department of Theory of State and Law

Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz, Russia

makochieva@gmail.com

MUSLIM COMMUNITY OF NORTH OSSETIA IN THE POST-SOVIET ERA. INSTITUTIONAL ASPECTS

Abstract. In our work, we attempt to describe the events that impacted the life of the Muslim community in the multi-confessional republic of North Ossetia-Alania at the end of the 20th – beginning of the 21st century; to analyze their causal link, the influence of Caucasian and global trends on them. During the study, we applied descriptive-narrative and historical-genetic methods. We have come to the conclusion that at the end of the 20th – early 21st century the Ossetian Muslim community turned out to be receptive to global trends, while the Ossetian “neophytes” – to the ideas of radical Islamic movements. However, by now the split of the Muslim community of Ossetia into supporters of moderate Islam and supporters of radical views has been overcome. The terrorist attack in Beslan in 2004 had unprecedented consequences for the Muslim community in Ossetia and noticeably changed the attitude towards Islam within the Ossetian society. It has also become evident that if in the first decade of the 21st century tension between the Islamic clergy of Ossetia and representatives of the Russian Orthodox Church were dominant, then in the second decade of the century the conflicts of Muslims with passionate adherents of the traditional Ossetian religion were actualized.

Keywords: Islam; North Ossetia; North Caucasus; religion; confession; Muslims; Salafism; Sufism.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182388-409>



Кочиева Мадина Аслановна
 ассистент кафедры теории государства и права
 Владикавказский институт управления, Владикавказ, Россия
makochieva@gmail.com

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Целью исследования является описание наиболее важных событий, повлиявших на жизнь мусульманской общины в поликонфессиональной регионе, Республике Северной Осетии-Алания, в конце XX – начале XXI века, анализ их причинно-следственных связей, влияние на них общекавказских и общемировых тенденции. В качестве методологии были использованы нарративный (описательно-повествовательный) и исторический (историко-генетический) методы. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что в конце 90-х годов XX в. и в начале XXI в. осетинское мусульманское сообщество оказалось восприимчиво к общемировым тенденциям, а осетинские «неофиты» – к идеям радикальных исламских течений. Однако, к настоящему времени раскол мусульманской общины Осетии на сторонников умеренного ислама и сторонников радикальных взглядов был преодолен. Автор также приходит к выводу, что произошедший в 2004 г. теракт в Беслане имел беспрецедентные последствия для мусульманского сообщества в Осетии и заметно изменил отношение к исламу внутри осетинского общества. Также, в результате исследования стало ясно, что если в первое десятилетие XXI в. доминировала напряжённость между исламским духовенством Осетии и представителями РПЦ, то во втором десятилетии XXI в. актуализировались конфликты мусульман с пассионарными адептами традиционной осетинской религии.

Keywords: Islam; North Ossetia; North Caucasus; religion; confession; Muslims; Salafism; Sufism.

Introduction

It is hardly an exaggeration to say that the position of Islam and the Islamic community in modern North Ossetia are a poorly-explored subject.

There is a large number of extensive Russian and foreign studies on the current state of Muslim communities in other regions of the North Caucasus. Nadezhda Yemelyanova's fundamental work "Muslims of Ossetia – at the Crossroads of Civilization" is dedicated to the history of the Muslim community in Ossetia, the last chapter of which covers the events up to 2002. Other studies of the positions of Islam in Ossetia are of little volume and are devoted only to some episodes of the history of the Muslim community over the past 30 years.

General studies of the current state of the Muslim religion in the North Caucasus also cover the situation in North Ossetia very poorly, and sometimes even consider the republic as a region where Islam is not widespread, being only a buffer zone between Orthodox Russia and Georgia, and the Muslim North Caucasian republics [1, p. 278]. Obviously, this is primarily due to the reputation of Ossetia being a historically Orthodox region and having a relatively small Muslim community, living on its territory.

However, in our opinion, the experience of the existence and development of the Muslim community in the republic, where it is a confessional minority and is closed among the "antagonist" confessions, while constantly experiencing the influence of neighboring Muslim republics, as well as the unconditional influence of global religious trends, is unique and attracts scientific interest.

According to opinion polls, the percentage of people identifying themselves as Muslims in North Ossetia increased from 8.2 in 1998 to 12.2 in 2013¹. Nevertheless, it always yields to the corresponding percentage of Orthodox and adherents of the Ossetian traditional religion.

For comparison, according to the official data of the 1867 census, when the total population of North Ossetia was 47,673 people, 23 percent of religious people professed Islam. At the beginning of the 20th century, in Vladikavkaz alone, more than half of the population of which was Russian, the number of Muslims was more than 15 percent [3].

Before the October Revolution, Muslim Ossetians mainly lived in Beslan, Elkhoto, Zamankul, Zilgi, Brut, Volno-Magometanovskiy, Lesken, and all the mountain settlements of the Digor Gorge. Muslims were among many notable and significant figures of Ossetian history, including, for example, Ahmed Tsalikov, who was a member of the Muslim factions in the State Duma of the Russian Empire and the Constituent Assembly, and also headed the Executive Committee of the All-Russian Muslim Council, formed in 1917.

1 Official website of the Ministry of National and External Relations. Electronic resource. Available at: <http://www.minnats.alania.gov.ru/activity/religion>

Social upheavals (wars, the Muhajirism of a large part of Muslim Ossetians to Turkey), consistent assimilation, atheistic propaganda and the complete liquidation of all Muslim organizations and institutions by the Soviet government greatly reduced the number of people professing Islam in Ossetia and destroyed local religious institutions. For this reason, we can confidently say that with the beginning of the post-Soviet period, the Islamic spiritual institutions of Ossetia revived.

Revival of Islamic religious institutions and conflicts within the Muslim community

The Soviet period was associated with the complete destruction of Islamic religious institutions in Ossetia. In 1985, the chairman of the Council for Religious Affairs Konstantin Kharchev reported to the Central Committee of the CPSU that there was not a single registered association of Muslims in the North Ossetian ASSR [2, p. 169].

The starting point of a new era for the Muslim community of Ossetia, which replaced the period of pressure of anti-religious state policy, can be considered February 1988, when a community of 62 people was registered in the village of Chikola, which was historically considered Muslim, with the permission of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR. In connection with this event, the executive committee of the Iraf District Council of People's Deputies recognized the dilapidated building of the village mosque as the property of the Muslim community and allowed its restoration at the expense of future parishioners.

Dzankhot Khekilaev was deservedly elected Chairman of the community, the person thanks to whom this initiative was implemented: "In order to change the attitude to Islam in Ossetia, Dzankhot Osmanovich Khekilaev methodically sent letters to various authorities for about twenty years with demands to register the Muslim community and restore the mosque in the village of Chikola" [3]. Formed in 1991 the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of North Ossetia-Alania (hereinafter – SAM of RNO-Alania; SAM) also elected Dzankhot Khekilaev as mufti².

One of the most pressing issues that arose for the Muslims of Ossetia during this period was the issue of the return of one of the most beautiful and oldest mosques in the North Caucasus to the capital of the Republic of Alania, the city of Vladikavkaz.

2 Khekilaev Dzankhot // The official website of the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of North Ossetia-Alania. Electronic resource. Available at: <http://islamosetia.ru/2015/09/16/2015-09-16-18-06-06/>

In Soviet times, the Sunni Mosque served as a branch of the National Museum of History, Archeology and Ethnography of North Ossetia. According to the testimony of religious scholar Timur Dzeranov, who headed the museum for twenty years, long before the adoption of legislative acts on the return of religious buildings to religious organizations, he, at the request of Dzankhot Khekilaev, provided believers with the opportunity to hold Friday prayers in the mosque: “For the duration of the Juma prayer, the museum staff provided the mosque to the believers, and they themselves left”.

Officially, the mosque was transferred for the use of the Spiritual Administration of Muslims of North Ossetia only on February 5, 1996, with the adoption of the corresponding decree of the President of the Republic of North Ossetia³. It is noteworthy that a month before, an attempt was made to blow up the mosque, which caused a deep hole in the walls and cracks in the dome of the structure. The perpetrators of this terrorist act were never found, but public suspicions fell on criminal groups protesting, allegedly, against the introduction of alcohol licensing by the republican authorities⁴.

The general trend of radicalization of Islam in the North Caucasus, caused by the opportunities for contacts with foreign Muslim organizations, trips of Muslim youth to study in Arab countries, global extremist movements, as well as the Chechen struggle for secession from Russia under the banner of the holy war, could not but affect the situation in North Ossetia.

This is how these processes are characterized in an article published by the information and analytical Muslim channel Ansar.Ru: “In almost all the republics of the North Caucasus, the same thing happened with a small difference only in scale and, probably, in sequence. There was a split between the young passionaries, who took as a basis previously almost inaccessible knowledge of the basics of the Islamic religion, and the old, mostly ceremonial, form of the profession of Islam.”⁵

Unable to find answers to their questions from the Spiritual Administration of Muslims, radical Muslim youth began to unite around another organization – Informally called “Jamaat”, – which was officially registered in 1996 as an “Islamic Cultural Center”. The young Muslims chose Ermak Tegaev, known for his radical views, as their chairman (*amir*). The community registered in Vladikavkaz also included the communities of the city of Beslan and the village of Elkhotovo and collaborated closely with the Jamaat of Kabardino-Balkaria, headed by Imam Musa Mukozhev, popular among local youth, who later became one of the leaders

3 “From the history of the construction of the Sunni mosque of Vladikavkaz” // Official website of the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of North Ossetia-Alania. Electronic resource. Available at: <http://islamosetia.ru/2020/10/14/iz-istorii-stroitelstva-sunnitskoj-mecheti-g-vladikavkaz/>

4 Alexander Sashin. “Explosion in Vladikavkaz. The mosque is blown up by vodka producers” // Kommersant. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/125812>

5 Aslan Bzarov. “Why was Mufti Yevteyev forcefully removed? Following a high-profile case” // Information and Analytical Channel “Ansar.Ru”. January 15, 2011. Electronic resource. Available at: <http://www.ansar.ru/analytics/za-chto-ushli-muftiya-Yevteeva-po-sledam-gromkogo-dela>

of the Islamic armed underground groups in Kabardino-Balkaria and was killed during a special operation in 2009 [4].

It is important to note that Ossetian neophytes turned out to be quite receptive to the ideas of radical Islamic trends, since in Ossetia, as already noted, the generational continuity of religious tradition was destroyed, and, moreover, a stable tradition of Sufi Islam (as in Chechnya, Ingushetia or Dagestan), the philosophical basis was not formed which is in irreconcilable contradiction with the ideas of Wahhabism. This is how Ossetian religious scholar Timur Dzeranov describes these processes: “The poor understanding of the basics of Islam by Ossetian Muslims, especially young ones, made them defenseless before the radical Islamist doctrine of Salafism or Wahhabism that penetrated into the region hostile to traditional Islam. In the republic, among young Muslims, Wahhabi emissaries from Chechnya and Kabardino-Balkaria initiated missionary activities; extremist religious literature flooded North Ossetia from abroad and the Islamist centers of Russia. There is evidence that units of such a radical international Islamic organization as “at-Takfir wa-l-Hijra” and “Hizb ut-Tahrir” operated within the territory of the republic” [5, p. 193].

The confrontation between moderate, “secular” Islam in the face of the SAM and radical Muslims in the face of the Islamic Cultural Center was growing for several years, including episodes of open rejection and disrespect of the parties to each other, which eventually escalated the conflict.

The clash of representatives of the two opposing parties occurred during the Third Congress of Muslims of North Ossetia, which was held on April 25, 2004. Imams of 14 Muslim communities of the republic criticized the leadership of the SAM of the Republic of North Ossetia-Alania, referring to administrative problems, lack of financial base and dependence of the leadership of the SAM on government structures. The composition of the Council of the SAM of RNO-Alania (the highest governing body that had the authority to elect the mufti) was re-elected, and more than 90 percent of it were opponents of Khekilaev. In an interview with the author of the portal, Dzankhot Khekilaev called this congress a “Wahhabi assembly”, at which a coup was actually carried out. Khekilaev called the newly elected members of the Council imams of the “Wahhabi movement”.

However, the election of a mufti with “radical” views could lead the leadership of the Muslim community out of the control of the state apparatus, and, as one of the members of the Muslim community explained to us, the Republican authorities intervened in the situation in the person of Abrek Batrayev, who was at that time a member of the Council, as well as the Deputy Minister for Nationalities of the RNO-Alania. Abrek Batrayev persuaded Ruslan Valgasov, a young member of the community, to be elected as mufti. Having neither an Islamic education, nor significant spiritual experience, nor any bright and attractive views for young people, Ruslan Valgasov did not enjoy such great popularity among the community

as the head of the Islamic Cultural Center Ermak Tegaev and his deputy Suleiman Mamiev did. Serious reputational damage in the eyes of believers was added to Valgasov by the fact that in the past he was a traffic police officer, that is, a person connected with state power. However, not being a member of Khekilaev's "team" and enjoying the support of the Republican authorities, he apparently seemed to the confrontational parties to be a compromise figure. Such a scenario could hardly by itself exhaust the conflict between the leadership of the SAM and the radical youth, and even after the election of a new mufti, the confrontation continued to grow.

However, it was during this period that Ossetia had to go through an event that affected the situation of Muslims not only in Ossetia, but throughout Russia, and radically changed the state policy towards Islam and especially its radical movements.

The change in the attitude towards Muslims in the republic after the terrorist attack in Beslan

From September 1 to September 3, 2004, a terrorist attack shook Beslan. All the terrorists who attacked the school were Muslims, and this fact radically changed the attitude of society and the authorities of Ossetia to both visiting Muslims and Ossetian Muslims, despite the fact that most of the indigenous population of Beslan historically professed Islam. The influence of the Beslan tragedy on the nature of confessional relations in North Ossetia can certainly serve as an object of a separate serious study. We can only outline some of its consequences.

After these events, the eyes of the special services could not help but turn to the activists of the Islamic Cultural Center. On February 2, 2005, the agents of the FSB of Russia in North Ossetia, together with the members of the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs, arrested the chairman of the Islamic Cultural Center Ermak Tegaev. The online edition of the Caucasus Times, referring to the law enforcement agencies of the republic, reported that 270 grams of plastid and 3 electric detonators were found in Ermak Tegaev's car during his arrest. He was also accused of possessing religious literature, textbooks and videotapes of an extremist nature. The Soviet District Court of Vladikavkaz sentenced Ermak Tegaev to 2.5 years of imprisonment in a penal colony. The imam of the Sunni mosque, the closest associate and deputy of Ermak Tegaev, Suleiman Mamiev, did not wait for the outcome of these events and emigrated to Turkey [4].

Commenting on the detention of Ermak Tegaev to the republican newspaper "Severnaya Osetiya", Mufti Ruslan Valgasov unequivocally accused the organization of illegal activities: "The Islamic Cultural Center is a public organization that, in my opinion, actually has nothing to do with either Islam or religion. This is the

case when they write one thing in the charter, but in fact they are engaged in another". Answering the question why the SAM of RNO-Alania had not responded to such activities for so many years, Ruslan Valgasov referred to the negligence of special services: "In any case, it is not in our competence to check what cases are being done under the guise of a public organization".⁶

In April 2005, Murat Tavkazakhov, a follower of "traditional" moderate Islam, born in the Muslim village of Kartsa, was elected head of the SAM of RNO-Alania. It is important to note that the leadership of the Tavkazakhov community fell on one of the most difficult periods for Muslims. Fresh memories of the Beslan tragedy predetermined the attitude of society and the authorities to everything that was somehow connected to Islam, and the leadership of the SAM of RNO-Alania regularly fell into the epicenter of high-profile conflicts.

Consequently, in 2006, the Muslim clergy were not invited to the funeral ceremony in Beslan. The Ossetian mufti then expressed dissatisfaction with the exclusive participation of Bishop Theophan of Stavropol and Vladikavkaz in them: "Half of those killed in the terrorist attack were Muslims, and they are buried according to our customs. This fact must be kept in mind".⁷

Later, this conflict continued during the discussion about the construction of a memorial complex in Beslan. Bishop Theophan spoke about the plans of the Russian Orthodox Church to build an Orthodox church on the site of the destroyed school, which caused outrage of the chairman of the Council of Muftis of Russia Ravil Gaynudin, who said that the memorial at the site of the tragedy should not be divided based on the religious grounds. Murat Tavkazakhov also did not stay aside from the conflict and shared his opinion in an interview with a "Nezavisimaya gazeta": "Bishop Theophan is very hostile. Not wanting to erect a monument of unity in Beslan, he sows the seeds of enmity. He avoids meeting us. He declares North Ossetia an Orthodox republic, which hurts the feelings of 200 thousand Ossetian Muslims". Regarding the memorial complex, the mufti stated that religious buildings, whether a church or a mosque, can be built nearby, and not on the site of the tragedy.⁸

Murat Tavkazakhov served as mufti of North Ossetia for less than three years. His resignation was accompanied by searches, as well as accusations of corruption and embezzlement of financial aid received from various Muslim funds to support Islam in Ossetia [4].

However, the resignation of Tavkazakhov, who, according to the official version, voluntarily wrote a letter of resignation from the post of mufti, was also

6 Mufti of North Ossetia criticized the Islamic Cultural Center // Daily Republican newspaper "Severnaya Osetiya". February 8, 2005, No. 39.

7 The Ossetian mufti opposed the participation of the Orthodox clergy in the ceremonies of remembrance of the victims of the tragedy in Beslan // Interfax Religion. September 1, 2006. Electronic resource. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=13614>

8 Stanislav Minin. Echo of the tragedy // Nezavisimaya Gazeta. 04.04.2007. Electronic resource. Available at: https://www.ng.ru/ng_religii/2007-04-04/1_tragedy.html

considered as a “coup” in the media. Shafig Pshikhachev, the plenipotentiary representative of the Coordination Center of Muslims of the North Caucasus (CCMNC) in Moscow stated that the leadership of the CCMNC is confident that the removal of Tavkazakhov is a consequence of the interference of North Ossetian officials in the life of the community, regards the accusations against him as a provocation and continues to consider Tavkazakhov the only legitimate leader of North Ossetian Muslims.⁹

Nevertheless, in February 2008, Tavkazakhov's former deputy, Ali Yevteev, was elected the new mufti of North Ossetia. Subsequently, after Yevteev's resignation, the Info-Islam news agency called his election one of the boldest experiments in the search for religious peace in the North Caucasus.

Ali Yevteev, who was born into an Orthodox family and converted to Islam only at the age of 22, received a spiritual education at a madrasah in Karachay-Cherkessia, then at Al-Azhar University in Egypt, and then at the International University of Medina in Saudi Arabia. All this, on the one hand, formed in him a rather uncompromising Salafist system of views, and on the other hand, led to the realization of the need for peaceful Islam within the framework of Russian statehood. According to Yevteev himself, this influenced the decision of the SAM of RNO-Alania to invite him to work with the younger generation of Muslims. Being a man with an extensive spiritual education and moderately Salafist views, he could establish a dialogue between the old generation of Muslims leading the community and passionate Muslim youth, and perhaps even prevent a bloody conflict between radical and moderate “traditional” Muslims raging at that time in other regions of the North Caucasus.¹⁰

Acting as deputy mufti, and then heading the SAM of RNO-Alania, Ali Yevteev was very active: he established communication with the Ossetian diaspora in Turkey, organized an annual forum of Muslims of the republic, regular charity events were held in orphanages and schools, the women's charity organization “Jasmine” was founded, the restoration of several inactive mosques was started. During this period, Yevteev managed to comply with agreements with the state authorities and maintain close contact with the youth, even with the most radicalized ones.

Speaking about this in an interview with the Regnum news agency, Yevteev stated: “I may ignore it if I find out that a person came from an extremist group, if I see that he is normal, that he has repented. Because he will be of more use than if he is simply taken out and shot, thereby confirming his hostility to Islam

9 Shafig Pshikhachev, a representative of the Coordination Center of Muslims of the North Caucasus in Moscow, accused the Deputy Minister of North Ossetia for Nationalities Affairs, Abrek Batrayev, of “destructive interference” in the internal affairs of Muslims // INTERFAX, April 17, 2008. Electronic resource. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=23996>

10 The experiment failed // Info-Islam News Agency. 25.06.2010. Electronic resource. Available at: http://www.info-islam.ru/publ/stati/obzory/ehksperiment_ne_udalsja/6-1-0-10441

to everyone who is sitting in the forest, and to those with whom these “forest brothers” communicate via the Internet and mobile communications. Therefore, we are as tolerant as possible with the youth. We have committed ourselves to prove that this state is not an enemy to them, but we need confirmation, we need the government support”. Yevteev also describes the results of this approach: “Gradually, over the course of five or six years, we managed to achieve without repressive measures that when the amir of the Jamaat, Ermak Tegaev, called everyone to escape to the mountains for jihad, only two people came with him”.

However, it was this interview with Yevteev that caused him to resign from the post of mufti two years after his election: the frankness with which he told the facts about his life and his worldview to the journalist-caucasiologist Yana Amelina could not but cause a massive public outcry. Yevteev told about his studies in the camp of a terrorist and field commander Khattab, about his former inclination to join the armed jihad, about his close relations with the head of the Islamic Spiritual Center Ermak Tegaev, as well as Anzor Astemirov and Musa Mukozhev, who later became leaders of the underground uprising in Kabardino-Balkaria.¹¹

Particular indignation in society was caused by his statements about Orthodox clergy, for which Yevteev then had to apologize at a meeting with representatives of the North Ossetian Orthodox clergy. The Kommersant newspaper wrote about this: “Ali Yevteev admitted that much of what he said in the interview was based on rumors. ‘We are all human beings and we can make mistakes; I admit my mistake’.”¹² At the same time, Yevteev explained that the journalist introduced herself as a researcher studying Islam in the Caucasus, and he, not knowing that his conversation was being recorded, allowed himself to communicate in the format of a private conversation.

The reaction of society, as well as the condemnation of other representatives of Islamic organizations, were not long in coming. Chairman of the Council of Muftis of Russia Ravil Gaynudin in his official message to the media noted: “Such statements can be characterized as inadequate, devoid of sanity, at least not serious for a person endowed with a certain power and responsibility, and cause serious condemnation on our part”. Yevteev’s statements were also condemned by the muftiats of other republics.¹³

In general, the consequences of this event correlate with the conclusions made by Kaarina Aitamurto in the article “Patriotic loyalty and interest representation among the Russian Islamic elite”: in modern secular states, Muslim leaders are often forced to speak and make statements based not on a personal position, but on

11 Mufti of North Ossetia: “I dreamed of giving my life for the sake of Allah” // Regnum News Agency. May 2, 2010. Electronic resource. Available at: <https://regnum.ru/amp/1280053>

12 Zaur Farniev. The Ossetian Mufti apologizes to the representatives of the Russian Orthodox Church // Kommersant newspaper. 17.05.2010. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1370477>

13 Muslim clergy condemns the extremist Mufti // North Caucasian news. Electronic resource. Available at: <https://sk-news.ru/news/society/2490/>

a position that does not contradict the attitudes established in the public political context [7, p. 2]. Even if the leaders of other Muslim republics sympathized with Yevteev and realized that he had made a mistake by showing inappropriate carelessness in his statements, they could not publicly express anything but condemnation. This is evidenced, for example, by the reaction of the head of the Coordination Center of Muslims of the North Caucasus, Ismail Berdiev: "I am very sorry about what happened, but, frankly, I still can't understand how he could say such a thing publicly". A similar position was voiced in an interview with the head of the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan Gusman Iskhakov: "We live in a country where such statements cannot but be ignored. I would also resign in his place. From the point of view of Islamic ethics, you should not say that much".¹⁴

In the above-mentioned study, Kaarina Aitamurto links the trends of state control in relation to public statements of organizations and figures, as well as their division into loyal and disloyal to the state with the September 11 terrorist attack.

In our opinion, in Russia, the policy of tightening control over Islamic organizations began in connection with the Chechen wars and terrorist attacks of the early 2000s and was finally consolidated after the terrorist attack in Beslan in 2004. Moreover, it is known that it was after this terrorist attack that a radical change in the nature of state power in the North Caucasus took place, when direct elections of the heads of the Caucasian republics were canceled and they began to be appointed by the President of Russia at the suggestion of the state bodies of the respective republics.¹⁵

On May 20, 2010, 18 days after the publication of the odious interview, Ali Yevteev submitted his resignation.¹⁶ In addition to serious social costs, Yevteev also experienced the threat of legal sanctions: the investigative authorities of the Russian Federation received an application to check the scandalous interview for the presence of a crime under Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (public calls for terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism). However, on December 2, 2010, the prosecutor's office decided that the commission, which carried out a comprehensive psychological, religious and linguistic study, did not find any signs of a crime in Yevteev's statements.¹⁷

14 The heads of the largest Spiritual Administrations of Muslims commented on Ali Yevteev's decision to resign // IA IslamNews. Electronic resource. Available at: <https://islamnews.ru/Glavy-krupnejshih-DUMov-prokomentirovali-reshenie-Ali-Yevteeva-ujti-v-otstavku>

15 Decree of the President of the Russian Federation of December 27, 2004. No. 1603 "On the procedure for considering candidates for the position of the highest official (head of the supreme executive body of state power) of the subject of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. December 29, 2004. Electronic resource. Available at: <https://rg.ru/2004/12/29/gubernatori-dok.html>

16 Mufti of North Ossetia resigns from his post // Interfax Russia. Electronic resource. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/main/muftiy-severnoy-osetii-podal-v-otstavku>

17 The Prosecutor's office found no signs of extremism in the interview of the former mufti of North Ossetia // IslamNews News Agency. 03.12.2010. Electronic resource. Available at: <https://islamnews.ru/news-28271.html>

On July 14, 2010, Khadzhimurat Gatsalov, a native of the village of Chikola and former deputy of Yevteev, took the position of acting mufti. On March 17, 2011, at the V Congress of Muslims of North Ossetia, Gatsalov was officially elected Mufti of the SAM of RNO-Alania; on March 16, 2016, he was unanimously re-elected for a second term, and on March 17, 2021 – for a third.

Confrontation with law enforcement agencies and representatives of the traditional Ossetian religion

During the long period of Gatsalov's leadership, the Muslim community of Ossetia was involved in many acute social conflicts. Nevertheless, in our opinion, it was Khajimurat Gatsalov who turned out to be the leader capable of consolidating the Muslims of Ossetia, bringing the community out of the state of internal and external conflicts to a state of peace and successful integration into the social life of the republic, as well as strengthening the reputation of the SAM of RNO-Alania among both Muslim and external social groups and institutions.

A striking example is the situation that occurred in the mountain village of Fiagdon in February 2011, when one of the most active representatives of the Muslim community of Ossetia, Ruslan Rubaev, built a prayer room on the site of his household and was already completing the construction of a minaret. Residents of Fiagdon demanded that the heads of the Administration of the Alagirsky district forbid Ruslan Rubaev to continue the construction and even collected more than 500 signatures under an appeal to the President of the Russian Federation. On this occasion, a meeting was organized in the village culture house, but the peaceful negotiations failed, and 300 people went to Rubaev's household, demanding that he seized the construction of the minaret.¹⁸ In order to avoid even more dangerous consequences of this conflict, Ruslan Rubaev was forced to dismantle the building. Describing this situation in his research, legal expert Tamerlan Tsгоеv calls it an Orthodox-Islamic conflict [6, p. 180]. We tend to believe that the population of the Kuratinsky gorge, on the territory of which there are many places of worship associated with the traditional Ossetian religion, is not exclusively Orthodox. Moreover, conflicts between representatives of traditional beliefs and Orthodox clergy occurred quite often in this area, which are also described by Tamerlan Tsгоеv in this study [6, pp. 175-178]. For this reason, it is more correct to assess this confessional conflict as mixed, and to associate such an aggressive reaction of society with the absence of Islamic religious buildings in the area and their association with Wahhabism and terrorist threats among local residents.

¹⁸ Residents of the North Ossetian village of Verkhny Fiagdon oppose the construction of the minaret // Information and Analytical Channel "Ansar.Ru". Electronic resource. Available at: <http://www.ansar.ru/sobcor/zhiteli-severoosetinskogo-poselka-vystupili-protiv-stroitelstva-minareta>

On May 26, 2011, a terrible denouement took place of one of the most acute conflicts in the sphere of confessional relations in the modern history of Ossetia. On the outskirts of Vladikavkaz, the decapitated body of a scholar, poet, dean of the Faculty of Ossetian Philology of the North Ossetian State University, 71-year-old Shamil Dzhigkaev, was found.¹⁹

The chain of cause-effects that led to this event brings us to the consequences of the Beslan tragedy. On December 8, 2007, the media reported about an attack by residents of Beslan on a bus of pilgrims from Chechnya. According to the pilgrims who were heading to Sochi for further departure to Medina for the Hajj, they were attacked during the evening prayer at the entrance to Beslan. Ossetian witnesses claimed that the passers-by relieved themselves near the cemetery of the victims of the terrorist attack in Beslan.²⁰ No evidence was presented to confirm the version of one side or the other, however, for a society still heated by the horrific events in Beslan just three years ago, such piece of information was enough. News about the offensive conduct of visiting Muslims near the cemetery to the victims of Beslan spread throughout the republic and caused a fierce public outcry. Shamil Dzhigkaev, apparently very hurt by this event, wrote a poem, which in July 2008 was published in the Ossetian magazine “Mah dug” (Our Epoch).

The author’s personal archive contains materials provided by the Department for Work with Religious Organizations and Prevention of Extremism of the Ministry of the Russian Federation for National Policy and External Relations. Among these materials there is also a protocol of the meeting of the Commission on Religious Associations under the Government of the Republic of North Ossetia-Alania dated December 4, 2008. It follows from the protocol that the Ministry’s employees were concerned about the situation and considered the poem inciting religious and national discord, and its publication in the media – unacceptable. The meeting was also attended by members of the SAM of RNO-Alania, who spoke about the danger of this publication: “At the cost of great efforts, we managed to normalize the situation in the SAM of RNO-Alania and we should not ruin the agreement reached... Because some uncontrolled radical representatives can deal with Dzhigkaev”.²¹

The Spiritual Administration of Muslims of North Ossetia appealed to the prosecutor’s office on the issue of initiating a criminal case. When questioned about this, Shamil Dzhigkaev stressed that there was nothing religious in his poem, and it was dedicated to wolf habits. As a result, in 2009 the Institute of

19 Zaur Farniev. “A poet beheaded in North Ossetia” // Kommersant newspaper 27.05.2011. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1648146>

20 Musa Muradov, Zaur Farniev. “Chechen pilgrims attacked in Beslan. Too close to the cemetery of the victims of the terrorist attack” // Kommersant Newspaper. 08.12.2007. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/834118>

21 Minutes of the meeting of the Commission on Religious Associations under the Government of RNO-Alania on December 4, 2008 // Current Archive Ministry of RNO-Alania for National Policy and External Relations

Criminalistics of the Center for Special Technology of the FSB of Russia, which conducted an examination of the poem by Shamil Dzhigkaev, concluded that no signs of extremism were found, but only a denunciation of human vice. The Republican Department of the Investigative Committee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation closed the case against Dzhigkaev.²²

According to Shamil Dzhigkayev himself, he was subsequently repeatedly threatened: "They call, threat, appeal to the authorities and justice; they can only fulfill their main desire — to sacrifice me to their idols, that is, to their interests. For God's sake, do not teach the Wahhabis this 'God-pleasing cause'."»²³

The poet's body was found in a forest area on May 26, 2011, and already on May 31, 2011, David Murashev, a suspect in the murder of Shamil Dzhigkaev, who resisted the arrest, was liquidated by law enforcement officers. Extremist literature, a suicide belt and a sword with which Shamil Dzhigkayev was allegedly killed were found in the house of David Murashev.²⁴

Not much is known about the identity of David Murashev. The media covering these events wrote that the criminal was an Ossetian, not from a Muslim family, who converted to Islam three years before the murder, a year before that he had visited Hajj. It also became known about his disposition for crime: Murashev was previously convicted of arms trafficking.

The described event is a vivid illustration confirming some hypotheses put forward by famous world researchers in the field of terrorism and radicalism. Mark Juergensmeyer in his study "Terror in the mind of God: The Global Rise of Religious Violence", calls humiliation and the need for revenge arising in connection with it one of the psychological factors of involvement in radical organizations [8, p. 187]. Revenge as one of the reasons for the perpetration of terror in her study on the origin of terrorism is also considered by Martha Crenshaw [9, pp. 92-105]. In another study on political terrorism, she proposes a hypothesis that political terrorism is often associated with a sense of discrimination by the Government, which extremists perceive as a deprivation of dignity, a sense of security and freedom [10, pp. 79-113].

We tend to believe that the ostentation and cruelty with which the Ossetian poet was killed suggests that Murashev's motivation, in addition to targeted personal revenge for insulting religious feelings and the sense of humiliation experienced, could also be revenge against the state and society, which, according to the killer, did not stand up for the offended dignity of the social the group with which he identified himself.

22 Famous folk poet Shamil Dzhigkaev killed in North Ossetia; Svetlana Yemelyanova // Internet portal of Rossiyskaya Gazeta. 26.05.2011. Available at: <https://rg.ru/2011/05/26/reg-kuban/poet-anons.html>

23 Zaur Farniev "A poet beheaded in North Ossetia" // Kommersant Newspaper. 27.05.2011 Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1648146>

24 Zaur Farniev. The poet's murderer died under the fence // Kommersant, 02.06.2011. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1652027>

However, the consequences of the described events were not limited to Murashev's liquidation. The brutal murder of a well-known and respected figure and the resonance caused by it led to a harsh reaction from law enforcement agencies to representatives of the Muslim community. On the night of May 31 to June 1, 18 members of the community were detained, among whom was the imam of the Vladikavkaz Sunni Mosque Kuvat Ismailov.²⁵

Mufti of North Ossetia Khadzhimurat Gatsalov was outraged by these detentions. In an interview with the *Kommersant*, he spoke about the murder and its consequences: "The members of the Muslim community strongly condemn the murder. And now they themselves are suffering from its consequences. Yes, I do believe that Murashev is the killer. The solid evidence points to that"²⁶.

The concurrent detention of such a large number of members of the Muslim community caused strong tension between the leadership of the SAM of RNO-Alania, relatives of the detainees and law enforcement agencies. On June 1, 2011, relatives of the detained members of the Islamic community filed a complaint to the Prosecutor's Office²⁷. The Council of the SAM of RNO-Alania also wrote a letter addressed to the head of the RNO-Alania Prosecutor's Office with a request to take control of the "legality of the actions of law enforcement agencies" to detain members of the Muslim community²⁸. The next day, an appeal was published by the Council of the SAM of RNO-Alania, in which the Council reported about 20 detainees, characterized them as God-fearing and law-abiding citizens and expressed confidence in their innocence. The Council also issued a warning: "The relatives of the detainees are ready to come out for an indefinite protest against lawlessness and blatant violations of human rights by law enforcement agencies. There is a real danger that the situation in the republic will get out of control and develop according to the Kabardino-Balkarian scenario" (probably referring to the events of 2005, known as the "attack on Nalchik" – author).²⁹

On the same day, at an operational meeting of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Alania, the head of the Ministry, Artur Akhmetkhanov, demanded that his subordinates take measures to prevent the involvement of young people in the ranks of radical Islam: "Our main task is to preserve the sanctity of the three Ossetian pies and the traditional faith,"³⁰ – Akhmetkhanov said. It is noteworthy that the minister himself was a Bashkir by origin and an ethnic Muslim.

²⁵ *ibid*

²⁶ Olga Allenova. To break the Caucasus is to break Russia // *Kommersant*. Power. 13.06.2011. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1655369>

²⁷ Olga Allenova, Zaur Farniev. Poetic crisis // *Kommersant*. 13.06.2011. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1655370>

²⁸ The Council of the SAM of RNO-Alania appeals to the Prosecutor of the RNO-Alania // SAM of RNO-Alania. 01.06.2011. Electronic resource. Available at: <http://islamsetia.ru/2011/06/01/2011-06-01-12-50-47/>

²⁹ The appeal of the Council of the SAM of RNO-Alania // SAM of RNO-Alania. 02.06.2011. Electronic resource. Available at: <http://islamsetia.ru/2011/06/02/2011-06-02-11-10-17/>

³⁰ The Interior Minister of North Ossetia demands to protect young people from Islamic extremists // *IA Regnum*. 01.06.2011. Electronic resource. Available at: <https://regnum.ru/news/accidents/1411334.html>

Here we should note once again that the presence in Ossetia of a large number of followers of traditional Ossetian beliefs has a tremendous impact on the nature of confessional relations in the republic and, in particular, on the life of the Muslim community.

Sufian Zhemukhov in his research “Nationalism and Islam in Russia’s North Caucasus” identifies two main ethno-confessional trends in the modern North Caucasus. The first is the transition from nationalism to Islam among certain groups, especially in Dagestan, Chechnya, Ingushetia. The second, on the contrary, is represented by the growth of nationalism among predominantly Orthodox or Muslim-Christian ethnic groups. A special development of this phenomenon, in his opinion, occurred in Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, North Ossetia and Ingushetia [11, p. 3]. In Ossetia, the colossal increase in followers of the traditional religion of Ossetians, in our opinion, is connected with this trend – the globalization processes that actualized the issue of assimilation of many ethnic groups, strengthened the desire of many Ossetians to self-identify and preserve their unique national culture, which has preserved a vast layer of archaic religious beliefs and rituals.

Since 2011, there has been an open conflict between representatives of the traditional Ossetian religion and Islam. One of the triggers of this conflict was a conversation between a member of the SAM of the Russian Federation Felix Tsokov and students of the local medical institute in May 2011, containing statements against adherents of the traditional Ossetian religion, accusing them of neo-paganism, a negative interpretation of the text of the Ossetian folk epic – Nart legends.

In 2013, a video recording of a short excerpt of this speech was posted on YouTube, titled “Muslims of North Ossetia against ‘neo-Paganism’.” At the end of the video, its author inserted the following text: “I am not an adept of the ‘Ossetian religion’ and specifically did not comment on his statements about the Narts, as this would take a lot of time. Tsokov snatches fragments out of context, distorts and presents them in a convenient way. Unfortunately, the realities of the modern world are such that Muslims can say anything and about anyone, and they will get away with it. But if a non-Muslim tries to question or ridicule certain provisions of Islam, he will automatically become an ‘Islamophobe’.”³¹ When viewing this video, it can be seen that the deputy mufti of the RNO-Alania, Ibrahim Dudarov, was sitting next to Felix Tsokov at the time of the conversation with the students.

In December 26, 2012, Ibrahim Dudarov was shot near the village of Chmi on the outskirts of Vladikavkaz upon returning home. Mufti of RNO-Alania Khadzhimurat Gatsalov commented on the death of his deputy as follows: “A man died for faith. I think this is due to his work in the SAM of RNO-Alania. Someone does not need such

³¹ Muslims of North Ossetia against “neo-paganism” // YouTube video. Electronic resource. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7UojDqYrmEU>

Islam in North Ossetia.”³² Apparently, the mufti suggested that Dudarov’s public activities, the moderation of his beliefs and his joint speeches with representatives of other faiths could cause discontent among people who are not interested in the normal integration of the Islamic community into the public life of Ossetia.

However, in November 2016, four years after the murder of Ibrahim Dudarov, words of solidarity with the murderers of the mufti, as well as threats of reprisal against Felix Tsokov in connection with a video recording of his speech at the medical institute were published on the social network VKontakte in the community of followers of the Ossetian religion “Uatsdin”: “We will do the same to others, and the rest will also follow them, we promise you,” – the anonymous user of the social network said in a statement. The SAM of RNO-Alania on its website published a statement to the heads of law enforcement agencies and screenshots of relevant comments on the social network.³³

The question of the anonymous person’s real awareness of the murder of Ibrahim Dudarov remains open, as well as the question of the motives of this crime, the investigation of which did not lead to any results. We believe the very fact of approving the murder of a Muslim figure, which was not noticed in any aggressive public statements or actions, speaks of the most serious tension in relations between representatives of communities that consider themselves to be the traditional Ossetian religion and Muslims.

On August 16, 2014, another crime was committed, which remained unsolved – the imam of the Cathedral Sunni Mosque Rasul Gamzatov was shot dead at the entrance.³⁴ Despite the fact that Rasul Gamzatov was also an opponent of radical Islam, published statements on this topic and even made a public report on “the causes of radicalism among young people”³⁵, the mufti of the republic Khadzhimurat Gatsalov did not support the version about the possibility of committing this crime by Islamic extremists: “The clients might be the same ones who killed Ibrahim Dudarov. Why is the murder of the previous imam not being investigated? Who benefits from killing orthodox Muslims? This was done by people who want to sow chaos in the republic. We have no radicals, no outsiders,” – the mufti stated³⁶.

The version about the absence of radical extremists in the republic who kill “moderate” Muslim clerics was also questioned by the head of the Republic, Taimuraz Mamsurov: “Someone is trying to make a republic of Ossetia a place where radicalization is widespread. I don’t understand who profits from this. Maybe this

32 The Mufti of North Ossetia connects the murder of the deputy with his work // RIA Novosti. 27.12.2012. Electronic resource. Available at: <https://ria.ru/20121227/916395894.html>

33 The Council of the SAM of Ossetia files a statement about the crime // The official website of the SAM of RNO-Alania. 03.11.2016. Electronic resource. Available at: <http://islamosestia.ru/2016/11/03/sovet-dum-osestii-obratilsya-s-zayavleniem-o-prestuplenii/>

34 The Deputy Mufti of North Ossetia killed in Vladikavkaz // Kommersant. 17.08.14. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2547278>

35 Gamzatov Rasul Magomedovich // Kavkazky Uzel. August 18, 2014. Electronic resource. Available at: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/247613/>

36 The Mufti of North Ossetia sees a link between the murders of two of his deputies // Interfax. 17.08.14. Electronic resource. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/391734>

is because Ossetia has firmly established the reputation of a republic where strong interethnic and interfaith ties remain.”³⁷ The official website of the RNO-Alania Government published Mamsurov’s statements that the murder was a provocation aimed at sowing uncertainty and instability in the republic.³⁸

Stabilization of relations of the Muslim community with social institutions of the republic and the state power

One of the most important events of the last decade that affected the lives of Muslim communities around the world was the emergence of the international Islamic extremist terrorist organization ISIS.

The SAM of RSO-Alania adopted a fatwa prohibiting North Ossetian Muslims from participating in the war in Syria in May 2013, and became the first religious organization in Russia to adopt such a position.³⁹ The Council of Ulema of the SAM of the Russian Federation adopted a similar order only in March 2015⁴⁰, and the SAM of the Chechen Republic – in June 2015.⁴¹ Other governing bodies of Muslim communities during this period were in no hurry to adopt such fatwas. Journalist Yana Amelina explained this situation with caution related to the threat of revenge by representatives of radical Islam: “Other North Caucasian and Volga SAM, for whom this problem is fundamentally more acute, have not yet officially condemned ISIS, since exposing the ideology and practices of this terrorist organization puts the leaders of Russian Muslims under attack by radicals. To issue such a fatwa requires commitment and courage...”⁴²

In August 2015, at the conference “ISIS on the scales of Sharia” in Mozdok, the Religious Council of North Ossetia supplemented the instructions announced in 2013 with a fatwa that the Islamic State “is not a righteous Islamic caliphate and no one is allowed to swear allegiance to ISIS, go there or support them in any way”.⁴³

37 Mamsurov: the murder of the Deputy Mufti does not speak about the radicalization of Islam // RIA Novosti. 28.08.2014. Electronic resource. Available at: <https://ria.ru/20140825/1021359675.html>

38 Taimuraz Mamsurov: “Gamzatov’s murder is a provocation aimed at sowing uncertainty and instability in the republic” // Republic of North Ossetia-Alania, official portal. 20.08.2014. Electronic resource. Available at: <http://alania.gov.ru/news/1887>

39 Address to the participants of the conference, to the Muslims of the Republic of North Ossetia-Alania // Official website of the SAM of RSO-Alania. Electronic resource. Available at: <http://islamsetia.ru/2013/05/28/2013-05-28-18-41-54/>

40 The Spiritual Administration of Muslims of Russia has issued a fatwa against ISIS // TASS News Agency. March 31, 2015. Electronic resource. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/1869303>

41 The Fatwa Council of the SAM of the Chechen Republic issues a legal opinion on the actions of ISIS // The Chechen Republic’s Grozny-inform News Agency. 10.06.2015. Electronic resource. Available at: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/61230/>

42 Yana Amelina: Who is against stability in Ossetia? // Eurasia Daily News Agency (EADaily). September 11, 2015. Electronic resource. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2015/09/11/yana-amelina-kogo-ne-ustraivaet-stabilnost-v-osetii>

43 The decision of the Religious Council of Muslims of the RNO-Alania // The official website of SAM of the RNO-Alania. 27.08.2015. Electronic resource. Available at: <http://islamsetia.ru/2015/08/27/2015-08-27-18-44-32/>

In June 2016, the Mufti of North Ossetia announced in the media about the possible preparation of an assassination attempt on him. He received an e-mail with a warning, telling that he needed to resign as soon as possible, and it was not worth trying to leave the republic, since they would “reach him everywhere”. After the murder of his two deputies, Gatsalov could not take such threats lightly and announced his intention to write a statement to law enforcement agencies.⁴⁴

In general, Khajimurat Gatsalov can be described as a figure who opposes radicalism and the opposition of Muslims to the secular state, for the normal integration of the Muslim community into social life, peaceful educational activities, constructive relations with the state authorities and representatives of Christianity. With regard to cooperation with the Russian Orthodox Church, the Mufti expresses his desire for active and real cooperation. For instance, in 2013, he proposed an initiative to organize a joint pilgrimage of Muslims and Orthodox to the holy sites of Jerusalem.⁴⁵

Gatsalov also shows great readiness for discourse with representatives of various secular public organizations: for example, in April 2021, the mufti gave an interview to Agunda Bekoeva, an activist of the Ossetian movement against domestic violence, in which he condemned domestic abuse, justified its inadmissibility from the point of view of Islam, and expressed the need for the attention of the state and society to such issues.⁴⁶

It is also important to note the mufti's successful work with the “national” element, for which, in the conditions of the urgent need to preserve Ossetian culture, there is a great public demand. This is especially evident in the mufti's speeches and publications, where he emphasizes the similarity of the Islamic commandments and the “g'dau” – a set of traditional rules of conduct of Ossetians.

“National culture is a centuries-old layer of folk wisdom, customs, way of life, worldview, held on a religious basis, religious traditions and canons. It has absorbed the best that was created by the people for its history, which was formed by personalities who left a marked impact in the world civilization. It was from the moral elements of different eras that the multilayered “æg'dau” was formed, about which we know only by hearsay and which took place precisely on the moral basis of religious truths.”⁴⁷

The mufti also actively promotes the position of “monotheism” of the Ossetian tradition itself: “The language of Ossetians clearly defines the formula of

44 The Mufti of North Ossetia announces the preparation of an attempt on him // Kommersant. 10.01.2016. Electronic resource. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2889205>

45 Yana Amelina. Muslims of North Ossetia: patriotic Russian vector // Scientific Society of Caucasiologists. 19.09.2014. Electronic resource. Available at: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/09/19/musulmane-severnoj-osetii-patrioticheskij-rossijskij-vektor.html>

46 The Mufti of Ossetia and “Khotæ” discuss the problem of domestic violence. Electronic resource. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=CJty9M31mHY>

47 Khadzhimurat Gatsalov: We have to change ourselves // Information and analytical website “Ossetia-Kwaisa”. 16.06.2015. Electronic resource. Available at: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlyavas/xadzhimurat-gacalov-my-dolzheny-izmenitsya-sami/>

monotheism, testifies that there is God and no deity except God: “Iunæg Kaddzhyn Khuytsau, æmbal kamæn næy”⁴⁸. If we are talking about religion, we must understand that God gave us language by putting the testimony of monotheism into our mouths”.⁴⁹

Also, the SAM of RNO-Alania is constantly working to resolve serious conflicts between residents of the republic, as well as between residents of Ossetia and representatives of neighboring republics, in particular, to prevent blood feuds and to reconcile “blood avengers”.⁵⁰

Summarizing the results of the last decade, it is important to note that the SAM of RNO-Alania carries out regular political and social activities and is one of the most important actors in the public life of North Ossetia, as well as one of the most socially active Muslim communities in Russia.

Conclusions

1. General studies of the current state of the Muslim religion in the North Caucasus cover the situation in North Ossetia very poorly, and sometimes even consider the republic as a region where Islam is not that widespread. However, we believe that the need for research in this area is seriously underestimated, since the experience of the existence and development of the Muslim community in the republic, where it is a confessional minority and is closed among the “antagonist” confessions, while constantly experiencing the influence of neighboring Muslim republics, as well as the unconditional influence of global religious trends, is unique and causes great scientific interest.

2. After the revival of religious communities, Ossetian “neophytes” turned out to be receptive to the ideas of radical Muslim movements, since in Ossetia, as already mentioned, the generational continuity of religious tradition was destroyed, and also, importantly, there was no established tradition of Sufi Islam (as in Chechnya, Ingushetia or Dagestan), the philosophical basis of which is in contradiction with the ideas of Wahhabism.

3. The terrorist attack in Beslan in 2004 had irreversible consequences for the Muslim community in Ossetia and the attitude towards it in society. Gradually, in the process of relatively peaceful coexistence and the absence of mass interfaith conflicts, the degree of intolerance towards Muslims in Ossetia has decreased,

48 “The only revered God who has no companions” – translated from the Ossetian language.

49 Khadzhimurat Gatsalov. The road of monotheism // The official website of the SAM of RNO-Alania. 02.03.2011. Electronic resource. Available at: <http://islamsetia.ru/2011/03/02/2011-03-02-08-06-45/>

50 A good deed has been done // The official website of the SAM of RNO-Alania. 23.07.2015. Electronic resource. Available at: <http://islamsetia.ru/2015/07/23/2015-07-23-20-04-13/>; The Muftis of the Chechen Republic and North Ossetia-Alania discuss the work on reconciliation of blood relatives // The Chechen Republic's News Agency Grozny-inform. 04.03.2020. Electronic resource. Available at: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/117687/>

but the impact of the Beslan tragedy causes the still cautious attitude of the state apparatus and society of Ossetia to Islam and its attributes.

4. In our opinion, some of the events described in the study confirm the hypotheses put forward by well-known world researchers in the field of terrorism and radicalism that one of the psychological factors of destructive behavior of members of radical organizations is a sense of humiliation and the need for revenge arising in connection with it.

5. If in the first decade of the 21st century it was possible to talk about a certain tension between representatives of the Islamic clergy of Ossetia and representatives of the local diocese of the Russian Orthodox Church, then in its second decade conflicts with the increasingly active passionate adherents of the traditional Ossetian religion have become more relevant for the Muslim community.

6. It is safe to say that in the 20s of the 21st the split between supporters of moderate Islam and supporters of radical views has finally been overcome. Manifestations of the “radical opposition” have disappeared within the Muslim community of North Ossetia. The current leadership of the SAM of RNO-Alania openly opposes radicalism and the opposition of Muslims to the secular state, for the integration of the Muslim community into social secular life, peaceful educational activities, constructive relations with the state authorities, representatives of Christianity and secular public organizations.

REFERENCES

1. Souleimanov E, Horák S. Islam, Islamism, and Terrorism in the Northern Caucasus and Central Asia: A Critical Assessment: IFSH (ed.). *OSCE Yearbook 2006*. Baden-Baden, 2007. p. 271–287.
2. *Legacy. Issue 1: Religion-society-state: institutions, processes, thought. Book 1: The history of state-confessional relations in Russia (X – beginning of the XXI century): a reader in two parts [Naslediye. Vyp. 1: Religiya – obshchestvo – gosudarstvo: instituty, protsessy, mysl'. Kniga 1: Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy v Rossii (X – nachalo XXI veka): khrestomatiya v dvukh chastyakh]*. Zuev Yu. P. (comp.); Zuev Yu.P., Schmidt V.V. (eds.). Part II: XX – the beginning of the XXI century. Moscow: RAGS; MediaProm, 2010.
3. Emelyanova N.M. *Muslims of Ossetia: at the crossroads of civilizations [Yemel'yanova N.M. Musul'mane Osetii: na perekrestke tsivilizatsiy]*. Moscow, 2003.
4. Roshchin MYu. Islam in North Ossetia

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Souleimanov E., Horák S. Islam, Islamism, and Terrorism in the Northern Caucasus and Central Asia: A Critical Assessment: IFSH (ed.) // *OSCE Yearbook 2006*. Baden-Baden, 2007. P. 271–287.
2. Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века): хрестоматия в двух частях / Сост. Ю.П. Зуев; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Часть II: XX – начало XXI века. — М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром», 2010.
3. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. — 359 с.
4. Рощин М.Ю. Ислам в Северной Осетии // *Keston Institute – Russian Review*; Edition 34 Февраль; 2009. Электронный ресурс: <https://>

[Islam v Severnoy Osetii]. *Keston Institute – Russian Review*. Edition 34. February, 2009. Available at: <https://www.keston.org.uk/rr/34/03-roschins-muslim-osetia.html>

5. Dzeranov TE. Revival and problems of Islam in Ossetia [Vozrozhdeniye i problemy islama v Osetii]. *Modern problems of the humanities and natural sciences: proceedings of the XXV international scientific-practical conference*. Moscow, 2015: 191-196.

6. Tsгоеv TV. Peculiarities of religious conflicts in Ossetia at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries (historical and religious aspects and prevention of extremism) [Osobennosti religioznykh konfliktov v Osetii v kontse XX – nachale XXI vv. (istoriko-religiovedcheskiye aspekty i profilaktika ekstremizma)]. *Izvestiya SOIGSI. School of young scientists*. 2017, 17: 176–187.

7. Kaarina Aitamurto. Patriotic loyalty and interest representation among the Russian Islamic elite. *Religion*. 51:2, 280-298, DOI: 10.1080/0048721X.2021.1865604

8. Juergensmeyer M. *Terror in the mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press, 2000.

9. Crenshaw M. The Causes of Terrorism. *The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls*. Prentice Hall, 2008: 92-105.

10. Crenshaw M. The psychology of political terrorism. *Political psychology*. San Francisco: Jossey-Bass, 1986: 79-113.

11. Zhemukhov S. Nationalism and Islam in Russia's North Caucasus. *Russian analytical digest*. №. 131: 2-9.

www.keston.org.uk/rr/34/03-roschins-muslim-osetia.html

5. Дзеранов Т.Е. Возрождение и проблемы ислама в Осетии // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXV международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 191–196.

6. Цгоев Т.В. Особенности религиозных конфликтов в Осетии в конце XX – начале XXI вв. (историко-религиоведческие аспекты и профилактика экстремизма) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2017. № 17. С. 176–187

7. Kaarina Aitamurto. Patriotic loyalty and interest representation among the Russian Islamic elite, *Religion*, 51:2, 280-298, DOI: 10.1080/0048721X.2021.1865604

8. Juergensmeyer M. *Terror in the mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press, 2000. – 319 p.

9. Crenshaw M. The Causes of Terrorism // *The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls*. Prentice Hall, 2008. P. 92–105.

10. Crenshaw M. The psychology of political terrorism // *Political psychology*. San Francisco: Jossey-Bass, 1986. P. 79–113.

11. Zhemukhov S. Nationalism and Islam in Russia's North Caucasus // *Russian analytical digest*. №. 131. P. 2–9.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022 г.

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182410-428>



Амирханов Хизри Амирханович
д.и.н., профессор, академик РАН
Институт археологии РАН, Москва, Россия
amirkhanov@rambler.ru

Цельмович Владимир Анатольевич
к.ф.-м.н., ведущий научный сотрудник
Институт физики Земли имени О.Ю. Шмидта РАН, Москва, Россия
tselm@mail.ru

МИКРОСТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ ОБСИДИАНА ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ АЛМАЛО 1 В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОЧНИК СЫРЬЯ И НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Аннотация. В коллекциях археологических памятников Северо-Восточного Кавказа эпизодически обнаруживаются артефакты, для изготовления которых был использован обсидиан. Вопрос об источниках данного вида сырья с использованием для его освещения возможностей естественнонаучных методов для региона, рассматриваемого в этой работе, ранее не ставился. Между тем, для такого района, как Северо-Восточный Кавказ, где полностью отсутствуют естественные выходы обсидиана, результаты сравнительного анализа артефактов из этого сырья будут особенно зримыми с точки зрения установления, имевших в прошлом место культурных контактов или миграций. В данной работе приводятся результаты анализа элементного состава и микроструктуры обсидианового изделия из неолитического местонахождения Алмало 1 в Приморском Дагестане и дается сравнительное рассмотрение этих данных с показателями эталонных образцов из месторождения обсидиана в центральной части Северного Кавказа. Рассмотрение, проведенное с использованием оптического и сканирующего электронного микроскопов с приставкой для энерго-дисперсионного анализа (ЭДС), позволило сделать вывод о том, что обсидиановое сырье, использованное для изготовления обсидиановой пластины из неолитической коллекции местонахождения Алмало 1, происходит из месторождения Заюково на Центральном Кавказе в современной Кабардино-Балкарии. Из этого следует, что направление культурных связей населения, занимавшего север Прикаспийской низменности современного Дагестана в одном из отрезков неолита, было ориентировано в сторону Центрального Кавказа и предкавказские степи. Полученные результаты не исключают также возможность миграций, имевших в указанное время соответствующую направленность.

Ключевые слова: обсидиан; сырье; микроструктура; состав; аналитические методы; неолит; Дагестан; Алмало 1.

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182410-428>



Hizri A. Amirkhanov
Dr. Sci., Prof., Acad. of RAS
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
amirkhanov@rambler.ru

Vladimir A. Tselmovich
Cand. Sci. (Ph.-Math.), Leading Researcher
Schmidt Institute of Physics of the Earth, RAS, Moscow, Russia
tselm@mail.ru

MICROSTRUCTURE AND ELEMENTAL COMPOSITION OF OBSIDIAN FROM THE ALMALO 1 LOCATION IN DAGESTAN: THE SOURCE OF THE RAW MATERIAL AND THE DIRECTION OF CULTURAL RELATIONS

Abstract. The collection of archeological sites of the North Caucasus sometimes contain obsidian artefacts. The question of the sources of this type of raw material, with the use of possibilities of natural science methods for the region under study, has not been raised before. Meanwhile, for such a region as the North-Eastern Caucasus, where there are no natural outcrops of obsidian, the results of a comparative analysis of artifacts from this material will be especially clear in terms of establishing cultural contacts or migrations that took place in the past. This paper presents the results of an analysis of the elemental composition and microstructure of an obsidian piece from the Neolithic site Almalo 1 in Primorsky Dagestan and provides a comparative analysis of the data with the indicators of reference samples from an obsidian deposit in the central part of the North Caucasus. The examination, carried out using optical and scanning electron microscopes with an attachment for energy-dispersive analysis (EDA), led to the conclusion that the obsidian raw material used to make the obsidian plate from the Neolithic collection of the Almalo 1 site comes from the Zayukovo deposit in the Central Caucasus in modern Kabardino-Balkaria. This means that the direction of cultural ties of the population, which inhabited the north of the Caspian lowland of modern Dagestan in one of the segments of the Neolithic Age, was oriented towards the Central Caucasus and the Ciscaucasian steppes. The results obtained do not exclude the possibility of migrations that had a corresponding direction at the indicated time.

Keywords: obsidian; raw material; microstructure; composition; analytical methods; Neolithic; Dagestan; Almalo 1.

Введение

В 1980 г. прошлого века примерно в 25 км к северо-западу от г. Махачкалы на песчаных выдувах рядом с селом Алмало В.И. Марковиным были зафиксированы три местонахождения археологического материала [1] (Рис. 1). В разновременном материале одного из них (Алмало 1) выделялась компактная коллекция с характерным набором каменных изделий неолитического времени. В сырьевом отношении она состояла из кремня. На этом фоне выглядел контрастно один предмет в виде обломка пластины из обсидиана. Обнаружение последнего не могло не обратить на себя внимание ввиду того, что для Северо-Восточного Кавказа, где не было вулканической активности, обнаруженный обсидиановый предмет выглядел весьма экзотично.

В отношении образца из Алмало 1 авторами была поставлена задача получения для него в результате исследования соответствующих физико-химических характеристик и сравнение последних с показателями эталонных образцов из Заюковского месторождения обсидиана, изученных ранее [2]. Образцы сравниваемых обсидианов были изучены при помощи оптического микроскопа (ОМ) Olympus BX51M и сканирующего электронного микроскопа (СЭМ) Tescan Vega II с приставкой для ЭДС.

Материалы и методы

Местонахождение Алмало 1 расположено в средней части приморской равнины дагестанского побережья Каспийского моря, где расстояние от морского побережья до подножий гор составляет меньше 10 км. Эффект «бутылочного горла» в этой части равнины оказывал свое действие на протяжении всей первобытности, не случайно, что на описываемом местонахождении обнаруживаются находки самых разных эпох – от раннего палеолита до исторического времени.

Конкретным объектом данного исследования является указанное выше обсидиановое изделие из неолитической коллекции Алмало 1. Здесь мы не можем, как это бывает возможно в некоторых других случаях, уверенно определить направление культурных связей населения, оставившего данный памятник, опираясь только на археологический контексте находок. Здесь приобретает большое значение исследование физико-химических характеристик изучаемого предмета для определения источника обсидианового сырья, из которого он изготовлен. Основываясь на этом, можно будет говорить, как минимум, об одном из направлений культурных контактов населения приморской зоны Дагестана с внешним миром, или о его миграциях на определенном отрезке неолитического времени.

Объектом исследования является обсидиан – вулканическое стекло с очень низким содержанием воды (менее 1%). Химический состав обсидиана зависит

от изначального состава магмы, поэтому может варьироваться от риолита до дацита. В основном в составе присутствуют SiO_2 , окислы алюминия, магния и железа (Al_2O_3 , MgO , Fe_3O_4). Обсидиан образуется при быстром застывании вязкой лавы на поверхности или в глубинных субвулканических условиях. Количество силикатного стекла 80 % и более по объёму. Обсидиан может содержать вкрапленники кварца, полевых шпатов, темноцветных минералов. Различают обсидианы нормального, субщелочного и щелочного рядов. Обсидианы распространены в областях вулканической деятельности. В настоящее время по химическому составу выделяют обсидианы только для кислых вулканических пород. Обсидиан образуется при быстром застывании (закалке) вязких кислых магм на поверхности (лавы) или в субвулканических условиях (штоки, купола, дайки и другие секущие тела). Физические свойства зависят от содержания воды и от степени раскристаллизованности породы. Твёрдость 5; плотность 2,5–2,6 г/м³.

Химическая классификация ряда горных пород была предложена по принципу образуемых ими дисперсных систем [3]. В обсидиановых залежах часто преобладают черные и коричневые разновидности вулканического стекла.

В последние годы ряд геохимических, аналитических методов используются для изучения вулканического стекла и, в частности, обсидиана. К ним относятся методы нейтронной активации (INNA), рентгеновской флуоресценции (XRF), плазменной спектроскопии (XRF) и плазменной спектроскопии (LA-ICP-MS). Доступна практичная и портативная версия вышеупомянутого метода рентгеновской флуоресценции (pXRF). Данный тип геохимического анализа имеет ряд преимуществ, из которых в первую очередь стоит выделить возможность использовать спектрометр в полевых условиях (портативность), доступность и скорость анализа.

В работе [4, с. NZ10007] для изучения образцов использовался портативный спектрометр модели Brucker Tracer III SD. Ранее, используя тот же метод, авторами работы [3] была разработана аналитическая база данных геологических образцов, в которую вошли 60 образцов из разных 20 источников Армении и один из Грузии. Вышеупомянутым геохимическим методом были выявлены особенности геохимического состава залежей обсидианов, которые и есть потенциальные источники сравниваемых артефактов [5]. Для всех геологических и археологических образцов были получены данные в значениях ppm для следующих химических элементов: K, Ca, Mn, Fe, Zn, Ga, Th, Rb, Sr, Y, Zr, Nb.

В статье [4] представлен обзор результатов изучения обсидиана на Дальнем Востоке России на основе геологических, геохимических и археологических данных. Обсидиан использован как средство изучения использования человеком каменного сырья и доисторических контактов и миграций. Результаты работы являются примером пока ещё редких междисциплинарных исследований. С 1992 г. ее авторы получили около 1250 геохимических анализов обсидиана из Приморья, Сахалина, Камчатки, Чукотки и Приамурья, а также из сопредельных регионов северо-восточной Азии – Кореи и о. Хоккайдо [4].

Эти данные являются надежной основой для понимания основных черт использования древним человеком обсидиана и его обмена и транспортировки в северо-восточной Азии в древности. Геохимическое изучение обсидиана и других разновидностей вулканического стекла было проведено с помощью методов INNA, XRF, LA-ICP-MS и силикатного химического анализов в Университете Миссури (США), Дальневосточном геологическом институте ДВО РАН и Институте геохимии СО РАН.

В результате проведенных исследований были выделены различные геохимические типы коренных источников вулканического стекла и выявлена принадлежность к ним археологических образцов обсидиана. Это означает, что стало возможным установить место добычи и перемещения каменного сырья, установить время и направления возможных миграций древнего человека.

В работах [6; 7] отмечается, что древние люди, начиная с неолита, для изготовления орудий использовали обсидиан высокоглинозёмистого типа. Изученный нами образец из Алмало также можно отнести к обсидиану высокоглинозёмистого типа.

В Армении за последние годы различными аналитическими методами (NAA, XRF, LA-ICP-MS) было исследовано более 700 геологических образцов обсидиана и свыше 2000 артефактов и образцов сырья из археологических контекстов (палеолит – ранний железный век) [8]. Наличие достаточно полной геохимической характеристики 22 месторождений северо-восточной части Армянского нагорья позволило определить основные закономерности распространения обсидиана из источников на территории Республики Армения в неолите – бронзовом веке.

Первые данные по составу и распространению обсидианового сырья на территории Северо-Востока России [6; 7] свидетельствуют в пользу его достоверности.

Большая аналитическая программа, включающая как характеристику источника обсидиана, так и поиск артефактов, начата недавно в рамках французской археологической миссии «Кавказ» [9]. В этой работе использован аналитический метод LA-ICP-MS. Были представлены новые геохимические анализы геологических обсидианов, происходящих из Южного Кавказа (Армения, Грузия) и Восточной Турции. Эти данные расширяют наши знания об источниках обсидиана в указанных регионах. Была предложена относительно простая методика, предлагающая дифференцировать месторождения и изучить раннюю историю использования этого материала Южного Кавказа.

Однако исследование источников обсидиана на Южном Кавказе и в Восточной Турции показывают, что данные еще фрагментарны, и что необходимы новые геологические изыскания на некоторых месторождениях (особенно на Артени в Армении, а также в Сарикамисе и Яглыджа Даге в провинции Карс в Турции). Знание мест и характеристик различных эруптивных эпизодов необходимо для получения исчерпывающей и надежной геологической базы данных, позволяющей дать точное определение происхождения артефактов.

Аналитические результаты подтверждают, что визуальный осмотр не может позволить различить многочисленные источники обсидиана в этом регионе. Действительно, разные сорта (текстура и цвет), принадлежащие гутансарскому комплексу, образуют однородную химическую группу, тогда как те же разновидности, обнаруженные в различных источниках обсидиана, принадлежат разным химическим группам.

Таким образом, сравнение химического состава обсидианов из месторождения и найденных на стоянках древнего человека при помощи различных современных аналитических методов, стало распространенной практикой археологических исследований, для чего используются различные методы химического анализа, которые активно развивают многие исследователи.

Для изучения фрагмента археологического образца из Алмало 1 в центральной части приморской равнины Дагестана нами были использованы методы оптической микроскопии (ОМ) и сканирующей электронной микроскопии (СЭМ). Первичный анализ проводился с помощью оптического микроскопа Olympus BX51M с цифровой фотокамерой. Были зафиксированы их главные отличия: структура, текстура, микро- и макровключения. Затем образцы исследовались с помощью СЭМ TESCAN VEGA II с энергодисперсионным спектрометром Druscool с целью детального изучения петрографических особенностей и выяснения химического состава в точках и по площади образца. Химический состав был определен по энергодисперсионным спектрам (ЭДС) в весовых процентах. Для калибровок при количественном анализе использовались аттестованные эталонные образцы синтетических кристаллов и природных минералов. Обработка спектров производилась с помощью программного комплекса INCA.

Результаты анализа

Как отмечено выше, данная работа посвящена сравнению свойств образца обсидианового предмета из Алмало 1 и из месторождения Заюково. Ранее изученное месторождение обсидиана около селения Заюково в Кабардино-Балкарии [2; 10] известно, как единственное на северном склоне Кавказа. Обсидианы из него в древности высоко ценились и транспортировались на большие расстояния. Изучение образцов этого сырья с помощью рентгенофлуоресцентного и электронномикроскопического анализов показало, что, несмотря на вариативность окраса, они имеют близкий химический состав [2; 10].

Исследование образцов выявило в них схожую полосчатую структуру, хорошо выявляемую как при помощи оптической микроскопии (рис. 2а, обр. Алмало 1), так и при помощи сканирующей электронной микроскопии (рис. 2б, обр. из месторождения Заюково). Характерные полые линзовидные структуры, сфотографированные в режиме BSE (обратно отраженные электроны) и SE (вторичные электроны) показаны на рис. 2в (обр. из Алмало 1). Полосчатость сравниваемых структур имеет один масштаб. Отличием образцов является то,

в образце Алмало 1 мы видим полые структуры (рис. 2в), а в образце из месторождения Заюково поры заполнены магнетитом (рис. 2б). Однако такое различие вполне могло быть в одном лавовом потоке.

Сравнение химического состава матриц образцов показало их полную идентичность. Это показано благодаря полной идентичности спектров (рис. 3а – спектр ЭДС образца из Алмало 1, и рис. 3б – спектр ЭДС образца из Заюково).

При этом идентичными оказались спектры, полученные как в зонах по площади сканирования (зоны 1-2, два участка сканирования, выделенные квадратами, рис. 4, обр. из Алмало 1), так в точках (рис. 5, локальность электронного зонда 1-2 мкм, точки 1-4, обр. из Заюково).

Нами документированы результаты анализа исследованных образцов из отдельных точек (таблица 1, зоны сканирования 1 и 2 – Алмало 1 и таблица 2, точки 1-4 Заюково). Схожие результаты получены в нескольких десятках изученных в двух сравниваемых образцах зон.

Ранее сделанные исследования образца из Заюково показывают наличие небольшого количества примесей, что стало результатом осреднения большого количества данных. В эти данные могли попасть результаты «подсвечивания» из микровключений другого состава, который отличался от состава однородной обсидиановой матрицы. Приведённые в данной работе результаты показывают идентичность именно чистых «матриц» сравниваемых образцов.

Отмеченные отличия находятся в пределах ранее описанной вариабельности состава обсидиана из Заюково [2; 10]. К особенностям образца из Алмало 1 можно отнести линзовидные поры (рис. 6А, т. 1) и линзовидные включения апатита (рис. 6А, т. 2), а также хорошо раскристаллизованное зерно циркона (рис. 6Б).

Обобщая результаты проведенных аналитических исследований, можно заключить, что характеристики образца по микроструктуре и химическому составу обсидиана из Алмало 1 обнаруживают полное соответствие тем же параметрам сырья, свойственного для Заюковского обсидианового месторождения на Центральном Кавказе.

Обсуждение

В материалах археологических памятников первобытности Северо-Восточного Кавказа обсидиановые предметы ранее были единично обнаружены на энеолитическом поселении Гинчи в глубинной, горной части Дагестана [11] и поселении бронзового века Великент, расположенного на Прикаспийской низменности несколько севернее г. Дербента [12]. В этих случаях необходимость в специальном исследовании вопроса об источнике обсидианового сырья не возникала, потому что предметы, о которых идет речь, были найдены в культурном контексте, относящемся в обоих случаях к разновременным, но уходящим в обоих случаях корнями к южнокавказским культурным традициям. Соответственно, обсидиановые изделия из этих памятников могли рассматриваться

как очевидный южнокавказский импорт. Что же касается неолитической коллекции Алмало 1, то возможности подобной их атрибуции не существует. Здесь иной культурный контекст. Соответственно, повышается и значимость использования физико-химических методов анализа исходного сырья (в нашем случае обсидиана) для получения объективных данных о направлениях, интенсивности и протяженности связей населения, оставившего данный памятник.

На пространствах Прикаспийской неизменности, охватывающих современные территории Северного Дагестана, Ставропольской области и Республики Калмыкия, был выявлен, начиная с 50-десятых годов прошлого века, целый ряд местонахождений и в единичных случаях стратифицированных памятников неолита [13; 14; 15]. Часто упоминаемыми из них являются многослойная стоянка Джангар, ранненеолитическая стоянка Ту-бузгу-худук [16], местонахождения Дагестана Махмуд-мектеб и Терекли-мектеб, аналогичные пункты Бажиган и Ачи-кулак в Ставропольском крае. Несколько подобных же пунктов (помимо стратифицированных стоянок) с залеганием материала на современной поверхности имеется на территории Республики Калмыкия; наиболее известным среди них является Яшкуль. Часть последних группируется на землях, которые называются «черными». Это название возникло по той причине, что зимой эти земли сохраняются свободными от снежного покрова. В коллекциях почти всех названных неолитических памятников обнаруживаются обсидиановые изделия. Количество последних невелико – как правило, они не превышают один десяток предметов. Тем не менее, следует отметить, что количество обсидиановых изделий в коллекциях возрастает от юга к северу.

Специальное исследование обсидиановых изделий на предмет установления источника сырья, насколько нам известно, ни для одного памятника Прикаспийской неизменности ранее не проводилось. Не существует до сих пор и отдельной археологической работы, в которой рассматривался бы весь массив источников приморской равнины Восточного Прикаспия с точки зрения его единства или разнородности с определением типологии и технологии инвентаря. Имеющиеся обобщения и разработки ограничиваются преимущественно узкими регионами со своими локальными географическими характеристиками типа: «божиганские пески», «черные земли» и т.п. При этом есть ощущение близости общих археологических характеристик неолитических памятников не только внутри узких районов названного типа, но всего региона Северо-Восточного и Восточного Прикаспия. При ознакомлении с материалом очевидно и разительное отличие рассматриваемого массива памятников от горного неолита Северо-Восточного Кавказа, представляемого чохской археологической культурой. Подробное рассмотрение этой проблемы пока также остается еще одной из актуальных задач в области изучения неолита Кавказа и Предкавказья. В ходе будущих исследований необходимо будет уточнение высказывавшихся ранее положений о том, что крайней южной точкой распространения импульса, доминировавшего в мезолите и неолите северокаспийского культурного ареала [17], окажется полуостров Гобустан [18]. Об этом говорилось несколько десятилетий назад. С тех пор,

однако, не произошло сколько-нибудь заметного продвижения в публикации коллекций кремневого инвентаря памятников неолита полуострова Гобустан. Это пока затрудняет формулирование более определенного заключения по данной проблеме. Одно, правда, бесспорно, что неолит Гобустана разительно отличается в культурном смысле как от синхронной ему культуры Шулавери-Шомутепе, которая органична для восточной части Южного Кавказа, так и чохской археологической культуры, характерной для Северо-Восточного Кавказа. Продолжение исследований, посвященных установлению источников сырья, несомненно, будет способствовать дальнейшему прояснению проблемы культурной географии неолита Кавказа и Предкавказья. Одним из наиболее интересных в этом смысле должно стать будущее исследование обсидиановых артефактов из неолитических памятников Гобустана.

Заключение

Использованные в работе методы микроскопического анализа и подходы к диагностике источников обсидианового сырья продемонстрировали свою эффективность. В результате проведенного сравнительного изучения микроструктуры и элементного состава образцов обсидиана с использованием оптического и сканирующего электронного микроскопов с приставкой для ЭДС получен вывод о том, что обсидиановое сырье, использованное для изготовления пластины из коллекции местонахождения Алмало 1 в Приморском Дагестане, происходит из Заюковского месторождения на Центральном Кавказе. С точки зрения историко-культурных реконструкций из этого следует, что на одном из отрезков неолита население Прикаспийской низменности Дагестана или имело активные культурные контакты с обитателями Центрального Кавказа и степей Предкавказья, или оно мигрировало из указанных территорий на центральную часть дагестанского побережья Каспия. Эти процессы не отразились на горной части Северо-Восточного Кавказа, где протекание культурно-исторического процесса имело свою специфику. Рассматривать находку в Алмало 1 как показатель «рейдов» местного населения за качественным сырьем на несколько сот километров в долину реки Баксан на Центральном Кавказе не приходится ввиду единичности в указанной коллекции изделия из рассматриваемого вида сырья. В целом на стадии позднего неолита и энеолита в Дагестане фиксируется «встреча» двух культурных миров – южнокавказского, представленного культурными элементами общности Шулавери-Шомутепе, и северного с признаками предкавказско-северокаспийского неолитического ареала. При этом ни одна, ни другая из этих волн не нивелировали полностью специфику неолитической культуры горного Дагестана, уходящую традициями, по крайней мере своей каменной индустрией, в местный мезолит.

Работа выполнена в рамках реализации госзаданий ИФЗ РАН и ИА РАН.

Таблица 1. Результаты анализа элементного состава образца обсидиана из местонахождения Алмало 1

Спектр	O	Na	Al	Si	K	Итог
1	51.10	3.05	8.06	34.05	3.74	100.00
2	51.58	2.69	7.07	34.67	3.99	100.00
Среднее	51.34	2.87	7.57	34.36	3.87	100.00

Таблица 2. Результаты анализа элементного состава образца обсидиана из месторождения Заюково

Спектр	O	Na	Al	Si	K	Итог
1	50.29	2.37	7.75	35.88	3.71	100.00
2	51.50	2.68	7.24	34.97	3.61	100.00
3	49.90	2.68	7.24	36.52	3.66	100.00
4	48.35	2.35	7.82	36.92	4.57	100.00
Среднее	50.01	2.52	7.51	36.07	3.89	100.00

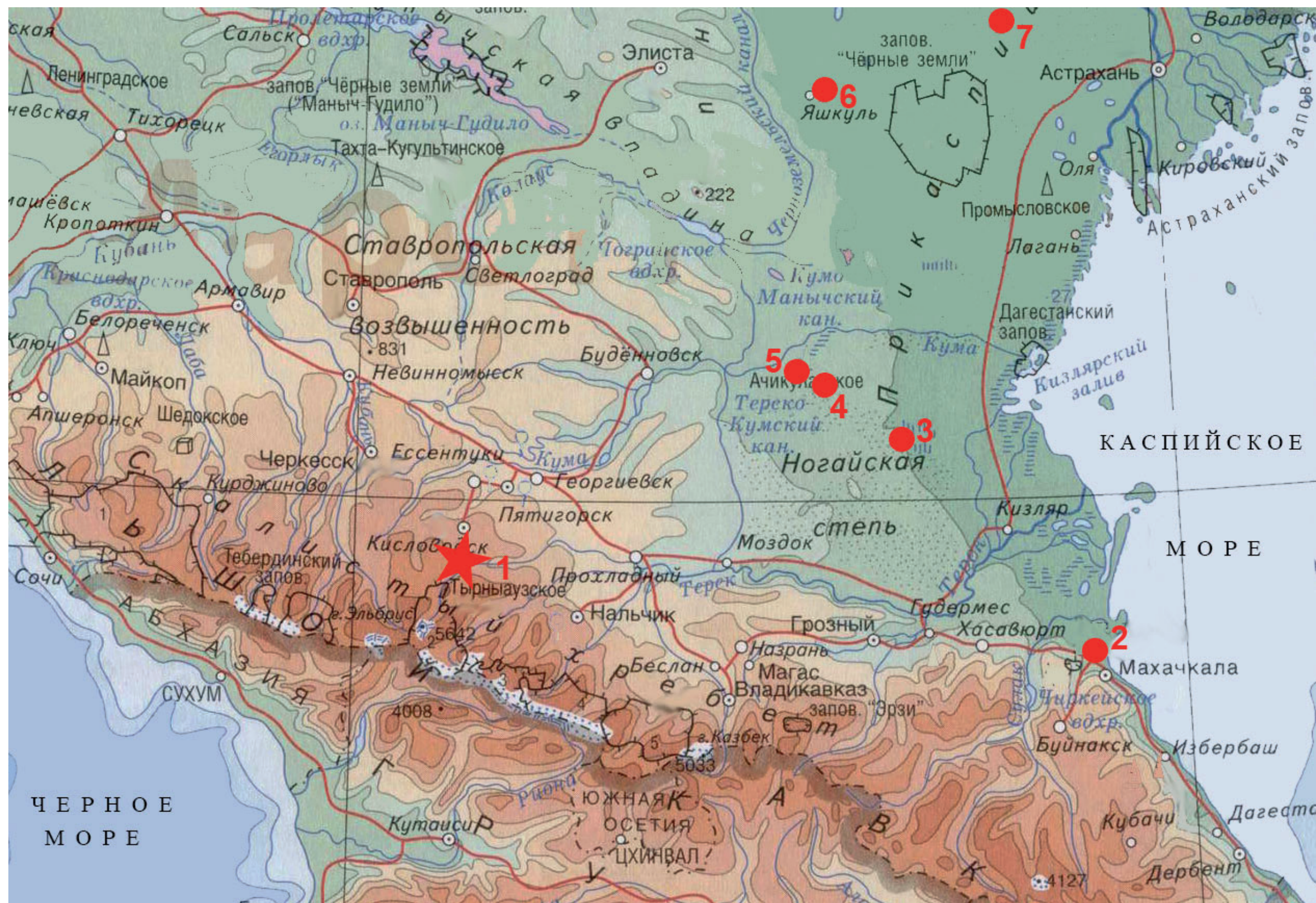


Рис. 1. Карта расположения на карте памятников, упоминаемых в работе. Цифровые обозначения: 1 – Заюковское месторождение обсидиана; 2 – Алмало 1; 3 – Терекли-мектеб; 3 – Махмуд-мектеб; 4 – Бажиган; 5 – Ачикулак; 6 – Яшкуль; 7 – Джангар

Fig 1. Map of sites, mentioned in the article. Legend: 1 – Zayukovskoe obsidian deposit; 2 – Almalo 1; 3 – Terekli-mekteb; 3 – Mahmoud-mekteb; 4 – Bazhigan; 5 – Achikulak; 6 – Yashkul; 7 – Djanagar

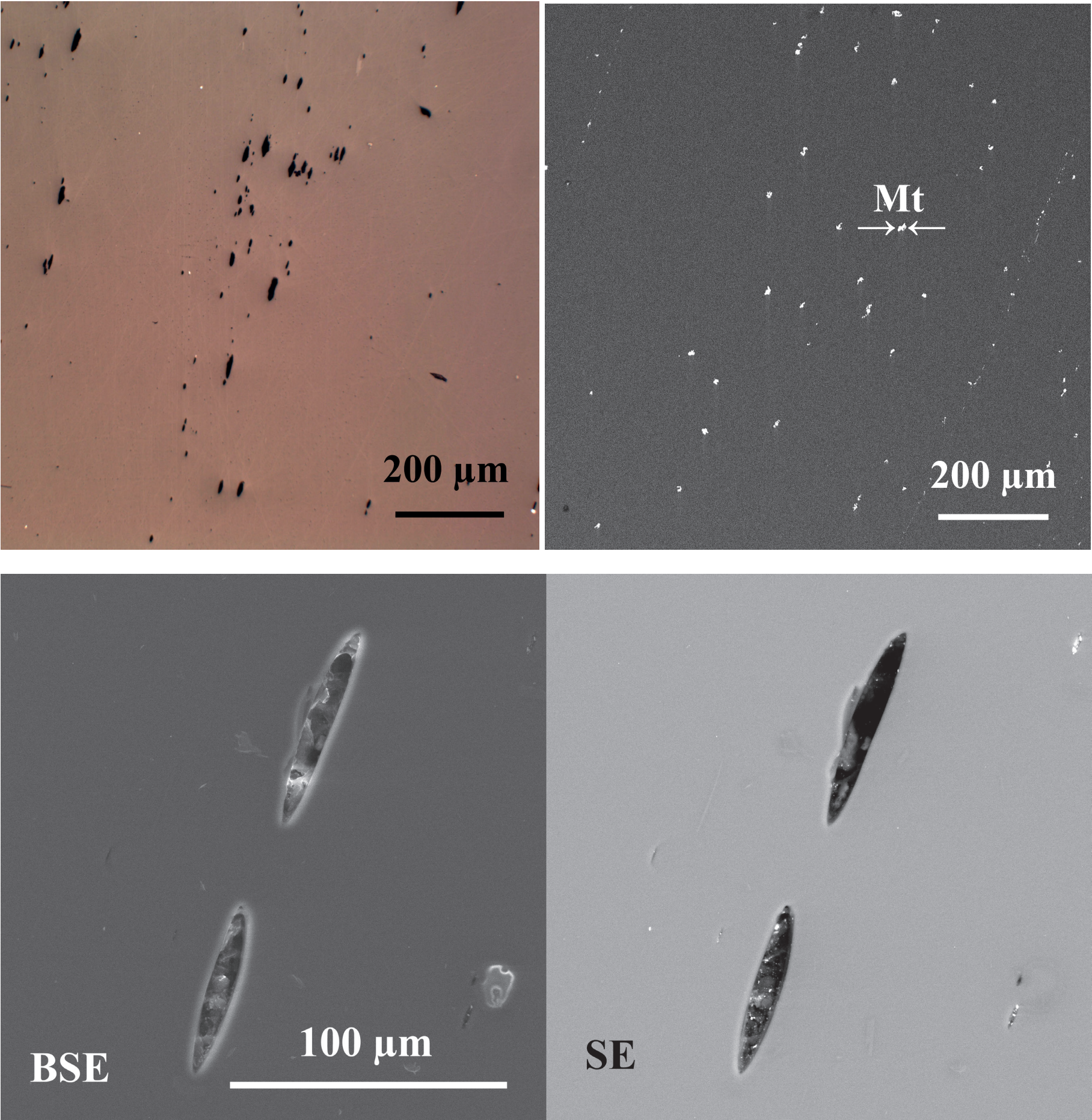


Рис. 2. Общий вид ориентированной полосчатой структуры: А – образец обсидиана из Алмало 1 (оптический микроскоп);
Б – образец обсидиана из месторождения Заюково (СЭМ); В – образец из Алмало1, линзовидные поры, обратно-отраженные электроны (BSE);
справа – вторичные электроны (SE)

Fig 2. General view of oriented banded structure: A – obsidian sample from Almalo 1 (optical microscope);
B – obsidian sample from Zayukovo deposit (SEM); C – sample from Almalo 1, lenticular pores, back-scattering electrons (BSE);
on the right – secondary electrons (SE)

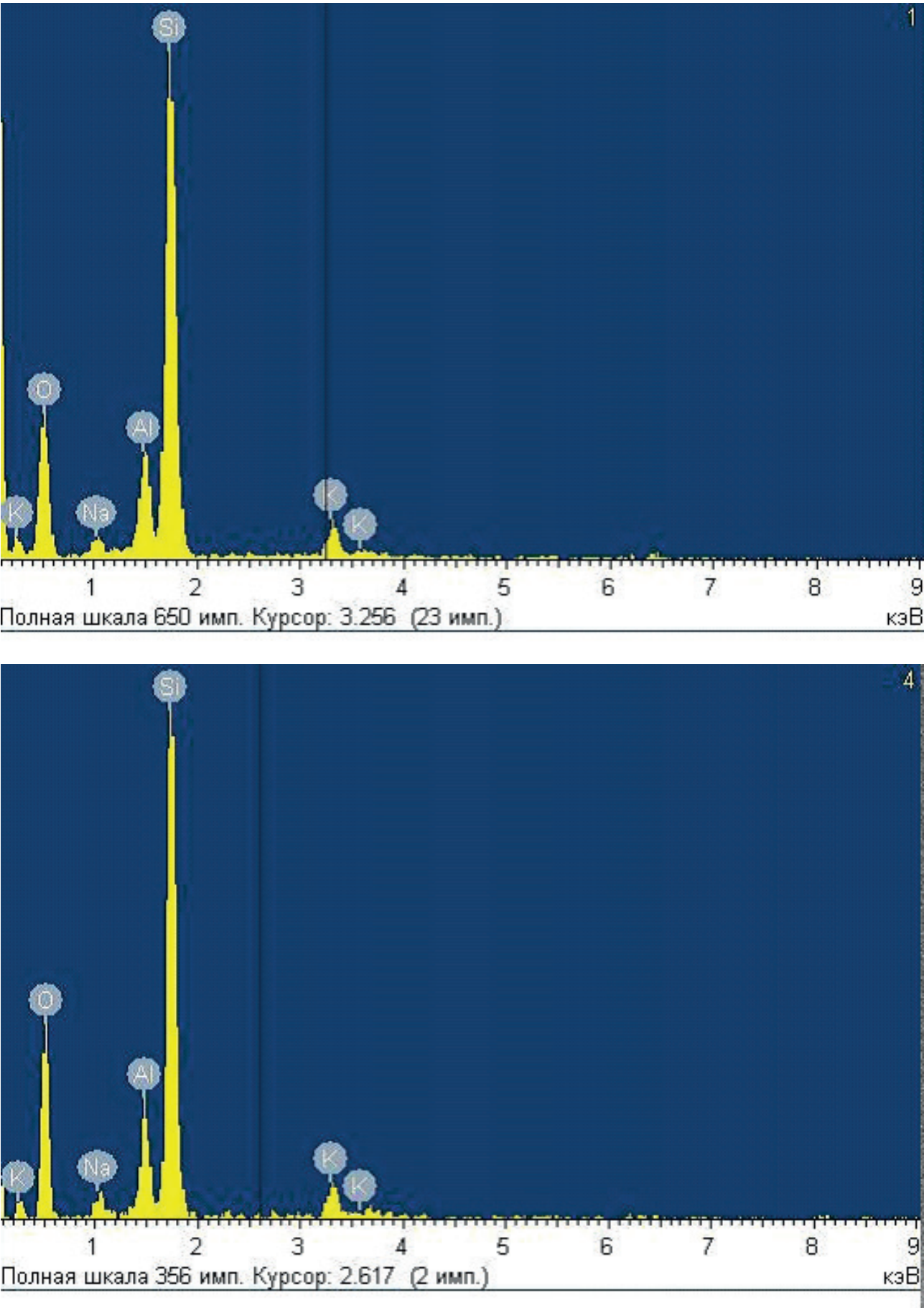


Рис. 3. А. Спектр ЭДС, образец из Алмало1; Б – Спектр ЭДС, образец из Заяуково

Fig 3. EDS, Almalo 1 sample; B – EDS, Zayukovo sample

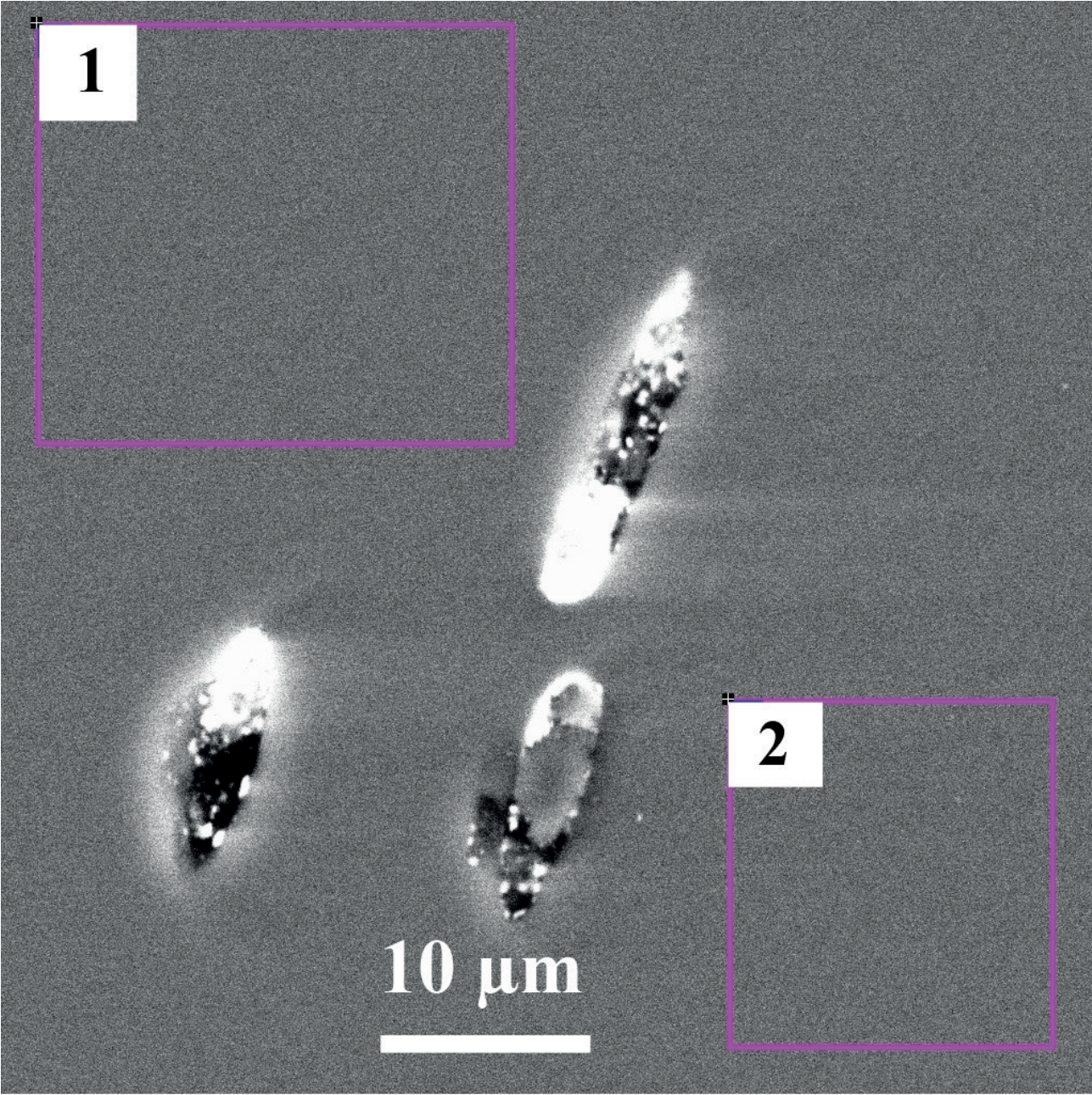
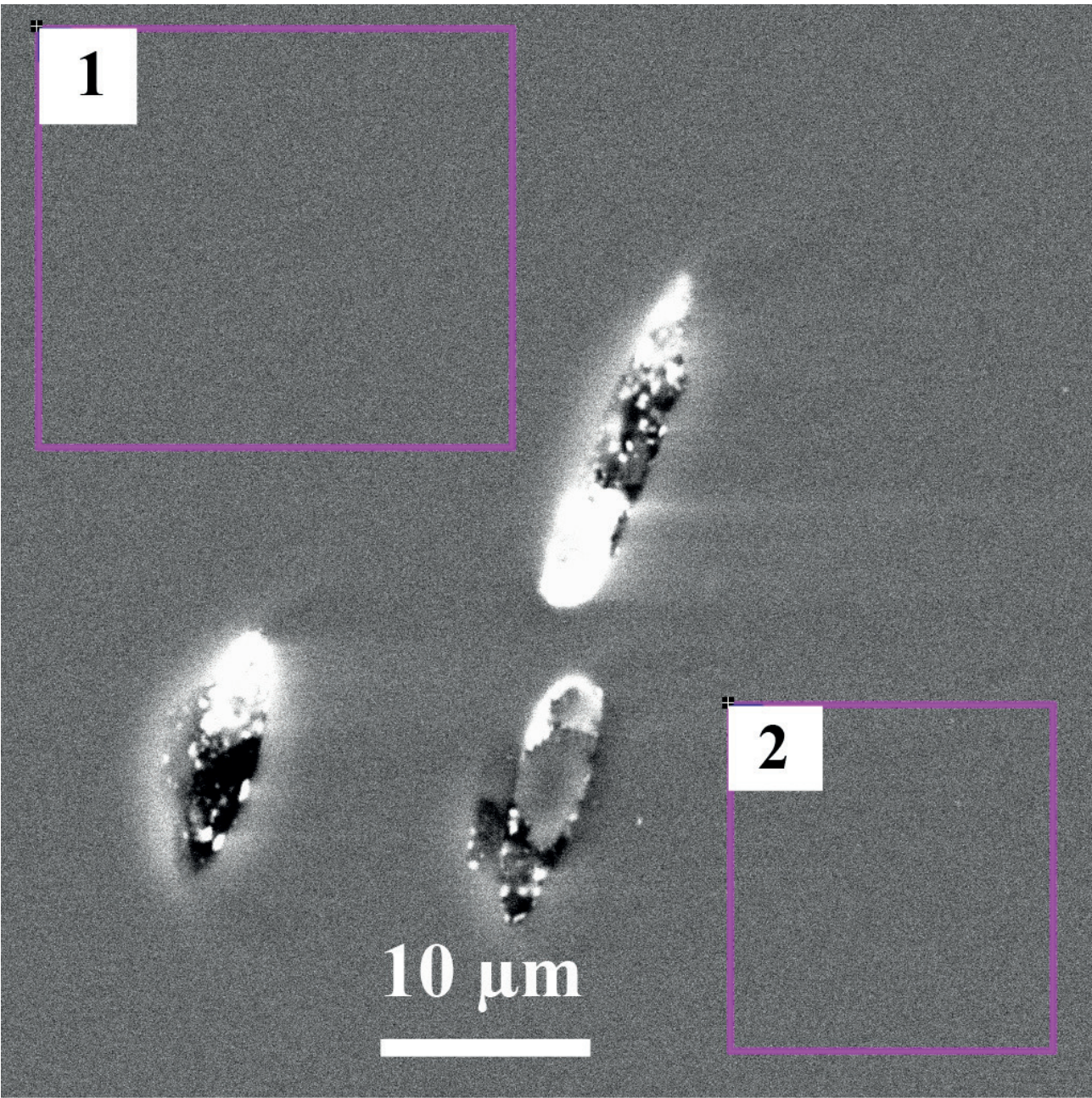


Рис. 4. Образец обсидиана из Алмало 1, зоны анализа – 1-2

Fig. 4. Obsidian sample from Almalo 1, zones of analysis – 1-2

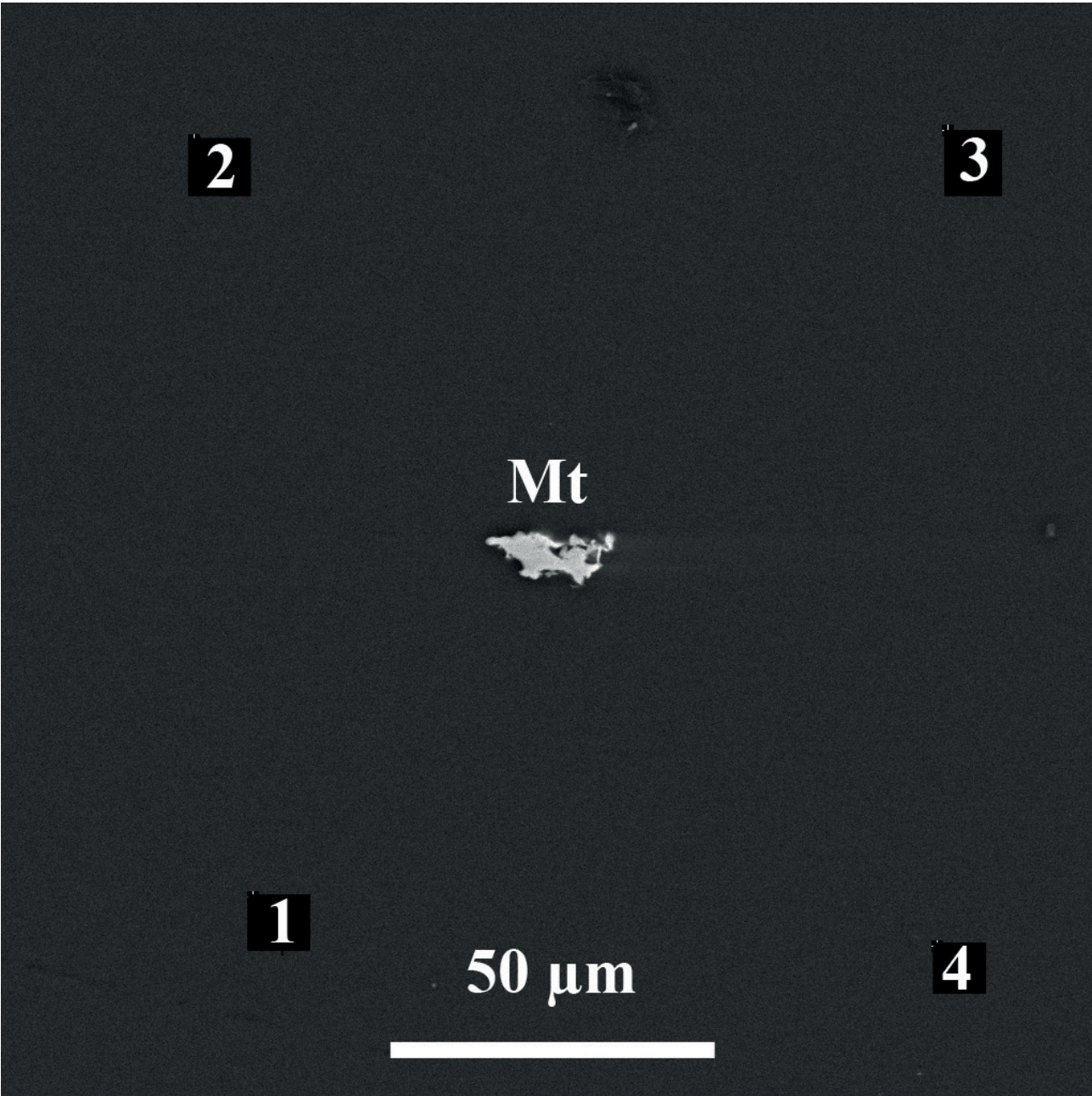
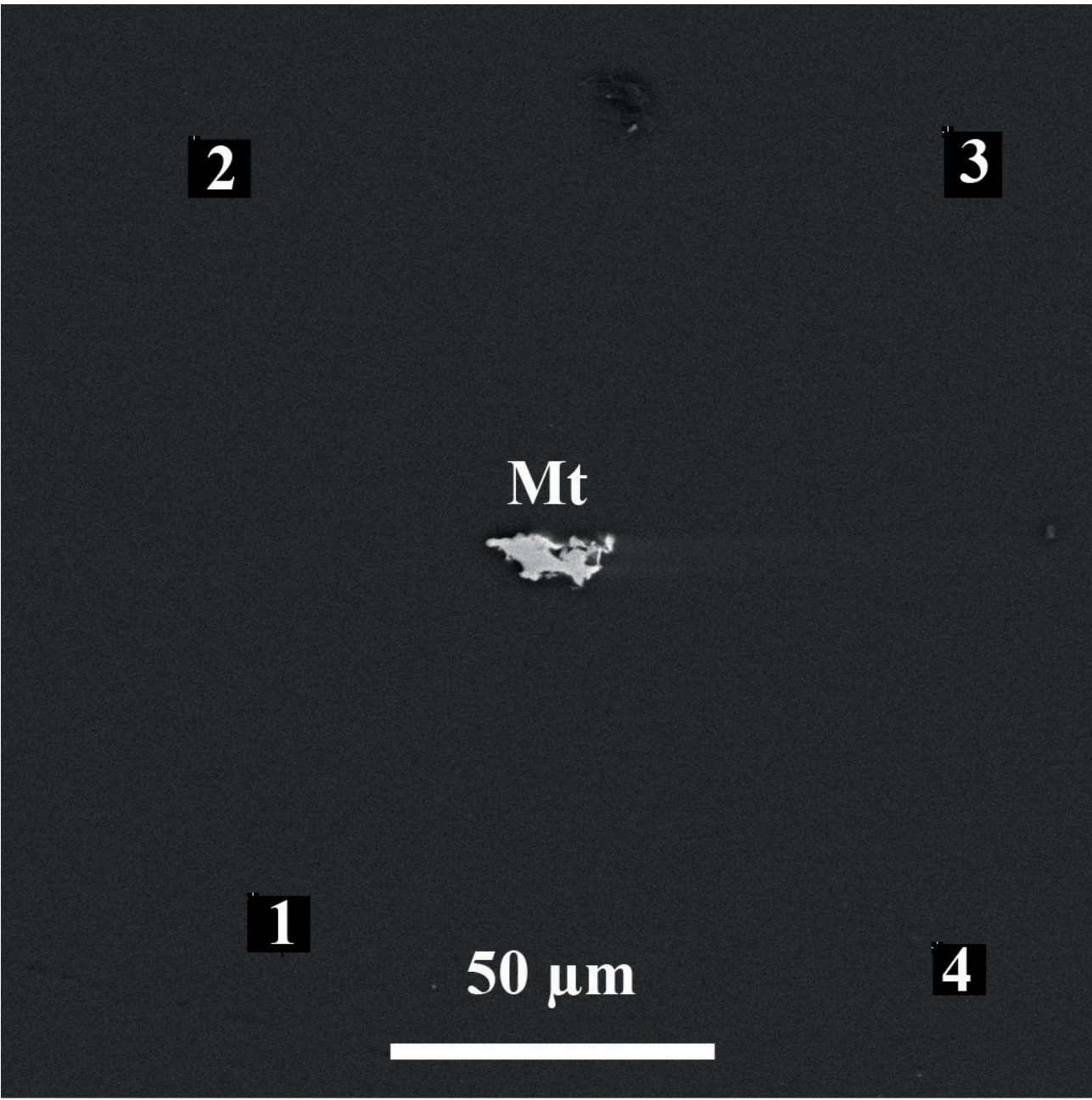


Рис. 5. Образец обсидиана из месторождения Заюково, точки анализа – 1-4

Fig. 5. Obsidian sample from Zayukovo deposit, points of analysis – 1-4

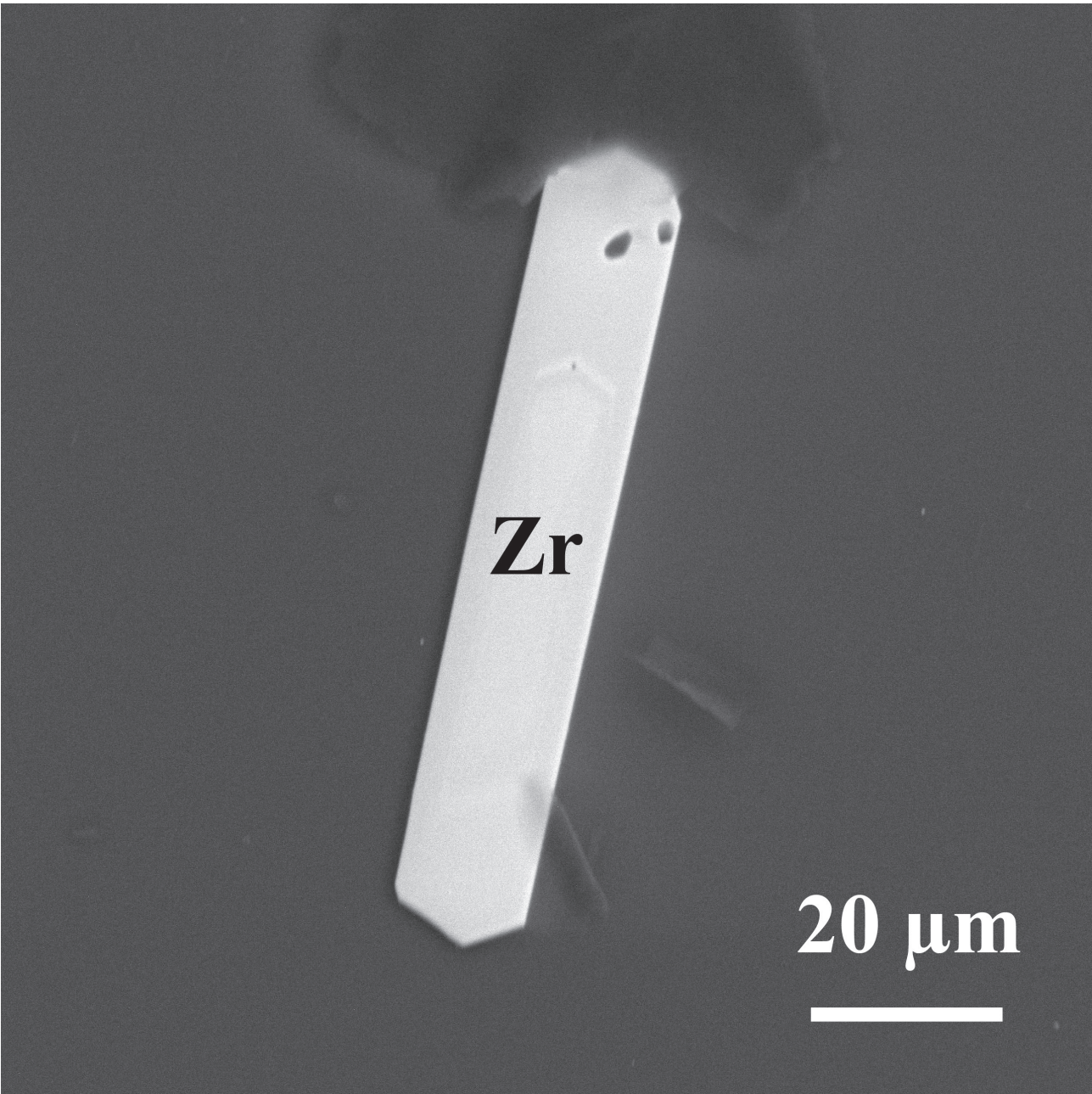
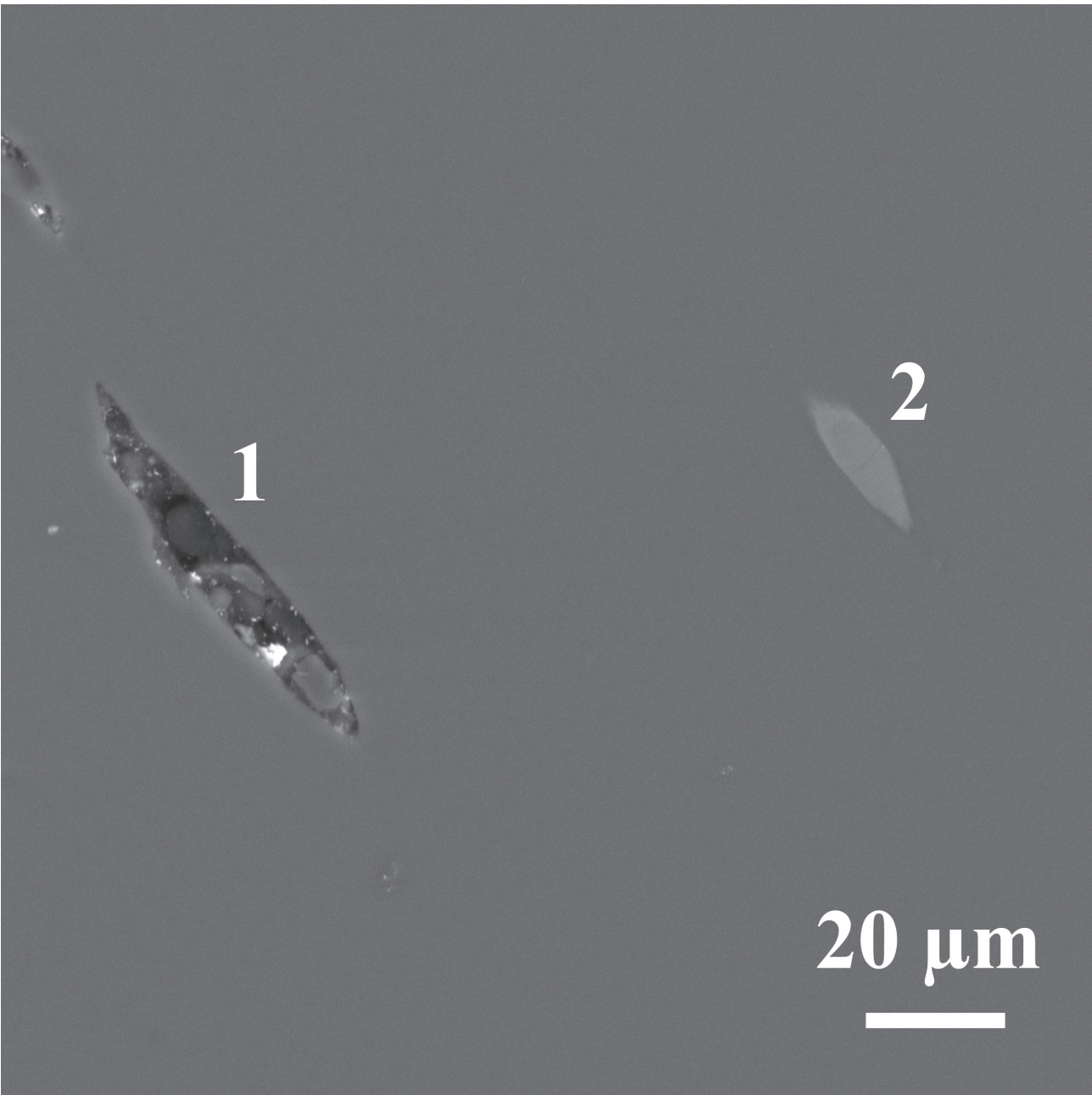


Рис. 6. Образец обсидиана из Алмало 1. А. 1- линзовидная пора;
2 – линзовидное включение апатита; Б. Включение, частица циркона

Fig. 6. Obsidian sample from Almalo 1. A. 1 – lenticular pore;
2 – lenticular apatite inclusion; B. Fractions of zirconium

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марковин В.И. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М., «Наука», 2006. - 210 с.
2. Дороничева Е.В., Шекли М.С. Новые данные об использовании Заюковского обсидиана в палеолите Кавказа // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2019. С. 102–107.
3. Мелконян Р.Г., Шабельская Н.П., Миуц Е.В. Химическая классификация аморфных горных пород. // Успехи современного естествознания. 2018. № 8. С. 172–177.
4. Попов В.К., Гребенников А.В., Кузьмин Я.В., Гласкок М.Д. Обсидиан в первобытных культурах Дальнего Востока России: геохимическая типизация, коренные источники и особенности распространения // Вестник Отделения наук о Земле РАН. 2010. Т. 2. С. NZ10007.
5. Джугарян А.К. Изучение источников обсидиана раннебронзового поселения Гегарот методом портативной рентгеновской флуоресценции (pxrf) // Грозненский естественнонаучный бюллетень. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 6–11.
6. Попов В.К., Гребенников А.В., Кузьмин Я.В., Гласкок М.Д., Ноздрачев Е.А., Будницкий С.Ю., Воробей И.Е. Геохимия обсидианов озера Красное на Чукотке (Северо-Восток Сибири) // Доклады Академии наук. 2017. Т. 476. № 3. С. 332–338.
7. Попов В.К., Ноздрачев Е.А., Ключев Н.А., Слепцов И.Ю. Использование рентгеноспектрального электронно-зондового и рентгенофлуоресцентного анализов для решения геоархеологических задач (на примере изучения обсидиана и благородных металлов из археологических памятников Приморья) // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. Материалы региональной научной конференции. 2015. С. 302–316.
8. Бадалян Р.С. Обсидиан Армении в контексте локальных и межрегиональных связей // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Материалы Международной научной археологической

REFERENCES

1. Markovin VI. *Rock carvings of the foothills of Dagestan [Naskal'nye izobrazheniya predgoriy Dagestana]*. Moscow: Nauka, 2006. (In Russ)
2. Doronicheva EV, Shekli MS. New data on the use of Zayukovsky obsidian in the Paleolithic of the Caucasus [Novye dannye ob ispol'zovanii Zayukovskogo obsidiana v paleolite Kavkaza] *IX Anfimov Readings on the archeology of the Western Caucasus [IX "Anfimovskie chteniya" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza]*. Krasnodar, 2019: 102-107. (In Russ)
3. Melkonyan RG, Shabelskaya NP, Miyuts EV. Chemical classification of amorphous rocks [Khimicheskaya klassifikatsiya amorfnykh gornyx porod] *Advances in current natural sciences*. 2018, 8: 172-177. (In Russ)
4. Popov VK, Grebennikov AV, Kuzmin YaV, Glaskok MD. Obsidian in the Primitive Cultures of the Russian Far East: Geochemical Typification, Primary Sources, and Distribution Features [Obsidian v pervobytnykh kul'turakh Dal'nego Vostoka Rossii: geokhimicheskaya tipizatsiya, korennye istochniki i osobennosti rasprostraneniya] *Bulletin of the Department of Earth Sciences RAS*. 2010, 2: NZ10007. (In Russ)
5. Dzhugaryan AK. Study of sources of obsidian at the Early Bronze Age site of Gegharot using portable X-ray fluorescence (pxrf) [Izuchenie istochnikov obsidiana rannebronzovogo poseleniya Gegharot metodom portativnoy rentgenovskoy fluorestsentsii (pxrf) *Grozny Natural Science Bulletin*. 2018, Vol. 3, 1(9): 6-11. (In Russ)
6. Popov VK, Grebennikov AV, Kuzmin YaV, Glaskok MD, Nozdrachev EA, Budnitsky SYu, Vorobei IE. Geochemistry of obsidian from Lake Krasnoe in Chukotka (North-East Siberia) [Geokhimiya obsidianov ozera Krasnoe na Chukotke (Severo-Vostok Sibiri)] *Reports of the Academy of Sciences*. 2017, 476(3): 332-338. (In Russ)
7. Popov VK, Nozdrachev EA, Klyuev NA, Sleptsov IYu. The use of X-ray spectral electron probe and X-ray fluorescence analyzes for solving geoarchaeological problems (on the example of the study of obsidian and noble metals from the archaeological sites of Primorye) *Primitive archeology of the Russian Far East and adjacent territories of East Asia: current state and development prospects. Proceedings of the re-*

конференции и Гумбольдт-лектория. 2015. С. 176–180.

9. Chataigner C., & Gratuze, Bernard. New Data On The Exploitation Of Obsidian in The Southern Caucasus (Armenia, Georgia) And Eastern Turkey. Part 1: Source Characterization // *Archaeometry*. №56, 1 (2014) P. 25-47.

10. Доронишева Е.В., Цельмович В.А., Корзинова А.С. Результаты оптической микроскопии и сканирующей электронной микроскопии обсидиана из месторождения Заюково (Баксан), Центральный Кавказ, Россия // *Строение литосферы и геодинамика. Материалы XXIX Всероссийской молодежной конференции*. Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2021. С. 91–94.

11. Гаджиев М.Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV–III тысячелетиях до н.э. // *КСИА. Вып.*, 108. М., 1966. С. 56–61.

12. Магомедов Р.Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала, 2000. - 120 с.

13. Минаева Т.М. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. М.: «Наука», 1955. Вып. 59. С. 43–56.

14. Грехова Л.В. Памятники неолита Восточного Предкавказья // *Труды Государственного Исторического музея*. М., 1960. Вып. 37. С. 21–27.

15. Марковин В.И. Разведки в юго-восточных районах Калмыкии и предгорном Дагестане // *Археологические открытия 1979 года*. М.: «Наука», 1980.

16. Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: «Новый хронограф», 2004. 157 с.

17. Амирханов Х.А. Чохская культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // *Древние культуры Северо-Восточного Кавказа*. Махачкала, 1985. С. 27–43.

18. Бжания В.В. Кавказ. Неолит Северной Евразии // *Археология СССР*. М.: «Наука», 1966. С. 73–86.

gional scientific conference. 2015: 302–316. (In Russ)

8. Badalyan RS. Obsidian of Armenia in the context of local and interregional relations [Obsidian Armenii v kontekste lokal'nykh i mezhregional'nykh svyazey] *The Caucasus as a link between Eastern Europe and the Near East: a dialogue of cultures, a culture of dialogue (to the 140th anniversary of Alexander A. Miller). Proceedings of the International Scientific Archaeological Conference and the Humboldt Lecture Hall*. 2015: 176-180. (In Russ)

9. Chataigner C., Gratuze B. New Data On The Exploitation Of Obsidian The Southern Caucasus (Armenia, Georgia) and Eastern Turkey, Part 1: Source Characterization *Archaeometry*. 56, 1 (2014) 25–47.

10. Doronicheva EV, Tselmovich VA, Korzina AS. Results of optical and scanning electron microscopy of obsidian from the Zayukovo deposit (Baksan), Central Caucasus, Russia. [Rezultaty opticheskoy mikroskopii i skaniruyushchey elektronnoy mikroskopii obsidiana iz mestorozhdeniya Zayukovo (Baksan), Tsentral'nyy Kavkaz, Rossiya] *Structure of the lithosphere and geodynamics: Proceedings of the XXIX All-Russian Youth Conference (Irkutsk, May 11–16, 2021), publishing house Federal State Budgetary Institution Sciences Institute of the Earth's Crust, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk) [Stroenie litosfery i geodinamika: Materialy XXIX Vserossiyskoy molodezhnoy konferentsii*. Irkutsk, 2021: 91-94. (In Russ)

11. Gadzhiev MG. New data on the southern connections of Dagestan in the 4th-3rd millennia BC [Novye dannye o yuzhnykh svyazyakh Dagestana v IV-III tysyacheletiyakh do n.e.]. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. Moscow, 1966: 56-61. (In Russ)

12. Magomedov RG. *Materials for the study of cultures of the Bronze Age in Primorsky Dagestan [Materialy k izucheniyu kul'tur epokhi bronzy v Primorskom Dagestane]*. Makhachkala, 2000. (In Russ)

13. Minaeva TM. A site with microlithic inventory in the Black Lands [Stoyanka s mikro-liticheskim inventarem na Chernykh zemlyakh] *Brief reports of the Institute of the History of Material Culture [Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury]*. Moscow: Nauka, 1955; (59): 43-56. (In Russ)

14. Grekhova LV. Monuments of the Neolithic of the Eastern Ciscaucasia [Pamyatniki neolita Vostochnogo Predkavkaz'ya] *Proceedings of the State Historical Museum [Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya]*. Moscow, 1960; (37): 21-27. (In Russ)
15. Markovin V.I. Exploration in the southeastern regions of Kalmykia and the foothills of Dagestan [Razvedki v yugo-vostochnykh rayonakh Kalmykii i predgornom Dagestane] *Archaeological discoveries of 1979*. Moscow: Nauka, 1980. (In Russ)
16. Koltsov PM. *Dzhangar settlement. Human and his culture in the Neolithic of the North-Western Caspian [Poselenie Dzhangar. Chelovek i ego kul'tura v neolite Severo-Zapadnogo Prikaspiya]*. Moscow: Novy khronograf, 2014. (In Russ)
17. Amirkhanov KhA. Chokh culture and the problem of cultural areas of the early Holocene of the circum-Caspian region [Chokhskaya kul'tura i problema kul'turnykh arealov rannego golotse-na krugokaspiyskoy oblasti] *Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus [Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza]*. Makhachkala, 1985: 27-43. (In Russ)
18. Bzhaniya VV. Caucasus. Neolithic of Northern Eurasia. *Archeology of the USSR*. Moscow: Nauka, 1966: 73-86. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 14.04.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182429-462>



Шарапова Светлана Владимировна
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории и археологии
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия
svetlanasharapova01@mail.ru

Труфанов Александр Яковлевич
к.и.н., старший научный сотрудник
ООО Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург, Россия
truфанov_alex@rambler.ru

Киселева Дарья Владимировна
к.г.-м.н., старший научный сотрудник
Институт геологии и геохимии имени академика А.Н. Заварицкого
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия;
Уральский федеральный университет имени первого президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
kiseleva@igg.uran.ru

Шагалов Евгений Сергеевич
к.г.-м.н., старший научный сотрудник
Институт геологии и геохимии имени академика А.Н. Заварицкого
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия;
Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия
shagalov@igg.uran.ru

Данилов Данил Анатольевич
к.х.н., доцент
Уральский федеральный университет имени первого президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
daniilinad@gmail.com

Хорькова Арина Николаевна
Студент 1го курса магистратуры
Уральский федеральный университет имени первого президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
arina.khorkova@gmail.com

Окунева Татьяна Геннадьевна
младший научный сотрудник
Институт геологии и геохимии имени академика А.Н. Заварицкого
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия
okunevatatjana@mail.ru

Солошенко Наталия Геннадьевна
Научный сотрудник
Институт геологии и геохимии имени академика А.Н. Заварицкого
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия
Nats_igg@mail.ru

Рянская Анастасия Дмитриевна
младший научный сотрудник
Институт геологии и геохимии имени академика А.Н. Заварицкого
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия
tosenka2008@gmail.com

Упорова Наталья Сергеевна
к.ф.-м.н., старший научный сотрудник
Институт геологии и геохимии имени академика А.Н. Заварицкого
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия
nuporova84@gmail.com

ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КЕРАМИКИ В ЭЛИТНОМ ПОГРЕБЕНИИ МОГИЛЬНИКА ИСАКОВКА I (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

Аннотация: Представлены результаты междисциплинарного анализа кувшина и его содержимого из элитного комплекса саргатской культуры в Среднем Прииртышье (могильник Исаковка I, курган 3, погребение 6). В захоронении наряду с воинской экипировкой и разнообразным металлическим импортом находился керамический кувшин, ближайшие аналогии которому обнаруживаются в производственных центрах оседлого населения предгорной полосы центральных и частично восточных районов Северного Кавказа, а также степной территории (бассейн р. Кумы). Рассматриваемый экземпляр отличается массивностью и следы ремонта верхней части. Между тем в погребение кувшин был помещен заполненным – в нем обнаружено зернистое вещество с фрагментами светлого и серо-черного цвета. Лабораторными исследованиями было определено отсутствие тартратов, то есть кувшин не использовался для приготовления и транспортировки напитка на основе виноградного сока. Выявленные частицы биогенного апатита, вероятно, могли происходить из рыбьих костей и чешуи, использованных для производства рыбного клея, который издавна применяется для осветления вина, пива и медовухи. В то же время в составе заполнения присутствуют органические вещества, имеющие отношение к производству слабоалкогольного напитка на основе меда, ферментированного с добавлением зерен злаков (местных дикорастущих или поступающих из земледельческих центров). Возможны два варианта определения этого напитка: либо это пиво – один из древнейших ритуальных напитков, употребление которого в скотоводческих культурах подтверждается некоторыми текстами нартовского эпоса и допускается схожими формами слов иранского происхождения; либо – настой трав/злаков на медовой основе, также распространенный в ритуале древних и традиционных культур. Стоит отметить, что эта находка исключительна, поскольку прежде северокавказские древности раннего железного века в лесостепных памятниках Зауралья и Западной Сибири известны не были. Возможно, что ареал саргатской культуры – пока самая восточная территория распространения подобной керамики.

Ключевые слова: междисциплинарный подход; ранний железный век; саргатская культура; древняя элита; керамический импорт; ритуальный напиток.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182429-462>



Svetlana V. Sharapova,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History and Archaeology
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia
svetlanasharapova01@mail.ru

Alexandr Y. Trufanov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
AV KOM – Nasledie scientific-analytical center for protection of cultural and
environmental heritage Ltd., Ekaterinburg, Russia
trufanov_alex@rambler.ru

Daria V. Kiseleva,
Cand. Sci. (Geol.-Min.), Senior Researcher
Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia;
Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
kiseleva@igg.uran.ru

Evgeny S. Shagalov,
Cand. Sci. (Geol.-Min.), Senior Researcher
Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia;
Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia
shagalov@igg.uran.ru

Danil A. Danilov,
Cand. Sci. (Chemistry), Associate Professor
Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
daniilinad@gmail.com

Arina N. Khorkova,
1st year Student
Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
arina.khorkova@gmail.com

© S.V. Sharapova, A.Y. Trufanov, D.V. Kiseleva, E.S. Shagalov, D.A. Danilov, A.N. Khorkova, T.G. Okuneva,
N.G. Soloshenko, A.D. Ryanskaya, N.S. Uporova, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Tatyana G. Okuneva,
Junior Researcher
Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia
okunevatatjana@mail.ru

Natalia G. Soloshenko,
Researcher
Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia
Nats_igg@mail.ru

Anastasia D. Ryanskaya,
Junior Researcher
Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia
tosenka2008@gmail.com

Natalya S. Uporova,
Cand. Sci. (Physics-Mathematics), Senior Researcher
Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia
nuporova84@gmail.com

A FIND OF THE NORTH-CAUCASIAN CERAMICS IN THE ELITE BURIAL OF THE ISAKOVKA I BURIAL GROUND (WESTERN SIBERIA)

Abstract. We present the results of a multi-disciplinary analysis of a jug and its contents from the elite burial complex of the Sargat culture in Middle Irtysh Basin (burial Isakovka I, mound 3, burial 6). The burial, along with military equipment and various metallic import, contained a ceramic jug, the closest analogies to which are found in the production centers of the settled population of the foothill zone of the central and partially eastern regions of the North Caucasus, as well as the steppe territory (the basin of the Kuma River). The studied piece is distinguished by its massive form and traces of repair of the upper part. The jug was placed in the burial filled with a granular substance with fragments of light and gray-black color. Laboratory analysis found no traces of tartrates, i.e. the jug was not used for cooking or transporting beverages of grape juice. The detected fractions of biogenic apatite could possibly originate from fish bones and scales, used for the production of glue, which was added for clarification of wine, beer and mead. At the same time, the composition of the filling contains organic substances related to the production of a low-alcohol drink based on honey, fermented with the addition of cereal grains (local wild or coming from agricultural centers). There are two versions for defining this drink: either it was beer – one of the oldest ritual drinks, the use of which in pastoral cultures is confirmed by texts of the Nart sagas and is confirmed by similar forms of words of Iranian origin; or an infusion of herbs/cereals based on honey, also common in the ritual practices of ancient and traditional cultures. This find is considered exceptional, since the North Caucasian antiquities of the Early Iron Age have been previously unknown in the forest-steppe monuments of the Trans-Urals and Western Siberia. It is possible that the area of the Sargat culture is so far the easternmost territory of distribution of such ceramics.

Keywords: multi-disciplinary approach; Early Iron Age; Sargat Culture; ancient elite; ceramic import; ritual drink.

В раннем железном веке лесостепная зона Зауралья и Западной Сибири была неотъемлемой частью евразийского культурного ландшафта. Археологические проявления тех далеких событий представлены древностями саргатской культуры (V в. до н.э. – III в. н.э.), носители которой вели скотоводческий тип хозяйства при оседлом образе жизни. Еще на ранних этапах своей истории обитатели лесостепи были вовлечены в систему контактов, обмена и политических связей с оседлым и кочевым населением. В последнее время гипотезы, основанные на археологическом материале [1–5 и т.д.], активно дополняются результатами палеоантропологических [6–8] и палеогенетических [9–11] исследований.

Реконструкция гипотетических культурных связей традиционными археологическими методами успешно может быть дополнена результатами междисциплинарного изучения. При этом в таких интерпретациях значение приобретают не только синтез полученных данных, но и предлагаемые выводы.

Цель данной работы – поиск аналогий рассматриваемой керамике¹; проведение сравнительного анализа данных электронной микроскопии, рентгенографического, термического, изотопного и хроматографического изучения для определения исходного содержимого древней емкости; уточнение векторов связей населения саргатской культуры и хронологическая оценка археологического контекста находки.

Археологический контекст и характеристика находки

Курганный могильник Исаковка I располагался в Горьковском районе Омской области на правом берегу реки Иртыш (рис. 1, 1–2). В ландшафтном отношении это территория лесостепи Западно-Сибирской равнины. Сосуд с исследуемой смесью был найден в 1989 г. в неразграбленном захоронении (курган 3, погребение 6); сложность внутримогильной конструкции и состав сопроводительного инвентаря позволяют говорить о принадлежности умершего к воинской элите. Другие находки представлены лепной керамикой, парадным воинским снаряжением, металлическим и прочим импортом (эллинистические чаши, чайник на поддоне, бронзовые котлы, китайский лаковый сосуд, золотное шитье, благовония на основе ладана из босвеллии² и пр.), ременной гарнитурой. По антропологическим определениям в могильной яме захоронен мужчина, возраст смерти которого составлял 30–35 лет [13]. Материалы раскопок не опубликованы.

1 Авторы признательны заведующему Музеем археологии и этнографии музейного комплекса ОмГУ А.А. Кильдюшевой за предоставленную возможность работы с материалами раскопок Л.И. Погодина. Слова благодарности адресованы В.В. Илюшиной за консультацию по технологии обработки сосуда, Я.Б. Березину, В.Ю. Малашеву, А.О. Наглеру и А.В. Симоненко за обсуждения и уточнения в процессе подготовки статьи.

2 Результаты этого исследования опубликованы [12].

Кувшин располагался справа у ног в углу погребальной камеры. Он был раздавлен обрушившимся деревянным перекрытием, вследствие чего частично накрыл стоявшую рядом небольшую краснолаковую емкость (рис. 1, 3).

Сосуд выполнен с использованием гончарного круга. Основной цвет участков, незатронутых постдепозиционными пятнами от органики, можно определить как коричнево-серый с легким зеленоватым оттенком. Толщина стенок в средней части составляет 6,5–7,0 мм, в верхней – 11,4 мм, в придонной части – 9,2 мм. Это узкогорлый кувшин высоких пропорций с узким плоским дном. Плавный абрис тулова соответствует вертикальному эллипсу. Высота – 64,0 см, максимальный диаметр – 46,6 см. Соотношение этих двух показателей выразилось в коэффициенте $\Phi A=1,37$, который соответствует понятию высокий. Аналогичным образом подтверждается определение формы как очень узкогорлой ($\Phi B=0,27$) [14, с. 121].

Массивный уплощенный венчик с наплывом наружу, резко переходящий в слабо отогнутую шейку (высотой около 6 см). Диаметр по внешнему краю венчика составляет 16,0–16,5 см, диаметр горла (на уровне шейки) – 9,5 см. Две противоположающие ручки расположены по плечу, чуть смещены от центральной оси (рис. 2–4). Внешняя поверхность ручек уплощенная, расширяется к верхнему прилепу до 4,5–5,0 см (рис. 2, 4, 3–4).

Горло декорировано пучками вертикальных каннелюр, выполненных двойными линиями. Места крепления верхнего и нижнего прилепов ручек маркированы орнаментальными поясами из двойных горизонтальных желобков с волнистой линией между ними. Пространство между поясами заполнено крупным зигзагом, образованным двумя прочерченными линиями, между которыми нанесен ряд небольших вдавлений (оттисков инструмента), выполненных в отступающе-накользящей манере. Нижняя часть плеча и тулово, также, как и горло, орнаментированы пучками вертикальных каннелюр, выполненных двойными линиями.

Последовательность нанесения узоров восстанавливается по местам их наложения. Первоначально были прочерчены горизонтальные линии, после чего были оформлены верхняя и нижняя зоны. Для их нанесения использовался орнаментир, оставивший желобки шириной 2,5–4,0 мм. После смены инструмента был выполнен мелкий зигзаг с «рваной» амплитудой и (возможно, этим же рабочим краем, поставленным под другим углом) были оформлены контуры большого зигзага. Заполнение этого зигзага лунками завершило процесс орнаментации. Таким образом, при нанесении узоров использовались два или три инструмента.

Наблюдения над следами обработки внешней поверхности кувшина выявили ряд неслучайных особенностей. Перед нанесением орнамента вся поверхность сосуда была обработана твердым инструментом (вероятнее всего, галькой), оставившим ложбинки (на приустьевой части) и уплощенные следы (на остальной поверхности) шириной 4,0–6,0 мм. Направление последних полностью совпало с базовой геометрией нанесенных позже узоров: в приустьевой

части (включая валик) видны горизонтально ориентированные углубленные отметины (рис. 4, 2), на верхней орнаментальной зоне – вертикальные (рис. 4, 5); затем мы вновь наблюдаем горизонтальные (рис. 3). Нижней зоне орнамента предшествовала диагонально ориентированная обработка. После орнаментации и подсушивания поверхности весь сосуд (включая плоскость ручек) был подвергнут лощению (по-видимому, тем же инструментом), в результате чего наружная сторона приобрела матовый блеск.

В процессе эксплуатации кувшин подвергался ремонту. В приустьевой части фиксируются два расположенных рядом крупных скола (рис. 4, 4), один из которых пытались починить. «Малый» скол имеет протяженность (по прямой линии) 8,5 см, «большой» – 13,0 см. Для ремонта последнего были сделаны шесть отверстий диаметром 3,4–4,2 мм. Четыре отверстия, расположенные в 2 см друг от друга примерно на одной линии, были высверлены в области шейки снаружи, два крайних располагались в 2,5 см в стороне от группы из четырех отверстий и просверливались изнутри (рис. 4, 1–2). Вблизи почти каждого отверстия на внутренней стороне прослежены небольшие высверленные углубления (рис. 4, 1). Возможно, это неудавшиеся засечки или попытки организовать встречное сверление. Оба скола были тщательно обработаны каким-то абразивом (большой – после неудавшегося ремонта). Степень заглаженности ремонтировавшегося скола существенно выше. Отколовшиеся фрагменты не найдены, то есть в погребение сосуд был помещен, уже со следами повреждения и ремонта. Из-за указанных дефектов наличие слива достоверно не определяется, но и не исключается.

Материалы и методы

Был исследован фрагмент содержимого кувшина, представляющий собой зернистое вещество с включениями светлого и серо-черного цвета. Перед анализами (кроме сканирующей электронной микроскопии) образец был вручную истерт в яшмовой ступке до пудры. В качестве «фоновой» образца использовался материковый суглинок (археологический материк) из стенки могильной ямы.

Рентгенофазовый и рентгеноструктурный анализ. Дифрактограммы получены с использованием рентгеновского дифрактометра SHIMADZU XRD-7000: трубка с медным анодом ($\lambda=1.5406 \text{ \AA}$), диапазон брэгговских углов 2θ 3–70°, скорость съемки 1°/мин, напряжение 40 кВ, ток 30 мА. Количественный полнопрофильный рентгенофазовый анализ и уточнение параметров кристаллической решетки апатита проведены методом Ритвельда с помощью программы SiroQuant (Sietronics, Австралия).

Термический анализ. Исследование термических свойств исследованного вещества проведено методом дифференциального термического анализа (ДТА) на приборе синхронного термического анализа NETZSCH STA 449 F5 Jupiter в

температурном интервале 40–1000 °С. Измерения выполнены в тиглях из Al_2O_3 в токе синтетического воздуха (масса навески 165.38 мг) при скорости сканирования 10 К/мин.

Сканирующая электронная микроскопия с энергодисперсионной рентгенофлуоресцентной спектроскопией. СЭМ-изображения и ЭДС-спектры образцов, напыленных углеродом, были получены с использованием сканирующего электронного микроскопа JEOL JSM-6390LV с ЭДС спектрометром INCA Energy 450 EDS при ускоряющем напряжении 20 кВ.

Микроэлементный и изотопный анализ стронция. Пробоподготовка и анализ микроэлементного и изотопного состава стронция проведены в блоке чистых помещений с классами чистоты 6 и 7 ИСО (ИГГ УрО РАН, г. Екатеринбург). Измерения микроэлементного состава проведены на квадрупольном ИСП-масс-спектрометре Nex ION 300S (Perkin Elmer). Все измерения проводились в режиме количественного анализа с построением градуировочных кривых (мультиэлементные стандартные растворы Perkin Elmer Instruments).

Для изотопного анализа стронций из растворенных проб был хроматографически выделен с использованием смолы Triskem Sr-Spec [15]. Элюирование осуществлялось в соответствии с предложенными рекомендациями [16] согласно адаптированному протоколу [17].

Измерения изотопного состава стронция проводили на мультиколлекторном магнито-секторном масс-спектрометре с двойной фокусировкой Neptune Plus (Thermo Fischer) методом брекетинга (SSB) с использованием стандарта NIST SRM 987 (карбонат стронция). Для оценки правильности и долговременной воспроизводимости измерительной процедуры использовали стандарт изотопного состава стронция NIST SRM 987: $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 0,710266 \pm 8$ (1SD, N=23).

Хроматографический анализ. Определение жирных кислот. Процесс пробоподготовки заключался в извлечении липидного экстракта путем рекстракции липидов и жирных кислот из твердой матрицы образца с дальнейшим метилированием жирных кислот. Отбирали навеску образца при помощи аналитических весов. Проводили экстракцию с использованием экстрагирующей смеси хлороформ-метанол (соотношение 2:1) 10 см³ в ультразвуковой ванне в течение 25 мин. Центрифугировали экстракт в течение 10 мин при 3000 об/мин. Отбирали аликвоту, содержащую липидный экстракт объемом 1 см³ при помощи автоматического дозатора. Отгоняли растворитель в потоке инертного газа (азота) до полного удаления растворителя. Растворяли сухой остаток в 100 см³ ацетонитрила и 100 см³ ДМФ-ДМА (диметилформамид-N, N-диметилацеталь) и нагревали в сушильном шкафу при 90 °С в течение 60 мин. Полученный раствор перед анализом центрифугировали в течение 10 мин при 3000 об/мин.

Определение метиловых эфиров дикарбоновых кислот. Процесс пробоподготовки заключался в растворении солей дикарбоновых кислот с получением дикарбоновых кислот с их дальнейшим метилированием. Отбирали навеску образца при помощи аналитических весов, масса навески порядка 1 г. Проводили

растворение солей дикарбоновых кислот смесью концентрированной соляной кислоты в метаноле (соотношение 1:10). Для лучшего протекания реакции растворения солей дикарбоновых кислот и метилирования дикарбоновых кислот полученный экстракт помещали в ультразвуковую ванну на 10 минут. Далее экстракт центрифугировали в течение 10 минут при 3000 об/мин. Отбирали аликвоту, содержащую метиловые эфиры, объемом 1 см³ при помощи автоматического дозатора. Отгоняли растворитель в потоке инертного газа (азота) до полного удаления растворителя. Растворяли сухой остаток в 500 см³ ацетонитрила.

Для газохроматографического определения использовался газовый хроматограф с масс-спектрометром Clarus 600 фирмы Perkin Elmer. В масс-спектрометре использовалась ионизация электронным ударом, напряжение на источнике ионов составило 70 эВ. В газовом хроматографе использовалась капиллярная колонка Elite 5MS 30 м с внутренним диаметром 0,25 мм и толщиной неподвижной фазы 0,25 мкм, лайнер с внутренним диаметром 4 мм. Пробу вводили при помощи шприца объемом 10 мкл. В качестве подвижной фазы выступал гелий. Скорость движения подвижной фазы составила 1 мл/мин. Режим работы газового хроматографа состоял из изменения температуры термостата с 30 до 300 °С со скоростью 6 °С/мин и последующем изотермическим периодом в течение 15 мин. Проба вводилась в испаритель с использованием режима без сброса пробы при температуре 200 °С. Объем вводимой пробы – 1 мкл. Температура линии переноса (интерфейса) составила 200 °С. Температура источника ионов составила 180 °С.

Результаты лабораторных исследований

По данным рентгенофазового (рис. 5) и термического (рис. 6) анализа в составе вещества заполнения сосуда обнаружены следующие компоненты: органическое вещество (ОВ) – 6%, кальцит – 31%, апатит – 30%, гипс – 20%, кварц – 8%, гидрослюда – 5%. Рассчитанные параметры элементарной ячейки апатита составили $a=b=9,4203\text{Å}$, $c=6,8801\text{Å}$ и близки к таковым для гидроксилapatита – минерала, слагающего твердые ткани (кости, зубы) позвоночных и чешую рыб.

Методом сканирующей электронной микроскопии исследованы белые и серо-черные частицы вещества заполнения кувшина (рис. 7). По данным ЭДС анализа в составе белых частиц преобладают кальций (49–53 мас.%) и фосфор (41–42 мас.%) с примесью стронция (~1 мас.%), железа (~1 мас.%), марганца (0.6–0.8 мас.%), серы (0.8–1.0 мас.%), натрия (0.6–0.9 мас.%) и магния (0.6–1.6 мас.%), алюминия (~1 мас.%) и кремния (0.4–2 мас.%). Подобный состав характерен для смеси апатита, кальцита, гипса. При этом достаточно высокое содержание примесей в апатите (железо, марганец, стронций) свидетельствуют о его значительных диагенетических преобразованиях за время, прошедшее с

момента захоронения вследствие просачивания поровых вод, содержащих катионы примесных элементов. Следует отметить особую сферическую форму частиц апатита размером 5–10 мкм, что может свидетельствовать о важной роли органических макромолекул (таких, как, например, коллаген) при нуклеации и росте аутигенного апатита [18].

В составе серо-черных частиц обнаружено высокое содержание кремния (56–99 мас.%) и алюминия (15–22 мас.%) с примесями железа (5–7 мас.%), магния (2–5 мас.%), калия (3–4 мас.%), кальция (0.2–6 мас.%), натрия (0.4–10 мас.%), титана (0.5–1 мас.%), фосфора (2–5 мас.%), что не противоречит наличию обнаруженных методом рентгенофазового анализа минералов – кварца (SiO_2) и гидрослюды.

Изотопное отношение стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в веществе заполнения сосуда составило 0.710177 ± 0.000006 , при этом в «фоновом» образце биодоступного стронция (водной вытяжке из материкового суглинка) $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ отношение – 0.709957 ± 0.000015 . Вмещающая порода (археологический материк) погребения представляет собой верхнечетвертичные (el+dQ_{III}) элювиально-делювиальные покровные отложения мощностью не более 5 м, лежащие на осадочных толщах верхнего плиоцена Кочковской свиты ($\text{N}_2\text{kč}$). Они представлены желто-бурыми карбонатными суглинками, которые образовались в процессе выветривания нижележащих отложений и последующего многократного их переотложения в процессе плоскостного смыва. Для района характерны озерно-болотные отложения, глины и суглинки, редко пески [19].

Поскольку содержание органического вещества (ОВ) в заполнении сосуда невелико (порядка 6%), можно предположить, что найденное изотопное отношение стронция характеризует, в основном, неорганическую (минеральную) компоненту заполнения, причем по данным СЭМ, практически весь стронций приурочен к апатитовой фазе. Учитывая вероятное назначение кувшина в качестве сосуда для хранения пищевых продуктов, а также доступность рыбы в р. Иртыш можно предположить биогенный характер образования апатита из остатков костей млекопитающих и, что более вероятно, костей и чешуи рыб.

Ближние изотопные отношения стронция в веществе заполнения кувшина и вытяжке из суглинка могут свидетельствовать о высокой степени диагенетических преобразований гидроксилapatита под воздействием поровых вод. На рис. 8 приведены нормированные на PAAS (Post-Achaeon-Australian Shale [20, p. 172]) содержания редкоземельных элементов в веществе заполнения кувшина (мкг/г) и водной вытяжке из материкового суглинка (пмоль/кг). Положительная европиевая аномалия свидетельствует о восстановительных условиях осадконакопления вмещающей породы – суглинка; эта аномалия унаследована гидроксилapatитом из вещества заполнения кувшина.

По результатам хроматографического анализа жирных кислот в составе вещества заполнения кувшина обнаружены органические соединения, представленные в таблице 1 (см. также рис. 9). Для повышения чувствительности

определения предельных карбоновых кислот был использован режим регистрации выбранных ионов (по 74 ионам) (рис. 9).

Таблица 1. Органические соединения, обнаруженные в веществе заполнения кувшина

Table 1. Organic compounds found in the substance filling the jug

Время удерживания, мин.	Название кислоты	Обозначение кислоты	Интенсивность	
			%TIC*	%SIR**
19.06	Лауриновая	C12:0	3,3	7,5
20.99	Тридекановая	C13:0		0,3
21.45	Пропионовая	C3:0	20,0	
22.81	Миристиновая	C14:0	5,4	10,3
24.05	Изо-пентадекановая	iC15:0	2,2	0,2
24.55	Пентадекановая	C15:0	1,6	2,6
25.61	Изо-пальмитиновая	iC16:0	0,8	0,2
26.25	Пальмитиновая	C16:0	36,0	52,9
27.81	Маргариновая	C17:0	0,5	1,2
29.37	Стеариновая	C18:0	1,1	15,9
29.52	Циклогексадекан	C ₁₆ H ₃₂	5,1	
32.19	Арахидиновая	C20:0	0,6	0,6
34.82	Бегеновая	C22:0	16,9	1,3
36.07	Трикозановая	C23:0	1,2	1,2
37.27	Лигноцериновая	C24:0	1,6	2,2
38.42	Пентакозановая	C25:0	0,9	0,9
39.56	Серотовая	C26:0	1,6	1,9
40.62	Гептокозановая	C27:0	0,2	0,1
41.69	Монтановая	C28:0	0,7	0,7
43.69	Нонакозановая	C29:0	0,3	0,1

*TIC – total ion count

**SIR – selected ion recording

В составе смеси обнаружены следующие одноосновные предельные карбоновые кислоты: короткоцепочечная пропионовая (C3:0), среднецепочечная лауриновая (C12:0), длинноцепочечные тридекановая (C13:0), миристиновая (C14:0), пентадекановая (C15:0), пальмитиновая (C16:0), маргариновая (C17:0), стеариновая (C18:0), арахидиновая (C20:0) и очень длинноцепочечные

бегеновая (C22:0), трикозановая (C23:0), лигноцериновая (C24:0), пентакозановая (C25:0), церотиновая (серотовая C26:0), гептакозановая (C27:0), монтановая (C28:0) инонакозановая (C29:0). Все они являются насыщенными жирными кислотами (не имеют двойных углеродных связей). Обнаружены также изомеры: изо-пентадекановая (iC15:0) и изо-пальмитиновая (iC16:0) кислоты.

Самыми распространенными насыщенными жирными кислотами, как животного, так и растительного происхождения, являются соединения с неразветвленной углеродной цепочкой, содержащие 16 и 18 атомов углерода – пальмитиновая (C16:0) и стеариновая (C18:0) кислоты. Именно они чаще всего сохраняются в органических остатках, поскольку ненасыщенные жирные кислоты довольно легко разрушаются [21, р. 5]. Преобладающими в исследованной смеси являются пропионовая (20%), пальмитиновая (36%), бегеновая (16,9%), миристиновая (5,4%) и лауриновая (3,3%) кислоты.

Ранее было показано [22; 23], что отношение массовых долей насыщенных жирных кислот P/S (пальмитиновой C16:0 и стеариновой C18:0), P/M (пальмитиновой C16:0 и миристиновой C14:0), P/L (пальмитиновой C16:0 и лауриновой C12:0) может быть использовано для идентификации происхождения органических остатков в археологических материалах. С использованием интенсивностей, полученных при регистрации выбранных ионов (SIR) мы рассчитали отношения указанных кислот: P/S=3,3, P/M=5,1 и P/L=7,1. Полученные отношения указывают скорее на животное происхождение, чем на растительное, поскольку в веществах на растительной основе миристиновая кислота практически отсутствует.

Большинство очень длинноцепочечных насыщенных жирных кислот (так называемые восковые кислоты) C22:0 – C32:0 содержатся в пчелином воске, эпикутикулярном воске растений [23, р. 451]. Содержание серотовой кислоты в пчелином воске может составлять до 15% [24, р. 450], лигноцериновой (более 5%), пальмитиновой (до 14,8%) и монтановой (1,8%) [25, р. 28]. Лигноцериновая кислота также содержится в рыбьем жире. Бегеновая и арахиновая кислоты (наряду с лауриновой, миристиновой, пальмитиновой и стеариновой) содержатся в липидных компонентах меда [26, р. 98].

Также в составе обнаружено органическое соединение класса циклоалканов $C_{16}H_{32}$ – циклогексадекан (5,1%). Он встречается в растениях (например, тимьян) [27, р. 109], в бактериях-актиномицетах, широко распространённых в почвах, также был обнаружен в прополисе [28, р. 193; 29, р. 75, 76].

Короткоцепочечная пропионовая (C3:0) кислота, обнаруженная в составе, может образовываться при брожении углеводов/сахара и способствует уменьшению образования плесени.

При обработке вещества заполнения кувшина смесью концентрированной соляной кислоты в метаноле (1:10) обнаружены соединения дикарбоновых кислот (табл. 2).

Таблица 2. Соединения дикарбоновых кислот, обнаруженные в веществе заполнения кувшина при кислотной пробоподготовке

Table 2. Dicarboxylic acid compounds found in the substance filling the jug after the acid sample treatment

Время удерживания, мин.	Название	CAS №	Формула
7.81	Диметилмалонат	108-59-8	$C_3H_8O_4$
9.37	Метил 4-оксопентаноат	624-45-3	$C_6H_{10}O_3$
10.55	Диметилсукцинат	106-65-0	$C_6H_{10}O_4$
18.42	Диметилпимелат	1732-08-7	$C_9H_{16}O_4$
20.75	Диметилоктандиоат	1732-09-8	$C_{10}H_{18}O_4$
22.93	Метилазелат	1732-10-1	$C_{11}H_{20}O_4$
25.00	Диметилсебакат	106-79-6	$C_{12}H_{22}O_4$
26.96	Метиловый эфир ундекандиеновой кислоты	3927-60-4	$C_{12}H_{22}O_4$
36.30	Метиловый эфир 10-оксостеариновой кислоты	870-10-0	$C_{19}H_{36}O_3$
36.60	Метиловый эфир 10-гидроксо-октадекановой кислоты	55044-18-3	$C_{19}H_{38}O_3$

Далее приведем краткую характеристику возможного происхождения соединений двухосновных предельных кислот. Сукцинаты (соли янтарной кислоты) – продукт метаболизма дрожжей, а также могут характеризовать продукты окисления рыбьего жира [30, р. 665]. Малонаты (соли малоновой кислоты) – продукт ферментации глюкозы. Пимелаты (соли пимелиновой кислоты), производные вовлечены в биосинтез аминокислоты лизина и витамина биотина В7, синтезируется плесенью и дрожжами. Диметилоктандиоат (соединение октандиовой (субериновой) кислоты) содержится в пробковом дереве. Азелаты (соли азелаиновой кислоты) в природе могут находиться в злаковых растениях – пшенице, ржи, ячмене. Себациновая кислота – производное касторового масла, но также содержится в пчелином маточном молочке (апилактозе), вырабатываемом в верхнечелюстных (аллотрофических) железах пчел-кормилиц [31, р. 1]. Метил 4-оксопентаноат (метил-левулинат) – соединение валериановой кислоты, короткоцепочечной жирной предельной карбоновой кислоты.

Также следует отметить, что практически все из перечисленных соединений (янтарная, азелаиновая, пимелиновая, субериновая, малоновая кислоты, левулинаты) обнаружены в зернах пшеницы, ржи и ячменя [32, р. 526, 527].

Обсуждение

Полученные результаты естественнонаучных исследований оказались весьма значимыми в плане изучения археологических древностей саргатской культуры. Прежде всего, поиск аналогий кувшину из могильника Исаковка I определил географически отдаленную территорию, которая в существующих публикациях по проблематике раннего железного века западносибирского региона не обозначена. Обращают на себя внимание форма емкости – кувшин – и орнаментация в виде сгруппированных вертикальных каннелюр в сочетании с горизонтальными желобками. Кроме того, рассматриваемая керамика демонстрирует некоторые технологические особенности – сероглиняная – и форму ручек, верхний прилеп которых оформлен в виде выступа. Подобные сосуды являются продукцией производственных центров оседлого населения предгорной полосы центральных и частично восточных районов Северного Кавказа, а также степной территории, примыкающей с востока к Ставропольской возвышенности (бассейна р. Кумы) [33, с. 51–52; 34, с. 96]. Их датировка определяется исследователями в рамках III–I в. до н.э. [35, с. 40–44], скорее II–I в. до н.э. [34, с. 99]. Отдельные сосуды данной морфологической и орнаментальной традиции, в качестве исключения, могут встречаться и в комплексах раннего I в. н.э. [36, рис. 28, 1]. В качестве импорта они часто входят в состав инвентаря подкурган-ных захоронений населения северокавказских степей последних веков до н.э. (от Прикаспийского Дагестана до Прикубанья), а также в погребениях раннесарматской культуры Нижнего Дона и Нижнего Поволжья [35, рис. 8, 2–4; 37, рис. 32, 6; 38, рис. 4, 7; 6, 4; 8; 39, рис. 3, 5; 40, рис. 15, 6]. Между тем приведенные аналогии уступают размерами кувшину из исаковского погребения (рис. 10).

До недавнего времени восточной точкой распространения северокавказского керамического импорта являлось плато Устюрт в Арало-Каспийских степях³. Так, на святилище Терен в погребении 2 главного культового комплекса среди остатков сопроводительного инвентаря находился сероглиняный грубогончарный одноручный кувшин высотой 49,0 см (рис. 10, 2) [41, рис. 323, 324]. Примечательно сходство обеих находок не только по морфологическим и орнаментальным чертам, но и наличию явных следов ремонта. По составу предметов погребальный комплекс западного Устюрта отнесен авторами к сарматским древностям II–I в. до н.э., находя параллели в более северных территориях (Поволжье, Приуралье) [41, с. 27, 31].

³ Устная информация В.Ю. Малашева о находке В.С. Ольховским аналогичной керамики в одном из погребальных комплексов Байте (?). К сожалению, в прижизненных публикациях Валерия Сергеевича отсутствует какое-либо упоминание северокавказских сосудов в исследованных объектах, основной акцент был сделан на каменные антропоморфные изваяния.

Приведенные аналогии не только обозначают новый – северокавказский – вектор межкультурных связей древних обитателей лесостепи, но и вполне естественно порождают вопрос, насколько географически близки кувшин и его содержимое, или ритуальный напиток был изготовлен из местного сырья?

Основываясь на результатах анализа естественнонаучными методами, можно сделать вывод о вхождении в состав заполнения кувшина широкого круга органических веществ различного происхождения, но, тем не менее, имеющих предположительное отношение к производству некоего слабоалкогольного напитка на основе меда (медовухи) и ферментированного с добавлением зерен злаков (вероятно, пшеницы, ржи или ячменя). В то же время отсутствие тартратов (собственно, винного камня) и других характерных соединений (цитратов и др.) указывает на то, что кувшин не использовался для приготовления и транспортировки вина на основе виноградного сока. Тем не менее, о прошедшем процессе сбраживания дрожжей свидетельствует наличие янтарной и пропионовой кислоты. И дрожжи, и сахар в достаточном количестве присутствуют в продуктах пчеловодства (меда, воска, прополиса, маточного молочка). В исследованном образце также фиксируются следы использования злаков, которые могли быть добавлены в виде солода, что в итоге привело к получению напитка, сходного с брагготом (медовухи с добавлением солода). Более того, обнаруженные частицы биогенного апатита, вероятно, могли происходить из рыбных костей и чешуи, предположительно использованных для производства рыбного клея. На присутствие органических соединений из рыбных продуктов также указывает наличие янтарной кислоты. Рыбный клей издавна использовался как осветлитель при производстве спиртных напитков – вина, пива и медовухи. В пользу рыбного клея на основе желатина (коллагена) говорит сферическая форма апатита, которая отмечена при его кристаллизации и росте внутри внеклеточного молекулярного каркаса органического происхождения, как в природных, так и в лабораторных условиях [18].

Констатируя эти факты, рассмотрим возможные гипотетические варианты их интерпретаций. Отсутствие тартратов при наличии сбраживающих продуктов и присутствии злаков позволяет одной из основных версий (но не единственной) считать пиво в качестве ритуального напитка, помещенного в кувшин. Этнография содержит достаточно примеров, где пиво характеризуется ритуальными и символическими коннотациями в семейной и погребальной обрядности различных народов [см. напр., 42; 43]. Употребление пива в скотоводческих культурах подтверждается некоторыми текстами нартовского эпоса и допускается схожими формами слов иранского происхождения. Так у осетин пиво и иные хмельные слабоалкогольные напитки имеют многовековую историю, в большинстве случаев восходящую к древностям от скифов до алан [43, с. 182–186; 44, с. 13–14; 45, с. 129–131, 244–245]. С одной стороны, северокавказское происхождение керамической посуды как будто бы не противоречит этому, с другой – транспортировка такого вида напитка из отдаленного для западносибирской лесостепи региона и следы ремонта емкости не позволяет безоговорочно принять данное предположение.

Еще одно возможное допущение связано с настоями трав/злаков очевидно на медовой основе, также получивших распространение в ритуале индоиранских народов от древности до этнографической современности [43, с. 182; 44, с. 14; 46, с. 263, 264]. Этому не противоречат изложенные выше результаты проведенного исследования и реконструируемая природно-климатическая ситуация в ареале саргатской культуры [47, с. 6–11]. Невозможность проведения ДНК анализа выявленных в образце злаков не позволяет конкретизировать их вид и происхождение, при этом вновь обращает внимание на дискуссионные моменты наличия/отсутствия земледелия у лесостепных коллективов.

Единичные находки зернотерок на поселенческих памятниках позволили В.А. Могильникову говорить о занятии земледелием и существовании посевов, производившихся на пойменных землях [3, с. 307]. Между тем современные палинологические данные не выявили следов культурных злаковых растений в слоях городищ [48, с. 265, 266]. Согласуется с этим и состояние зубочелюстной системы у индивидов из погребений саргатской культуры, для которых отсутствуют случаи кариеса, что бывает при регулярном потреблении продуктов животноводства и минимуме пищи из злаков [7, с. 356–360]. Очевидно, что в этот минимум входили и продукция земледельческих центров, и местные дикорастущие злаки. В пользу существовавшего собирательства дикоросов свидетельствуют результаты анализа нагаров со стенок саргатских сосудов [47, с. 122–133]⁴.

В этом же ключе могут быть интерпретированы и археологические характеристики самого кувшина. Прежде всего, его размеры (для чего, вероятно, и нужны были две ручки), превышающий в 1,5–2 раза некоторые керамические формы в северокавказских памятниках (рис. 10, 1, 3–4). Не исключено, что такие сосуды производились на заказ, являясь своеобразными статусными символами. Дополнительным аргументом могут рассматриваться не только присутствие «редкостей» в исаковском погребении, но и их количество, граничащее с вычурностью. Привезенные издалека, не связанные между собой и с местной средой, эти предметы характерны для большинства элитных комплексов степного пояса Евразии. Следующим звеном в цепочке рассуждений может расцениваться своеобразная практичность населения саргатской культуры, столь контрастирующая с исключительным богатством инвентаря. Несомненно, одно – ценность предметов для «вечного пира». Такой прагматизм выражен не только депонированием в погребение предметов со следами ремонта (кроме кувшина это относится и к некоторым золотым изделиям), но и сам ритуальный напиток мог быть изготовлен из местного сырья, что было рассмотрено выше. Отсутствие подобных исследований для большинства археологических случаев не позволяет провести сравнительный анализ и разобраться

4 Ранее отсутствие развитого земледелия у скотоводов Евразии убедительно доказал А.О. Наглер, рассматривая находки жерновов в погребальных памятниках и используя широкий круг археологических и этнографических материалов [49].

выдвинутые гипотезы, поэтому дальнейшие рассуждения без риска углубиться в область недоказуемых догадок на имеющемся материале едва ли возможны.

Подводя итоги, нельзя не коснуться вопросов хронологии. При этом очевидно, что анализ одной находки из целого ряда пышных погребальных приношений и инвентаря не может служить основанием для датировки всего комплекса. Однако такое уточнение не только определяет культурно-исторический фон, но и представляется актуальным еще и потому, что существуют публикации со ссылкой на могильник Исаковка I, в которых доминирует практика датированных аналогий преимущественно по металлическому импорту – весьма разнообразному. Необходимо отметить, что Л.И. Погодин все исследованные им курганы отнес к I в. до н.э. – I в. н.э., допуская I – начало II в. н.э. в качестве верхней хронологической границы [13]. В работе В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстера эллинистические чаши стали основой для датировки саргатских элитных комплексов в пределах второй половины II – начала I в. до н.э. [50, с. 248–249, прим. 42]. При этом не оговаривается, как долго могли использоваться депонированные в погребения разнородные предметы, что не помешало В.Е. Маслову использовать этот же временной рубеж и для поясных накладок [51, с. 36–37]. А.В. Симоненко с учетом нефритовых скоб на лаковых ножнах мечей (эти детали прекрасно представлены в Китае и не столь многочисленны к северу и западу от него) заключил, что в княжеских погребениях на Иртыше нет вещей позже I в. н.э. [52, с. 397].

Представляется, что хронологическая оценка археологического контекста может определяться и с учетом не столь выразительных находок. Среди таких следует рассматривать северокавказский импортный кувшин, поскольку керамическая посуда в силу своей хрупкости имеет ограниченный срок использования и наряду с ременной гарнитурой может рассматриваться в качестве хронологического индикатора. Принимая во внимание обнаруженный на Устюрте экземпляр, период распространения подобных кувшинов к востоку от основной территории, вероятно, можно отнести к II–I в. до н.э. Появление данной керамики в ареале саргатской культуры, с учетом датировки некоторых сопутствующих предметов ременной гарнитур [53], очевидно, произошло не ранее второй половины I в. до н.э., скорее всего, около рубежа эр. Основные факторы, в результате которых происходило такое перемещение вещей, едва ли стоит связывать только с существованием налаженных торговых коммуникаций. Вполне очевидно, что саргатские коллективы участвовали в подпитке сарматского мира восточными лесостепными группами. Косвенным подтверждением этому могут рассматриваться репрезентативные инсигнии: дорогое, парадное оружие и прочий аналогичный инвентарь традиционно относят к дипломатическим и/или династийным дарам, или пожалованным правителями своим вассалам. Но этот, несомненно, заслуживающий внимания аспект выходит за рамки данной работы.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в ходе проведенного междисциплинарного исследования в древностях раннего железного века Зауралья и

Западной Сибири удалось выявить образец северокавказского керамического импорта. Прежде в археологии саргатской культуры Кавказ звучал только в контексте распространения металлургии железа.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках госзадания №121102500121-8 и гранта РФФИ, проект №20-09-00194; лабораторные исследования проведены в ЦКП «Геоаналитик» ИГГ УрО РАН и поддержаны госзадаанием №AAAA-A18-118053090045-8. Дооснащение и комплексное развитие ЦКП «Геоаналитик» ИГГ УрО РАН осуществляется при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Соглашение №075-15-2021-680.

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the state order No. 121102500121-8 and the RFBR project No. 20-09-00194; laboratory studies were carried out at the Center for Collective Use “Geoanalyst” of the Institute of Geology and Geochemistry of the Ural Branch of RAS and supported by the state order No. AAAA-A18-118053090045-8. The retrofitting and integrated development of the Center for Collective Use “Geoanalyst” of the Institute of Geology and Geochemistry of the Ural Branch of RAS is carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 075-15-2021-680.



Рис. 1. Могильник Исаковка I. 1, 2 – местоположение памятника (отмечено красной звездочкой); 3 – кувшин в погребении 6 кургана 3

Fig. 1. Isakovka I burial. 1, 2 – site location (marked with red asterisk); 3 – jug inside burial 3 of the kurgan 6

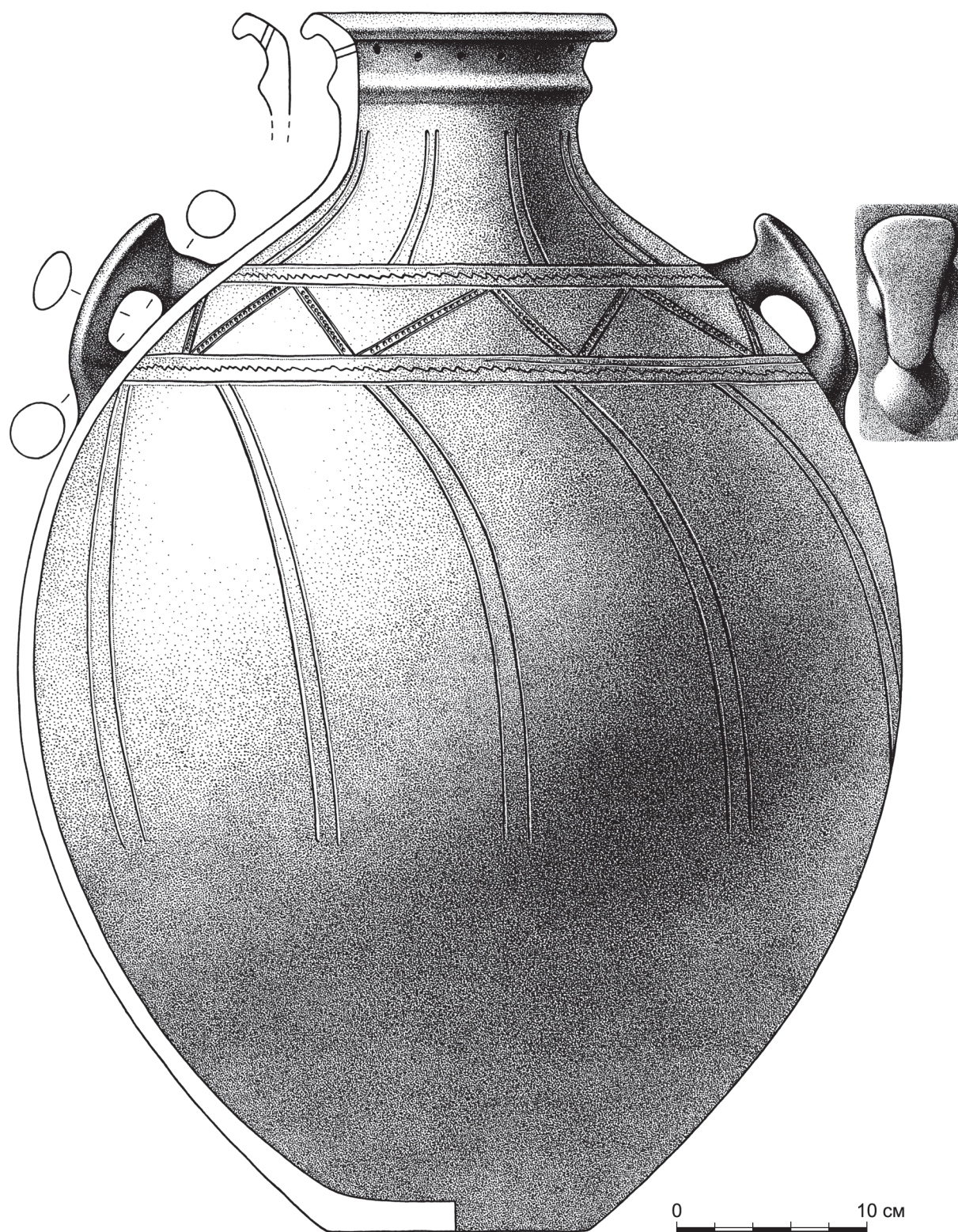


Рис. 2. Кувшин из погребения 6 кургана 3 могильника Исаковка I (рисунок Я.В. Смертиной)

Fig. 2. Jug from the Isakovka I burial, kurgan 3, burial 6 (drawn by Ya.V. Smertina)



Рис. 3. Кувшин из погребения 6 кургана 3 могильника Исаковка I (фото А.Я. Труфанова)

Fig. 3. Jug from the Isakovka I cemetery, kurgan 3, burial 6 (photo by A.Ya. Trufanov)



Рис. 4. Кувшин из погребения 6 кургана 3 могильника Исаковка I. Детали (фото А.Я. Труфанова)

Fig. 4. Jug from the Isakovka I cemetery, kurgan 3, burial 6. Details (photo by A.Ya. Trufanov)

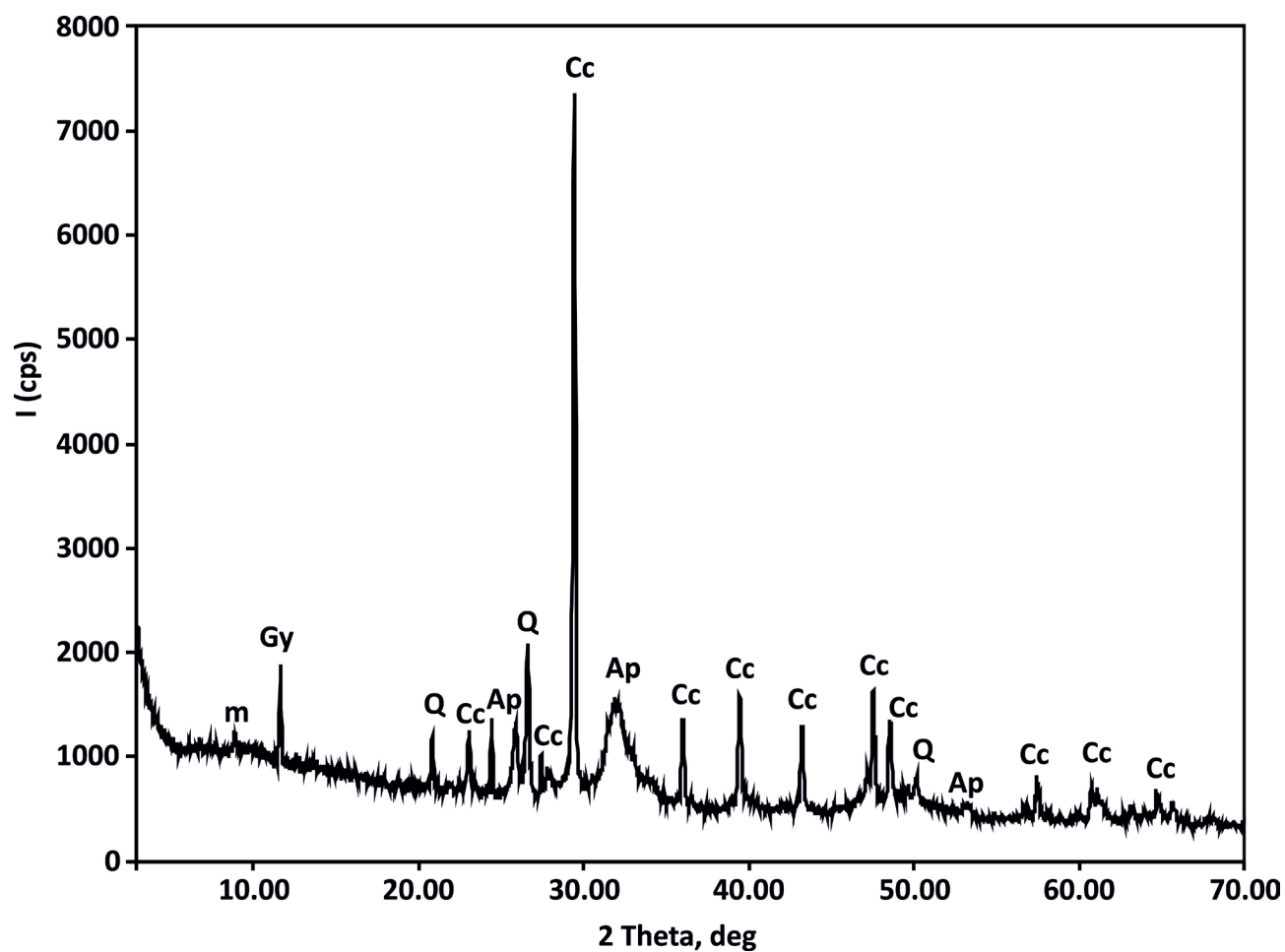


Рис. 5. Дифрактограмма вещества заполнения кувшина.

m – слюда, Gy – гипс, Q – кварц,
Cc – кальцит, Ap – апатит

Fig. 5. The X-Ray diffraction pattern of the substance filling the jug.

m – mica, Gy – gypsum, Q – quartz,
Cc – calcite, Ap – apatite

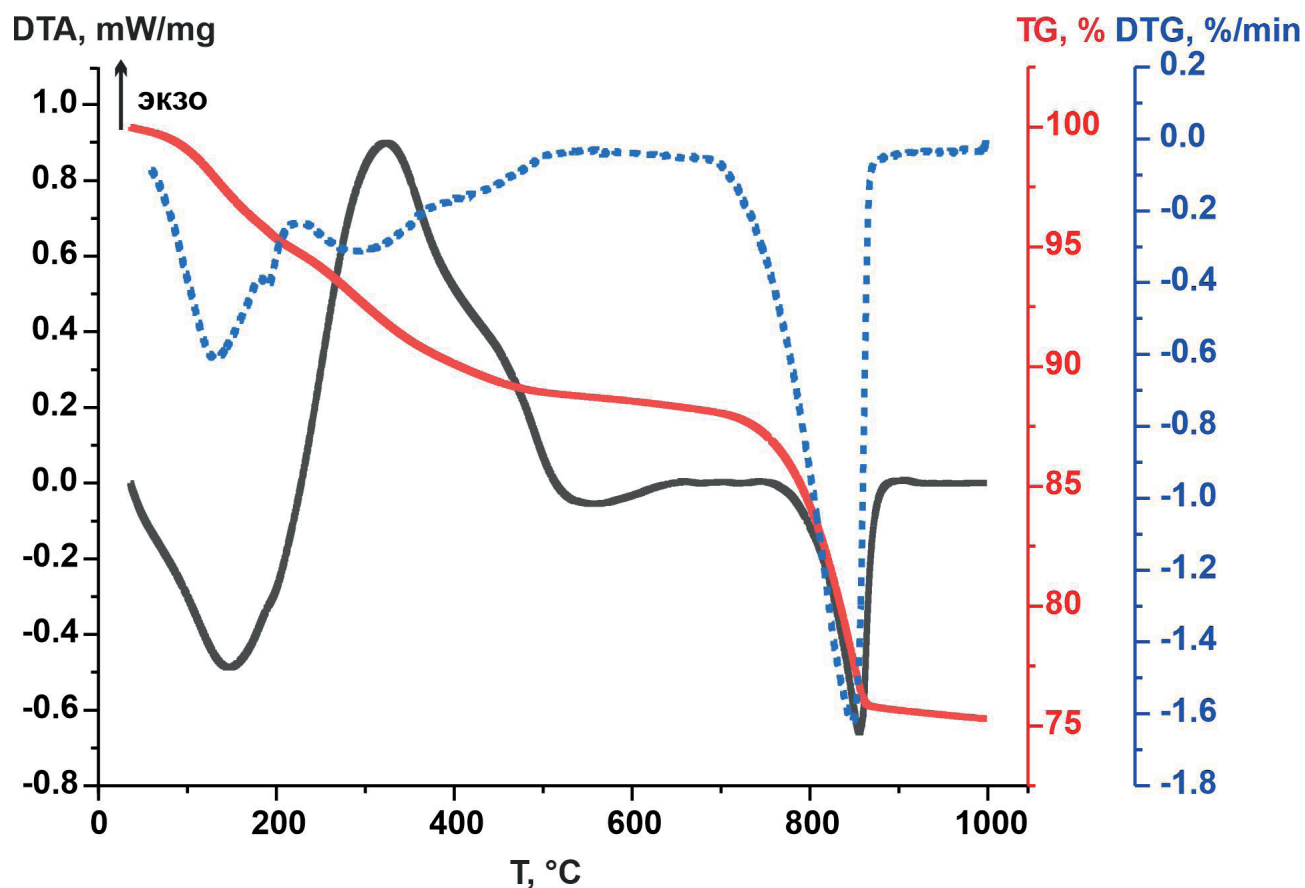


Рис. 6. Термограмма вещества заполнения кувшина.
 DTA—кривая дифференциального термического анализа,
 TG — термогравиметрическая кривая,
 DTG — дифференциальная термогравиметрическая кривая

Fig. 6. Thermoanalytical curves of the substance filling the jug.
 DTA – differential thermal analysis curve,
 TG – thermogravimetric curve,
 DTG – differential thermogravimetric curve

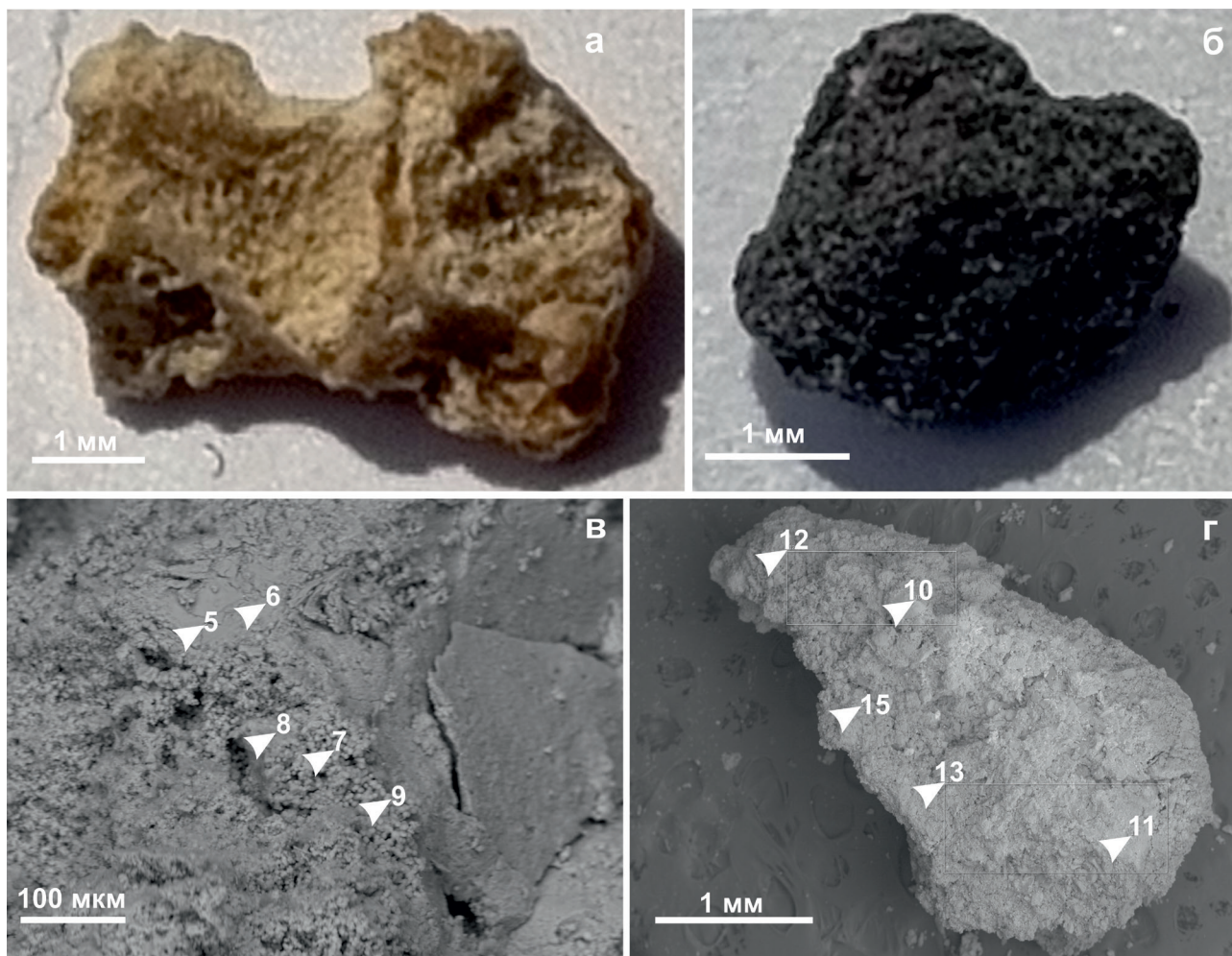


Рис. 7. Внешний вид (а, б) и СЭМ-изображения белых (в) и серо-черных (г) частиц вещества заполнения кувшина. Стрелками отмечены точки ЭДС анализа

Fig. 7. Optical photo (a, b) and SEM images of white (c) and gray-black (d) particles of the substance filling the jug. EDS analysis points indicated by arrows

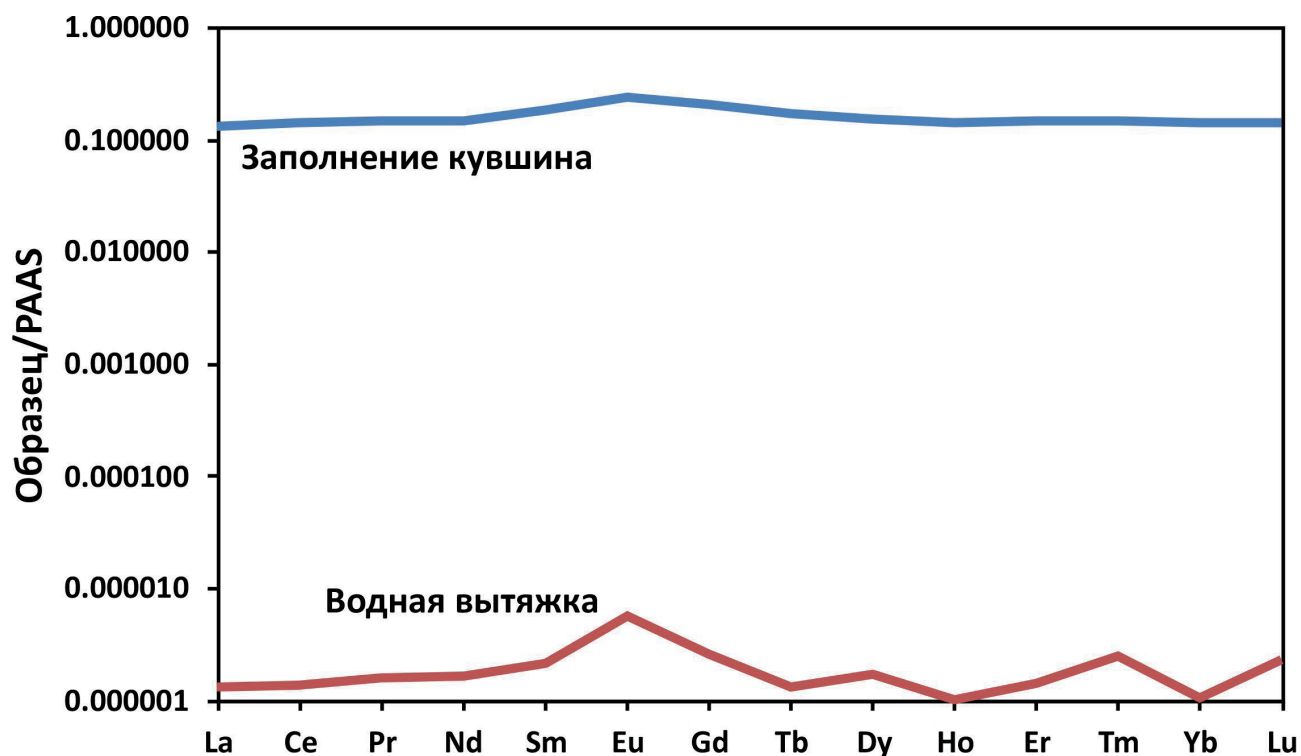


Рис. 8. Нормированные на PAAS (Post-Achaeon-Australian Shale [McLennan, 1989]) содержания редкоземельных элементов в веществе заполнения кувшина (мкг/г) и водной вытяжке из материкового суглинка (пмоль/кг)

Fig. 8. PAAS-normalized (Post-Achaeon-Australian Shale [McLennan, 1989]) REE contents in the substance filling the jug (ppm) and water leachate from the host clay loam (pmol/kg)

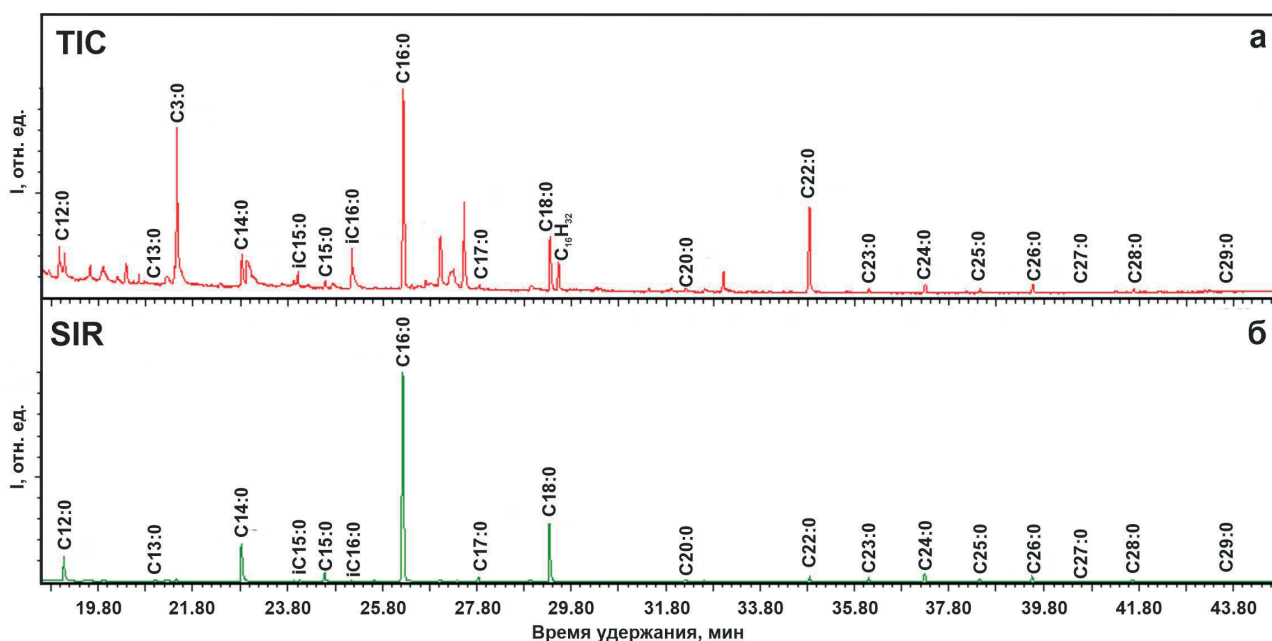


Рис. 9. Хроматограммы жирных кислот вещества заполнения кувшина после метилирования в режиме общего ионного тока (TIC – total ion count) (а) и регистрации выбранных ионов (SIR – selected ion recording) (б)

Fig. 9. The chromatograms of fatty acids from the substance filling the jug after methylation recorded in the total ion count (TIC) (a) and selected ion recording (SIR–) (b) modes

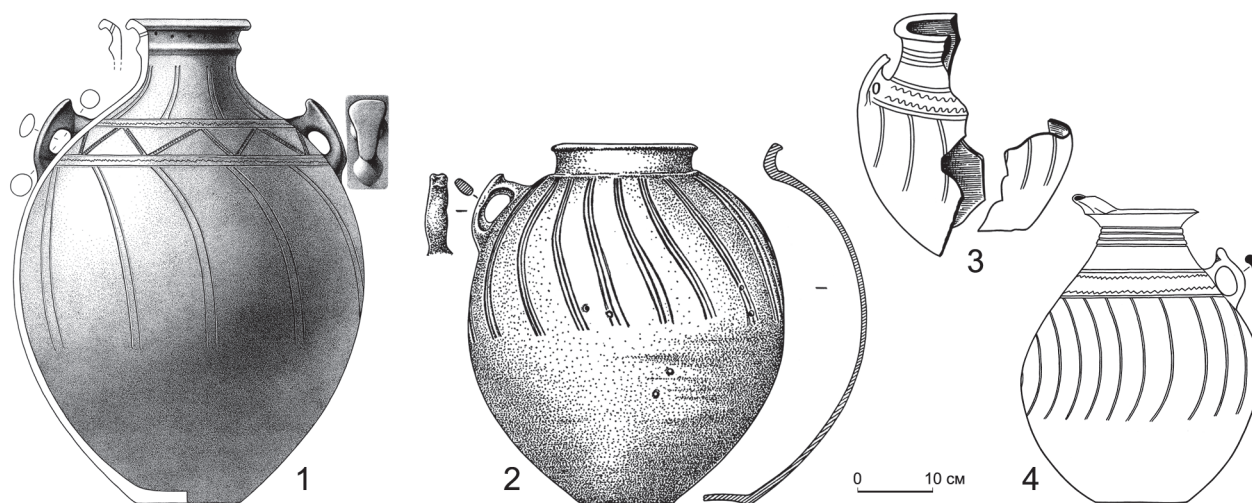


Рис. 10. Кувшин из погребения 6 кургана 3 могильника Исаковка I (1) и его аналоги (2–4) (по Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р., 2017. Рис. 323; Кореньяко В.А., Найденко А.В., 1977. Рис. 4, 7; 8)

Fig. 10. Jug from the Isakovka I cemetery, kurgan 3, burial 6 (1) and its analogies (2–4) (Ongaruly A., Ol'khovsky V., Astaf'ev A., Darменов R., 2017. Fig. 323; Korenyako VA., Najdenko AV., 1977. Fig. 4, 7; 8)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: изд. Урал. ун-та, 1988. – 240 с.
2. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: ВО Наука, 1994. – 152 с.
3. Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. – С. 274–311.
4. Довгальук Н.П. Стекланные украшения Западной Сибири эпохи раннего железного века (по материалам саргатской культуры): автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1995. – 18 с.
5. Погодин Л.И. Золотное шитье Западной Сибири (первая половина I тыс. н.э.) // Исторический ежегодник / под ред. А.В. Якуба. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1996. – С. 123–134.
6. Багашев А.Н. Палеоантропология За-

1. Koryakova LN. *Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (Sargat culture [Ranniy zhelezny vek Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri (sargatskaya kultura)]*. Sverdlovsk: USU Publ., 1988. (In Russ)
2. Matveeva NP. *Early Iron Age of Ishim river basin [Ranniy zhelezny vek Priishim'ya]*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994. (In Russ)
3. Mogilnikov VA. Forest-steppe of the Trans-Urals and Western Siberia. *Steppe belt of Asiatic part of the USSR during Scythian and Sarmatian epoch [Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoje vremya]*. Moscow: Nauka Publ., 1992: 274-311. (In Russ)
4. Dvgalyuk NP. *Glass decoration of the Western Siberia in Early Iron Age (on materials of the Sargat culture) [Steklyannyye ukrasheniya Zapadnoj Sibiri epokhi rannego zhelezno-go veka (po materialam sargatskoj kul'tury)]* (dissertation abstract). Moscow, 1995. (In Russ)
5. Pogodin LI. Golden embroidery of Western Siberia (first half of the I mil. AD)

падной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.

7. *Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 492 с.

8. *Слептова А.В.* Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. № 3(54). С. 163–175. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-13>

9. *Bennett C.C., Kaestle F.A.* Investigation of Ancient DNA from Western Siberia and the Sargat Culture // *Human Biology*. – 2010. – Vol. 82(2). – P. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.3378/027.082.0202>

10. *Шарапова С.В., Пилипенко А.С., Ражев Д.И., Трапезов Р.О., Черданцев С.В.* Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // *Stratum plus*. 2020. № 3. С. 353–378.

11. *Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Томилин М.А., Балабанова М.А., Пристяжнюк М.С., Журавлев А.А.* К вопросу о генетическом составе сарматского населения Нижнего Поволжья (данные палеогенетики) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2020. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 4. С. 17–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>

12. *Киселева Д.В., Данилов Д.А., Домрачева Д.В., Труфанов А.Я., Хорькова А.Н., Шарапова С.В.* Хроматографическое изучение растительной смеси из элитного погребения саргатской культуры в Среднем Прииртышье // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 657–663. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1992722320050052>

13. *Погодин Л.И.* Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г. Архив ИА РАН. Р. – 1. №13932–13935.

14. *Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

15. *Muynck D.D., Huelga-Suarez G., Heghe L.V., Degryse P., Vanhaecke F.* Systematic evaluation of a strontium-specific extraction chromatographic resin for obtaining a purified

[Zolotnoje shitje Zapadnoj Sibiri (pervaya polovina I tys. n.e.)]. In: Yakuba AV. (ed.). *Historical yearbook [Istorichesky ezhegodnik]*. Omsk: Omsk State University, 1996: 123–134. (In Russ)

6. *Bagashev AN.* *Paleoanthropology of the Western Siberia: Forest-Steppe During Iron Age [Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: lesostep' v epokhu rannego zheleza]*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2000. (In Russ)

7. *Razhev DI.* *Bioanthropology of the Population of the Sargat Entity [Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obschnosti]*. Ekaterinburg: Urals Branch of RAS, 2009. (In Russ)

8. *Sleptsova AV.* The origins of the population of Western Siberia in the Early Iron Age according to odontological data. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2021, 3(54): 163–175. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-13> (In Russ)

9. *Bennett CC, Kaestle FA.* Investigation of Ancient DNA from Western Siberia and the Sargat Culture. *Human Biology*. 2010, 82(2): 143–156. DOI: <https://doi.org/10.3378/027.082.0202>

10. *Sharapova SV, Pilipenko AS, Razhev DI, Trapezov RO, Cherdantsev CS.* Two Male Burials from the Sargat Culture's Burial: Bioarchaeological and Paleogenetic Review [*Dva muzhskikh pogrebeniya iz kurgana sargatskoy kul'tury: bioarkheologicheskii i paleogeneticheskii obzor*]. *Stratum Plus*. 2020, 3: 379–404. (In Russ)

11. *Pilipenko AS, Cherdantsev SV, Trapezov RO, Tomilin MA, Balabanova MA, Pristiyazhnyuk MS, Zhuravlev AA.* On the Issue of the Sarmatian Population Genetic Composition in the Lower Volga Region (Paleogenetic Data) [K voprosu o geneticheskom sostave sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya (dannyye paleogenetiki)]. *Scientific Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relation*. 2020, 25(4): 17–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2> (In Russ)

12. *Kiseleva DV, Danilov DA, Domracheva DV, Trufanov AY, Khorkova AN, Sharapova SV.* Gas Chromatography–Mass Spectrometry (GC–MS) Study of the Archaeological Plant Mixture from an Elite Burial Mound of the Sargat Culture in the Middle Irtysh River Basin. *Nanotechnologies in Russia*. 2020, 15(9–10): 617–622. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1995078020050055>

13. *Pogodin LI.* Report on archaeological investigations in Nizhneomsky and Gorkovskiy

Sr fraction with quantitative recovery from complex and Ca-rich matrices // *Journal of Analytical Atomic Spectrometry*. 2009. Vol. 24. P. 1498–1510.

16. Streletskaya M., Zaytceva M., Soloshenko N. Sr and Nd chromatographic separation procedure for precise isotope ratio measurement using TIMS and MC-ICP-MS methods // *Abstracts of European winter conference on plasma spectrochemistry (EWCPS-2017)*. Sankt-Anton am Arlberg: Helmholtz-Zentrum Geestacht, 2017. P. 319.

17. Horwitz E.P., Chiarizia R., Dietz M.L. A novel strontium-selective extraction chromatographic resin // *Solvent Extraction and Ion Exchange*. 1992. Vol. 10. P. 313–336.

18. Mänd K., Kirsimäe K., Lepland A., Crosby C.H., Bailey J.V., Konhauser K.O., Wirth R., Schreiber A., & Lumiste K. Authigenesis of biomorphic apatite particles from Benguela upwelling zone sediments off Namibia: The role of organic matter in sedimentary apatite nucleation and growth // *Geobiology*. – 2018. – Vol. 16(6). – P. 640–658. DOI: <https://doi.org/10.1111/gbi.12309>

19. Геологическая карта СССР масштаба 1:200 000, серия кулундинско-барабинская, лист № 43-III. Объяснительная записка. / Сост. Н.Н. Слотин. / Ред. Ф.Г. Гурари. Филиал научно-редакционного совета ВСЕГЕИ при СНИИГТИМС. – Москва, 1975.

20. McLennan S.M. Rare earth elements in sedimentary rocks: Influence of provenance and sedimentary processes. // B.R. Lippin and G.A. McKray (eds). *Geochemistry and mineralogy of rare earth elements. Reviews in Mineralogy*. 1989. Vol. 21. P. 169–200.

21. Dunne J. Organic Residue Analysis and Archaeology. Supporting Information. HEAG058b // *Historic England*. 2017. Режим доступа: <https://historicengland.org.uk/images-books/publications/organic-residue-analysis-and-archaeology/heag058b-organic-residue-analysis-and-archaeology-supporting-info/> (дата обращения: 26.01.2022).

22. Evershed R.P., Dudd S.N., Copley M.S., Berstan R., Stott A.W., Mottram H., Buckley S.A., Crossman Z. Chemistry of Archaeological Animal Fats // *Accounts of Chemical Research*. – 2002. Vol. 35. P. 660–668.

23. Пожидает В.М., Сергеева Я.Э., Слушная И.С., Кашкаров П.К., Яцишина Е.Б. При-

districts of Omsk region in 1989 [Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Nizhneomskom i Gorkovskom rajonakh Omskoj oblasti v 1989 g.]. *Archive of IA RAS*. 1989, 13932-13935.

14. Gening VF. Le programme d'une élaboration statistique de la céramique provenant de fouilles archéologiques. *Soviet Archaeology*. [Sovetskaya arkheologiya]. 1973, 1: 114-135.

15. Muynck DD, Huelga-Suarez G, Heghe LV, Degryse P, Vanhaecke F. Systematic evaluation of a strontium-specific extraction chromatographic resin for obtaining a purified Sr fraction with quantitative recovery from complex and Ca-rich matrices. *Journal of Analytical Atomic Spectrometry*. 2009, 24: 1498-1510.

16. Streletskaya M, Zaytceva M, Soloshenko N. Sr and Nd chromatographic separation procedure for precise isotope ratio measurement using TIMS and MC-ICP-MS methods. *Abstracts of European winter conference on plasma spectrochemistry (EWCPS-2017)*. Sankt-Anton am Arlberg: Helmholtz-Zentrum Geestacht, 2017.

17. Horwitz EP, Chiarizia R, Dietz ML. A novel strontium-selective extraction chromatographic resin. *Solvent Extraction and Ion Exchange*. 1992, 10: 313-336.

18. Mänd K, Kirsimäe K, Lepland A, Crosby CH, Bailey JV, Konhauser KO, Wirth R, Schreiber A, & Lumiste K. Authigenesis of biomorphic apatite particles from Benguela upwelling zone sediments off Namibia: The role of organic matter in sedimentary apatite nucleation and growth. *Geobiology*. 2018, 16(6): 640-658. DOI: <https://doi.org/10.1111/gbi.12309>

19. *Geological map of USSR of 1:200000 scale, Kuludinsko-Barabinskaya series, list 43-III. Explication*. Slotin N. N. (comp.), Gurari F.G. (ed.). Moscow: Russian Geological Research Institute (VSEGEI), 1975.

20. McLennan S.M. Rare earth elements in sedimentary rocks: Influence of provenance and sedimentary processes. Lippin B.R. and McKray G.A. (eds). *Geochemistry and mineralogy of rare earth elements. Reviews in Mineralogy*. 1989, 21: 169-200.

21. Dunne J. Organic Residue Analysis and Archaeology. Supporting Information. HEAG058b. [Internet] *Historic England*; 2017. <https://historicengland.org.uk/images-books/publications/organic-residue-analysis-and-archaeology/heag058b-organic-residue-analysis-and-archaeology-supporting-info/>

менение метода газовой хроматографии для уточнения атрибуции древнего глиняного сосуда // Бутлеровские сообщения. 2017. Т. 52 (12). С. 73–81.

24. Tinto W.F., Elufioye T.O., Roach J. *Waxes // Pharmacognosy: Fundamentals, Applications and Strategies*. Boston: Academic Press, 2017. P. 443–455.

25. Svecnjak L., Chesson L.A., Gallina A., Maia M., Martinello M., Mutinelli F., Muz M.N., Nunes F.M., Saucy F., Tipple B. J., Wallner K., Was E. and Waters T.A. Standard methods for Apismellifera bees wax research // *Journal of Apicultural Research*. 2019. V. 58(2). P. 1–108. DOI: <https://doi.org/10.1080/00218839.2019.1571556>

26. Kapoulas V.M., Mastronicolis S.K., Galanos D.S. Identification of the lipid components of honey // *Zeitschrift für Lebensmittel-Untersuchung und- Forschung*. 1977. Feb 25; 163(2). P. 96–99. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01126025>. PMID:857493

27. Kuzmenko A.N., Pashkova E.B., Pirogov A.V., Razzhivin R.V., Reshetnyak V.Yu. Study of a Composition of Official Herb Mixtures Using Gas-Liquid Chromatography with Mass-Spectrometric Detection // *Moscow University Chemistry Bulletin*. 2010. Vol. 65. No. 2. P. 106–113.

28. Uzel A., Sorkun K., Öncü Ö., Çoğulu D., Gençay Ö., Salih B. Chemical compositions and antimicrobial activities of four different Anatolian propolis samples // *Microbiological Research*. 2005. Vol. 160. Iss. 2. P. 189–195.

29. Bayram S., Bayram N.E., Gercek Y.C., Aydogan M.N., Oz G.C. Chemical Analysis and Antimicrobial Effect of Propolis from Hakkari Province of Turkey against Some Pathogenic Microorganisms // *European Journal of Biology*. 2017. Vol. 76(2). P. 74–78.

30. Pozhidaev V.M., Azarov E.S., Babichenko N.P., Kashkarov P.K. & Yatsishina E.B. Biomarker for Identification of Fish Products in Residues on the Surface of Archaeological Ceramics // *Nanotechnology Reports*. 2021. Vol. 16. P. 663–667. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2635167621050207>

31. Chen Y.F., Wang K., Zhang Y.Z., Zheng Y.F., Hu F.L. In Vitro Anti-Inflammatory Effects of Three Fatty Acids from Royal Jelly // *Mediators of Inflammation*. 2016. Article ID 3583684. DOI: <https://doi.org/10.1155/2016/3583684>

22. Evershed RP, Dudd SN, Copley MS, Berstan R, Stott AW, Mottram H, Buckley SA, Crossman Z. Chemistry of Archaeological Animal Fats. *Accounts of Chemical Research*. 2002, 35: 660–668.

23. Pozhidaev VM, Sergeeva YaE, Slushnaya IS, Kashkarov PK, Yatsishina EB. Gas chromatography approach for clarification of attribution of ancient ceramic vessel [Primenenie metoda gazovoy khromatographii dlya utochneniya atributsii drevnego glinyanogo sosuda]. *Butlerovskiy Communications [Butlerovskije soobscheniya]*. 2017, 52(12): 73–81.

24. Tinto WF, Elufioye TO, Roach J. *Waxes. Pharmacognosy: Fundamentals, Applications and Strategies*. Boston: Academic Press, 2017. p. 443–455.

25. Svecnjak L, Chesson LA, Gallina A, Maia M, Martinello M, Mutinelli F, Muz MN, Nunes FM, Saucy F, Tipple BJ, Wallner K, Was E, Waters TA. Standard methods for Apismellifera bees wax research. *Journal of Apicultural Research*. 2019, 58(2): 1–108. DOI: <https://doi.org/10.1080/00218839.2019.1571556>

26. Kapoulas VM, Mastronicolis SK, Galanos DS. Identification of the lipid components of honey. *Zeitschrift für Lebensmittel-Untersuchung und- Forschung*. 1977, Feb 25, 163(2): 96–99. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01126025>. PMID:857493

27. Kuzmenko AN, Pashkova EB, Pirogov AV, Razzhivin RV, Reshetnyak VYu. Study of a Composition of Official Herb Mixtures Using Gas-Liquid Chromatography with Mass-Spectrometric Detection. *Moscow University Chemistry Bulletin*. 2010, 65(2): 106–113.

28. Uzel A, Sorkun K, Öncü Ö, Çoğulu D, Gençay Ö, Salih B. Chemical compositions and antimicrobial activities of four different Anatolian propolis samples. *Microbiological Research*. 2005, 160(2): 189–195.

29. Bayram S, Bayram NE, Gercek YC, Aydogan MN, Oz GC. Chemical Analysis and Antimicrobial Effect of Propolis from Hakkari Province of Turkey against Some Pathogenic Microorganisms. *European Journal of Biology*. 2017, 76(2): 74–78.

30. Pozhidaev VM, Azarov ES, Babichenko NP, Kashkarov PK, Yatsishina EB. Biomarker for Identification of Fish Products in Residues on the Surface of Archaeological Ceramics. *Nanotechnology Reports*. 2021, 16: 663–667. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2635167621050207>

32. Lohaus E., Bloss I., Wolfhart R. Carboxylic Acids in Wheat, Rye and Barley // *Zeitschrift für Naturforschung*. 1983. V. 38c. P. 524–530.
33. Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М.: ИА РАН, 2012. – 208 с.
34. Малашев В.Ю., Маслов В.Е. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // *Нижеволжский археологический вестник*. 2021. Т. 20. № 2. С. 81–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>
35. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 1993. – 240 с.
36. Кереев Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии*. Т. 2 / Ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 136–259.
37. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1971. – 248 с.
38. Коренько В.А., Найденко А.В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // *Советская археология*. 1977. № 3. С. 230–248.
39. Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // *Античность и варварский мир*. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 43–63.
40. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1990. – 299 с.
41. Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – 320 с.
42. Хмельное и иное. Напитки народов мира / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2008. – 488 с.
43. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. – 229 с.
44. Бедоева И.А. Традиционные хмельные напитки осетин: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. – 22 с.
31. Chen YF, Wang K, Zhang YZ, Zheng YF, Hu FL. In Vitro Anti-Inflammatory Effects of Three Fatty Acids from Royal Jelly. *Mediators of Inflammation*. 2016; Article ID 3583684. DOI: <https://doi.org/10.1155/2016/3583684>
32. Lohaus E, Bloss I, Wolfhart R. Carboxylic Acids in Wheat, Rye and Barley. *Zeitschrift für Naturforschung*. 1983: 524–530.
33. Berezin YaB, Kaminsky VN, Malashev VYu. *Tatarsky fortress and formation of sites Tatarka-Verbovka [Tatarskoje gorodische i formirovanie pamyatnikov tipa Tatarka-Verbovka]*. Moscow: Publishing of Institute of Archaeology, 2012.
34. Malashev VYu, Maslov VE. Kurgan-Cemeteries of Central and Eastern Regions of North Caucasus 3rd Century BC – Early 2nd Century AD (Monuments Chegem-Manaskent Type). *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2021, 20(2): 81–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>
35. Abramova MP. *Central Cis-Caucasus during Sarmatian epoch (III century BC – IV century AD) [Tsentral'noje Predkavkaz'e v sarmatskoje vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)]*. Moscow: Publishing of Institute of Archaeology, 1993.
36. Kerefov BM. Chegemsky kurgan-cemetery of the Sarmatian epoch [Chegemsky kurgan-kladbische sarmatskogo vremeni]. In: Abramova M.P., Kozenkova V.I. (eds). *Archaeological investigations in new buildings of Kabardino-Balkaria [Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii]*. Vol. 2; Nalchik: Elbrus Publ., 1985: 136–259.
37. Minaeva TM. *To the history of the Alans in upper Kuban river basin based on archaeological data [K istorii alan Verkhnego Priubana'ya po arkheologicheskim dannym]*. Stavropol: "Stavropol" Publ., 1971.
38. Korenyako VA, Najdenko AV. Early Iron Age burials in kurgans of Tomuzlovkariver (Stavropol region) [Pogrebeniya rannego zheleznogo veka v kurganakh na r. Tomuzlovke (Stavropol'sky kraj)]. *Soviet archaeology*. 1977, 3: 230–248.
39. Vinogradov VB, Berezin YaB. Catacomb burials and their bearers in central Cis-Caucasus during III century BC – IV century AD. [Katakombnyje pogrebeniya i ikh nositeli v Tsentral'nom Predkavkaz'e v III v. do n.e. – IV v. n.e.]. *Antiquity and Barbaricum [Antichnost' i varvarsky mir]*. Ordzhonikidze: Publishing of North Ossetian State University, 1985: 43–63.

45. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: Том. 1. А–К. – М.-Л.: изд. АН СССР, 1958. – 655 с.
46. Каландаров Т.С. Напитки у народов Памира: будни и праздники // Хмельное и иное. Напитки народов мира / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2008. С. 249–273.
47. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: изд. СО РАН, 2005. – 228 с.
48. Корякова Л.Н., Дэйр М.-И., Ковригин А.А., Шарапова С.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е., Разжев Д.И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е.Г., Каздым А.А., Микрюкова О.В., Сахарова А.О. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2009. – 298 с.
49. Наглер А.О. О жерновах в погребальных памятниках степей Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2(2). С. 107–111.
50. Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н.э. – II в. н.э. Т. I. – Симферополь-Бонн: Тарпан, 2007. – 308 с.
51. Маслов В.Е. К вопросу о происхождении поясных накладок со сценой охоты из Сибирской коллекции Петра I // Краткие сообщения института археологии. 2018. Вып. 250. С. 25–42. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.25-42>
52. Симоненко А.В. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 11. С. 392–402.
53. Шарапова С. В., Малашев В. Ю. Хроноиндикаторы I–III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21. № 1. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>
40. Skripkin AS. *Asiatic Sarmatia. Chronological problems and its historical aspect [Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i eje istorichesky aspect]*. Saratov: Publishing of Saratov University, 1990.
41. Ongaruly A, Olkhovsky V, Astafev A, Darmentov R. *Ancient sanctuaries of Ustyurt and eastern Cis-Aral [Drevniye svyatilischa Ustyurta i Vostochnogo Priaralya]*. Almaty: Publishing of Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, 2017.
42. Arutyunov SA, Voronina TA (eds.). *Intoxicated and another. [Khmel'noye i inoye]*. Moscow: Nauka Publ., 2008.
43. Dumézil G. *The Scythians and the Narts [Skify i narty]*. Moscow: Nauka Publ., 1990.
44. Bedoeva IA. *Traditional alcoholic Ossetian drinks [Traditsionnyye khmel'nyye napitki osetin]* (dissertation abstract). Vladikavkaz, 2015.
45. Abaev VI. *Historical-etymological dictionary of Ossetian language [Istoriko-etimologicheskyy slovar' osetinskogo yazyka]*. Vol. I: A–K. Moscow-Leningrad: Publishing of Academy of Sciences of the USSR, 1958.
46. Kalandarov TS. Drinks of Pamir peoples: weekdays and holidays [Napitki narodov Pamira: budni i prazdniki]. In: Arutyunov S.A., Voronina T.A. (eds.). *Intoxicated and another [Khmel'noye i inoye]*. Moscow: Nauka Publ., 2008: 249–273.
47. Matveeva NP, Larina NS, Berlina SV, Chikunova IYu. *Complex studies on mode of life of the ancient population of the Western Siberia [Kompleksnoye izuchenie usloviy zhizni drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri]*. Novosibirsk: Publishing of Siberian Branch of RAS, 2005.
48. Koryakova LN, Daire M-Y, Kovrigin AA, Sharapova SV, Berseneva NA, Panteleeva SE, Razhev DI, Courtaud P, Hanks B, Efimova E, Kazdym AA, Mikrukova OV, Sakharova AO. *Environment, culture and society of the Trans-Uralian forest-steppe during second half of the I millennium BC (on materials of Pavlinovsky archaeological complex) [Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (po materialam Pavlinovskogo arkheologicheskogo kompleksa)]*. Ekaterinburg-Surgut: "Magellan" Publ., 2009.
49. Nagler AO. *About millstones in funeral sites of the Eurasian steppe [O zhernovakh v pogrebal'nykh pamyatnikakh stepey Evrazii]*.

Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia. 2002, 2(2): 107-111.

50. Mordvintseva VI, Treister MYu. *Toreutics artworks and jewelry art in the Northern Black Sea in II century BC – II century AD*. [Proizvedeniya toreutiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e II v. do n.e. – II v. n.e.]. Vol. I. Simferopol-Bonn: Tarpan Publ., 2007.

51. Maslov VE. Revisiting the issue of origin of belt mounts featuring hunting scenes from the Siberian collection of Peter I [K voprosu o proiskhozhdenii poyasnykh nakladok so scenoj okhoty iz Sibirskoy kollektsii Petra I]. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2018, 250: 25-42. DOI: <https://doi.org/10.25681/IAR-AS.0130-2620.250.25-42>

52. Simonenko AV. “Huns-Sarmatians” (to posing a problem) [“Gunno-sarmaty” (k postanovke problemy)]. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2010, 11: 392-402.

53. Sharapova S.V., Malashev V.Yu., 2022. Hronoindikatory I–III vv. n.e. iz lesostepnykh pamyatnikov Tobolo-Irtysh'ya [I–III AD Estimating Finds in the Forest-Steppe Sites of the Tobol and Irtysh Rivers Basin]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]*, 2022: 21(1): 171-192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

Статья поступила в редакцию 06.04.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182463-496>

Гмыря Людмила Борисовна

д.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

Lgmyrya@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВОЗВЕДЕНИЯ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНЫХ СООРУЖЕНИЙ РУБАССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ VI в. (ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ)

Аннотация: В статье рассмотрены приемы строительной техники, использованные при сооружении монументального оборонительного объекта VI в., возведенного в долине р. Рубас, вблизи с. Коммуна Дербентского района Республики Дагестан. Раскопки этого объекта осуществлялись в период 2014, 2016–2018 и 2020 гг. Рубасской археологической экспедицией ИИАЭ ДФИЦ РАН. Он включает 6 разнохарактерных по планировке и конструкции сооружений, объединенных строительными связками в единый объект – сооружение арочной конструкции, стена № 1, длинная стена № 2, сооружение ступенчатой конструкции № 6, стена № 3, сооружение № 5 («платформа»). Анализ материалов раскопок показывает, что технология их сооружения обуславливалась функциональным назначением этих объектов. Причем каждое из архитектурных сооружений обеспечивалось своеобразной, отличной от других конструкцией, особым набором строительных материалов, конкретными приемами строительной техники, разнообразием систем кладки сооружений, а также размером каменных блоков и плит. Цель исследования состоит в проведении анализа технологических приемов возведения разнотипных военно-инженерных сооружений; в установлении связи технологических методов с функциональным назначением сооружений; в определении уровня развития строительного дела и архитектуры в Прикаспийском регионе в эпоху Великого переселения народов и значимости данного объекта как военно-оборонительного сооружения. Методика исследования включает детальный анализ технологических приемов строительства военно-инженерных сооружений; проведение классификации методов строительства оборонительных объектов и системы кладки каменных сооружений; проведение анализа строительных материалов, использованных при возведении сооружений. Особо отмечены специфические конструктивные приемы при формировании кладки сооружений (использование скрепляющих блоки скоб; замковое соединение блоков; подгонка формы блоков в процессе формирования стен; формирование вертикальных желобов в фасадах сооружений для передвижения защитных решеток и др.). Анализ материалов раскопок Рубасской фортификации показывает, что по технологии сооружения данный объект близок Дербентскому оборонительному комплексу сер. VI в. (крупные каменные блоки; массивность построек; использование кладки «opus quadratum»; наличие скрепляющего известкового раствора и др.). По основным показателям (монументальность и функциональная направленность) данное сооружение относится к серии заградительных рубежей Западного Прикаспия, возведенных Персией при финансовом содействии Византии в эпоху Великого переселения народов. Типологически и хронологически сопоставим с Дербентом.

Ключевые слова: Рубасская фортификация; Восточный Кавказ; долина р. Рубас; стена №1; стена №2; сооружение ступенчатой конструкции №6; стена №3; сооружение №5 («платформа»); приемы строительной техники; система кладки каменных стен; конструктивные строительные приемы; состав строительных материалов.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182463-496>

Lyudmila B. Gmyrya
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
lgmyrya@mail.ru

TECHNOLOGICAL METHODS OF BUILDING MILITARY ENGINEERING CONSTRUCTIONS OF THE RUBAS FORTIFICATION OF THE 6th CENTURY (EAST CAUCASUS)

Abstract. The article reviews building techniques, used for constructing a monumental fortification of the 6th century, erected in the river-valley of Rubas, near the village of Kommuna, Derbent region of the Republic of Dagestan. Excavations of this site were conducted in the period of 2014, 2016-2018 and 2020 by the Rubas archeological expedition of IHAE DFRC RAS. The site includes six objects different in layout and construction, connected with building junctions into a single object – a construction of arched type, Wall 1, Long wall 2, Stepped structure 6, Wall 3, Platform 5. Analysis of the excavation material shows that the technology of their building was due to the functional purpose of these objects. Moreover, each of the architectural structures was built with the use of unique building techniques, variety of masonry, as well as the sizes of stone blocks and plates. The aim of the research is to conduct the analysis of the technological methods of constructing multi-type military-engineering fortifications; to determine the links of technological methods with the object's functional purposes; to determine the level of development of construction engineering and architecture in the Peri-Caspian region in the era of the Great Migration of Peoples and the significance of this site as a military-defensive construction. The research methodology includes a detailed analysis of technological methods for the construction of military engineering structures; carrying out the classification of methods for the construction of defensive objects and the system of laying stone structures; analysis of building materials used in the construction of structures. Particularly noted are specific building techniques in the formation of masonry structures (the use of brackets fastening blocks; interlocking of blocks; fitting the shape of blocks in the process of forming walls; forming vertical gutters in the facades of structures for moving protective gratings, etc.). The analysis of the excavation materials of the Rubas fortification shows that, according to the technology of construction, this object is close to the Derbent defensive complex of the middle 6th century (large stone blocks; massiveness of structures; the use of “opus quadratum” masonry; the presence of a bonding lime mortar, etc.). According to the main indicators (monumentality and functional orientation), this structure belongs to a series of barriers in the Western Peri-Caspian, built by Persia with the financial assistance of Byzantium in the era of the Great Migration of Peoples, typologically and chronologically similar to Derbent.

Keywords: the Rubas fortification; East Caucasus; river valley of Rubas; Wall 1; Wall 2; Stepped structure 6; Wall 3; Platform 5; building techniques; masonry system; constructive building techniques; composition of building materials.

© L.B. Gmyrya, 2022

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Рубасский оборонительный комплекс находится в низовьях р. Рубас, вблизи селения Коммуна Дербентского района Республики Дагестан (РФ), в 20 км к ЮЗ от г. Дербента. Открыт случайно в 2014 г. при вспашке земельного участка местными жителями. Получил значительные повреждения при несанкционированной разборке строительных сооружений землепользователем [1, с. 108–111]. Исследовался в период 2014, 2016–2018, 2020 гг. [3, с. 178–181; 4, р. 12–13; 5, с. 5–25; 6, с. 91–103; 7, pp. 91–103; 8, с. 1099–1139].

Структура и планировка оборонительного комплекса отличаются сложностью и неординарностью. На участке площадью 300 кв.м открыто 6 военно-инженерных сооружений.

Полная планировка комплекса пока не выявлена, но по имеющимся данным центральное положение в комплексе занимает магистральная стена №2 (вскрыта на протяжении 28 м), ориентированная в направлении Ю-С.

К западу от нее находятся 2 сооружения – укрепленный проход на территорию комплекса (сооружение арочной конструкции) и пристроенная с севера к нему стена №1.

К востоку от стены №2 находятся 3 сооружения – стена №3 (встроена в восточный фасад стены №2 на центральном участке), сооружение ступенчатой конструкции (встроено в восточный фасад стены №2 на северном участке) и сооружение в виде платформы с наклоном поверхности в 22,5° (расположено к югу от стены №3). Пять сооружений соединены строительными связками. Система связки сооружения в виде платформы пока не установлена.

Обращает на себя внимание тот факт, что все сооружения имеют обособленную конструкцию и планировку. Более того, каждое из них возведено по индивидуальной технологии, что обуславливало особый набор строительных материалов, разнообразную систему кладки объектов, а также специфические приемы строительства.

Функциональная значимость многообразия конструкций военно-инженерных сооружений Рубасской фортификации пока не определена, т.к. раскопки этого памятника не завершены.

На данном этапе исследования указанного объекта актуально проведение анализа технологии возведения разнотипных сооружений (приемы строительной техники, система кладки каменных стен, специальные конструктивные приемы). Важное значение имеет также определение состава строительных материалов.

Новизна данного исследования состоит в неразработанности указанных проблемных вопросов, связанных с серией заградительных линий V–VI вв. на территории Восточного Кавказа.

Структура оборонительного комплекса на реке Рубас

1. *Сооружение арочной конструкции.* Конструкция: 2 базы-опоры прямоугольной формы (3,0×1,5 м) с перекрытием прохода № 1 между ними (1,5 м) массивными плитами (длина 2,4–2,6 м). Ориентировка сооружения по длине

3–В. Расчищено 7 рядов кладки из массивных блоков (высота 2,3–2,4 м) [2, с. 38–44]. Функция – укрепленный проход [рис. 1,3; 2,1; 3,1–5].

2. *Стена № 1.* Конструкция: панцирная кладка и внутренняя забутовка (толщина 1,9 м). Пристроена с севера к базе-опоре № 2. Ориентировка С–Ю, длина 5,3 м. Расчищено 7 рядов кладки (высота 2,3 м). Восточный и западный фасады сооружены по разным технологиям. Функция – контрфорс, укрепивший базу-опору № 2, частично разрушенную во время землетрясения в 9 баллов [рис. 4,1–4].

3. *Стена № 2.* Конструкция: панцирная кладка и внутренняя забутовка (толщина 3,5 м). Раскрыта на протяжении 28 м. Ориентировка ЮВ–СЗ. Технология: западный фасад – сочетание участков постелистой кладки и кладки «opus quadratum» [рис. 5,1–2]; восточный фасад – постелистая кладка ступенчатой конструкции с включением участка с кладкой «opus quadratum» [рис. 6]. Западный фасад раскрыт на высоту 2,5 м (11 рядов кладки), восточный – 2,6 м (11 рядов кладки). Функциональное назначение объекта пока не установлено.

Между западным фасадом стены № 2 и сооружением арочной конструкции находился проход № 2, равный по ширине проходу № 1 (1,5 м) [рис. 1,1–2].

Существовала двойная защита проходов. Арочные проходы перегораживались воротами, которые блокировались брусом (выявлены специальные пазы для установки блокиатора ворот № 2) [рис. 3,2; 6]. Использовались также защитные металлические решетки, установленные по системе античной катаракты. В кладке стены № 2 и сооружения арочной конструкции имеются вертикальные углубления (пазы) высотой 1,0; 0,7; 1,9 м для передвижения решеток. В основании кладки установлены массивные плиты для фиксации опущенных защитных устройств [рис. 3,2–4].

4. *Сооружение № 6.* Конструкция: постелистая кладка ступенчатой установки, включающая участок с кладкой «opus quadratum» [9, с. 912–937; 10, р. 912–937]. Пристроено с севера к восточному фасаду стены № 2. Ориентировка СЗ–ЮВ. Открытая протяженность 5,7 м. Сохранность северного участка: высота 1,7 м; 8 уровней кладки. Сохранность южного участка: высота 2,44 м. Выступает за пределы базовой линии восточного фасада стены № 2 верхнего уровня кладки на 2,6 м. Возможное функциональное назначение – сооружение округлой планировки [рис. 1,7; 7–9].

5. *Стена № 3.* Конструкция: постелистая кладка ступенчатой установки. Планировка сооружения округлая (северный фасад) с загибом к СВ. Пристроена с запада к восточному фасаду стены № 2. Вскрыт участок протяженностью 9,0 м; высота 2,4 м (10 рядов кладки). Впервые на данном объекте была зафиксирована особая технология установки блоков в кладку – «веерный сдвиг» каждого ряда кладки [8, с. 1106–1109]. Этим приемом оформлена округлая форма северного фасада стены № 3. Функциональное назначение объекта не установлено. Стена № 3 имеет продолжение к СВ [рис. 1,4; 10,1; 11].

6. *Сооружение № 5 («платформа»).* Конструкция: послойная кладка (раскрыто 4 уровня) из удлиненных каменных блоков прямоугольной формы на

площади 30 кв. м (4,6×6,4 м). Выявлено 12 вертикальных рядов. Платформа имеет уклон к востоку в 22,5°. Каменные блоки верхнего уровня кладки снабжены пазами для установки скоб скрепления [8, с. 1109–1110]. Функциональное назначение объекта пока не установлено. Сооружение имеет продолжение к востоку и югу [рис. 1,6; 10,2; 12].

Каждое из исследованных сооружений Рубасской фортификации отличается особой планировкой, своеобразными конструктивными решениями, комплексом строительных материалов, технологией формирования, местом расположения в пределах территории, и в конечном счете – функциональным назначением.

Приемы строительной техники

Приемы строительной техники Рубасской фортификации включают характерные показатели, связанные как с процессом возведения военно-инженерных объектов, так и с использованием разнообразных конструктивных элементов. В целом строительная техника данного объекта обладает как этнокультурными особенностями субъекта возведения сооружения, так и признаками иных традиций.

Рубасский фортификационный объект состоит из сооружений разнообразной конфигурации, обусловленной функциональным назначением:

- 1) прямоугольные сооружения (стены №№ 1–2) [рис. 1,1,3];
- 2) сооружение округлой формы (стена № 3) [рис. 1,4];
- 3) сооружение с двумя базами-опорами и прямоугольной аркой, выполнявшей функцию укрепленного защищенного прохода (ворота № 1; металлическая решетка) [рис. 1,2].
- 4) укрепленный проход между двумя сооружениями – магистральной стеной № 2 и арочным сооружением (ворота № 2; металлическая решетка) [рис. 1,1–2];
- 5) ступенчатое сооружение № 6 (северная пристройка к стене № 2) [рис. 1,7];
- 6) сооружение № 5 в виде «платформы» с односторонним наклоном и округлыми вертикальными рядами блоков [рис. 1,6].

Каждый из объектов обуславливал использование специфических строительных материалов:

- 1) каменные плиты длиной 2,5–2,8 м для перекрытия проходов №№ 1–2 [рис. 2,1; 3,1; 3,3];
- 2) каменные плиты длиной 1,84 м для укрепления верхнего уровня баз-опор арочного сооружения и установки длинных плит перекрытия проходов №№ 1–2 [рис. 2,1; 1*–7*];
- 3) массивные каменные блоки брусковидной формы для сооружения баз-опор арочного сооружения [рис. 3,1–5];
- 4) массивные каменные блоки для формирования нижних уровней сооружений (стены №№ 1–2) [рис. 4,1,4 ; 5,1–2];
- 5) массивные каменные блоки для укрепления структурно и технологически важных узлов постройки (северная пристройка к стене № 2; стена № 3; арочная конструкция; стена № 1; сооружение № 5 «платформа»);

6) супер массивные каменные блоки для формирования кладки «opus quadratum» (стена № 2, западный фасад) [рис. 6];

7) массивные каменные блоки среднего размера для формирования кладки «opus quadratum» (стена № 2, западный фасад; сооружения №№ 1–2, выполнявшие функцию конструктивных связей со стеной № 2) [рис. 5–6];

8) каменные блоки прямоугольной формы для формирования постелистой кладки (стена № 1, восточный фасад; стена № 2, восточный и западный фасады) [рис. 4,1–2; 5,1; 6];

9) каменные блоки вспомогательного характера для включения в образованные пространства между блоками в кладке (стены №№ 2–3);

10) необработанные речные гальки крупного калибра для включения в кладку (стены №№ 2–3);

11) мелко зернистые гальки для включения в состав забутовки (стена № 2) [рис. 1,1];

12) массивные обработанные блоки из речных валунов для формирования 2-го и нижележащих уровней «платформы» (сооружение № 5) [рис. 12];

13) массивные блоки из речных валунов с необработанной внешней поверхностью для формирования 1-го уровня платформы (сооружение № 5) [рис. 12];

14) мелкий рваный камень для формирования кладки стены (стена № 1, западный фасад) [рис. 4,4];

15) речные гальки среднего размера для использования в качестве подложки крупных каменных блоков с неровной нижней поверхностью (на всех объектах) [рис. 5,1; 6; 8; 9,1; 11];

16) речные гальки среднего размера для установки скоб, скреплявших каменные блоки (сооружение арочной конструкции, база № 1; сооружение ступенчатой конструкции, северная пристройка; платформа, сооружение № 5) [рис. 7–8; 10,2].

Система кладки каменных стен

Анализ материалов военно-инженерных сооружений Рубасской фортификации показывает использование пяти типов кладки каменных блоков – 1) постелистая; 2) кладка «opus quadratum» из блоков прямоугольной формы; 3) кладка «opus quadratum» из блоков брусковидной формы; 4) ступенчатая прямолинейная; 5) ступенчатая с угловым смещением рядов кладки; 5) послойная рядовая кладка.

1. Постелистая кладка. Постелистая кладка использована при возведении 2-х фасадов стены № 2 и 2-х фасадов стены № 1.

а) Постелистая кладка восточного фасада стены № 2. Кладка включала блоки №№ 1–50, 55–117; 117а, 118–145, 152–154. Крупных блоков длиной 100–158 см в кладке находилось 22 экз. Один блок имел длину 200 см (№ 42). Остальные блоки имели средние размеры [рис. 5,2];

б) Постелистая кладка западного фасада стены № 2. Кладка включала блоки №№ 1–20, 27, 29–89, 94–101, 103–151. Крупных блоков длиной 100–168 см в

кладке находилось 25 экз. Два блока имели длину 180–190 см (№№ 34, 53). Три блока имели длину 206–220 см (№№ 7, 16, 54) [рис. 6];

в) Постелистая кладка восточного фасада стены № 1 [рис. 4,1]. Кладка включала 44 блока (№№ 1–44). Крупных блоков длиной 90–110 см было 17 (№№ 4–6, 9–10, 12, 17, 23, 28–29, 32–35, 39–41). Четыре блока были повышенной длины: 124 см (№ 14), 130 см (№№ 29, 32), 132 см (№ 18). Блок № 1 длиной 50 см и толщиной 40 см являлся пяточным камнем. В нем имелось углубление 4-х угольной формы для установки столба. Сохранилась также тонкая галечная плитка для плотной фиксации столба для крепления дверного прохода;

г) Постелистая кладка западного фасада стены № 1 [рис. 4,4]. Кладка включала 100 экз. колотых камней примерно одинакового размера и 16 экз. крупных блоков, находящихся на трех нижних рядах кладки (блоки №№ 1–16), установленных ступенчато. Блоки, установленные в кладку, имели неправильную форму и были слабо обработаны. Наиболее крупные из них (№№ 5–6, 9, 12–13) имели длину 104 см, 106 см, 126 см, 130 см, 134 см. Два блока (№№ 1 и 10) были массивные (152 см и 168 см).

2. Кладка «opus quadratum». Кладка «opus quadratum» использована при возведении 2-х фасадов стены № 2 и сооружения № 6.

а) Кладка «opus quadratum» восточного фасада стены № 2 [рис. 5,2]. Кладка включала 4 блока (№№ 51–54). Два из них были установлены ложком (лицевой поверхностью наружу) (№№ 51, 53). Два других – тычком (боковой гранью наружу) (№№ 52, 54). Ложковые блоки имели длину 51, 53 см. Тычковые имели ширину 54, 56 см. Примерно такую же ширину имели и тычковые блоки;

б) Кладка «opus quadratum» сооружения ступенчатой конструкции (северная пристройка к стене № 2) [рис. 6,2; 8]. Кладка включала 5 блоков (№№ 156–160). Два из них были установлены ложком (№№ 157, 159). Три других – тычком (№№ 156, 158, 160). Ложковые блоки имели разные параметры длины – 84 см (№ 157) и 110 см (№ 159) при одинаковой ширине (60–61 см). Тычковые блоки (№№ 156, 158, 160) имели одинаковую ширину (61–62 см);

в) Кладка «opus quadratum» западного фасада стены № 2 [рис. 6]. Кладка включала 12 блоков (№№ 21–26, 28, 90–93, 1020). Шесть из них были установлены ложком (№№ 21, 23, 25, 28, 91, 93), шесть других – тычком (№№ 22, 24, 26, 90, 92, 102). Ложковые блоки имели разные размеры. Три блока были крупные (№№ 21, 23, 91) – длина 190 см (№№ 21, 23) и 184 см (№ 91). Три других – средних размеров: 90 см (№ 93), 80 см (№ 25) и 68 см (№ 28). Ширина тычковых и ложковых блоков была примерно одинаковой 56–70 см, за исключением блоков малых размеров.

3. Кладка «opus quadratum» из блоков брусковидной формы (сооружение арочной конструкции). Сооружение арочной конструкции структурно состояло из 2-х монолитных баз-опор, возведенных из удлиненных блоков брусковидной формы, и перекрытия прохода между ними длинными плитами [рис. 2,1; 3,1–5].

База № 1 (восточная). Включала 40 блоков брусковидной формы, установленных по системе «opus quadratum». Наиболее крупными являются 14 блоков. Девять из них имели длину 100–146 см (№№ 1, 5, 7, 9, 14, 15, 19, 23, 28). Пять блоков имели значительную длину: №№ 10 и 46 (150 см), № 18 (154 см), № 6 (158 см), № 20 (162 см). Толщина блоков брусковидной формы – 20–44 см; ширина 40–74 см [рис. 3,1–3,5].

База № 2 (западная). Сохранилось 15 блоков брусковидной формы, установленных по системе «opus quadratum». Наиболее крупными являются три блока: № 38 (150 см), № 41 (160 см), № 48 (166 см), еще три блока имели длину 105–108 см (№№ 36, 39, 47) [рис. 3,3–4].

4. *Ступенчатая прямолинейная кладка (сооружение № 6).* Ступенчатая прямолинейная кладка использовалась при возведении северной пристройки к восточному фасаду стены № 2 [рис. 7–8].

Как отмечалось, сооружение № 6 включало переходный участок, выполнявший функцию конструктивной связки стены № 2 с сооружением ступенчатой планиграфии. Тип кладки конструктивной связки – «opus quadratum» (5 блоков верхнего уровня) (блоки №№ 156–160) и ступенчатая (2 ряда блоков нижнего уровня) (блоки №№ 170–173, 177–179) [рис. 8]. Ширина ступеней нижнего уровня этого сооружения на уровне блоков №№ 170–173 составляет 16–23 см. Ширина ступеней на уровне блоков 177–179 составляет 21–28 см [рис. 9,2].

Общее количество блоков этой части конструкции, уложенных ступенчатым способом, составляет 7 экз. (№№ 170–173, 177–179). В данной конструкции использованы блоки среднего размера. Их длина – в пределах 66–80 см [рис. 7; 9,2].

Сооружение ступенчатой конструкции, пристроенное с севера к конструктивной связке, включает 7 уровней ступенчатой кладки (блоки №№ 147–151; 161–169; 174–176; 181–184; 186–190; 192–195; 197–200). 1) Ширина ступеней на уровне блоков №№ 161–165 составляет 6–16 см; 2) на уровне блоков №№ 166–169: 33–35 см; 3) на уровне блоков №№ 174–176: 28–23 см; 4) на уровне блоков №№ 181–182: 37–40 см; 5) на уровне блоков №№ 183–184: 40–72 см; 6) на уровне блоков №№ 186–190: 29–31 см; 7) на уровне блоков №№ 192–195: 35–39 см. Блоки №№ 197–200 покрыты подпочвенными водами, установить параметры ступеней на этом уровне затруднительно [рис. 7; 9,3].

Общее количество блоков этой части конструкции, уложенных ступенчатым способом, составляет 29 экз. (№№ 161–169; 174–176; 181–184; 186–190; 192–195; 197–200). Размеры блоков разные – от 41 см (№ 193) до 195 см (№ 182). Блоков размером 1,0 м и около 1,0 м – 6 экз. (№№ 163, 167, 168, 175, 181, 186). Блоков свыше 1,0 м – 3 экз. (№№ 176, 182, 195), соответственно: 129 см, 195 см, 190 см. Данные массивные блоки фиксировали положение блоков №№ 183, 184, 190, направленное на изменение планировки сооружения № 6 (скругление к ЮВ) [рис. 7].

5. *Ступенчатая кладка с угловым смещением рядов блоков (стена № 3).* Технология укладки блоков, сочетающая в себе ступенчатый прием и установку

блоков под определенным углом друг к другу, зафиксирована только на одном объекте – стене № 3. Этот прием обеспечивал формирование округлой планировки стены № 3 [рис. 10,1].

Исследованная в 2020 г. конструкция стены № 3 включает 48 экз. крупных блоков и 5 экз. мелких блоков, которыми заполнялось пространство между блоками в процессе их разворота под определенным углом (блоки №№ 1–48, 10а–11а; 38а; 8а). Блоков длиной 100–120 см в кладке стены № 3 было 13 экз. (блоки №№ 2, 4, 8–10, 12–13, 20, 22–23, 25, 37–38). Блоков более крупных, длиной 122–130 см было 5 экз. (блоки №№ 5–7, 14, 35). Блоков массивных было 2 экз. – блок № 42 (150 см), блок № 43 (174 см) [рис. 11].

Следует отметить, что блоки верхнего уровня кладки были установлены линейно по направлению СВВ–ЮЗЗ без углового смещения (блоки №№ 13, 41, 40, 42, 43) [рис. 10,1]. Все остальные блоки имели смещение относительно блоков верхнего уровня. Если направление блоков верхнего уровня отклонено от линии С–Ю на 55°, то блок нижнего уровня кладки № 25 отклонен от направления С–Ю на 120°, а блок № 9 верхнего уровня уже на 75°. Кладка стены № 3 формировалась с нижнего уровня блоков (блоки №№ 25–31) [рис. 10,1]. Верхний уровень кладки принял окончательное направление. Направление блока № 9 (8 уровень кладки) было скорректировано на 45°, чтобы приблизиться к необходимому направлению верхнего уровня кладки.

В данной конструкции стены № 3 наблюдается некий парадокс – прямолинейность верхнего уровня кладки была достигнута заложенной в ее основании округлостью формы. Возможно, это было связано с технологией стыковки стены № 3 к стене № 2 [рис. 1,4]. Но пока не исследован северный участок этой стены и ее планировка не выявлена полностью, делать определенные заключения не представляется возможным.

6. Послойная рядовая кладка. Послойная рядовая кладка была применена при сооружении объекта № 5, обозначенного нами как «платформа». Это сооружение не имеет каких-либо рельефных деталей в конструкции [рис. 10; 12]. Сооружение сформировано из однотипных каменных блоков удлиненно-прямоугольной формы, уложенных послойно плотными вертикальными рядами. Форма рядов из блоков выдержана тщательно, несмотря на наличие изгиба каждого ряда к северо-востоку. Как отдельные блоки, так и сформированные из них вертикальные ряды, плотно прилегают друг к другу. Тщательно произведена и подгонка каменных блоков с целью формирования целостности каждого слоя платформы. На период 2020 г. выявлено 4 слоя блоков «платформы» [рис. 12].

Поверхность блоков верхнего слоя не подвергалась обработке. Сохранилась специфическая рельефность массивных речных валунов доисторического периода [9, рис. 18].

Все блоки поверхностного слоя имеют попарные выемки прямоугольной формы для установки скоб, фиксирующих плотное скрепление блоков. Длинные блоки скреплялись на верхнем и нижнем уровнях боковых граней. В ряде

случаев блоки дополнительно скреплены по верхним и нижним коротким граням [рис. 10,2].

Скобами скреплялись блоки только поверхностного слоя «платформы». Блоки 2-го – 4-х рядов кладки тщательно обработаны с двух сторон. Они также плотно пригнаны друг к другу, также установлены вертикальными рядами, но скобами не скреплялись [рис. 12].

Исходя из полученных данных, 1–3 ряды «платформы» сформированы из вертикально уложенных блоков. Но на западном фасаде «платформы» в пространстве северной половины протяженностью 1,4 м блоки 3-го уровня не обнаружены. Под блоками 1–2 рядов находился грунт [рис. 12]. В южной половине западного фасада на третьем уровне установлен в поперечном положении массивный блок № 42 длиной 1,68 м. Рядом с ним находился также в поперечном положении другой блок № 43 (открытая протяженность 0,8 м). Четвертый уровень фасада включал торцевые части 4-х блоков (блоки №№ 44–47), установленных аналогично 1–2 уровням, но только под блоками третьего уровня. В пространстве северной половины западного фасада «платформы» также находился грунт. Функциональное назначение этой части «платформы» пока не установлено [рис. 12].

Раскопками 2020 г. выявлено 47 блоков (блоки №№ 1–47), входивших в состав «платформы» и еще 3 экз. блоков (№№ 34а, 35а, 36а), находящихся вне массива этого сооружения [рис. 10; 12].

Двадцать блоков имели показатели длины, превышающие 100 см (100–261 см). Семь экземпляров блоков составляли группу с параметрами длины 100–120 см (блоки №№ 1, 11, 15, 22, 30, 32, 34а). Один блок имел длину 128 см (блок № 12). Еще 10 блоков составили группу с показателями длины 151–165 см (блоки №№ 2, 4, 7, 8, 23–25, 29, 36а, 42). Три блока (№№ 3, 5 и 34) имели длину в пределах 172–175 см. Два блока (№№ 6 и 28) имели длину соответственно 213 и 261 см. Наиболее распространенной толщиной блоков, составлявших «платформу», были параметры 35–36 см (10 экз.) и 20–25 см (13 экз.). Наиболее крупный блоки № 6 и 28 имели толщину соответственно 36 см и 25 см. Но наиболее распространенной толщиной были параметры 30–37 см (блоки №№ 2–8, 16, 34, 38–41) – 14 экз., а также параметры 20–22, 25 см (блоки №№ 24–30, 32–33, 34а, 35а, 36а, 42–43) – 14 экз.

Конструктивные строительные приемы

При строительстве сооружений Рубасской фортификации применялись различные конструктивные строительные приемы. Среди них имелись приемы, как широко известные в мировой строительной практике, так и имевшие хождение в местном строительном деле.

1. Скрепление каменных плит и блоков в конструкции строительных объектов скобами. Данный прием выявлен в системе нескольких сооружений – 1) база–опора № 1 сооружения арочной конструкции; 2) западный фасад магистральной стены № 2 (южный участок); 3) северная пристройка к стене № 2 (сооружение № 6); 4) «платформа» (сооружение № 5).

1) База-опора № 1 сооружения арочной конструкции [рис. 2].

Впервые факты использования приема скрепления каменных плит в конструкции были зафиксированы в 2016 г. Расчистка восточной базы-опоры № 1 сооружения арочной конструкции выявила на восточных концах 4-х плит из 5-и имевшихся, перекрывавших массив базы № 1, однотипные углубления прямоугольной формы (пазы). Было выявлено 6 экз. углублений, расположенных на одном уровне, одно рядом с другим. Углубления находились на 4-х плитах (плиты №№ 1*, 2*, 3*, 4*). На плите № 1* углубление находилось на южной грани; на № 2* – на северной и южной гранях; № 3* – на северной и южной гранях; № 4* – на северной грани.

Размеры пазов были примерно одинаковые: длина 10–12 см, ширина 6–7 см. Глубина – разная: паз «а» (плита № 1*) – 10 см; паз «б» (плита № 2*) – 9 см; паз «в» (плита № 2*) – 8 см; паз «г» (плита № 3*) – 5 см; паз «д» (плита № 3*) – 3 см; паз «е» (плита № 4*) – 4 см.

В пазы «а»–«б» устанавливалась скоба, скреплявшая плиты №№ 1*–2*. В пазы «в»–«г» устанавливалась скоба, скреплявшая плиты №№ 2*–3*. В пазы «д»–«е» устанавливалась скоба, скреплявшая плиты №№ 3*–4*. В целом три скобы скрепляли 4-е плиты. Необходимость скрепления укороченных плит №№ 1*–4*, на которые опирались восточные концы длинных плит перекрытия прохода между базами № 1 и № 2 (плиты №№ I–III), видимо, обуславливалась повышенной нагрузкой на внешние концы укороченных плит. Как отмечалось, на эти участки, видимо, устанавливались длинные плиты еще одного несохранившегося комплекта (западные концы), перекрывавшие проход между базой № 1 и западным фасадом стены № 2 [рис. 1,1–2].

2) Западный фасад магистральной стены № 2 (южный участок) [рис. 1,1].

На южном концевом участке западного фасада стены № 2 по итогам раскопок 2017–2018 гг. было выявлено 5 экз. каменных блоков, на поверхности которых имелись выемки для установки скоб, скреплявших каменные блоки в кладке.

На концевом участке сохранилось 7 уровней кладки западного фасада. Пазы для скоб были выявлены на блоках нескольких уровней – первом (верхнем) – блок № 50; втором – блоки №№ 48–49; третьем – блок № 47; шестом – блок № 131 [рис. 6].

В целом зафиксировано 6 углублений (пазов) для установки скоб скрепления блоков. На блоке № 50 (сохранился южный фрагмент) паз находился на южной грани. На блоке № 48, подстилавшем блок № 50, паз находился также на южной грани. На блоке № 49, прилегавшем к блоку № 48 с юга, имелось два паза – на северной и южной гранях. На блоке № 47, подстилавшем блок № 49, паз находился на южной грани. На блоке № 131, находившемся на 6-м уровне кладки западного фасада, паз находился на южной грани. Все пазы были ориентированы длинной стороной по направлению С–Ю [рис. 1,1].

Параметры пазов на блоках южного участка западного фасада стены № 2 были примерно идентичны размерам пазов базы № 1 сооружения арочной конструкции. Удалось установить параметры 3-х пазов – блок № 49 южный паз (длина 10 см, ширина 6 см, глубина 7 см); блок № 47 южный паз (длина 13

см, ширина 7 см, глубина 6 см); блок № 131, южный паз (длина 14 см, ширина 9 см, глубина 7 см). Данные о некоторых пазах блоков этого участка – не установлены по причине их заполнения мелкими гальками и скрепляющим раствором (блок № 48, южный паз; блок № 49, северный паз).

Обусловленность необходимости скрепления каменных блоков скобами в кладке южного участка западного фасада стены № 2 пока не установлена. Западный фасад стены № 2 имеет продолжение к югу, в сторону русла р. Рубас (участок не исследовался). Восточный фасад этого участка стены № 2 не сохранился [рис. 1,1].

3) *Северная пристройка к стене № 2 (сооружение № 6)* [рис. 1,7; 7-8].

В пределах северной пристройки к восточному фасаду магистральной стены № 2 по итогам раскопок 2018, 2020 гг. зафиксировано 17 каменных блоков, на поверхности которых имелись выемки для установки скоб, скреплявших каменные блоки конструкции этого сооружения. На этом участке исследовано 7 уровней кладки (8-й уровень находится под почвенными водами). Пазы для установки скоб выявлены на блоках нескольких уровней – первом (верхнем) – блоки №№ 155, 146, 147, 148, 149, 150, 151; третьем – блоки №№ 167, 168, 169; пятом – блоки №№ 181, 182, 183, 184; шестом – блок № 186; седьмом – блоки №№ 194–195 [рис. 7].

В целом зафиксировано 26 углублений для установки скоб скрепления блоков. На блоке № 155 паз находился на северной грани. На блоке № 146, прилежавшем к блоку № 155 с севера, имелось 2 паза – один на южной грани, другой – на северной. На блоке № 147, прилежавшем к блоку № 146 с севера, также имелось два паза – на южной и северной гранях. На блоке № 148, прилежавшем к блоку № 147 с севера, также находилось 2 паза – на южной и северной гранях. На блоке № 149, прилежавшем с севера к блоку № 148, имелось 4 паза – по одному на южной и западной гранях и 2 паза на северной грани. На блоке № 150, прилежавшем к блоку № 149 с севера, имелось два паза – на южной и северной гранях. На блоке № 151 (открыта южная часть блока), прилежавшем с севера к блоку № 150, имелся паз на южной грани.

На третьем уровне кладки пазы имелись на блоках № 167 (северная грань), № 168 (южная и северная грани), № 169 (южная и северная грани).

На пятом уровне кладки пазы имелись на блоках № 181 (северная грань), № 182 (южная грань), № 183 (северная грань), № 184 (южная грань).

На шестом уровне выявлен паз на одном блоке – № 186 (северная грань).

На седьмом уровне кладки пазы имелись на 2-х блоках: № 194 (северная грань) и № 195 (южная грань).

Как показывает анализ имеющихся материалов, на северной пристройке блоки скреплялись в основном на проблемных участках конструкции, имевших повышенную нагрузку или в местах фиксации внесения изменений в планировку сооружения.

Параметры пазов для установки скоб скрепления в пределах одного блока были разными – длиной от 7 см до 18 см. Наиболее употребительная длина углубления была 10 см.

4) *«Платформа» (сооружение № 5)* [рис. 10,2].

По итогам раскопок 2020 г. на поверхности сооружения данной конструкции зафиксирован 21 блок с выемками для установки скоб скрепления. Как отмечалось, на «платформе» исследованы в 2020 г. 4 уровня блоков. Выемки для установки скоб находились практически на всех блоках верхнего уровня. На блоках 2–4 уровней выемки не зафиксированы. Выемки выявлены на блоках №№ 1–8, 10–16, 21–26 [рис. 10,2].

Поверхность «платформы» сформирована, как отмечалось, из длинных блоков, установленных по направлению длинной стороны З–В. Блоки уложены тремя горизонтальными рядами – верхним, средним, нижним [рис. 10,2]. На исследованном участке в каждом полном ряду находилось 8 экз. блоков: верхний ряд (№№ 1–8), средний ряд (№№ 17, 10–16). В нижнем неполном ряду (часть блоков не попала в пределы раскопа) находилось 6 экз. длинных блоков (№№ 18–19, 21–24).

Блоки в каждом ряду были уложены очень плотно, что достигалось подгонкой боковых граней.

Каждый блок среднего ряда укладывался под блоками верхнего ряда. Также каждый блок нижнего ряда укладывался под блоками второго ряда. Так как блоки верхнего ряда имели разную длину и конфигурацию нижних концов, то блоки среднего ряда подгонялись под блоки верхнего ряда различными строительными приемами (заполнение просветов между блоками скрепляющим раствором, мелким галечником, прямоугольные вырезы для совмещения блоков) [рис. 10,2]. Наблюдается стремление к обеспечению плотности установки блоков. По той же причине (блоки среднего ряда имели разную длину и конфигурацию), блоки нижнего ряда также подгонялись под блоки среднего ряда, обеспечивая плотность их укладки в конструкцию. Использовался не только скрепляющий раствор с включением мелких галечных камней, но и вставки из небольших блоков (блок № 20) [рис. 10,2].

Каждый блок верхнего ряда был связан с двумя блоками среднего и нижнего ряда, создавая вертикальные ряды. Подгонка блоков по боковым граням осуществлялась не только в каждом горизонтальном ряду (верхний, средний, нижний), но и в вертикальных рядах (8 рядов). Причем, учитывая обеспечение некоторого изгиба вертикальных рядов к северо-востоку, подгонка блоков по боковым граням в широтном и меридиальном направлении отличалась повышенной сложностью. В основном использовался метод подтески боковых граней, создание выемок для обеспечения включения в ряд нужного блока, заполнение просветов скрепляющим раствором [рис. 10,2].

Все блоки горизонтальных рядов (верхний, средний, нижний) имели выемки для установки скоб скрепления блоков. Блоки верхнего уровня (№№ 1–8) имели совмещающиеся выемки на обоих концах блоков (верхнем и нижнем).

Системы установки скоб в блоках среднего уровня (№№ 17, 10–16) не выявлено. Блок № 10 имел одну выемку; блоки №№ 11–15 – две выемки; блок № 16 – три выемки. На блоке № 16 помимо горизонтальной выемки было две вертикальных (в верхней и нижней гранях). Скобой скреплялся блок № 16 с

блоком № 8 верхнего уровня и с блоком № 24 нижнего горизонтального уровня. Блок № 24 нижнего уровня скреплялся двумя скобами с блоком № 23 по южной грани, одной скобой – с блоком № 25 по северной грани, находившимся вне массива «платформы» и еще одной скобой с несохранившимся блоком по северной грани. Блок № 25 был связан скобой с блоком № 26, примыкавшим к северной грани блока № 25 узким концом (блок № 26 ориентирован в направлении Ю–С).

Выемки для установки скоб скрепления блоков выдалбливались после полного формирования всех уровней «платформы». Так как верхний уровень «платформы» состоял из блоков, лицевая поверхность которых не была подвергнута специальной обработке (сглаживанию), то процесс выдалбливания углублений для установки скоб был предельно усложнен. В местах, необходимых для скрепления блоков, часто находились естественные выемки, не дающие возможности соорудить углубления для установки скоб. На некоторых блоках прорезы были намечены, но не углублены (блоки №№ 2–3). В ряде случаев углубления для скоб были малопродуктивными, т.к. их глубина была разной из-за особенностей поверхностного рельефа блоков верхнего уровня [22, рис. 338–340].

Анализ материалов конструкции «платформы» показывает, что это сооружение не подверглось влиянию стихийных сил природы (землетрясение). Об этом свидетельствует положение парных прорезей, расположенных строго одно против другого, несмотря на крутизну поверхности этого сооружения, имеющего скос к востоку в 22,5°.

Дно выемок для установки скоб было оформлено двумя способами: 1) специальным инструментом наносились продольные глубокие желобки: 20 выемок (блоки №№ 1; 2-г; 3-а; 4-в; 5-в; 6-б, в; 7, в; 8-а, б, г; 11-а, б; 21; 23, а; 25-в, г; 26); 2) поверхность дна сглаживалась и полировалась: 12 выемок (блоки №№ 2-б; 5-а; 6-а; 8-в, д; 13-а; 14-а; 15-а, б; 22-а; 23-б; 24-г) [22, рис. 341].

Параметры прорезей (длина) на каждом блоке были в пределах 4–19 см. Наибольшее количество прорезей имело длину 12–14 см (54 экз.). Совмещенная длина прорезей на двух состыкованных блоках могла составлять 28 см, т.е. параметры скоб скрепления могли составлять до 30 см.

Сооружение в виде «платформы» (сооружение № 5) было насыщено наибольшим количеством скоб в сравнении с сооружениями других типов Рубаской фортификации (база-опора № 1 сооружения арочной конструкции; южный участок западного фасада стены № 2; северная пристройка к стене № 2 (сооружение № 6)).

2. Замковое соединение блоков в конструкции [рис. 3,1]. Замковое соединение блоков в конструкции выявлено только в одном случае – в кладке базы-опоры № 1 сооружения арочной конструкции. На северном фасаде этим приемом были соединены блоки №№ 24 и 25 (третий уровень кладки сверху). Блоки с замковым соединением оформляли проход между двумя базами-опорами. Блок № 25 был подтесан специальным способом на верхнем уровне.

Блок № 24 – таким же способом – на нижнем уровне. Их соединение оформило сдвоенный блок, усилив его массивность.

3. *Подгонка блоков в местах стыковки постелистой кладки и кладки «opus quadratum»* [рис. 6]. Данный прием выявлен на западном фасаде стены № 2 (соединение северного и центрального участков). На верхней грани ложкового блока № 21 вырезан фрагмент для установки блока № 64 из участка постелистой кладки. На нижней грани ложкового блока № 21 вырезан фрагмент для установки блока № 80 из участка постелистой кладки. Блоки № 64 и 80 блокировали стыковку стен, выполненных разными типами кладки, на верхнем и нижнем уровнях.

4. *Подгонка блоков и плит под разноуровневую кладку.* Данный прием широко использовался в сооружениях Рубасской фортификации. Каменные блоки, из которых возведены сооружения, не имели стандартных размеров. Подгонка блоков в кладке осуществлялась в процессе ее формирования.

Блок № 10 на северном фасаде базы-опоры № 1 был подтесан на нижнем основании для совмещения с неровной, выпуклой поверхностью подстилающего его блока № 15. Подтеска имела вогнутую форму [рис. 3,1].

Укороченная плита № 5*, перекрывавшая кладку базы-опоры № 1, была подтесана по нижнему основанию для совмещения с ниже лежавшими блоками №№ 29, 30 и 3 южного фасада, имевшими разные показатели высоты [рис. 3,3].

Блок № 7 восточного фасада базы-опоры № 1 был подтесан по нижнему уровню для совмещения с подстилавшим его блоком № 11, имевшим неровную верхнюю поверхность [рис. 3,2].

Плита № 6*, перекрывавшая кладку базы-опоры № 2 на южном фасаде, была подтесана на участке установки утраченной длинной плиты № IV, перекрывавшей проход между двумя базами-опорами [рис. 3,3].

Плиты №№ 1*–5* базы-опоры № 1 были подтесаны на обоих концах саночной отеской для формирования фигурного навеса над фасадами базы-опоры и прочности установки длинных плит перекрытия проходов №№ 1 и 2 [рис. 3,1,3].

5. *Вертикальные вырезы в блоках кладки сооружений для установки заградительных решёток* [рис. 3,2–4]. Для установки подъемной заградительной решётки в проходе № 2 между базой-опорой № 1 и западным фасадом стены № 2 были сделаны угловые вырезы в блоках. Решётка поднималась и опускалась в пределах этих вырезов. На западном фасаде стены № 2 угловые вырезы имелись на трех сохранившихся уровнях кладки (блоки №№ 39, 117, 126). Общая высота вырезов на этом участке составила 100 см [рис. 6]. В кладке базы-опоры № 1 сооружения арочной конструкции вырезы для решётки были сделаны на 2-х нижних блоках кладки (блоки №№ 18 и 20). Общая высота вырезов составила 68 см [рис. 3,2].

Для установки подъемной заградительной решётки в проходе № 1 между базами-опорами №№ 1 и 2 в блоках кладки базы-опоры № 2 были сделаны угловые вырезы (блоки №№ 36, 38, 39, 41, 49, 50). Общая высота вырезов составила

190 см. Высота вырезов сохранилась в ненарушенном состоянии. Решетка в этом проходе имела высоту 190 см, закрывая проход на всю высоту баз-опор №№ 1–2 [рис. 3,3].

Для фиксации заградительных решеток в опущенном положении установлены массивные плиты: база-опора №2 – плита №48 [рис. 1,2; 3,3]; западный фасад стены №2 – плита № 146 [рис. 1,1; 6].

6. *Подложки из мелких галечных камней под блоки крупных размеров для выравнивания их горизонтального положения и обеспечения устойчивости в кладке.* Подложки из галечных камней имелись почти на всех сооружениях Рубасской фортификации (восточный и западный фасады стены № 2, стена № 3, северная пристройка к стене № 2). Но более интенсивное использование мелких галечных камней как подложки зафиксировано на южном участке восточного фасада стены № 2. Это обусловлено тем, что данный участок был сформирован в основном из природных необработанных камней.

7. *Каменная наброска под кладку стены № 3* [рис. 1,4]. Практически все сооружения Рубасской фортификации не имеют фундаментов. По данным на период раскопок 2020 г. их основания находятся на материковом грунте. Исключение составляет стена № 3, пристроенная к восточному фасаду стены № 2. В ее основании находится каменная наброска из колотого камня разных размеров, уложенных без определенной системы. Толщина наброски разная. Наибольшая толщина наброски зафиксирована на начальном участке стены № 3, встроенном в восточный фасад стены № 2. Толщина на этом уровне достигает ок. 1 м. На всем раскрытом протяжении стены № 3 под кладкой зафиксирована каменная наброска, но она имела небольшую толщину. Наброска из рваного камня была обусловлена высоким уровнем подпочвенных вод в месте нахождения стены № 3.

Перечень конструктивных строительных приемов, примененных при возведении сооружений Рубасской фортификации, свидетельствует как об использовании методов международной практики в строительном деле (скобы для скрепления каменных блоков; вертикальные вырезы в кладке стен для установки заградительных решёток; каменная наброска в основании стен в местах с близким выходом подпочвенных вод), так и приемов народной традиции (замковое соединение блоков; подгонка блоков в местах стыковки разнотипной кладки; подгонка блоков и плит под разноуровневую кладку; подложки из мелких галечных камней под блоки для обеспечения их устойчивости и др.) [17, с. 190; 18, с. 43].

Состав строительных материалов

Рубасский оборонительный комплекс возведен из камня. Все открытые постройки выполнены из камня. Использование прокаленного кирпича пока не находит подтверждения. Как отмечалось, каждый объект имел целенаправленную функциональную направленность, что обуславливало использование комплекса специфических строительных материалов.

Анализ данных раскопок Рубасской фортификации показывает, что в качестве строительного материала использовались местные природные образцы камня.

Большая часть строительных материалов выполнена из местного ракушечника. Но использовался также местный сланец, песчаник и галечник. Галечник использовался всех видов – крупные речные валуны, галечник средних размеров, галечник мелкодробный.

В качестве строительного материала, возможно, использовался и прокаленный кирпич. На разных участках раскопа выявлены крупные обломки прокаленных кирпичей местного производства. Обжиг этих изделий качественный, но состав глиняной массы грубый, имеются значительные включения растительной массы, растолченных образцов кирпичей. Но обжиг кирпичей равномерный, цвет в основном серовато-розовый. Изделие прочное. Но применение кирпичей в оформлении выявленных построек пока не удалось установить. Все имеющиеся образцы находились вблизи построек, причем на разных уровнях прилегающего к стенам грунта. Наиболее представительные коллекции фрагментов кирпичей были выявлены вблизи восточного фасада стены № 1; вблизи восточного фасада базы-опоры № 1 сооружения арочной конструкции; вблизи северного фасада округлой стены № 3. Возможно, кирпич использовался в качестве декоративной отделки верхних уровней строительных объектов.

В качестве связующего материала использовался известковый раствор. Образцы связующего материала с добавкой извести были выявлены на верхнем уровне базы-опоры № 2 сооружения арочной конструкции; в котловане, образованном на месте несанкционированной выборки каменных блоков из стены № 2 (южный участок); на месте сохранившихся построек западного фасада стены № 2 (южный участок). При исследовании в 2020 г. пристройки к северной оконечности стены № 2 (сооружение № 6) также выявлены участки с использованием скрепляющего раствора, но он другой консистенции и цвета (серовато-розовый с включением растолченной каменной массы).

В строительных объектах использован каменный строительный материал 4-х видов:

1) Массивные каменные плиты повышенной длины (2,6–2,8 м). Использовались как перекрытие арочного прохода № 1 (сооружение арочной конструкции) и № 2 (проход между западным фасадом стены № 2 и базой-опорой № 1). Выявлено 3 экз.

2) Каменные плиты укороченной длины (1,7–1,9 м). Использовались для опоры длинных плит перекрытия арочного проема в сооружении арочной конструкции и прохода № 2 между базой-опорой № 1 и западным фасадом стены № 2. Внешний конец плит данного типа оформлен саночной отеской. Выявлено 15 экз.

3) Каменные блоки брусковидной формы. Использовались для формирования базы-опоры № 1 и базы-опоры № 2 сооружения арочной конструкции. Максимальная длина блоков данного типа соответствовала ширине базы-опоры (северный и южный фасады). В конструкции базы-опоры № 1 находилось 7 экз. блоков максимальной длины: блоки №№ 6 (158 см), 10 (150 см), 14 (146 см), 18 (154 см), 20 (162 см), 28 (146 см), 46 (150 см). В конструкции базы-опоры № 2 сохранилось 3 экз. блоков максимальной длины: блоки №№ 38 (150 см), 41 (160 см), 48 (166 см).

Блоки брусковидной формы были повышенной толщины. Из 47 экз. блоков базы-опоры № 1 22 экз. имели повышенные параметры толщины: 30 см (№№ 3, 11–13, 30, 33), 32 см (№ 34), 34 см (№№ 2, 14, 19, 27), 36 см (№№ 1, 20, 21, 26), 38 см (№ 22, 36), 40 см (№№ 18, 35), 42 см (№№ 16–17), 44 см (№ 15). В базе-опоры № 2 сохранилось 7 экз. блоков повышенной толщины: 30 см (№ 38), 32 см (№№ 39, 50), 34 см (№ 52), 36 см (№№ 40–41), 40 см (36).

4) Каменные блоки прямоугольной формы в основном среднего размера для формирования стен с использованием постелистой кладки, ступенчатой кладки и кладки с угловым смещением блоков (стена № 2, сооружение № 6, стена № 3).

На восточном фасаде стены № 2 находилось 13 блоков повышенной длины: 120 см (№№ 15, 27, 126, 137), 128 см (№ 116), 130 см (№ 30), 140 см (№ 119), 146 см (№ 136), 148 см (№ 125), 152 см (№ 98), 160 см (№ 17), 200 см (№ 42). На западном фасаде стены № 2 находился 21 блок повышенной длины, которые были задействованы в постелистой кладке: 120 см (№ 6, 67, 132), 124 см (№ 126), 128 см (№ 119), 130 см (№ 39), 140 см (№ 62), 150 см (№ 86), 156 см (№№ 35, 124), 160 см (№ 15), 164 см (№№ 1, 125), 166 см (№ 95), 168 см (№№ 4, 138), 180 см (№ 53), 190 см (№ 34), 206 см (№ 7), 220 см (№№ 16, 54). Еще три крупных блока были задействованы в кладке «тычок-ложок» западного фасада стены № 2: 184 см (№ 91), 190 см (№№ 21, 23).

На северной пристройке (сооружение № 6) имелось 4 экз. блоков повышенной длины: 129 см (№№ 176, 202), 176 см (№ 146), 190 см (№ 195).

В конструкции стены № 3 имелось 4 экз. блоков повышенной толщины: 130 см (№№ 5, 14), 150 см (№ 42), 174 см (№ 43).

В конструкцию «платформы» было включено 17 экз. блоков повышенной длины: 120 см (№ 1), 128 см (№ 12), 150 см (№ 23), 151 см (№ 7), 154 см (№ 4), 157 см (№№ 25, 29, 36а), 162 см (№ 42), 165 см (№№ 2, 8, 24), 172 см (№ 3), 173 см (№ 34), 175 см (№ 5), 213 см (№ 6), 261 см (№ 28).

Анализ материалов показывает, что каменные блоки подготавливались под каждый строительный объект отдельно, исходя из его конструкции и функционального назначения. Внешняя поверхность блоков подвергалась обработке (сглаживание, шлифовка). Исключение составляют блоки верхнего слоя «платформы», на которых была сохранена рельефная поверхность крупных речных валунов доисторического периода, изъеденная водой в местах горных водопадов.

Выводы

Исследованный строительный объект (Рубасская фортификация) является монументальным оборонительным сооружением, показателями которого являются: а) мощность построек; б) использование современной строительной технологии (панцирная кладка протяженных стен; кладка «opus quadratum»); в) массивность каменных блоков, помещенных в кладку сооружений; г) массивность каменных плит перекрытий проходов.

Данный строительный объект является комплексным сооружением, включающим по результатам раскопок 6 обособленных сооружений с локальной кон-

струкцией: 1) сооружение арочной конструкции; 2) стена № 1; 3) стена № 2; 4) стена № 3; 5) сооружение ступенчатой конструкции № 6; 6) сооружение № 5 («платформа»).

В каждом сооружении, составляющим единый оборонительный комплекс, использованы специфические строительные материалы (каменные плиты и блоки), различающиеся параметрами и формой.

В каждом сооружении применена особая технология укладки блоков: постелистая кладка из крупных блоков, установленных по длинной стороне; постелистая кладка из блоков среднего размера, установленных по короткой стороне; кладка «opus quadratum», включающая блоки разных размеров – сверхкрупные (до 2 м), средние и мелкие; кладка «opus quadratum» из удлиненных блоков брусковидной формы; кладка из рваного камня небольших размеров.

Подгонка блоков осуществлялась в процессе возведения объекта.

Кладка фасадов сооружений различалась. Использовалась: гладкая установка блоков без уступов; ступенчатая кладка с различной шириной поверхности; кладка «веерная», обеспечивающая округлость формы сооружения; кладка постелистая из массивных блоков в сооружении с плоской поверхностью.

Новаторство в возведении объектов данного сооружения проявилось в формировании постройки № 5 с наклонной поверхностью большой площади «платформа» и в формировании округлой конструкции фасада стены № 3 из удлиненных блоков («веерная» укладка).

На объекте господствовал строительный прием скрепления блоков посредством скоб, для чего в соседних блоках выдалбливались пазы прямоугольной формы.

Кладка «opus quadratum», не требующая скрепления блоков, занимает в системе формирования сооружений небольшой объем, что свидетельствует о новаторстве в строительной технологии данного региона и фиксирует хронологию возведения объекта в целом.

По технологии сооружения Рубасская фортификация близка объектам Дербентского заградительного комплекса сер. VI в. (крупные каменные блоки; массивность построек; использование кладки «opus quadratum»; наличие скрепляющего известкового раствора) [14, s. 357–390; 15, с. 31–43].

Однако с учетом факта использования кладки «opus quadratum» в небольшом объеме, а также широкое применение постелистой кладки и скрепляющих блоки скоб, функционирование данного оборонительного объекта, видимо, предшествовало каменным сооружениям Дербента (сер. VI в.).

Проведенными исследованиями Рубасского оборонительного комплекса получены новые данные для определения его функциональной принадлежности и значимости в системе заградительных линий Восточного Кавказа Сасанидского Ирана раннего средневековья [11, с. 39–46; 12, с. 267–287; 13, с. 441–465; 14, s. 357–390; 15, с. 31–43]. Раскрыта также технология сооружения монументальных оборонительных объектов периода сер. VI в. (использование основных достижений практики мировых держав – Рима, Греции, Персии, Византии) [16, с. 95; 17, с. 190–203; 19, с. 227–246; 20, с. 170–200].

Структура оборонительного комплекса является новаторской (использование в одном объекте разнохарактерных по планировке и конструкции сооружений, соединенных строительными связками).

Несомненно, Рубасская фортификация – уникальный военно-инженерный объект, который спроектирован выдающимся архитектором с оригинальным мышлением. Его осуществление было обеспечено талантом инженеров-строителей и высокой квалификацией строительных рабочих.

Следует отметить, что аналогий монументальному оборонительному сооружению на реке Рубас пока не выявлено [см.: 11, с. 39–46; 12, с. 267, 278–279, 284, 286; 13, с. 441–465; 14, pp. 257–390; 15, с. 31–43; 19, с. 227–246].

Благодарность:

1. В статье представлены материалы раскопок, полученных при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Дагестан (грант 2012-2014 гг. «Ландшафты Западного Прикаспия в культурогенезе этнических сообществ эпохи Великого переселения народов»), РФФИ (грант 2016-2018 гг. «Международная система стратегической обороны на Восточном Кавказе в эпоху Великого переселения народов»), Главы Республики Дагестан В.А. Васильева (грант 2019 г. «Новое монументальное оборонительное сооружение на р. Рубас в Южном Дагестане (VI в.): изучение и проблемы интерпретации»).

2. Иллюстративный материал подготовлен Л.Б. Гмыря при содействии Ю.А. Магомедова.

3. Чертежная документация объектов Рубасской фортификации выполнена Абдулаевым А.М. и Кузеевой З.З.

4. Полный профиль восточного фасада стены №2 выполнен Л.Б. Гмыря и Ю.А. Магомедовым.

Acknowledgements.

1. The article presents excavation materials obtained with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Dagestan (grant 2012-2014 “Landscapes of the Western Caspian Sea in the cultural genesis of ethnic communities of the era of the Great Migration of Peoples”), RFBR (grant 2016-2018 “International System strategic defense in the Eastern Caucasus in the era of the Great Migration of Peoples”), Head of the Republic of Dagestan V.A. Vasiliev (grant 2019 “New monumental defensive structure on the Rubas River in South Dagestan (VI century): study and problems of interpretation”).

2. Illustrative material prepared by L.B. Gmyrya with the assistance of Yu.A. Magomedov.

3. Drawing documentation of the objects of the Rubas fortification was made by Abdulaev A.M. and Kuzeeva Z.Z.

4. The full profile of the eastern facade of Wall 2 was made by L.B. Gmyrya and Yu.A. Magomedov.

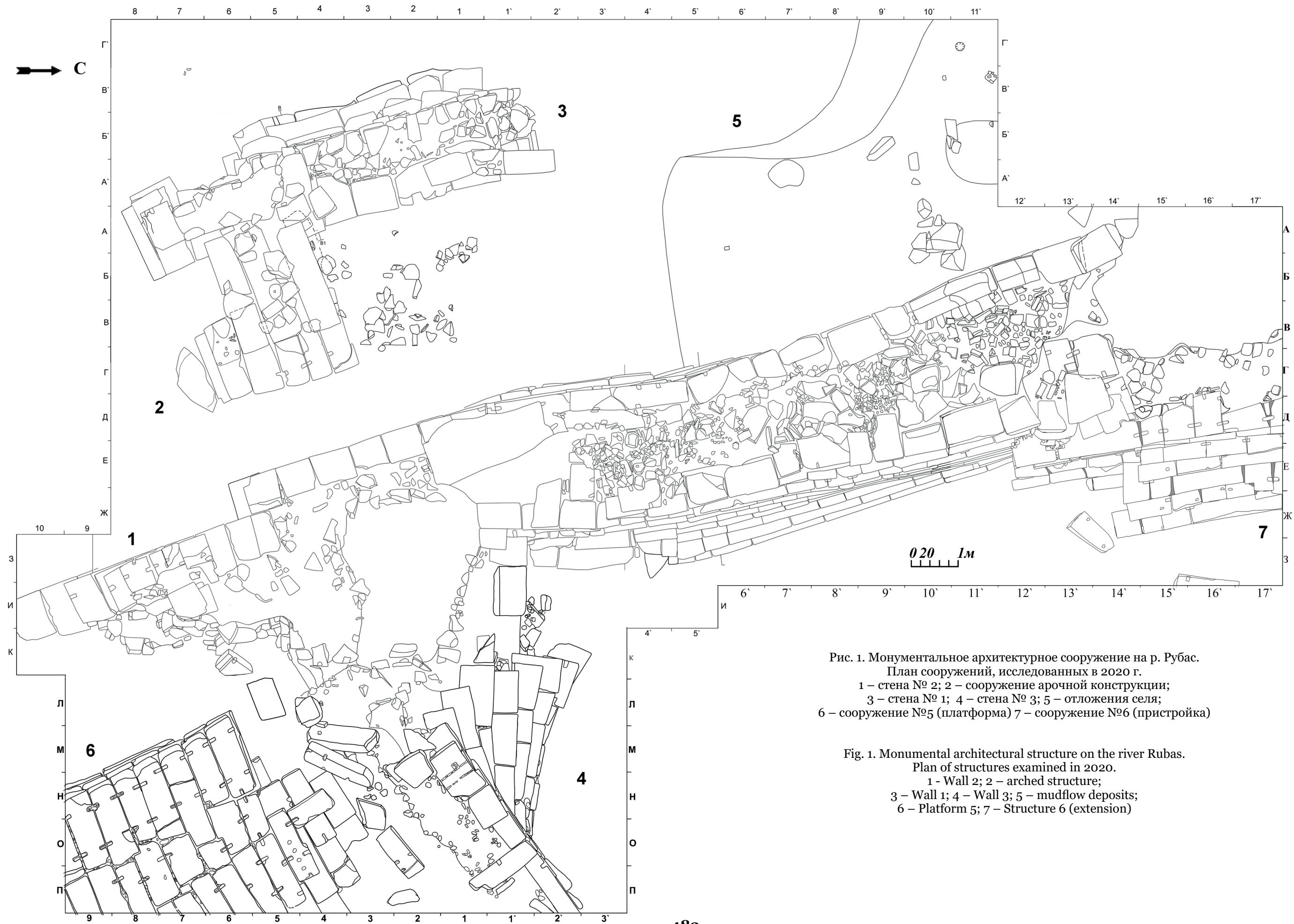


Рис. 1. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
План сооружений, исследованных в 2020 г.
1 – стена № 2; 2 – сооружение арочной конструкции;
3 – стена № 1; 4 – стена № 3; 5 – отложения селя;
6 – сооружение №5 (платформа) 7 – сооружение №6 (пристройка)

Fig. 1. Monumental architectural structure on the river Rubas.
Plan of structures examined in 2020.
1 - Wall 2; 2 – arched structure;
3 – Wall 1; 4 – Wall 3; 5 – mudflow deposits;
6 – Platform 5; 7 – Structure 6 (extension)

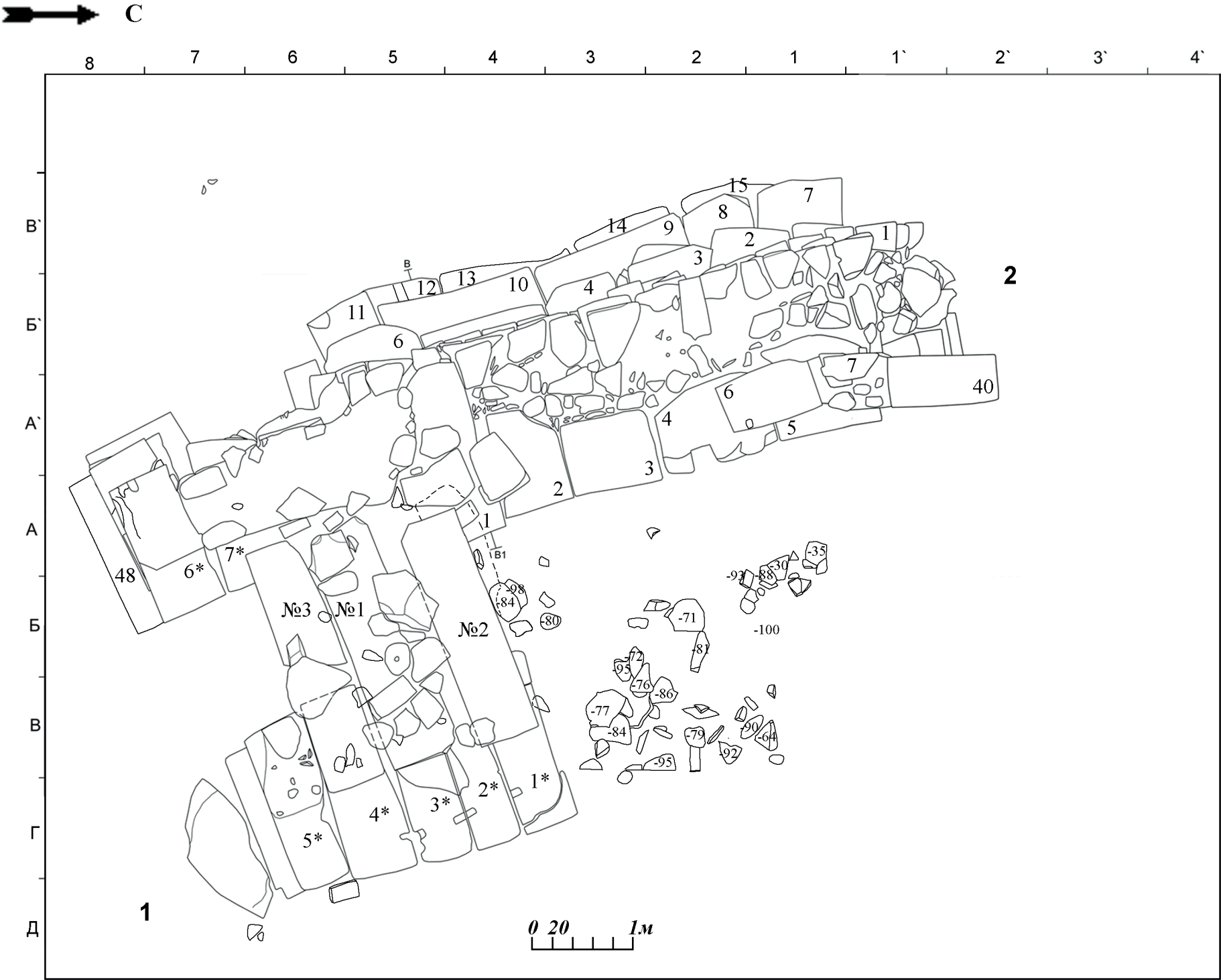


Рис. 2. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
1 – сооружение арочной конструкции; 2 – стена № 1 с указанием №№ плит и блоков

Fig. 2. Monumental architectural structure on the river Rubas.
1 – Arched structure; 2 - Wall 1 with indications of the number of slabs and blocks

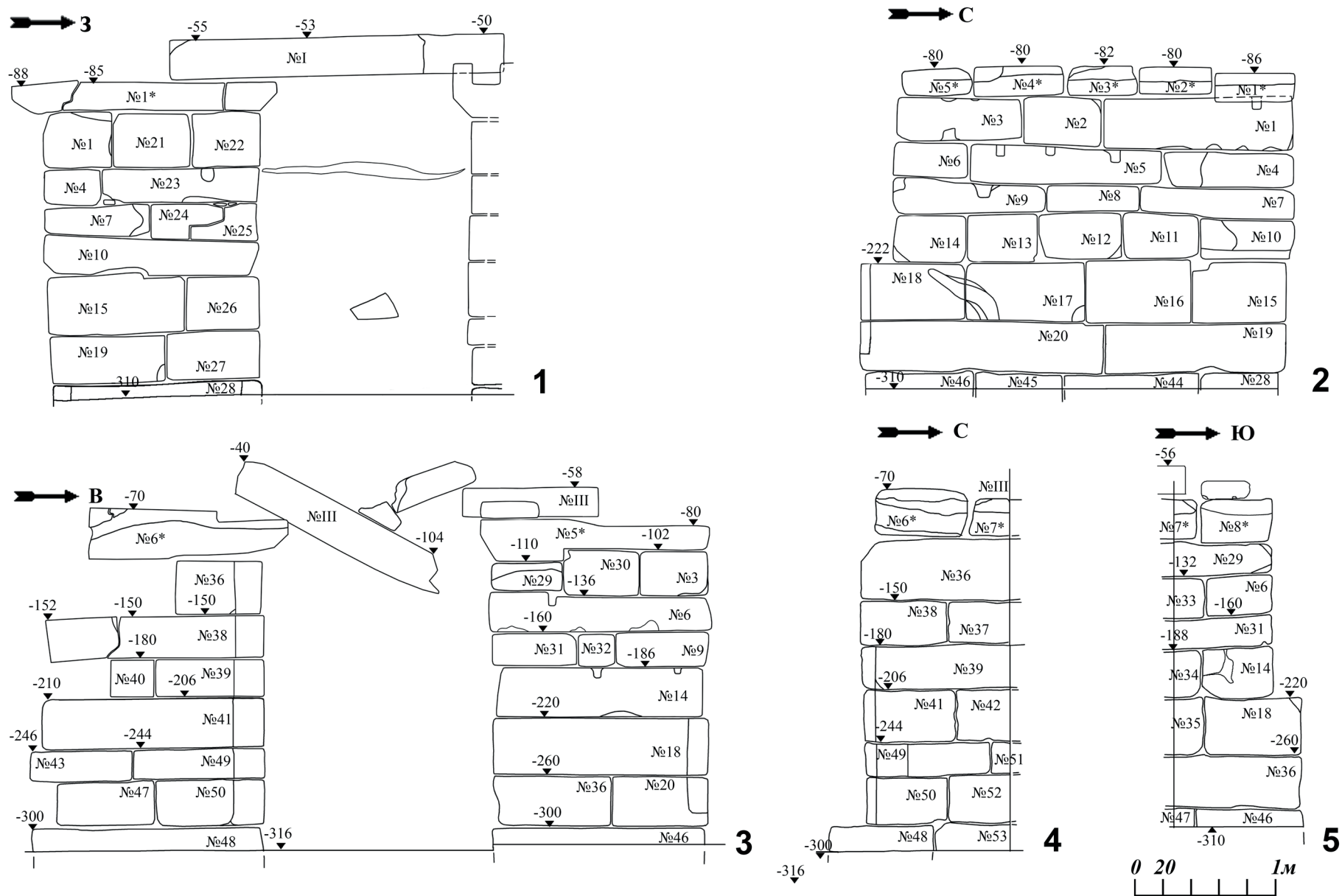


Рис. 3. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
Сооружение арочной конструкции. 1– северный фас базы-опоры №1; 2 – восточный фас базы-опоры №1;
3 – южные фасы баз-опор №№ 1–2; 4 – восточный фас базы-опоры №2; 5 – западный фас базы-опоры №1

Fig. 3. Monumental architectural structure on the river Rubas.
Arched structure. 1 – northern face of the base-support 1; 2 – eastern face of the base-support 1;
3 – southern faces of base supports 1–2; 4 – eastern face of the base-support 2; 5 – western face of the base-support 1

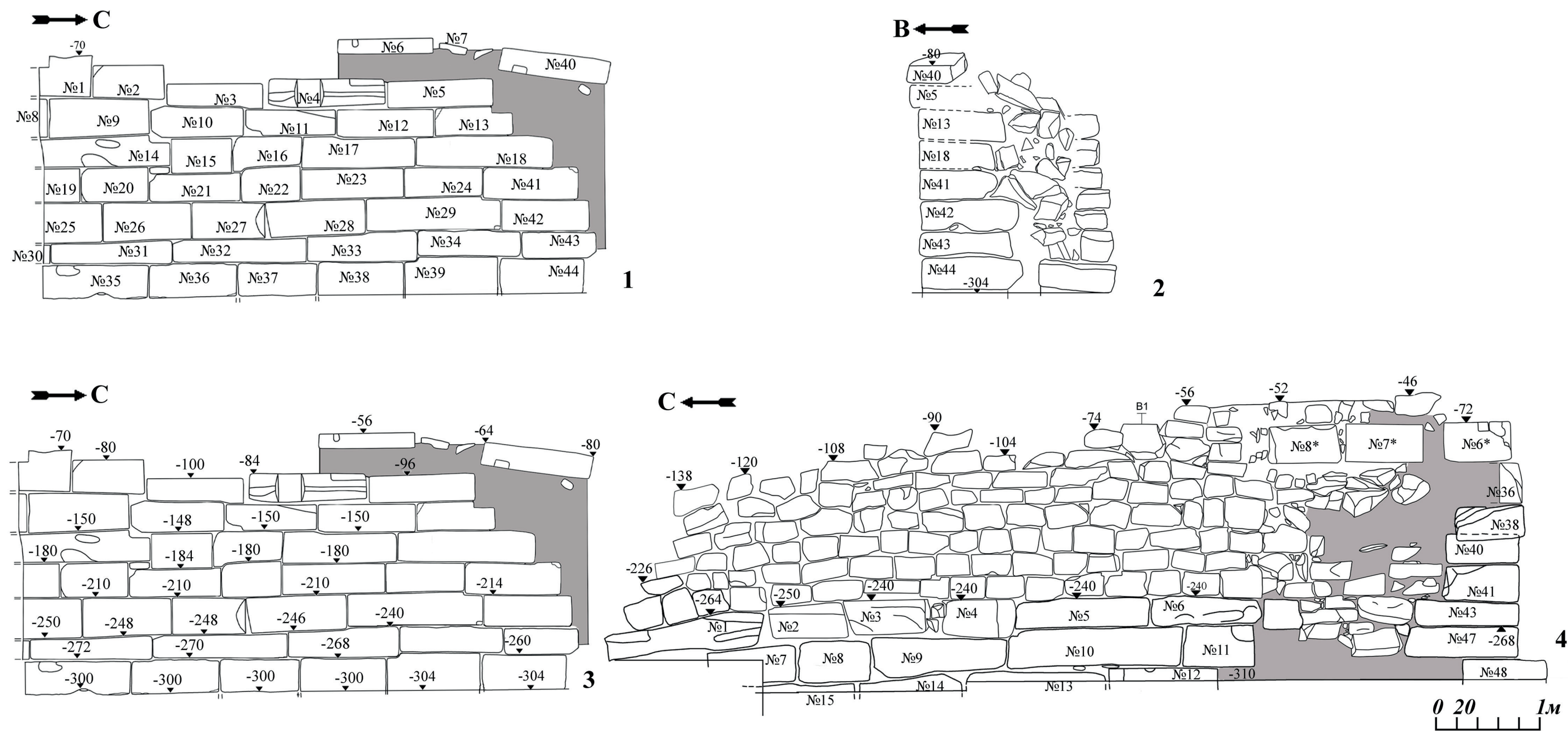


Рис. 4. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Стена № 1.
1–2 – восточный фас; 3 – северный фас; 4 – западный фас

Fig. 4. Monumental architectural structure on the river Rubas. Wall 1.
1–2 - eastern face; 3 – northern face; 4 – western face

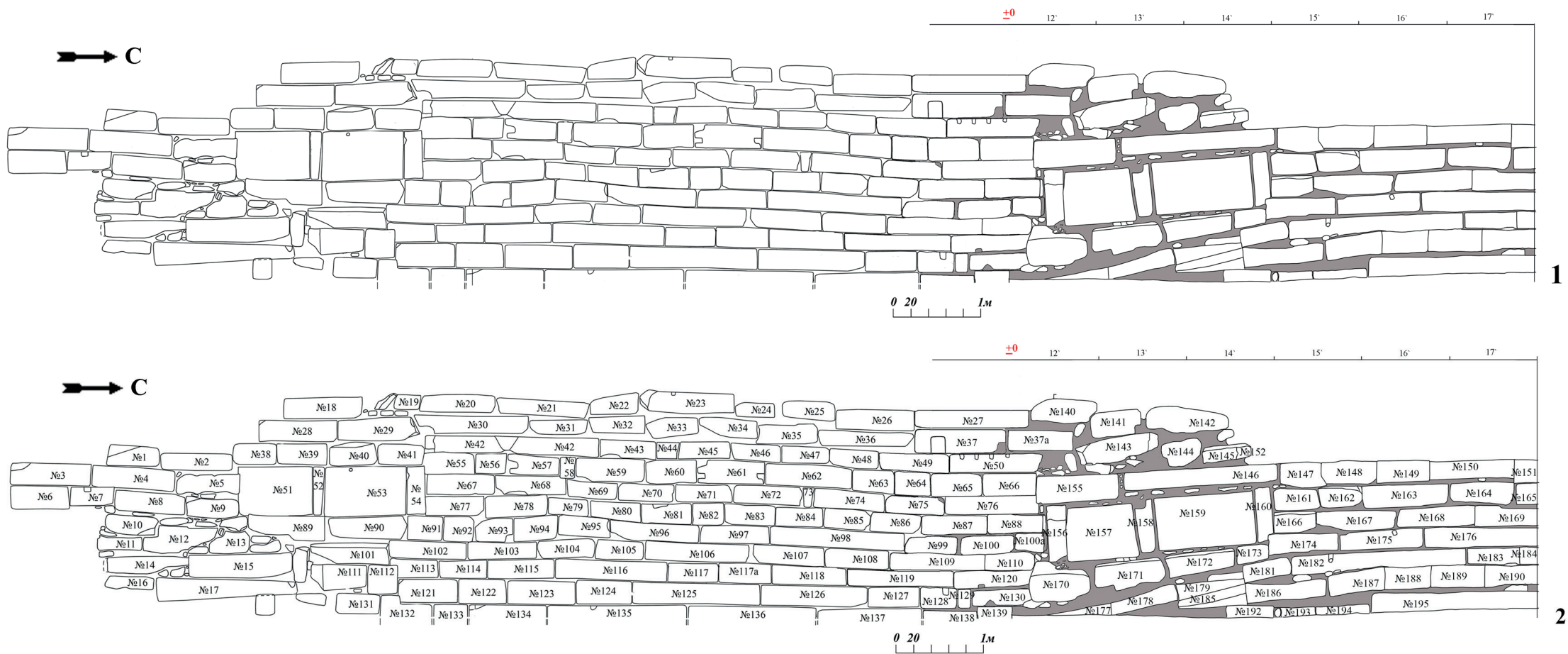


Рис. 5. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. 1–2 – восточный фас стены №2

Fig. 5. Monumental architectural structure on the river Rubas. 1–2 - eastern face of Wall 2

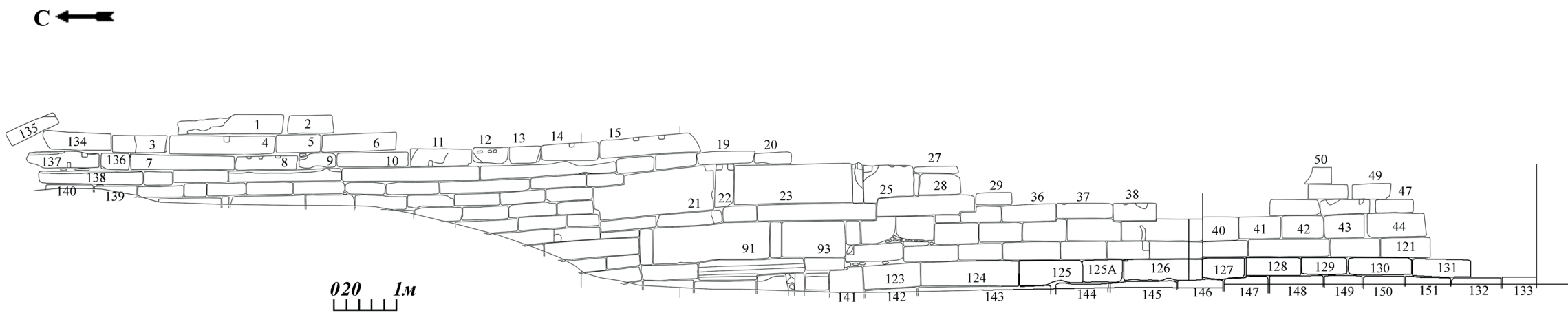


Рис. 6. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Западный фас стены №2

Fig. 6. Monumental architectural structure on the river Rubas. Western face of Wall 2

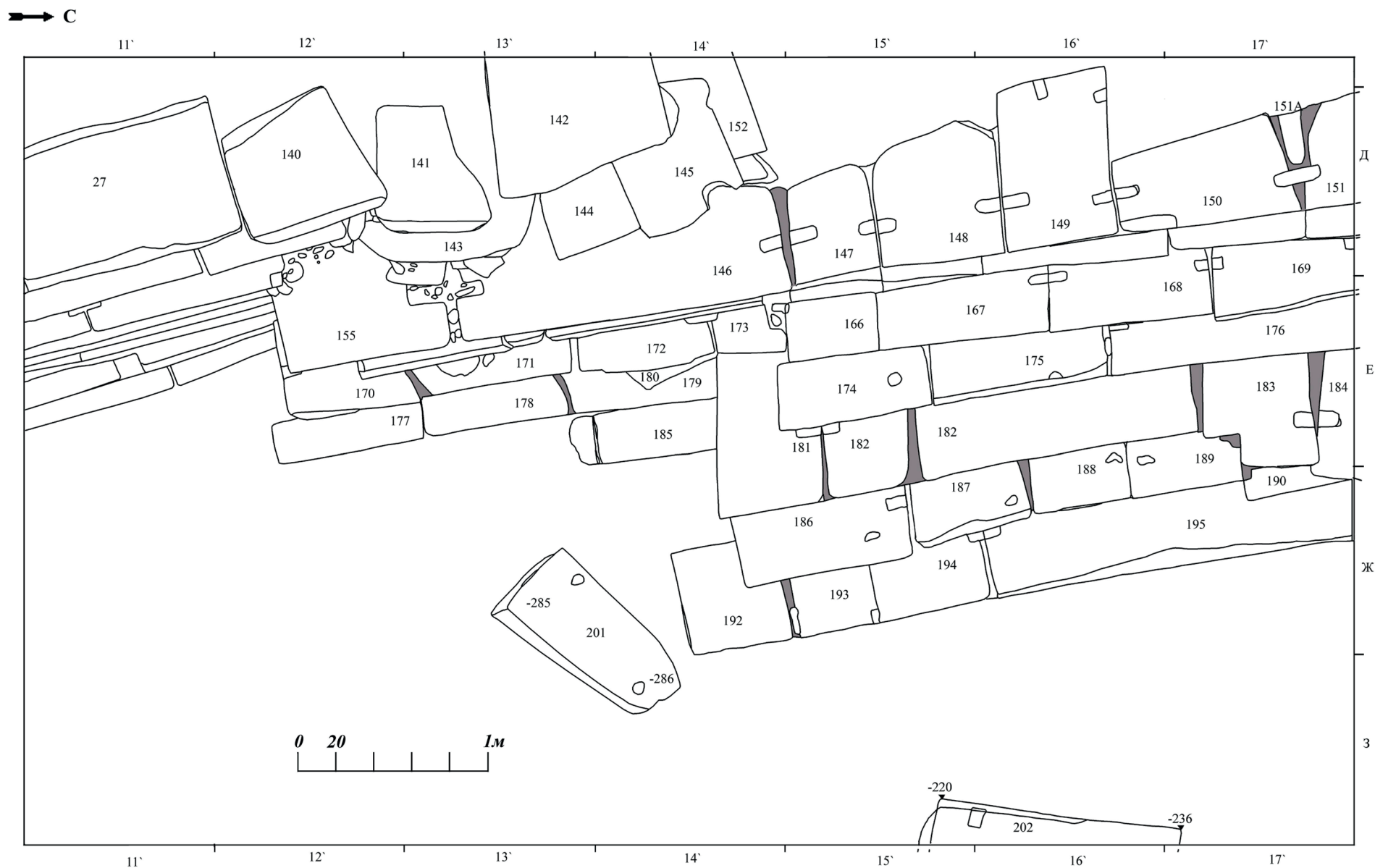
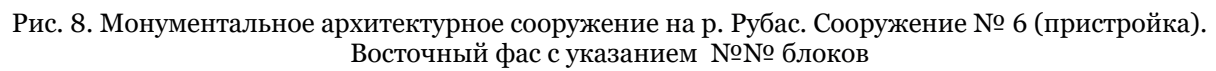


Рис. 7. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
План сооружения № 6 (пристройка) с указанием №№ блоков

Fig. 7. Monumental architectural structure on the river Rubas.
Plan of Structure 6 (extension) with indications of the number of blocks



489

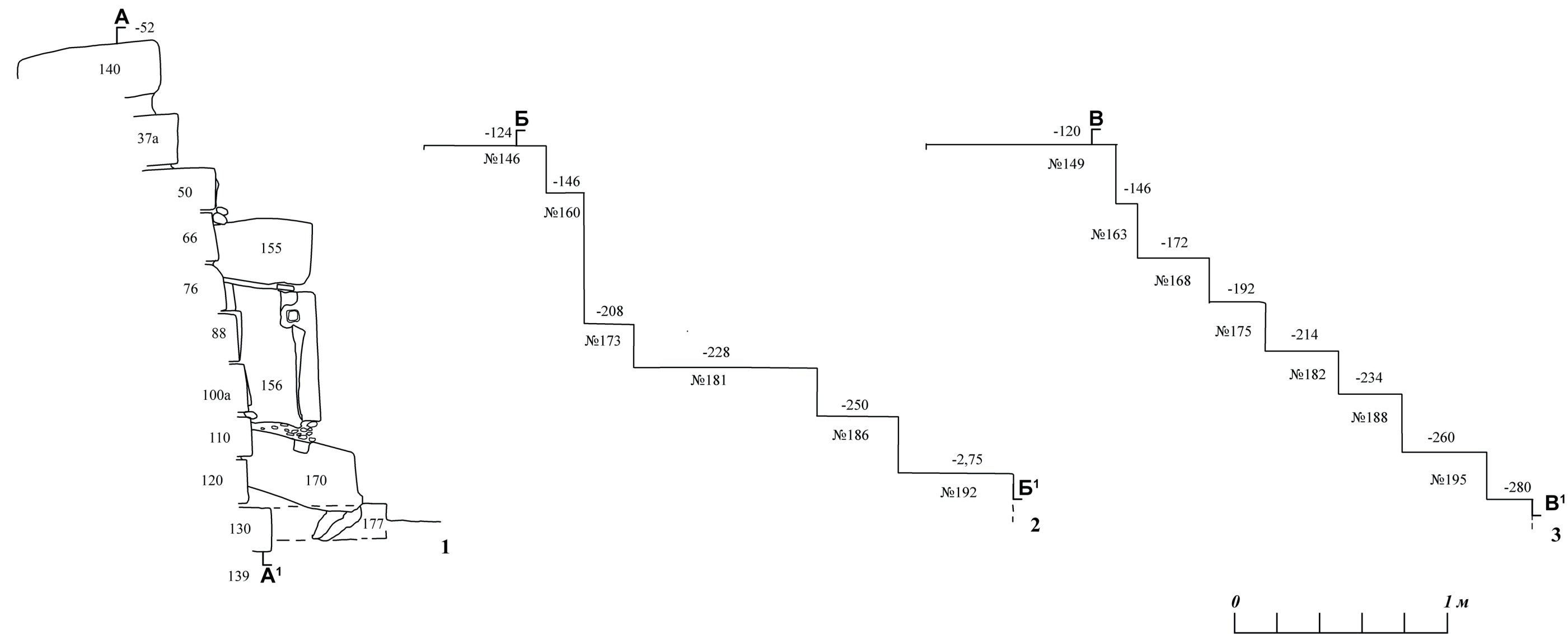
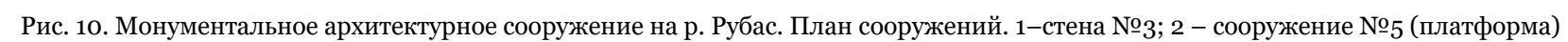


Рис. 9. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружение № 6 (пристройка).
1 – разрез по линии А–А1; 2 – разрез по линии В–В1; 3 – разрез по линии В–В1

Fig. 9. Monumental architectural structure on the river Rubas. Structure 6 (extension).
1 – section along the line A–A1; 2 – section along line B–B1; 3 – section along the line B–B1



491

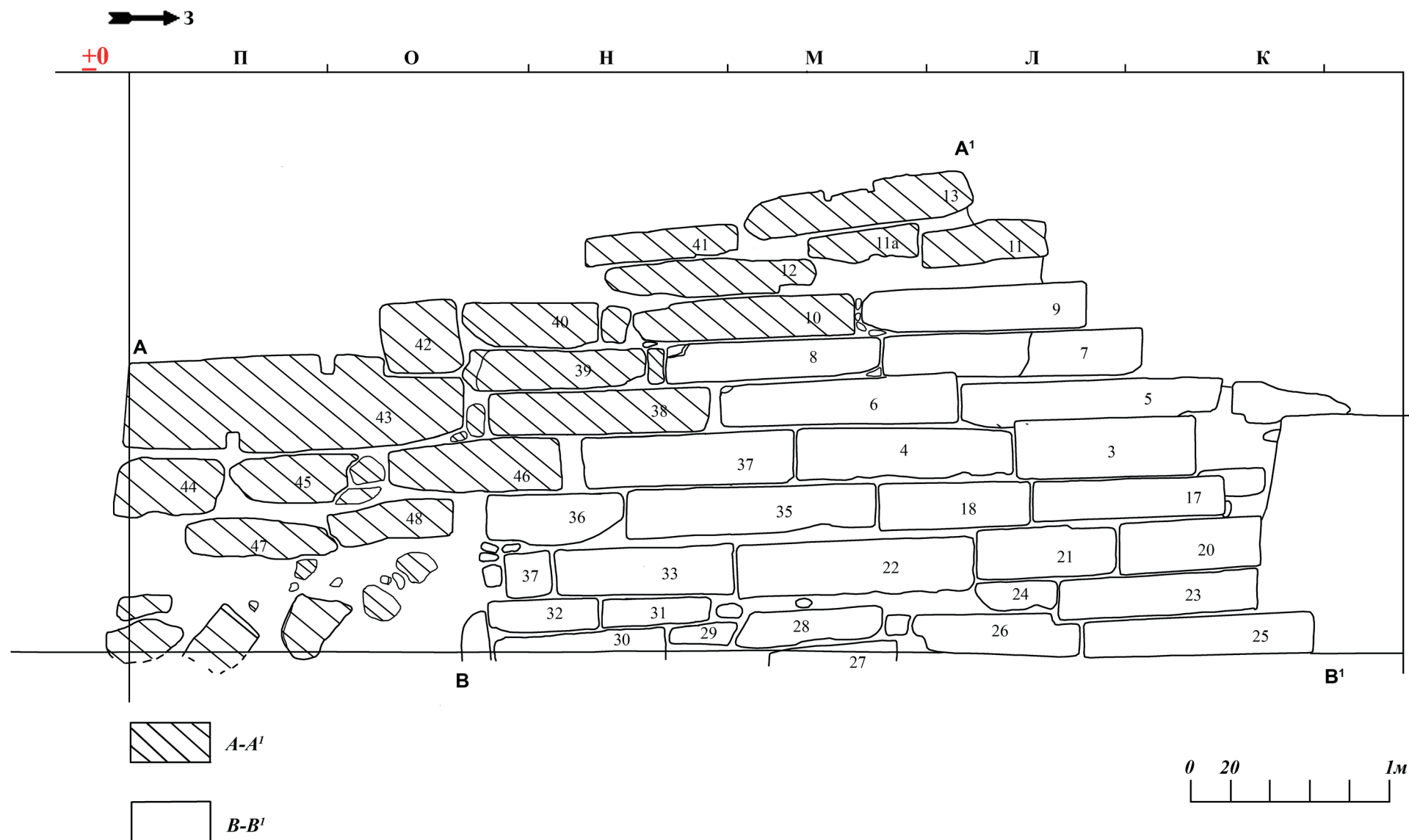


Рис. 11. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Стена №3.
Северный фас с указанием с указанием №№ блоков

Fig. 11. Monumental architectural structure on the river Rubas. Wall 3.
Northern face with with indication of the number of blocks

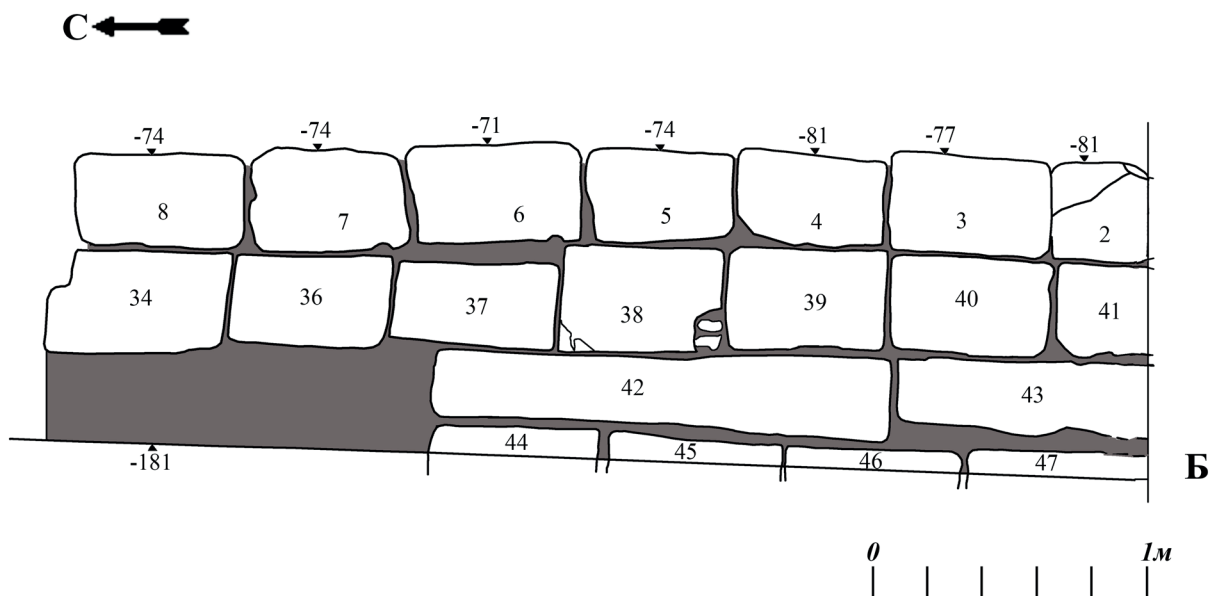


Рис. 12. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. А–Б. Сооружение №5 (платформа).
Западный фас с указанием нивелировочных отметок и №№ блоков

Fig. 12. Monumental architectural structure on the river Rubas.
A-B. Platform 5. Western face with indication of leveling marks and number of blocks

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Гмыря Л.Б. Открытие новой монументальной фортификации Сасанидского Ирана в долине р. Рубас (Южный Дагестан) // *The scientific heritage*. 2016. №6 (1). С. 108–111.
2. Гмыря Л.Б. Сооружение арочной конструкции в системе монументального оборонительного комплекса середины VI в. на р. Рубас в Западном Прикаспии // *Общество: Философия, история, культура*. 2018. № 2. С. 38–44.
3. Гмыря Л.Б. Международная система стратегической обороны на Восточном Кавказе в эпоху Великого переселения народов // *РФФИ - К 100-летию Российской академической археологии: Каталог научных проектов, осуществленных при финансовой поддержке РФФИ в 1992–2018 гг. В. 2 т. Т. 2: Экспедиции. Научные форумы / Сост. А.А. Малышев, Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская; Колл. авт. М.: Российский фонд фундаментальных исследований*. 2019. С. 178–181.
4. Гмыря Л.Б. Исследование новой монументальной фортификации Сасанидского Ирана на р. Рубас в Южном Дагестане и проблемы интерпретации объекта археологии (2016–2018 гг.) // *Abstracts of The second Symposium on Iran & North Caucasus of Russian Federation (Тезисы второго симпозиума по Ирану и Северному Кавказу Российской Федерации)*. June 16 th 2019. IPIS, Tehran. P. 12–13.
5. Gmyrya L.B. Specifics of Rubas fortification's topography and layout (Eastern Caucasus) // *Известия СОИГСИ*. 2019. № 34. С. 5–25.
6. Гмыря Л.Б., Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Рогожин Е.А. Вероятные палеосейсмические деформации на Рубасском археологическом памятнике середины VI в., Южный Дагестан // *Геофизические процессы и биосфера*. 2019. Т. 18. № 3. С. 91–103.
7. L. B. Gmyrya, A. M. Korzhenkov, A. N. Ovsyuchenko [et al.] Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archeological Site, Mid-6th Century AD, South Dagestan // *Izvestiya, Atmospheric and Oceanic Physics*. 2019. Vol. 55. No 10. P. 1547-1558. – DOI 10.1134/S0001433819100037.
8. Гмыря Л.Б., Саидов В.А., Магомедов Ю.А. Исследование Рубасской фортификации в 2020 г. // *История, археоло-*
1. Gmyrya LB. Discovery of a new monumental fortification of Sasanian Iran in the valley of the river Rubas (Southern Dagestan) [Otkrytie novoy monumental'noy fortifikatsii Sasanidskogo Irana v doline r. Rubas (Yuzhnyy Dagestan)]. *The scientific heritage*. 2016, 6(1): 108-111.
2. Gmyrya LB. The construction of an arched structure in the system of a monumental defensive complex of the middle of the 6th century on the river Rubas in the Western Caspian [Sooruzhenie arochnoy konstruktssii v sisteme monumental'nogo oboronitel'nogo kompleksa serediny VI v. na r. Rubas v Zapadnom Prikaspii]. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2018, 2: 38-44. (In Russ)
3. Gmyrya LB. International system of strategic defense in the Eastern Caucasus during the era of the Great Migration [Mezhdunarodnaya sistema strategicheskoy oborony na Vostochnom Kavkaze v epokhu Velikogo pereseleniya narodov]. *RFBR – To the 100th Anniversary of Russian Academic Archeology: Catalog of scientific projects implemented with the financial support of the RFBR in 1992–2018. Vol. 2 in 2 vol.: Expeditions. Scientific forums [RFFI - K 100-letiyu Rossiyskoy akademicheskoy arkheologii: Katalog nauchnykh projektov, osushchestvlennykh pri finansovoy podderzhke RFFI v 1992–2018 gg. V. 2 t. T. 2: Ekspeditsii. Nauchnye forumy]*. A.A. Malyshev, R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya (eds., comp.). Moscow: Russian Foundation for Basic Research. 2019: 178-181. (In Russ)
4. Gmyrya LB. Study of the new monumental fortification of Sasanian Iran on the river Rubas in South Dagestan and problems of interpretation of the object of archeology (2016–2018). [Issledovanie novoy monumental'noy fortifikatsii Sasanidskogo Irana na r. Rubas v Yuzhnom Dagestane i problemy interpretatsii ob'ekta arkheologii (2016–2018 gg.)] *Abstracts of the second Symposium on Iran & North Caucasus of Russian Federation (Abstracts of the second symposium on Iran and the North Caucasus of the Russian Federation)*. June 16, 2019. IPIS. Tehran, 2019: 12-13. (In Russ)
5. Gmyrya LB. Specifics of Rubas fortification's topography and layout (Eastern Caucasus). *Izvestiya SOIGSI*. 2019, 34: 5-25.
6. Gmyrya LB, Korzhenkov AM, Ovsyuchenko AN, Larkov AS, Rogozhin EA. Probable paleoseismic deformations at the Rubas archae-

гия и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. №4. С. 1099–1139.

9. Гмыря Л.Б. Рубасская фортификация середины VI в.: особенности конструкции Восточного фасада стены № 2 // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. №4. С. 912–937.

10. Gmyrya L.B. The Rubas fortification of the mid 6th century: features of the structure of the eastern facade of wall 2 // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 4. 2021. С. 912–937

11. Пахомов Е.А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 39–46.

12. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л., 1959. – 391 с.

13. Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии и культуры. 2004. №14. С. 441–465.

14. Gadzhiev M.S. Kudryavtsev A.A. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts N. Chr. in Darband // Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2001. Vol. 33. P. 357–390.

15. Кудрявцев А.А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // Вопросы истории. 1979. №11. С. 31–43.

16. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. – 164 с.

17. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.

18. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. – 196 с.

19. Вус О.В. Ранневизантийский Limes в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // Византийский временник. М., 2013. Т. 72 (97). С. 227–246.

20. Овчаров Д. Болгары и румыны на Нижнем Дунае в Раннем Средневековье (по археологическим данным): пер. с болг. // История на българите: изкривявания и фалшификации. София, 2002. С. 170–200.

21. Mohammadreza Nemati, Mehdi Mousavinia, Eberhard Sauer & Carlo G. Cereti. Largest Ancient Fortress of South-West Asia and the Western World? Recent Fieldwork at

ological site in the middle of the 6th century, Southern Dagestan [Veroyatnye paleoseismicheskie deformatsii na Rubasskom arkheologicheskoy pamyatnike seredina VI v., Yuzhnyy Dagestan]. *Geophysical Processes and Biosphere*. 2019, 18(3): 91–103.

7. Gmyrya LB, Korzhnikov AM, Ovsyuchenko AN, Larkov AS, Rogozhin EA. Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archeological Site, Mid-6th Century AD, South Dagestan *Izvestiya, Atmospheric and Oceanic Physics*. 2019, 55(10): 1547–558

8. Gmyrya LB, Saidov VA, Magomedov YuA. Study of the Rubas fortification in 2020 [Issledovanie Rubasskoy fortifikatsii v 2020 g.]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(4): 1099–1139. (In russ)

9. Gmyrya LB. Rubas fortification of the middle of the 6th century: layout features of the Eastern facade of Wall 2 [Rubasskaya fortifikatsiya serediny VI v.: osobennosti konstruktivnoy Vostochnogo fasada steny № 2]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021. 17(4): 912–937. (In Russ)

10. Gmyrya LB. The Rubas fortification of the middle 6th century: features of the structure of the eastern facade of wall 2. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(4): 912–937.

11. Pakhomov EA. The largest monuments of the Sasanian construction in Transcaucasia. [Krupneyshie pamyatniki sasanidskogo stroitel'stva v Zakavkaz'e] *Problems of the history of material culture*. 1933, 9–10: 39–46. (In Russ)

12. Trever KV. *Essays on the history and culture of Caucasian Albania. 4th century BC – 7th century AD* [Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoy Albanii. IV v. do n.e. – VII v. n.e.]. Moscow; Leningrad, 1959. (In Russ)

13. Aliev AA, Aliev IN, Gadzhiev MS, Geitner MG, Kohl FL, Magomedov RG. New studies of the Gilgilchay defensive wall [Novye issledovaniya Gil'gil'chayskoy oboronitel'noy steny]. *Problems of history, philology and culture*. 2004, 14: 441–465. (In Russ)

14. Gadzhiev MS. Kudryavtsev AA. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts N. Chr. in Darband *Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2001, 33: 357–390. (in German)

15. Kudryavtsev AA. “Long Walls” in the Eastern Caucasus [«Dlinnye steny» na Vostochnom

Sasanian Qaleh Iraj at Pishva, Iran // Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. 2020. Vol. 58 (2). P. 190-220.

22. Гмыря Л.Б. Отчет о раскопках объекта археологического наследия «Остатки монументального каменного строения V – середины VI в. » на р. Рубас (с. Коммуна Дербентского района Республики Дагестан) в 2020 г. Т. 4. Махачкала, 2022. – 118 с.

Kavkaze]. *Questions of History*. 1979, 11: 31-43. (In Russ)

16. Blavatsky VD. *Essays on military affairs in the ancient states of the Northern Black Sea region [Ocherki voennogo dela v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya]*. Moscow, 1954. (In Russ)

17. *Archeology of the USSR. Ancient states of the Northern Black Sea region [Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya]*. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ)

18. Pletneva SA. *From nomads to cities. Salto-vo-Mayak culture [Ot kocheviy k gorodam. Salto-vo-mayatskaya kul'tura]*. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ)

19. Vus OV. Early Byzantine Limes in the Northern Black Sea Region: organization and structure of engineering defense [Rannevizantiyskiy Limes v Severnom Prichernomor'e: organizatsiya i struktura inzhenernoy oborony]. *Vizantiyskiy vremennik*. Moscow. 2013, 72(97): 227-246. (In Russ)

20. Ovcharov D. Bulgarians and Romanians on the Lower Danube in the Early Middle Ages (according to archaeological data): transl. from [Bolgari i rumyni na Nizhnem Dunae v Rannem Srednevekov'e (po arkheologicheskim dannym): per. s bolg.] *Bulgarian. History in Bulgarian: distortions and falsifications [Istoriya na b'lgarite: izkrivyavaniya i falshifikatsii]*. Sofia, 2002: 170-200. (In Russ)

21. Mohammadreza Nemati, Mehdi Mousavinia, Eberhard Sauer & Carlo G. Cereti. Largest Ancient Fortress of South-West Asia and the Western World? Recent Fieldwork at Sasanian Qaleh Iraj at Pishva, Iran. *Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies*. 2020, 28(2): 190-220.

22. Gmyrya LB. *Report on the excavation of the archaeological heritage site "Remains of a monumental stone structure of the 5th – mid-6th centuries BC" on the river Rubas (village of Kommuna of the Derbent district of the Republic of Dagestan) in 2020 [Otchet o raskopkakh ob'ekta arkheologicheskogo naslediya «Ostatki monumental'nogo kamennogo stroeniya V – srediny VI v. » na r. Rubas (s. Kommuna Derbentskogo rayona Respubliki Dagestan) v 2020 g.]*. Vol. 4. Makhachkala, 2022.

Статья поступила в редакцию 24.05.2022 г.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182497-518>



Мусаева Майсарат Камиловна

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

majsarat@yandex.ru

Соловьева Любовь Тимофеевна

к.и.н., старший научный сотрудник

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

lubsolov@gmail.com

ОБРЯД ОБРЕЗАНИЯ В ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ КAVKAZA

Аннотация. Для народов Кавказа обрядовая культура, сохранение семейно-бытовых традиций и связанное с ними благополучие семьи были и остаются наиболее значимыми жизненными ценностями. Одной из важнейших традиций, которая неукоснительно соблюдалась и соблюдается у большинства народов Кавказа, исповедующих ислам, является обрезание – «суннат/суннет». Авторы ставят задачу рассмотреть и проанализировать эту традицию, которая с этнографической/этнологической точки зрения в научном кавказоведении исследована фрагментарно. Цель авторов показать вариативность традиции, ее роль в семейной и общественной обрядности разных регионов Кавказа, динамику ее изменений; дать по возможности полное представление о важном семейно-общественном обряде «обрезания» в традициях тех народов Кавказа, у которых он практиковался. В статье описаны обрядовый комплекс, представления, приметы, ритуалы, сопровождавшие это важное в жизни мусульман событие, а также проанализировано общее и особенное в региональных различиях у народов Кавказа. В процессе исследования применен системный подход – изучение семейных обычаев и обрядов во взаимосвязи с другими аспектами традиционной культуры (общественным бытом, религиозными верованиями, обрядовой культурой) и историко-сравнительный метод – привлечен материал по разным народам Кавказа с целью выявления общих закономерностей и отличительных особенностей. Методологической и теоретической базой при написании статьи стали исследования кавказоведов, благодаря которым ее авторами были выделены наиболее интересные с точки зрения обрядовой культуры моменты, связанные с предметом исследования.

Ключевые слова: народы Кавказа; Северный Кавказ; Дагестан; обряд обрезания; сунатчи/суннетчи; половая идентификация; инициация; социомаркирующие обряды.

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182497-518>



Maisarat K. Musaeva
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
majsarat@yandex.ru

Lyubov T. Solovyova
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
lubsolov@gmail.com

THE RITE OF CIRCUMCISION AMONG THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Abstract. For the peoples of the Caucasus, ritual culture, the preservation of family and household traditions and the family well-being associated with them have been and remain the most significant life values. One of the important traditions, which is strictly observed by the majority of the peoples of the Caucasus who profess Islam, is circumcision – “sunnat/sunnet”. The authors attempt to consider and analyze this tradition, which in the Caucasian ethnography has been studied episodically. The authors aim to demonstrate the variety of the tradition, its role in the family and social rituality of different regions of the Caucasus, the dynamics of its transformation; to provide a clearer picture about the importance of such a family-social ritual in traditions of those Caucasians, who practiced it. The article describes the ritual complex, beliefs, omens, rites, that accompanied this important ceremony, and analyses the common and particular aspects in the regional diversity among the peoples of the Caucasus. In the course of our study, we applied a systematic approach – the study of family customs and rituals in conjunction with other aspects of traditional culture (social life, religious beliefs, ritual culture) and a historical and comparative method – material was obtained on different peoples of the Caucasus in order to identify common patterns and distinctive features. The methodological and theoretical basis for writing the article was the research of Caucasian scholars, thanks to which its authors identified the most interesting points regarding the ritual culture related to the subject of the study.

Keywords: peoples of the Caucasus; North Caucasus; Dagestan; circumcision; sunnatchi/sunnetchi; gender identification; initiation; socio-marking rituals.

Введение

Методологическая база исследования такого важного социомаркирующего обряда, как обрезание, основана на использовании ряда методов: метода историзма, обеспечивающего анализ событий и явлений в контексте исторического времени, социально-экономического и культурного развития разных регионов Кавказа; историко-генетического подхода в сочетании с методическими приемами полевой этнографии – опросом респондентов и личными наблюдениями.

Обряд обрезания (*суннет, сюннет, суннат, сундат, сумет, сунэт, сунъят, шунэт*, от араб. *сунна*) занимает важное место в традиционной обрядности мусульманских народов Кавказа. Его проведение относится к тем символическим моментам, которые должны определить различия между исламской и не-исламской культурами; его основная функция – определить принадлежность человека к исламу. Вместе с тем этот обряд следует причислить к числу важнейших возрастных обрядов, так называемых обрядов перехода, поскольку он служит символом определенного, весьма существенного этапа в процессе социализации, изменяет статус ребенка или подростка, в отношении которого он был совершен. Причем смена социального статуса мальчика происходила благодаря другим мужчинам, или одному мужчине, специализирующемуся на этой процедуре.

В отношении обряда обрезания – удаления крайней плоти мужского полового органа [1, с. 203], который проводится всем мальчикам, среди исламских богословов существует несколько мнений. Согласно одному – обряд близок к обязательному (*ваджиб*), согласно другому – он является желательным (*мустахаб*) [2, №5550; 3, №257]. Следует указать и на мнение других исламских богословов, таких как имам Абу Ханифа, которые считают обрезание желательным, но не обязательным [4, с. 62]. Однако, безусловно, это является частью Сунны (пути) пророка Мухаммада, а также всех предшествующих пророков вплоть до пророка Ибрахима (Авраама). Следует напомнить также и об известном предании о пророке Ибрахиме (Аврааме), который сделал обрезание в 85-летнем возрасте, и это важный аргумент в пользу того, что обряд близок к обязательному.

В Коране, как известно, обрезание не упоминается, но есть множество преданий (хадисов) о его необходимости. Один из хадисов гласит, что пришёл к пророку Мухаммаду некто и сказал: «Я принял Ислам». Тогда пророк велел этому человеку: «Сбрось волосы неверия (то есть побрей голову) и сделай обрезание» [5; 6]. Также аз-Зухрийи передал слова Посланника Аллаха: «Кто принял Ислам, пусть сделает обрезание, даже если он взрослый» [7, р. 106].

Обрезание мальчиков практикуется среди мусульманского населения всех стран мира. Исходя из этого, бытование данного обряда в традиции народов Кавказа, исповедующих ислам, рассматривают, как правило, в контексте реализации одного из механизмов приобщения ребенка к миру мусульманской

культуры, а также как этап его половой идентификации. В народной традиции, даже в годы определенных гонений на «пережитки прошлого», всевозможных религиозных ограничений и даже опасности подвергнуться партийному наказанию в советское время, необходимость проведения этого обряда в мусульманских семьях не оспаривалась. Обрезание практиковалось среди мусульманского населения региона повсеместно. Важность обрезания мальчиков в народе подкреплялась не только религиозной надобностью, но и определенными представлениями, бытовавшим в народе. Считалось, что мясо животного, зарезанного необрезанным мусульманином, не будет принято в качестве жертвы, оно не будет «халяльным» (дозволенным), к тому же пища, приготовленная из этого мяса, будет невкусной, даже если все условия забоя животного соблюдены (прочитана молитва, голова животного повернута в сторону Каабы и т.д.). Несомненно, что эта практика, имеющая в настоящее время прежде всего религиозную основу, продолжает широко бытовать.

Исследователи указывают на многочисленные свидетельства того, что у разных народов, исповедующих разные религии, обрезание воспринималось, как обряд, маркирующий половую зрелость, и «в качестве обряда посвящения обрезание получило широкое, почти универсальное распространение» [8, с. 65]. В задачу авторов не входит рассмотрение комплексной проблемы, будут рассмотрены лишь некоторые ее аспекты, в частности, связь между обрядом обрезания и некоторыми религиозными реалиями. Возможен акцент на то, что во всех случаях обрезание представляется сакральным актом, исполняемым во имя Богов или Сверхчеловеческих Существ [8, с. 13].

Известный философ и этнолог, автор трехтомника «История веры и религиозных идей» Мирча Элиаде в томе «От Магомета до реформации» приводит список пяти столпов веры: «Религиозная жизнь регламентируется институциями, представляющими собой в то же время и юридические нормы, а именно, пятью «Столпами Веры». Самый важный из «Столпов» – *салат*, богослужение, или молитвенный канон, содержащий ежедневное пятикратное prostиrание ниц; второй – это *закат*, узаконенное подаяние; третий – *саум*, пост с рассвета до сумерек в течение всего месяца рамадан; четвертый – *хадж*, паломничество; пятый – *шахада*, «исповедание веры», т.е. повторение формулы: «нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его»» [9, с. 39]. В этом списке нет «обрезания», но «большинство правоверных мусульман – сунниты, т.е. приверженцы *сунны* («обычая», «традиции»), закономерно считают, что традиция сохранила обряд, который возник, как считают исследователи, еще в эпоху палеолита [9, с. 13]. Как правило, физические испытания преследуют духовную цель: ввести ребенка в культуру, сделать его «открытым» для восприятия духовных ценностей [9, с. 12].

В сущности, для суннитов закон и богословие неразделимы. Их источниками являются: толкования Корана, сунна, или традиция, основанная на деяниях и словах пророка, или согласованные свидетельства сподвижников Магомета и их преемников; или по «*иджме*» (деятельность ученых законоведов

(муджтахидов) второй половины VII в.) – собственные умозаключения на случай, если Коран или сунна ничего не сообщают [9, с. 55].

Существует мнение, что исчезновение посвящения является одной из характерных черт современного мира. Будучи важной особенностью традиционных обществ, в современном обществе посвящение практически отсутствует.

Из различных категорий посвящения посвящение, связанное с достижением половой зрелости, с взрослением, особенно важно для понимания досовременного человека. Как отмечает Ю.Ю. Карпов, для социальных моделей прошлого неимоверно важное значение имеет шкала структурированности, выраженная критерием возраста. «Последний работает на уровнях индивидуальном и групповом. В силу особенностей функционирования системных связей возраст индивида определяется преимущественно через его отношение к данному критерию, фиксируемому на групповом уровне» [10, с. 9]. В реалиях общественной жизни жителей Кавказа более значимым представлялся не биологический, а социальный возраст. Главным признаком социального возраста и определенной зрелости, позволявшей идентифицировать человека, в данном случае ребенка, членом общества, являлась система инициаций, через которую он проходил [11, с. 60–61]. Несмотря на то, что инициация (в данном случае в форме выполнения обряда обрезания) формально определяла возрастную группу, через нее совершалась окончательная самоидентификация индивида относительно окружающего его мира.

Многие литературные источники, а также локальные практики проведения этого обряда у девочек [12; 13, с. 477] свидетельствуют, что эта традиция в Дагестане и на Северном Кавказе, да и в целом на Кавказе, видимо, появилась задолго до принятия ислама. Ю.Ю. Карпов справедливо указывает, что «на Кавказе в ряду этнокультурных традиций обрезание как часть инициационных обрядов, отправляемых в отношении обоих полов, в прошлом могло иметь весьма широкое распространение. В частности, нет оснований связывать появление мужского обрезания исключительно с влиянием ислама, так как еще Геродот отмечал, что «колхи искони совершают обрезание»» [14, с. 134]. Согласно сведениям первой половины XVIII в., у черкесов, несмотря на то, что народы эти большей частью были «идолопоклонниками», т.е. приверженцами традиционных религиозных культов, обрезание практиковалось [15, с. 115, 149.]

Обрядовая практика осетин-мусульман, как свидетельствуют данные В.С. Уарзиати, также указывает на связь обряда обрезания с древними традициями инициации. У осетин-мусульман обряд обрезания производился у групп юношей, достигших 10–17-летнего возраста. «Пройдя испытание на мужество и выносливость, юноши изолировались от общества до полного выздоровления. Они жили группами на окраине села в шалашах. Посещение их было привилегией взрослых мужчин, приносивших им пищу. После исполнения обряда испытуемые юноши считались полноправными мужчинами. Этот ритуал своей изоляцией от женщин полностью соответствует возрастным инициациям у первобытных народов» [16, с. 498; 10, с. 14]. Я.С. Смирнова также указывает на

то обстоятельство, что на Кавказе обрезание зачастую «совмещалось с более явными, чем оно само, реликтами древних инициаций», в частности с физическими испытаниями: «У чеченцев и ингушей обряд совершался ... лет в 7-9. Здесь, как и у соседних аварцев, даргинцев и лакцев, принято было одновременно проверять стойкость мальчика, сжигая трут чуть пониже большого пальца его руки» [17, с. 72]. Мы видим здесь явное испытание огнем.

Для оценки данной традиции у вышеназванных народов как весьма архаичной существуют и другие косвенные основания: всеобъемлющий смысл полового деления, уступив место другим социальным классификациям, утрачивается. Взросление, в основе которого исконно лежало половое созревание, перестает восприниматься как единый процесс. Соответственно – переход на воспитание к отцу, совершеннолетие, вступление в брак и т.п. – серия автономных социальных переходов (не всегда связанных друг с другом), оформляемых, характерным именно для данной местности (локальным) ритуалом, но гораздо менее значимым, чем инициация.

Этнографов давно интересует, почему инициации подростков нередко включают в себя болезненные операции на гениталиях (обрезание крайней плоти у мальчиков, удаление клитора или его части у девочек). Почему именно гениталии стали тем объектом, посредством которого происходило введение подростка в подобающее ему социокультурное пространство? Самый общий ответ на этот вопрос ясен. Поскольку инициация означает, что мальчик становится мужчиной, это предполагает повышенное внимание к его мужскому естеству. Согласно данным, которые приводит И.С. Кон, ссылаясь на «Этнографический атлас», генитальные операции практиковались в 10% обществ, главным образом – в Африке, Австралии и Океании, причем в отношении мальчиков значительно чаще, чем девочек [18, с. 206]. Медицински ориентированный здравый смысл объясняет эти манипуляции гигиеническими соображениями. Известно, что в родильных домах США обрезание производят большинству новорожденных мальчиков, не придавая этому религиозного значения. Согласно же психосоциогенетическим подходам, ритуальное обрезание связано с половой идентификацией ребенка, подростка: испытания, которые мальчик должен вынести с достоинством, проверяют и укрепляют его мужество. Удаляя крайнюю плоть, которая символически рассматривалась как женский рудимент (подобно тому, как клитор у девочек считался мужским элементом), взрослые мужчины как бы «спасали» мальчика от половой неопределенности, давали ему соответствующую половую и сексуальную идентичность.

Есть множество мнений относительно причин возникновения обряда обрезания. По большей части их связывают с психическим развитием индивида. В частности, М. Мид считала обряд обрезания обнародованием перехода ребенка из детства в мир мужчин, а также обеспечением возможности психологического ухода мальчика из-под влияния матери [20, р. 130]. Некоторые исследователи, связывая эти ритуалы с наличием замкнутых мужских союзов и тайных обществ, помимо необходимости утверждения особого мужского статуса, видят

в обряде своеобразное поддержание групповой солидарности мужчин в противовес женскому началу [20; 21].

В данном контексте следует рассматривать практику обрезания и у народов Кавказа, у которых она уже в древности, как упоминалось выше, очевидно, имела достаточно широкое распространение как часть обрядов инициации. Ю.Ю. Карпов предполагает, что изменение традиции в сторону смещения возрастной приуроченности обряда в сторону «омоложения» его участников стало следствием исламизации культуры [14, с. 134; 10, с. 15].

В Кавказском регионе обряд обрезания не имел строгой возрастной привязки. Как свидетельствуют полевые материалы, у некоторых народов его могли провести уже после исполнения мальчику 40 дней, в полгода (азербайджанцы), но обычно это происходило не ранее чем в 1–3-летнем возрасте. Желательным все же считалось не затягивать долее 7 лет, хотя допускалось проведение обряда и значительно позже – в 10–17 лет. Отметим, что именно исполнению 7 лет традиционно придавалось особое значение; достижение этого возраста, как правило, сопровождалось определенными социомаркирующими обрядами. В советское время этот возрастной рубеж совпадал также с поступлением в школу. Возможно, по этой причине, в Дагестане, в советское время, когда были определенные «гонения» на этот обряд, всех мальчиков, которые должны были пойти в первый класс, отправляли к родственникам в села на лето, чтобы им без участия родителей провели обряд обрезания. Большинство ученых-богословов сходятся на том, что совершить обрезание ребёнку следует до достижения половой зрелости, когда он уже считается совершеннолетним (мукаллафом) и обязан совершать все возложенные на него религиозные обязанности, в том числе участвовать в похоронах. Однако можно отметить стремление сделать обрезание мальчику в раннем детском возрасте. В частности, есть сведения, что в сборниках хадисов говорится о том, что пророк Мухаммад зарезал овец за Хасана и Хусейна (внуки пророка) и сделал им обрезание на седьмой день после рождения [22].

Время выполнения обряда

Обряд обрезания у мальчиков выполнялся, как правило, в наиболее благоприятное для этого время года – в середине весны и в начале лета, или ранней осенью, поскольку, по народным представлениям, именно в это время, когда не было жары, быстрее заживают раны. Практически у каждого народа были свои временные предпочтения. Так, терекеменцы Дагестана устраивали обрезание весной [23, с. 182]. У грузин Аджарии этот обряд совершали, когда было прохладно и было меньше сельскохозяйственных работ: в период с осени до ранней весны, а нередко и зимой. Ингуши предпочитали делать это «в конце мая и первой половине июня, до начала летнего солнцестояния. В этот период раны заживают быстрее, так как не очень жарко» [24, с. 111]. Ко времени

проведения обряда существовали определенные требования. Как считалось в большинстве случаев, обрезание следовало производить обязательно при дневном свете. Время между заходом солнца и наступлением ночи, когда появляются звёзды, трудно отнести строго ко дню или к ночи. Поэтому обрезание делали до захода солнца, предпочтительно – до обеденного намаза. Религиозные деятели рекомендовали предварительно с молитвой озвучить свое намерение сделать «обрезание» сыну, внуку, племяннику и сделать обрезание утром, поскольку тот, кто поступает так, показывает тем самым своё стремление поскорее выполнить заповедь, не откладывая её без необходимости до обеда.

Однако были и локальные отличия: например, у грузин-мусульман Аджарии днем устраивали празднество, а сам обряд обрезания устраивали ночью, чтобы ребенок, утомившись в течение дня, быстрее заснул после операции. По словам информантов, «до позднего вечера не дают спать ребенку, чтобы сразу после операции он уснул».

У туркмен Ставрополя также этот обряд совершали ночью, но информанты объясняют это тем, что в советское время «обрезание было запрещено, поэтому его делали тайно» [25, с. 149–150].

Кто выполнял

Выполняли обрезание как специалисты-профессионалы, лекари, цирюльники (*сунатчи, суннетчи, суннечи, дэллек, устар*), которые в середине весны ходили по разным селам, предлагая свои услуги, за определенную плату, так и кто-либо из взрослых родственников, имевших опыт в этом деле, у которого, как считали, была «легкая рука». Если в каком-то селе был подобный специалист, то нередко он обслуживал население нескольких окрестных сел. Дагестанские «сунатчи» ходили не только по дагестанским селам, но и отправлялись к соседям. Так, к терекеменцам Дагестана весной обычно приходили мастера-даргинцы: они «ходили по аулу, спрашивая, кто хочет совершить обрезание детям» [23, с. 182]. В некоторых селениях Азербайджана этим занимались «разъезжающие цирюльники-лезгины» [26, с. 218].

В Чечне и Ингушетии именно дагестанских «мастеров сунната» ждали с нетерпением родители подросших мальчиков. Это было характерно и для мусульман Осетии. Как пишут Х.В. Дзуцев и Т.З. Бесаева: «У осетин-мусульман ... обрезание производили приезжие специалисты из Дагестана, обычно кумыки. К их приезду и приурочивали обрезание мальчиков и даже юношей данного села» [27, с. 50]. По данным В.С. Уарзиати, обычно этим занимались «дагестанские отходники», которых в Осетии называли «*гуыбецаг*», «*хъуымышъаг*» [29, с. 505]. Я.С. Смирнова также отмечает, что у многих народов Северного Кавказа обрезание приурочивали «ко времени появления в селении разъездного специалиста, обычно кумыка» [17, с. 72]. У хемшилов Краснодарского края обрезание мальчикам делает обычно *уста* – мастер,

ремесло которого передается из поколения в поколение, от отца к сыну; поскольку у хемшилов «своего мастера нет, приглашаются мастера от ту-рок-месхетинцев» [29, с. 157].

Согласно дагестанским материалам, бывало, что к «*сунатчи*», в очередной его приход в село, выстраивалась очередь 5-7-летних мальчиков; нередко «*сунатчи*» задерживался в селе на несколько дней. В прошлом, как вспоминают старожилы, для обряда «обрезания» мальчики собирались у мечети, куда их приводил к «*сунатчи*» кто-нибудь из мужчин семьи. Он же помогал проводить процедуру (подбадривал и держал ребенка, разжигал огонь для обработки лезвия ножа). Позже «мастера суната» стали приглашать к каждому мальчику домой.

В настоящее время нередко обрезание делают врачи, которые знают, какие молитвы полагается при этом читать. Однако многие информанты отмечали, что в этом случае ребенок переносит операцию не так легко, как если бы ее совершал традиционный специалист. В частности, по мнению хемшилов, операцию в больнице ребенок переживал труднее: «Заживает в три-четыре раза позже, и операции болезненные, мальчики даже теряют сознание. А когда *уста* делает, даже не плачут» [29, с. 157]. Возможно, причиной этого было то, что традиционные мастера умели найти подход к ребенку, отвлечь его, что было особенно важно для малолетнего пациента.

Так, у ставропольских туркмен мальчику перед операцией предлагали сладости, отвлекали внимание игрушками; угощали специальным сладким блюдом *гурмак* из жаренной на бараньем жире муки. Считалось, что это блюдо облегчает боль и течение операции. У постели мальчика вешали сшитую к этому дню сумочку *хайерлы*, куда родственники и приглашенные гости клали сладости, деньги и игрушки [25, с. 149–150].

По данным Г.Ф. Чурсина, у аварцев «сунетчи берет ребенка на колени и старается успокоить его относительно предстоящей операции», например, показывает ему куриное перо и говорит ему, что этим пером он его обрежет. «Когда все приготовлено, подставлен таз и проч., сунетчи ущемляет крайнюю плоть деревянным зажимом и завязывает наружную часть крайней плоти тряпочкою. Затем, чтобы отвлечь внимание ребенка, ему показывают куда-нибудь вверх, говоря: «Посмотри, вон побежала мышка!», и в этот момент выполняет операцию бритвой или острым ножом» [14, с. 131–132].

У азербайджанцев, по данным 1880-х годов, цирюльник, «соблазнив ребенка разными словами и не показывая ему бритвы, говорит: “посмотри, как на балках мыши съедают дом”. Ребенок, поверив этим словам, смотрит вверх; в это время цирюльник моментально снимает кожицу, захватив ее предварительно в разделенный на две половины тростник. Когда ребенок плачет от боли, ему наполняют рот сахаром. Затем цирюльник осыпает рану золою и кладет ребенка в постель лицом вверх». К подростку 12-15 лет был иной подход: ему завязывали глаза, чтобы он не видел ничего, и говорили: «не бойся: никакой боли не будет» [30, с. 149, 151].

У турок Карсской области во время операции обычно били в барабан, «чтобы заглушить крик обрезаемого, происходящий от боли» [31, с. 131].

Если обрезание делал специалист-*сунатчи*, а не родственник, за процедуру платили как натурой (продуктами), так и деньгами, по договоренности. Ибн Кудамасказал: «Допустимо платить деньги за обрезание и за лечение. Мы не знаем ни о каком разногласии по этому вопросу, так как это необходимо и это позволено шариатом. Поэтому допустимо заплатить за это деньги, как за все другие разрешённые действия»¹. У азербайджанцев, если родители мальчика не имели средств заплатить мастеру, «то за обрезание платили родственники» [26, с. 218]. Поскольку «установленного вознаграждения за обрезание» не было, цирюльник довольствовался «тем, чем его вознаграждают» [30, с. 150].

Мальчики, для которых подошло время исполнения обряда, жили в ожидании этой процедуры, к которой они психологически уже были готовы. Возможно, из-за того, что свидетелей этой процедуры было много, а также и потому, что взрослые с малолетства учили мальчика терпеливо переносить боль, быть выносливым, проводили с ним беседы, предупреждая, что он может стать объектом насмешек сверстников, несмотря на боль, мальчики, за редким исключением, мужественно переносили эту операцию. То, как мальчик вел себя во время процедуры, впоследствии еще долго обсуждалось, причем как в кругу сверстников – мальчиками между собой, так и среди взрослых.

У большинства народов Кавказа не было внешней атрибуции обряда, исключение составляла подготовка к обряду мальчиков у тюркоязычных народов. В частности, у азербайджанцев ребенку перед обрезанием красили хной ногти рук и ног, готовили специальную постель-тахту и красную повязку [32, с. 454]. У терекеменцев также шили специальную юбку, которую надевали сразу после обряда вместо штанов. Такая юбка, иногда украшенная красной вышивкой, переходила от первенца к следующему ребенку. У народов Дагестана, чеченцев, ингушей, азербайджанцев, грузин Аджарии мальчика перед обрезанием (или после него) принято было переодевать в юбку, специально подготовленную для этого дня. Часто после процедуры завязывали мальчикам нечто вроде набедренной повязки и другие народы, но это не всегда был специально подготовленный «наряд». Его сооружали из подручного материала. В некоторых случаях мальчика могли после процедуры вырядить и в платье дочери, если у ребенка была сестра.

Если обрезание проводили не дома, а перед мечетью, мужчина, который привел его на эту процедуру, на руках относил его домой, где его укладывали на матрац, который стелили чаще всего на полу. Обычно мальчик спал на нем до заживления раны. Поскольку ребенок оставался в постели 1-2 недели, у грузин Аджарии обряд обрезания (груз. *дасунатва*) называли также *багнис дацвена* – «укладывание ребенка».

1 Обрезание как это делается и правила в отношении него // Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://islamqa.info/ru/answers/9412>

Родители старались до процедуры также подготовить ребенка физически – за несколько дней до обрезания вытягивали кожицу – край на половом члене, 3-4 раза в день. Рассказывают, что у некоторых детей вытягивание проходило болезненно. Объясняли это спайками, которые могли возникнуть. Это было поводом для откладывания процедуры на год, как говорили, «до отделения».

Операцию производили остро заточенным ножом или, чаще всего, опасной бритвой. Как писал Г.Ф. Чурсин о курдах Азербайджана, «обрезание совершает цирюльник с помощью бритвы и расщепленной камышинки» [33, с. 5].

Непосредственно перед процедурой нож прокаливали над огнем для стерильности. Затем «*сунатчи*» трижды читал молитву (*кьулгьу*), крайнюю плоть мальчика максимально вытягивали, произносили сакральную фразу «Биссмилляла...» и резко отсекали.

В некоторых азербайджанских селах во время обрезания на пол насыпали золу, на которую капала кровь; туда же для *далека* (цирюльника, специалиста по обрезанию) клали деньги – *кул пулу* (букв. деньги золы) [32, с. 454]. У дагестанцев, по народным представлениям, кровь должна была «уйти в землю». После проведения коллективной процедуры, как иногда происходило, кровь на время (до вечера) присыпали небольшим количеством соломы. Затем эту солому набирали в совок и бросали в печь хозяев дома, где остановился «*сунатчи*».

Ранку присыпали различными кровеостанавливающими средствами: у народов Дагестана чаще всего толочком, порошком, иногда (особенно в Южном Дагестане) порошком высушенной крапивы в сочетании с измельченными семенами опиумного мака. У чеченцев, ингушей рану присыпали кукурузной мукой (чеч. «цу» – самая мелкая фракция кукурузной муки), перемешанной с порошком из сушеной крапивы, при этом муку предварительно прокаливали на огне, у балкарцев и карачаевцев – присыпали белой глиной, также прокаленной; у азербайджанцев – золой или пеплом определенных растений («цирюльник осыпает рану золой и кладет ребенка в постель лицом вверх» [30, с. 150].

В Аджарии рану присыпали ольховой трухой, золой, специальным порошком из желудей и листьев инжира [34, с. 36]. В советское время, даже при совершении этого обряда в домашних условиях, стали применять и иные средства, например, детскую присыпку. Многие горные народы Дагестана позже стали примешивать к народному средству измельченное лекарство (стрептоцид).

Редко, но бывали случаи, когда случайно задевали кровеносный сосуд, и мальчик мог истечь кровью; бывали также случаи инфицирования раны. Поэтому первые дни после операции особенно внимательно наблюдали за состоянием ребенка. Так, у азербайджанцев два раза в день его посещал цирюльник, который употреблял «разные средства для лечения»; когда же ребенок вставал с постели, ему шили «маленький мешочек и, всыпав в него золу», надевали «на больное место, чтобы оно не обтерлось» [30, с. 151].

Но все неприятности и болезненные ощущения компенсировались той праздничной атмосферой, которую старались создать вокруг «нового мужчины», «настоящего мужчины». Статус мальчика после обрезания повышался.

Как отмечает М.С.-Г. Албогачиева, у ингушей только те, кому было сделано обрезание, имели право резать птицу и скот, «поэтому мальчики, прошедшие через данную обрядовую процедуру, считают себя взрослыми и по статусу выше своих сверстников» [24, с. 111].

Практически у всех народов Северного Кавказа есть сведения о случаях, когда мальчики рождались уже «обрезанными» – с усеченной крайней плотью. Есть представление, что такой ребенок будет счастливым. Ингуши в таком случае говорили: «Его сам Бог обрезал». Такие случаи не редкость и в Дагестане. В сел. Гуниб в 1974 г. у знакомых одного из авторов родился такой мальчик. И как говорили, во многих селах были такие дети. Подобные представления известны и мусульманам Средней Азии: «если ребенок рождался с неразвитой крайней плотью – считалось, что святые, ангелы его уже обрезали [35, с. 203]. Для такого ребенка не требовалось устраивать обряд обрезания, но все же полагалось, чтобы «пролились три капли крови».

Празднество и одаривание

Обряд обрезания был важнейшим событием и в жизни мальчика, и в жизни его семьи, родственного окружения, сельского сообщества. О мусульманах Карсской области в начале XX в. писали: «Главный обряд, совершаемый над мальчиками, – это обрезание» [31, с. 130]. Информанты-балкарцы отмечали: «Пока суннет не сделали – не считали, что сын родился»².

Родственники и соседи одаривали мальчика сладостями, предметами одежды. Устраивали угощение для тех, кто пришел поздравить с этим важным для семьи и социума событием, которое позволяло обрести мальчику новый статус.

В большинстве случаев исполнение обряда обрезания сопровождалось приглашением родственников, знакомых, соседей. Устройство такого празднества требовало немалых затрат. Как писал Г.Ф. Чурсин об азербайджанских курдах, «обрезание совершается, когда родители ребенка соберутся со средствами, чтобы устроить хороший обед» [33, с. 5].

По мнению исследователей Северного Кавказа, первоначально «никакого особого празднества по случаю суннета не устраивали: это был официальный мусульманский обряд, не имевший корней в народном быту. Лишь с течением времени и по мере усиления исламской религиозности, сперва у чеченцев и ногайцев, а затем и у других народов края суннет стали отмечать так же, как и другие события жизненного цикла. Присутствовали все близкие родственники, соседи, а в состоятельных семьях устраивалось угощение со спортивными состязаниями» [17, с. 72]. Все же вряд ли можно согласиться с тем, что это обряд, «не имевший корней в народном быту», скорее всего он ассоциировался с исламом, поскольку был утерян до реанимации его в период принятия ислама этими народами. З.И. Хасбулатова пишет, что в далеком прошлом у чеченцев

2 Полевой материал авторов, 2002 г. Кабардино-Балкария, сел. Бабугент.

обряд обрезания «сунт вар» считался узкосемейным событием [36, с. 108]. Но со временем чеченцы по случаю обрезания, при возможности, могли устроить зикр, мавлид, что подразумевало приглашение муллы, родственников, соседей, кунаков и устройство богатого угощения.

У ингушей наблюдалась аналогичная ситуация, хотя о самом событии в сельском обществе узнавали многие, поскольку процедуру, фактически до начала XX в. проводил в общественном месте прибывший на «заработки» *сунатчи* из соседнего Дагестана. Сейчас этот обряд вышел за пределы семьи и превратился в праздник.

У азербайджанцев, курдов, грузин Аджарии, некоторых народов Дагестана, ингушей, балкарцев, карачаевцев обрезание отмечалось как большой праздник, с почти свадебным угощением, с приглашением гостей и музыкантов, у состоятельных людей – со скачками и призами для победителя. Поэтому этот день у азербайджанцев называли *суннет тойу*, *кичик той* (маленькая свадьба), у грузин Аджарии – *суннет дугуни*, *сунет корцили* (тур. *дугун*, груз. *корцили* – свадьба). У азербайджанцев Грузии его называли также «Пейгамбар суннети» – «суннет Пророка», так как считалось, что он совершается по завещанию Пророка Ибрахима.

Там, где обряд сопровождался приглашением значительного числа гостей, старались в один день делать обрезание для нескольких сыновей или кузенов (двоюродных братьев).

У туркмен Ставрополя *суннет той* делали иногда сразу для двух-трех мальчиков из одной родственной группы. На этом торжестве присутствовали до 200 человек, наряду с застольем устраивали выступление народных певцов (*бахши*), состязание борцов, джигитовку. Для пиршества нередко резали лошадь. Собирались все родственники, соседи, мулла читал молитвы, родителям и самому мальчику дарили подарки, которым, как и на свадьбах, велся точный учет [25, с. 150].

В Дагестане наиболее пышно отмечали переход мальчика в статус мужчины у тюркоязычных народов – кумыков, терекеменцев, дагестанских азербайджанцев. Отмечали проведенный обряд пышно, с приглашением гостей, богатым угощением. Ребенок становился центральной фигурой праздника, ему дарили подарки, хвалили за выдержку, высказывали благопожелания. Это в какой-то степени компенсировало ему перенесенную физическую боль.

По данным 1980-х годов, у даргинцев сел. Ицари в этот день устраивали угощение, приходили многочисленные гости, и мужчины, и женщины. К ребенку все обращались с благопожеланием: «Чтобы ты был достойным человеком!» («ГІяхІгъубзаапсахъаб!»). Близкие родственники несли с собой от 5-6 до 20-30 «башхъа» – на палке укрепляли рога баранов, на верхний рог нанизывали початок кукурузы, на остальные – яблоки, груши, конфеты, вареные яйца, пачки вафель и т.д., т.е. нечто вроде «древа жизни». Надо отметить, что под влиянием народов, у которых день обрезания мальчиков отмечался пышно, в городской среде и другие народы Дагестана восприняли эту обрядовую практику. Стало

модным, особенно в последние годы, обозначать обряд, как важное событие в жизни ребенка. По наблюдениям, в Дагестане, в магазинах, торгующих определенной мусульманской продукцией, стали продавать специальные короны, нарядные плащи-накидки – внешние атрибуты оформления обряда в странах Востока, которые надеваются на мальчиков после процедуры обрезания.

У азербайджанцев, по данным 1880-х годов, «при совершении обряда обрезания более состоятельные люди расходуют большие деньги; они приглашают на этот праздник ближних, друзей, знакомых и родственников и угощают их пловом, разными сладостями, щербетом и чаем. У богачей на таких увеселениях гудит зурна, играют сазандари, танцуют «мютрюби», поются песни, и пиршество иногда продолжается 2–3 дня. Некоторые из корыстолюбивых лиц эксплуатируют гостей во время обрезания своих детей; еще до подачи плова они подносят каждому из гостей порознь разные сладости, и гости, приняв их, соответственно своему состоянию, кладут на блюдечки деньги в пользу новообрезаемого» [30, с. 150].

В 1980-е годы у азербайджанцев Грузии по случаю обрезания могли пригласить 15–20 человек, но при возможности – до 400–500 человек; праздник мог продолжаться 2–3 дня (в частности, в Болнисском, Гардабанском, Марнеульском районах). В этом случае принято было приносить деньги, сумму которых фиксировали (хотя информанты помнили, что ранее этого не делали; все гости клали деньги на одно блюдо или поднос). Приглашали музыкантов, ашугов. Характерно, что главную роль на этом празднестве играли мужчины, женщины в этот день в основном занимались обслуживанием гостей.

У грузин Аджарии во время застолья на стол ставили поднос с грецкими орехами и яблоками; гости клали туда деньги, а затем поднос ставили в изголовье лежащего мальчика.

Если в день обрезания приглашали большое число гостей, то саму операцию, проводили уже после того, как гости расходились, в присутствии самых близких родственников. Так, у курдов обрезание производили после застолья: «гости расходятся, остаются лишь близкие родственники отца ребенка и кума – «кирвы». В их присутствии и выполняется обрезание» [33, с. 5].

У некоторых народов Кавказа (азербайджанцы, курды, грузины Аджарии) обряд обрезания предусматривал приглашение особого человека (*кирва*, *кирве*, *крво*), задачей которого было держать ребенка во время обрезания. В литературе его нередко называют также кумом, восприемником (видимо, по аналогии с обрядом крещения, который предполагал наличие крестного отца, который у армян, например, назывался «кавор»).

Кирва, если даже он не был родственником, после участия в обряде становился, по народным представлениям, самым близким родственником для этой семьи. Таким образом участие в обряде было способом установления искусственного родства (азерб. «кирвелик», груз. «кирвоба»); браки между представителями этих семей были запрещены, что приравнивало его к молочному родству. У азербайджанцев нередко один *кирва* был восприемником

всех мальчиков в семье; со временем его роль передавалась по наследству его сыну, так могло продолжаться из поколения в поколение. У грузин Аджарии, напротив, обычно у каждого мальчика в семье был свой *кирва*. Поскольку на Кавказе расширение круга родственников всегда укрепляло положение семьи, восприемника обычно выбирали из числа друзей, приятелей, по возможности, зажиточных. Это считалось богоугодным делом, и отказываться от подобного предложения не полагалось. По свидетельству Г.Ф. Чурсина, курды считали, что отказаться стать *кирвой* – «значит нанести обиду и опозорить себя» [33, с. 5].

По сообщениям информантов, *кирвой* мог быть не только представитель иного этноса, но и иной конфессии: у азербайджанцев *кирвой* мог быть грузин, грек, армянин. На юге Грузии до депортации турок-мехетинцев они приглашали на роль *кирвы* своих соседей-грузин – и православных, и католиков.

В Аджарии до 1920-х годов считалось почетным пригласить на роль *кирвы* представителя высшего сословия – бега, чем богаче был *кирва* – тем лучше было для семьи. Один из информантов (1897 г. р.) вспоминал, что *кирвой* у него был Джемал-бег; по его словам, «пока беги были – я царем был». Это было характерно и для азербайджанцев, у которых «родители всячески стараются выбрать кумом состоятельного и влиятельного человека, ибо он, сделавшись почетным членом семейства, закажет мальчику пояс и приличную одежду и вообще, по своим средствам, будет поддерживать его» [30, с. 149–150]. Курды также выбирали кума («кирва», «крво») «по возможности из богатой сильной фамилии», поскольку его участие в устройстве застолья было существенным: по данным 1920-х годов, он доставляет в дом мальчика «2-3 барана, столько же режет отец ребенка, и устраивается обед, на который собираются по одному человеку из каждого двора в селении» [33, с. 5].

Существовала традиция взаимного одаривания: *кирва* приносил подарки для мальчика – обычно сладости и одежду, при возможности, и деньги. Ему, как правило, также дарили одежду (рубашку, вязаные носки и т.д.). В Аджарии, когда мальчик выздоравливал, он вместе с родителями нес эти подарки своему *кирве*.

У курдов Азербайджана одаривание происходило следующим образом: кум через 3-4 дня приходил навестить ребенка, приносил с собой «котел плова, большой цельный хлеб (фунтов в 10), молоко, мед, яйца, масло. При возвращении куму котла в него кладут материю на чоху или архалук, ковер, или посылают вместе с ним корову, быка». Возвратить котел пустым было бы большим позором [33, с. 5].

У азербайджанцев Грузии *кирва* через несколько дней после обрезания приходил к ребенку с чемоданом подарков. Этот день называли «*кюлдэн чы-хартмаг*» – «освободить от пепла», так как пепел использовали как лекарство. Впоследствии в этом же чемодане несли подарки *кирве*. День, когда родители ребенка приносили *кирве* подарки, называется «*габаг гайтарма*» – «возвращение переданного».

Кирва считался самым близким родственником для мальчика после отца; на свадьбу своего подопечного он приводил барана, лошадь и т.д. У грузин Аджарии он, наравне с близкими родственниками семьи, должен был участвовать в кровной мести.

Следует отметить, что во многих регионах Кавказа (в Азербайджане, Грузии, Дагестане, на Северном Кавказе, особенно на территории проживания кабардинцев и балкарцев), жили этнические группы евреев (горские евреи, грузинские евреи), у которых, согласно религиозным канонам, полагалось делать обрезание (брит-мила) на 8-й день от рождения. Иудейская религия жестко регулирует и сроки, и время, и порядок проведения этого обряда. Можно, тем не менее, отметить определенные параллели этой обрядности у мусульман и евреев, в частности, участие в этом обряде мужчины-восприемника, который держал ребенка во время обрезания [37, с. 278–279, 429].

Степень сохранности традиции

Следует отметить, что в отдельных регионах Кавказа степень сохранности в быту обряда обрезания была различной. Если у азербайджанцев Закавказья и у мусульман Дагестана и Восточного Кавказа (чеченцы, ингуши) эта традиция практически не прерывалась даже в советское время, когда были довольно жесткие ограничения, особенно для работников партийного аппарата и государственных служащих, то у народов Центрального и Северо-Западного Кавказа (прежде всего у адыгов – кабардинцев, черкесов, адыгейцев, осетин-мусульман, но отчасти также у карачаевцев, балкарцев) ситуация была иной. На них политика государства в области религии повлияла значительно сильнее, что примерно со второй половины XX в. этот обряд утратил статус обязательного. В большей степени обряд обрезания сохранялся у карачаевцев и балкарцев, которые во время выселения в регионы Казахстана и Средней Азии жили по соседству с мусульманами. Как отмечает Я.С. Смирнова, в первые десятилетия советской власти: «мусульманское обрезание у одних народов (чеченцев, ингушей, балкарцев) еще широко удерживалось, у других (адыгейцы, осетины-мусульмане, а затем черкесы, кабардинцы и карачаевцы) начало выходить из обыкновения» [17, с. 157]. Согласно архивным данным, в Кабардино-Балкарии уже в 1950-е годы обряд обрезания (балк. «суннет», кабард. «*фтыпыупцI*») исполнялся довольно редко. Так, в архивных материалах того периода о кабардинском селении Нижний Куркужин указывалось, что здесь «обрезания не было и нет» [38, с. 133].

По данным А.А. Ярлыкапова, «обряд обрезания (суннет) имел распространение среди адыгейцев до революции. За годы советской власти он у адыгейцев и кабардинцев был практически искоренен» [39, с. 68–69].

По словам раис-имама Эльбрусского района Кабардино-Балкарии З.Т., даже в 1990-е годы в балкарском селении Былым обрезание не делали; как он отмечал, «суннет делать желательно, но не обязательно»: «это закон Пророка, но не

закон Аллаха. Это делают для чистоты. Суннет – хорошее дело, но если этого нет – все равно человек считается мусульманином» [38, с. 134]. Тем не менее, по народным представлениям, совершивший обрезание «более угоден Богу»; в частности, резать животное, особенно предназначенное в жертву, полагалось такому человеку. Считалось, что пища, приготовленная из такого мяса, вкуснее. По рассказам наших информантов, в начале 2000-х годов в Нальчике кабардинцы обычно обращались с просьбой зарезать животное к соседям-лакцам, поскольку были уверены в том, что у лакцев обрезание обязательно делают.

Известен случай в аварском селении Ругуджа, где, как говорят, никогда не практиковалось женское обрезание, в годы Великой Отечественной войны, когда и женщины вынуждены были чабанить, была некая Ш.П., которой сделали обрезание именно для того, чтобы она имела право зарезать скотину.

Исследования начала 2000-х годов показали, что только с началом религиозного возрождения обряд обрезания стал возвращаться. Так, раис-имам Эльбрусского района З.Т., когда в мечеть стали ходить молиться молодые парни, отвез их на автобусе в соседний город Тырныауз, где хирург в больнице сделал им обрезание. В одном из райцентров Кабардино-Балкарии, по словам информантов, работал хирург-таджик, к которому обращались с просьбой сделать обрезание; он делал это богоугодное дело бесплатно, но ему по традиции преподносили подарок.

С конца 1990-х годов обрезание на Северо-Западном Кавказе стали делать молодые верующие. Обычно они обращались к хирургам в больницы, но, по словам информантов, это стоило довольно дорого, не у всех были на это средства. Помогали благотворительные акции: в эти годы в Нальчик в месяц уразу несколько раз приезжали турецкие врачи, которые делали *суннет* всем желающим бесплатно, и к ним приезжали даже из отдаленных селений. С начала 2000-х годов стали делать обрезание и детям, обычно обращаясь к хирургам, но не ранее двухлетнего возраста [38, с. 134].

По данным А.А. Ярлыкапова, в Адыгее этот обряд пытались возродить с начала 2000-х годов: «в городской среде это стало даже модно. В конце 1990-х гг. приехали врачи из Турции и Сирии (в основном адыги), которые делали эту несложную операцию всем желающим, тогда успели сделать обрезание даже 60-летние мужчины. Сегодня уже в Майкопе и Адыгейске есть свои хирурги, делающие эту операцию всем желающим» [39, с. 68–69]. Вместе с тем возвращение к исламским традициям не всегда происходило быстро: «большинство сельских жителей не делает, и, самое интересное, не желает делать обрезание ни себе, ни своим детям и внукам. Как правило, имамы и эфенди понимают, что необрезанный мусульманин считается не совсем «чистым» (имеется в виду в ритуальном плане), но они сами не обрезаны и не собираются исправлять это положение. В некоторых аулах местными жителями вопрос об обрезании даже не поднимается, хотя его ставят постоянно репатрианты. Самый главный аргумент против обрезания: «Мы не хотим, потому что в Коране этого нет» [39, с. 68–69].

Однако и в этом регионе можно отметить локальные различия в сохранении традиций. Так, в балкарском селении Бабугент обряд обрезания всегда сохранялся; в 2000-е годы его делали обычно в больнице, и детям и взрослым. Иногда эту операцию делали уже в роддоме. Но в большинстве случаев – в возрасте от 2-3 до 9 лет. По этому случаю обязательно делали «*суннет кьурманлык*», а «до революции», по воспоминаниям информантов, в этот день устраивали большой праздник (*уллу той*).

Заключение и выводы

Как свидетельствует анализ представленных материалов, обряд обрезания занимал и занимает важное место в традиционной обрядности мусульманских народов Кавказа. До сих пор остается открытым вопрос: это чисто религиозная традиция или древнейший обряд, который исполнялся в силу определенных представлений и плавно перешел в религиозную традицию? Во всяком случае, то, что этот обряд проводился, проводится и думаем, будет проводиться теми, кто исповедует ислам, несмотря на то, что это всего лишь сунна, и этого обряда нет в списке столпов ислама, свидетельствует о том, что это древнейшая традиция, которая бытовала у большинства народов мира вне зависимости от веры. В настоящее время основная функция этого обряда у народов Кавказа – определить принадлежность человека к миру и культуре ислама. Кроме того, это существенный этап в социализации мальчика, его включения в религиозную общину, в коллектив родственников и односельчан. После обрезания, которое можно считать также одним из возрастных, социомаркирующих обрядов, мальчик обретает новый социально-возрастной статус, причисляется к миру мужчин. Характерно, что по традиции участниками этого обряда, его исполнителями, гостями на празднестве были в основном мужчины. Не случайно исследователи считают обрезание не только одним из этапов половой идентификации, но и придают ему значение инициации [40, с. 69–72].

Социальная сущность обряда и причина его социальной значимости заключались также в том праздничном мероприятии, которое устраивала семья по случаю обрезания. У многих народов исполнение обряда не мыслилось без приглашения широкого круга сельчан, соседей, родственников, которые в свою очередь одаривали мальчика и его семью. Это служило признанием общественной значимости данного семейного события, а также способствовало укреплению родственных и соседских отношений. Даже если по случаю обрезания не устраивали большого застолья, родственники и соседи приходили в семью мальчика с подарками и угощением.

Обряд обрезания у мусульман, имея общую религиозную основу, в разных регионах Кавказа, у разных народов и этнических групп имел определенную локальную специфику. В частности, отличались своеобразием приносимые в этот день подарки, ритуалы взаимного одаривания, состав основных действующих

щих лиц (наличие восприемника, участие в выполнении обряда цирюльника, народного лекаря и т.д.).

Вошедший в традиционный быт народов Кавказа вместе с принятием новой религии, обряд обрезания воспринял часть народных представлений и воззрений. Как и некоторые иные возрастные обряды, у некоторых народов обрезание стало поводом установления новых родственных связей с восприемником и его семьей. Причем в этноконтактных зонах это позволяло устанавливать отношения искусственного родства даже с представителями иных народов и с иноверцами-христианами.

Различная степень укорененности обряда обрезания в быту того или иного народа обусловила его различную сохранность в условиях гонений на религию в годы советской власти. У некоторых народов он оставался обязательным, у других выполнялся тайно или практически перестал исполняться (Северо-Западный Кавказ). В связи с возрождением ислама в последние десятилетия и в этих регионах обряд обрезания возвращается в повседневный быт мусульманских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гогибери́дзе Г.М. Исламский толковый словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 266 с.
2. Мухаммад ал-Бухари. Сахих ал-Бухари / Пер. с араб., примеч. и указ. Владимир Абдулла Нирша. М.: УММА, 2003. – 959 с.
3. Goldziher, Ignác. Muhammedanische Studien. Halle a.S., Niemeyer, 1889. vol. 2, pg. 240.
4. Шануджак Ихсан. Абу Ханифа. Великий муджтахид. Казань: Хузур Спокойствие, 2020. 80 с.
5. Абу Давуд ас-Сиджистан. Суанн Абу Давуд / Перевод: Карима Сорокоумова. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://sunna.e-minbar.com/sunan-abu-davud/>
6. Суанн Абу Дауд. Сборник хадисов. М., 2012.
7. Scott C. Lucas. Constructive Critics, Ḥadīth Literature, and the Articulation of Sunnī Islam: The Legacy of the Generation of Ibn Saʿd, Ibn Maʿīn, and Ibn Hanbal. Leiden: Brill Publishers, 2004. 424 p.
8. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. К.: София, М.: Гелиос, 2002. 352 с.
9. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т.3. От Магомета до реформации. 2012. 174 с.

REFERENCES

1. Gogiberidze GM. *Islamic explanatory dictionary [Islamskiy tolkovyy slovar]*. Rostov-on-Don: Phoenix, 2009. (In Russ)
2. Muhammad al-Bukhari. *Sahih al-Bukhari*. Vladimir Abdullah Nirsha (transl.). Moscow: UMMA, 2003. (In Russ)
3. Goldziher Ignac. *Muhammedanische Studien*. Halle a.S., Niemeyer, 1889. vol. 2, p. 240.
4. Shanujak Ihsan. *Abu Hanif. Great mujtahid [Abu Khanifa. Velikiy mudzhtakhid]*. Kazan: Khuzur Serenity, 2020.
5. Abu Dawood as-Sijistan. *Sunan Abu Dawood*. Karima Sorokoumova (transl.). Electronic resource. Available at: <https://sunna.e-minbar.com/sunan-abu-davud/>
6. Sunan Abu Dawud. Collection of hadiths [*Sbornik khadisov*]. Moscow, 2012. (In Russ)
7. Scott C. Lucas. *Constructive Critics, Ḥadīth Literature, and the Articulation of Sunnī Islam: The Legacy of the Generation of Ibn Saʿd, Ibn Maʿīn, and Ibn Hanbal*. Leiden: Brill Publishers, 2004.
8. Eliade M. *Secret Societies: Rites of Initiation and Initiation [Taynye obshchestva: Obryady initsiatsii i posvyashcheniya]*. K.: Sofia, Moscow: Helios, 2002.
9. Eliade M. *History of faith and religious ideas. Vol. 3. From Mohammed to the Reformation [Istoriya very i religioznykh idey. T.3. Ot Magometa do reformatsii]*. 2012.

10. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Кунсткамера, 1996. - 312 с.
11. Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем // Советская этнография. 1982. № 1. С. 59–62
12. Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. 251 с.
13. Мусаева М.К. «Обрезание» девочек у народов Дагестана и Северного Кавказа: обрядовые практики и представления // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г. Москва; Екатеринбург, 2015. С. 477.
14. Карпов Ю.Ю. Ребенок и подросток в контексте традиционной культуры народов Западного Дагестана // Детство в традиционной культуре народов средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 115–147.
15. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
16. Уарзиати В.С. Ислам в культуре осетин // Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / сост. Е.М. Кочиева, А.П. Донченко. Владикавказ: Абета, 2018. Т. II. С. 494–501.
17. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX–XX в. М.: Наука, 1983. 263 с.
18. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1988. - 270 с.
19. Mead M. Male and Female: A Study of the Sexes in a Changing World. New York: Morrow, 1955.
20. Young T.W. Initiation Ceremonies: A Cross-Cultural Study of Status Dramatization. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965. 199 p.
21. Cohen Y.A. The Transition From Childhood to Adolescence: Cross-Cultural Studies of Initiation Ceremonies, Legal Systems, and Incest Taboos. Chicago: Aldine Publishing, 1964. 254 с.
22. Сунан аль-Кабир. Сборник хадисов ал-Байхаки. Эр-Рияд, 2013.
23. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. 216 с.
10. Karpov YuYu. *The dzhigit and the wolf. Male unions in the socio-cultural tradition of the highlanders of the Caucasus* [Dzhigit i volk. Mu-zhskie soyuzy v sotsiokul'turnoy traditsii gortsev Kavkaza]. Saint-Petersburg: Kunstkamera, 1996. (In Russ)
11. Kalinovskaya KP. To the problem of age systems [K probleme vozrastnykh sistem]. *Sovetskaya etnografiya*. 1982, 1: 59-62. (In Russ)
12. Musaeva MK. *Khvarshins. 19th – early 20th century. Historical and ethnographic research* [Khvarshiny. XIX – nachalo KhKh v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie]. Makhachkala, 1995. (In Russ)
13. Musaeva MK. “Circumcision” of girls among the peoples of Dagestan and the North Caucasus: ritual practices and representations. [«Obrezanie» devochek u narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza: obryadovye praktiki i predstavleniya] *XI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Collection of materials*. Yekaterinburg, July 2-5, 2015. Moscow; Yekaterinburg, 2015: 477. (In Russ)
14. Karpov YuYu. A child and a teenager in the context of the traditional culture of the peoples of Western Dagestan [Rebenok i podrostok v kontekste traditsionnoy kul'tury narodov Zapadnogo Dagestana] *Childhood in the traditional culture of the peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus* [Detstvo v traditsionnoy kul'ture narodov sredney Azii, Kazakhstana i Kavkaza]. Saint-Petersburg, 1998: 115-147. (In Russ)
15. *Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th-19th centuries* [Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov 13–19 vv.]. Nalchik: El-brus, 1974. (In Russ)
16. Uarziati VS. Islam in the culture of Ossetians [Islam v kul'ture osetin] In: *Kochieva E.T., Donchenko A.P. (comp.). Selected works: Ethnology. Culturology. Semiotics*. Vladikavkaz: Abeta, 2018. Vol. II:494-501.
17. Smirnova YaS. *Family and family life of the peoples of the North Caucasus: the second half of the 19th–20th centuries* [Sem'ya i semeynyy byt narodov Severnogo Kavkaza: Vtoraya polovina 19-20 vv.]. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)
18. Kon IS. *Child and Society: A Historical and Ethnographic Perspective* [Rebenok i obshchestvo: Istoriko-etnograficheskaya perspektiva]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1988.

24. Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения: Сборник статей. СПб.: Наука, 2007. С. 75–128.
25. Брусина О.И. Российские туркмены: три века этнической стойкости. М.: ИЭА РАН, 2019. 372 с.
26. Азербайджанцы: Историко-этнографический очерк. Баку: Элм, 1998. 298 с.
27. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994. – 113 с.
28. Уарзиати В.С. Пережитки ислама в селении Заманкул // Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / сост. Е.М. Кочиева, А.П. Донченко. Владикавказ: Абета, 2018б. Т. II. С. 502–509.
29. Шахназарян Н.Р. Этнография фронтальных контекстов: армяноязычные турки-хемшилы Краснодарского края России // Армяне в исторических и этнокультурных процессах XVIII–XXI вв.: сборник научных статей / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 128–176.
30. Калашев Н. Местечко Сальяны (Сальян), Джевадского уезда, Бакинской губернии // СМОМПК. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 66–171.
31. Янович Ф.С. Очерки Карской области // СМОМПК. 1904. Вып. 34. С. 1–181.
32. Раджабов Г., Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Азербайджанцы. М.: Наука, 2017 (Народы и культуры). С. 445–460.
33. Чурсин Г.Ф. Азербайджанские курды // Известия КИАИ. Т. 3. Тифлис, 1925.
34. Соловьева Л.Т. Материалы по обрядности детского цикла у грузин Аджарии // Полевые исследования Института этнографии. 1984. М.: Наука, 1989. С. 29–38.
35. Абашин С.Н. Миндонский цирюльник // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Наука, 2001. Вып. IV. С. 198–218.
36. Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: Обычаи и традиции. XIX – начало XX вв. М.: Московская типография № 27, 2007. 415 с.
37. Евреи / отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018. 783 с.
19. Mead M. *Male and Female: A Study of the Sexes in a Changing World*. New York: Morrow, 1955.
20. Young TW. *Initiation Ceremonies: A Cross-Cultural Study of Status Dramatization*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965.
21. Cohen YA. *The Transition From Childhood to Adolescence: Cross-Cultural Studies of Initiation Ceremonies, Legal Systems, and Incest Taboos*. Chicago: Aldine Publishing, 1964.
22. *Collection of hadiths of al-Bayhaqi [Sbornik khadisov al-Baykhaki]*. Riyadh, 2013.
23. Gadzhieva SSh. *Dagestan Terekemens: XIX – early XX century. Historical and ethnographic research [Dagestanskije terekementsy: XIX – nachalo KhKh v.: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie]*. Moscow: Nauka, 1990.
24. Albogachieva MS.-G. Ingush in the 20th century: ethnographic aspects of religious practices [[Ingushi v XX veke: etnograficheskie aspekty religioznykh praktik] In: *North Caucasus: Traditional rural community – social roles, public opinion, power relations: Collection of articles [Severnnyy Kavkaz: Traditsionnoe sel'skoe soobshchestvo – sotsial'nye roli, obshchestvennoe mnenie, vlastnye otnosheniya: Sbornik statey]*. Saint-Petersburg: Nauka, 2007: 75–128. (In Russ)
25. Brusina OI. *Russian Turkmens: Three Centuries of Ethnic Fortitude [Rossiyskie turkmeny: tri veka etnicheskoy stoykosti]*. Moscow: IEA RAN, 2019. (In Russ)
26. *Azerbaijanis: Historical and ethnographic essay [Azerbaydzantsy: Istoriko-etnograficheskiy ocherk]*. Baku: Elm, 1998. (In Russ)
27. Dzutsev KhV, Besaeva TZ. *Ethnography of Ossetian childhood [Etnografiya detstva u osetin]*. Vladikavkaz, 1994. (In Russ)
28. Ouarziati VS. Remnants of Islam in the village of Zamankul [Perezhitki islama v selenii Zamankul] In: Kochieva E.M., Donchenko A.P. (comp.). *Selected Works: Ethnology. Culturalogy. Semiotics*. Vladikavkaz: Abeta, 2018b. Vol. II: 502–509. (In Russ)
29. Shakhnazaryan NR. Ethnography of frontier contexts: Armenian-speaking Turks-Khemshils of the Krasnodar Territory of Russia [Etnografiya frontirnykh kontekstov: arмяноязычnye turki-khemshily Krasnodarskogo kraya Rossii] In: *Anchabadze Yu.D. (ed.). Armenians in historical and ethnocultural processes of the 18th–21st centuries: collection of*

38. Соловьева Л.Т. Формы бытования народного ислама // Ислам и право в России. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2004. Вып. 3. 118–159.

39. Ярлыкапов А.А. Религиозное поведение // Ислам и право в России. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2004. Вып. 3. С. 46–69.

40. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

scientific articles [Armyane v istoricheskikh i etnokul'turnykh protsessakh XVIII–XXI vv.: sbornik nauchnykh statey]. Moscow: MAKSPress, 2021: 128–176. (In Russ)

30. Kalashev N. The town of Salyany (Salyan), Dzhevad district, Baku province [Mestechko Sal'yany (Sal'yan), Dzhevadskogo uezda, Bakinskoy gubernii]. *Collection of Materials for the Description of Locations and Tribes of the Caucasus (SMOMPK)*. Tiflis, 1886, 5: 66–171. (In Russ)

31. Yanovich FS. Essays on the Kars region [Ocherki Karskoy oblasti]. *Collection of Materials for the Description of Locations and Tribes of the Caucasus (SMOMPK)*. 1904, 34: 1–181. (In Russ)

32. Radjabov G, Pchelintseva ND, Solovieva LT. Rituals and customs associated with the birth and upbringing of children [Obryady i obychai, svyazannye s rozhdeniem i vospitaniem detey]. *Azerbaijanis* Moscow: Nauka, 2017: 445–460.

33. Chursin GF. Azerbaijani Kurds [Azerbaydzhanskies kurdy]. "Izvestia" of the Caucasian Historical and Archaeological Institute Tiflis, 1925. Vol. 3.

34. Solovieva LT. Materials on the rituals of the children's cycle among the Georgians of Adjara. [Materialy po obryadnosti detskogo tsikla u gruzin Adzharii]. *Field studies of the Institute of Ethnography* 1984. Moscow: Nauka, 1989: 29–38.

35. Abashin SN. Mindon barber [Mindonskiy tsiryul'nik]. *Central Asian ethnographic collection* Moscow: Nauka, 2001; IV: 198–218. (In Russ)

36. Khasbulatova ZI. *Raising children among Chechens: Customs and traditions. XIX – early XX centuries* [Vospitanie detey u chechentsev: Obychai i traditsii. 19 – nachalo 20 vekov]. Moscow: Moscow printing house No. 27, 2007.

37. Emelianenko TG, Nosenko-Stein EE. (eds.). *Jews [Evrei]*. Moscow: Nauka, 2018.

38. Solovieva LT. Forms of existence of folk Islam [Formy bytovaniya narodnogo islama] *Islam and Law in Russia*. Moscow: Publishing house of the RUDN, 2004; 3: 118–159. (In Russ)

39. Yarlykapov AA. A religious behavior. [Religioznoe povedenie] *Islam and Law in Russia*. M., 2004; 3: 46–69.

40. Gennep van A. *Rites of passage. Systematic study of rituals [Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov]*. Translated from French. Moscow, 1999.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022 г.

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182519-542>



Гаджиев Муртазали Серажутдинович
д.и.н, проф., зав. отделом археологии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

Будайчиев Арсен Лахманович
м.н.с. отдела археологии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
arseneihae@yandex.ru

Абдулаев Абдула Магомедович
м.н.с. отдела археологии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
realhigh87@mail.ru

Абиев Аскерхан Камалович
м.н.с. отдела археологии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
abiev-ak@yandex.ru

РАСКОПКИ ДЕРБЕНТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 2019 г.

Аннотация: Статья посвящена результатам проведенных в сезоне 2019 г. Дербентской археологической экспедицией раскопок Дербентского поселения, начатых в 2012 г. Поселение предшествовало возведению Дербентского оборонительного комплекса в конце 560-х гг. и было постепенно оставлено после сооружения нового города, получившего новое имя Дербент (Дарбанд). Работы производились в южном секторе раскопа XXV, где были вскрыты культурные напластования, датируемые V-VI вв., связанные с ними хозяйственные и строительные остатки (помещения 7, 8, 9, 10, 11), средневековые мусульманские захоронения (погребения №№ 31-37), впущенные в культурный слой поселения. Открытый комплекс жилых и хозяйственных сооружений, включающий 11 помещений, датируется V в. н.э. на основе хронологических индикаторов (поясные пряжки, фибулы) и других археологических находок (в том числе, сасанидской керамики). Авторы полагают, что этот комплекс прекратил свое существование в период бурных военно-политических событий середины V в. или начала VI в., а именно во время антисасанидского восстания 450-451 гг. или ирано-савирской войны 503-508 гг. Полученные материалы проливают новый свет на вопросы исторической топографии и планировки, стратиграфии и хронологии, характеризуют материальную культуру, хозяйство и быт населения Дербентского поселения, идентифицируемого с городом-крепостью Чор/Чол, известным древним армянским, грузинским, сирийским, ранневизантийским и арабским авторам и выступавшим важным административно-политическим, военно-стратегическим и религиозным центром Восточного Кавказа.

Ключевые слова: Дербент; Чор; поселение; поздняя античность; Раннее Средневековье; сасанидская керамика.

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182519-542>



Murtazali S. Gadjiev,
Dr. Sci. (History), Prof., Head. Dep. of Archeology
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

Arsen L. Budaichiev,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
arseneihae@yandex.ru

Abdula M. Abdulaev,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
realhigh87@mail.ru

Askerkhan K. Abiyev,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
abiev-ak@yandex.ru

EXCAVATIONS OF THE DERBENT SETTLEMENT IN 2019

Abstract. The paper examines the results of the excavations of the Derbent settlement, carried out in the 2019 by the Derbent archaeological expedition, which had begun in 2012. The settlement preceded the construction of the Derbent defensive complex in the late 560s and was gradually abandoned after the construction of a new city, which received a new name Derbent (Darband). The work was carried out in the southern sector of the XXV excavation, where cultural strata dating back to the 5th-6th centuries, associated economic and construction remains (Rooms 7, 8, 9, 10, 11), medieval Muslim burials (Burials 31- 37), let into the cultural layer of the settlement. An open complex of residential and utility buildings, including 11 rooms, dates back to the 5th century AD based on chronological indicators (belt buckles, fibulae) and other archaeological finds (including Sasanian ceramics). The authors believe that this complex ceased to exist during the period of turbulent military and political events of the middle of the 5th century or the early 6th century, namely during the anti-Sasanian uprising of 450-451 or the Iranian-Savir war of 503-508. The obtained materials shed light on the issues of historical topography and planning, stratigraphy and chronology, characterize the material culture, economy and life of the population of the Derbent settlement, identified with the city-fortress Chor/Chol, known to ancient Armenian, Georgian, Syrian, early Byzantine and Arab authors and speakers as an important administrative-political, military-strategic and religious center of the Eastern Caucasus.

Keywords: Derbent; Chor; settlement; late Antiquity; Early Middle-Ages; Sasanian ceramics.

© M.S. Gadjiev, A.L. Budaichiev, A.M. Abdulaev, A.K. Abiyev, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

В 2019 г. Дербентская археологическая экспедиция провела седьмой полевой сезон исследований на Дербентском поселении (описание местоположения Дербентского поселения [1, с. 108–109]), на котором в 2012 г. был заложен раскоп XXV (рис. 1). Поселение, которое предшествовало сооружению Дербентского оборонительного комплекса в конце 560-х гг., датируется временем от первых веков н.э. до VI в. включительно.

В результате проведенных работ в сезонах 2012–2017 гг. (в 2018 г. раскопки поселения не производились) на раскопе XXV были выявлены культурные напластования 3-метровой толщины, архитектурно-бытовые остатки, включающие помещения, каменные вымостки, базу колонны и опорные камни столбов, глинобитные полы, гончарную печь, хлебопекарную печь-тендир, отопительный очаг-курси, хозяйственные ямы 1–27, тарные сосуды, скопления керамики и др., разнообразные и многочисленные изделия из керамики, металла (бронза, железо), кости, камня, стекла [1, с. 108–129; 2, с. 155–163; 3, с. 220–223; 4, с. 94–95; 5, с. 139–140; 6, с. 259–260; 7, с. 268–269; 8, с. 292–293; 9, с. 312–315] (рис. 2). Полученные материалы проливают новый свет на многие вопросы истории и археологии Дербента, в особенности, сасанидского периода (III – сер. VII в.). В ходе раскопок были открыты также средневековые мусульманские захоронения (погр. 1–30), которые были впущены в культурный слой заброшенного поселения.

Как и в предшествующие последние годы, работы в сезоне 2019 г. были сконцентрированы в южном секторе, где были продолжены раскопки помещений 7–9 и выявленных помещений 11 и 12 жилищно-хозяйственного комплекса, который ранее был датирован V в. н.э. (рис. 2, 3). Размеры раскопа в итоге работ 2019 г. увеличились на 44 кв. м, достигнув площади 221 кв. м. В ходе раскопок вскрывались верхние культурные слои 1, 2, мощностью до 1 м, накрывшие указанный выше комплекс, были выявлены стены 16, 17, 18, продолжения стен 4, 13, 15, формирующие названные помещения, разнообразные, в том числе хронологически показательные, находки (керамика, изделия из кости, металла, камня), а также средневековые мусульманские погребения (погр. 31–37).

Важным итогом раскопок 2012–2017, 2019 гг. стало определение пространственной организации и системы застройки восточной части поселения, сформировавшейся здесь в начале – середине V в. н.э. (завершение отложения слоя 3) и характерной для горской архитектуры. Она характеризуется плотной застройкой, прямоугольной планировкой смежных домостроений и их примыканием к общей для них, отличающейся более крупными параметрами фасадной стене поселения (стена 4), игравшей в силу своего расположения роль оборонительной стены (рис. 2–4).

В 2019 г. на новых заложенных квадратах в южном секторе раскопа (квадраты б'-12, б'-13, а'-12, а'13, а-12, а-13, б-12, б-13, в-12, в-13, г-12, г-13) (рис. 3, 4) были открыты полностью помещения 7 и 8 и частично помещения 10 и 11 (рис. 3, 4), которые предстоит полностью вскрыть в следующем сезоне раскопок. Ниже приводится характеристика вскрытых культурных напластований (слои 1, 2), указанных помещений и выявленных находок, определяется их хронология.

Слой 1 – средней плотности серый комковатый суглинок с включением небольших бутовых камней и незначительного количества древесных угольков. Толщина слоя колеблется от 30 см до 40–50 см. Как и в предыдущие сезоны, в основании слоя 1 на вскрываемых квадратах наблюдались плотные скопления бутового камня различного размера (от крупных до малых), очевидно, от разрушенных домостроений. Они отделяли слой 1 от нижележащего слоя 2, который накрывал руины помещений жилищно-хозяйственного комплекса.

В слое 1 представлено большое количество фрагментов керамической посуды – кухонной, столовой, тарной. В целом она хронологически относится к одному периоду. Находки в слое 1 единичных фрагментов глазурованной керамики домонгольского времени находят очевидное объяснение в использовании этой территории в качестве ближайшей сельскохозяйственной округи города в период его расцвета. Основная масса керамики датируется раннесредневековым, точнее позднеасанидским, временем. Хронологически показательные формообразующие обломки керамики слоя 1 представлены, в частности, следующими экземплярами:

- венчики подквадратной формы в сечении красноглиняных кувшинов с вкраплениями шамота и песка в тесте (№№ 76, 228, 246, 339) (рис. 5, 10, 32–33, 35), представляющие образцы сасанидской керамической посуды;
- красноглиняные кувшины-ойнохы со сливами (рис. 5, 2, 4, 18, 32–33);
- венчик и часть горловины коричневоглиняного с лощеным каннелюрованным туловом кувшина-ойнохы с пуговичным налепом сбоку слива (№ 127) (рис. 5, 18), представляющий характерный образец местной керамической продукции;
- раздвоенный венчик сасанидского бежевоглиняного тарного сосуда с вкраплениями толченой ракушки и известняка в тесте (№ 40) (рис. 5, 8);
- раздвоенный венчик и часть плечика сасанидского красноглиняного тарного сосуда с двумя окаймляющими слабовыраженными бороздками под венчиком; тесто с примесью шамота (№ 245) (рис. 5, 31).

Укажем также на находки в слое показательных фрагментов стенок коричневоглиняной тарной штрихованной керамики, столовой красно- и коричневоглиняной белоангобированной керамики, красноангобированной (в т.ч. характерной ленточной ручки кувшина). В слое в большом количестве представлены серо- и коричневоглиняные кухонные горшки с примесью толченой ракушки, дресвы, с характерными утолщенными наружу, отогнутыми закругленными венчиками (рис. 5, 7, 13, 27, 30, 36).

Из слоя 1 происходит несколько индивидуальных находок. Это:

- плоский ромбической формы железный черешковый наконечник стрелы (инд. № 1; рис. 6, 1); общая длина – 81 мм, длина пера – 53 мм, длина черешка – 28 мм, ширина пера – 13 мм, толщина пера – 4 мм;
- плоский подтреугольной формы железный черешковый наконечник стрелы с упором (инд. № 2; рис. 6, 2); общая длина – 61 мм, длина пера – 37 мм, длина шейки – 12 мм, длина черешка – 12 мм, ширина пера – 18 мм, толщина пера – 4,5 мм;

– обломанная на две части каменная зернотерка из мелкозернистого песчаника (инд. № 3); длина ее – 28 см, ширина 13-14 см, толщина – 4-5 см.

Ранее, на основании стратиграфии раскопа, представленных керамических комплексов и индивидуальных находок-хронореперов слой 1, поврежденный террасированием и пахотой, был датирован позднесасанидским временем (VI – нач. VII в.). Одним из таких хронологических маркеров является найденная в раскопе в 2017 г. в слое 1 бронзовая шарнирная прогнутая фибула с удлинено-треугольной дугообразной спинкой и железной иглой [8, с. 292–293, рис. 50; 9, с. 312–313, рис. 1, 3], находящая аналоги, в частности, среди материалов могильника Чми (погр. 4, VI в. н.э.) [10, с. 52, 54, рис. 2, 13].

Аналоги сасанидского времени найденным в верхней части слоя 1 упомянутым наконечникам стрел нам не известны, и нельзя исключать, что они относятся к более позднему времени, попали в верхний слой в результате многократных военных действий у стен Дербента.

Слой 2 подстилал слой 1 и представлял собой суглинок серый, серо-коричневатый, средней плотности, насыщенный мелким, средним и редко крупным бутовым камнем, скоплениями этих камней, порой представляющими плотный завал. Очевидно, что этот слой образовался в результате разрушения домостроений, накрытых им. Слой имеет постепенное понижение с юго-запада на северо-восток соответственно рельефу местности. Толщина его колеблется в пределах 20–55 см.

Из слоя 2 происходит большое количество фрагментов керамики, представляющей кухонную (рис. 7, 1–5), столовую (рис. 7, 6–15) тарную (рис. 7, 16–20) посуду, характерную для позднего этапа сасанидского периода (V – сер. VII в.). По своему типологическому составу комплекс керамики слоя 2 весьма близок таковому слоя 1. Показательные экземпляры керамики из слоя 2 представлены, в частности, фрагментами:

– горловины с невыделенным, чуть отогнутым венчиком сероглиняного горшка с примесью кварца в тесте (№ 347) (рис. 7, 1);

– коричневоглиняного горшка с утолщенным наружу коротким венчиком и окаймляющим пояском из трех бороздок на плечике; тесто с примесью толченой ракушки (№ 348) (рис. 7, 2);

– серо-коричневого горшка с утолщенным, резко отогнутым венчиком; тесто с обильной примесью шамота и вкраплениями толченой ракушки (№ 401) (рис. 7, 3);

– коричнево- и сероглиняных горшков с утолщенными наружу венчиками; тесто с примесью толченой ракушки (№№ 574) (рис. 7, 4);

– сероглиняного горшка с примесью дресвы и кварца в тесте, с короткой шейкой с закругленным краем и окаймляющим пояском из двух прямых канавок в верхней части тулова (рис. 7, 5);

– венчиками красно- и бежевоглиняных кувшинов-ойнохои (№№ 421, 464) (рис. 7, 7, 10);

- венчиком красноглиняного кувшина-ойнохой с пуговичным налепом сбоку слива (№ 463) (рис. 7, 9);
 - чуть загнутым наружу венчиком с отходящей от внешнего края ленточной ручкой красноглиняного кувшина (№ 422) (рис. 7, 8);
 - овальной в сечении ручкой красноглиняного кувшина; тесто с примесью мелкотолченой ракушки (№ 424) (рис. 7, 12);
 - горловиной с ойнохоевидным венчиком красноглиняного кувшина, покрытого канелюрами; под внешним краем венчика имеется пуговичный налеп (№ 572) (рис. 8, 1);
 - красноглиняным, частично лощеным кувшинчиком с ойнохоевидным венчиком, ленточной ручкой, чуть вытянутой сферической формы туловом на выпуклом округлом неустойчивом поддоне; тесто с примесью мелкотолченой ракушки; размеры сосуда: Н = 18 см, h горловины = 6,5 см, h тулова = 11,5 см, d горловины по центру = 6 см, d наибольшего расширения тулова = 11,5 см, d донца = 7,7 см (№ 560) (рис. 8, 3);
 - стенкой красноглиняного тарного сосуда или крупного кувшина с пальцевым вдавлением в основании ленточной ручки; тесто с примесью толченой ракушки и шамота (№ 350) (рис. 7, 16);
 - плавно утолщенным кверху венчиком с верхней горизонтальной площадкой красноглиняного толстостенного тарного сосуда; тесто с вкраплениями шамота (№ 478) (рис. 7, 17);
 - чуть утолщенным и отогнутым венчиком красноглиняного тарного сосуда, внешний край венчика оформлен палочными вдавлениями, ниже внешнего края венчика сосуд покрыт сплошной штриховкой гребнем (№ 553) (рис. 7, 19);
- Из слоя 2 происходит также серия образцов сасанидской керамики, представленной, в частности, следующими показательными фрагментами:
- утолщенным венчиком подпрямоугольного сечения красноглиняного кувшина-ойнохой с примесью мелкотолченой ракушки в тесте (№ 346) (рис. 7, 6);
 - утолщенным венчиком подквадратного сечения красноглиняного сосуда с примесью песка и толченой ракушки в тесте (№ 465) (рис. 7, 11);
 - раструбовидной горловиной с невыраженным венчиком и валиком в нижней части горла розовоглиняного белоангобированного кувшина (№ 400) (рис. 7, 13);
 - раструбовидной горловины красноглиняного кувшина-ойнохой с вкраплениями толченой ракушки и песка в тесте (№ 345) (рис. 7, 14);
 - кольцевым поддоном округлодонного красноглиняного сосуда с примесью толченой ракушки в тесте (№ 428) (рис. 7, 15);
 - утолщенным венчиком красноглиняного толстостенного тарного сосуда с вкраплениями мелкотолченой ракушки в тесте (№ 488) (рис. 7, 18);
 - развалом верхней части коричневоглиняного тарного сосуда с низким горлом и утолщенным наружу венчиком с верхней горизонтальной площадкой; по плечу проходит окаймляющий ряд из косых вдавлений зубчатым гребнем; поверхность тулова и плоского дна покрыта двусторонней сплошной штриховкой тем же гребнем (№ 399) (рис. 7, 19);

– горловиной с подквадратным в сечении, утолщенным венчиком с пояском из 4-х канавок, окаймляющих горло, коричневоглиняного тарного сосуда с вкраплениями мелко толченой ракушки (№ 524) (рис. 8, 2);

– верхней частью красноглиняного кувшина-ойнохой с ленточной ручкой с тонким овальным налепом с тканевым оттиском наверху и с окаймляющим горло пояском из четырех канавок (№ 559) (рис. 9).

В слое 2 найдены индивидуальные находки, представленные:

– керамическим пряслицем, изготовленным из стенки красноглиняного толстостенного тарного сосуда (инд. № 6; рис. 6, 5); $D = 4,3$ см, d отверстия = 1,1 см, толщина = 1,9 см;

– керамическим пряслицем, изготовленным из стенки бежевоглиняного сосуда (инд. № 7; рис. 6, 6); $D = 3,6-3,9$ см, d отверстия = 0,8 см, толщина = 1,0 см;

– керамическим пряслицем, изготовленным из стенки сероглиняного сосуда (инд. № 4; рис. 6, 7); $D = 3,3$ см, d отверстия = 0,7 см, толщина = 0,85 мм;

– каменным пряслицем (инд. № 20; рис. 6, 8); $D = 3,5$ см, d отверстия = 0,9 см, толщина = 1,2 см;

– керамическим пряслицем из стенки коричневоглиняного сосуда (инд. № 15; рис. 6, 9); $D = 3,3$ см, d отверстия = 0,7 см, толщина = 0,8 см;

– фрагментом керамического штыря (инд. № 5; рис. 6, 4); цвет теста серый; $D = 2,1$ см, сохранившаяся длина = 3,1 см;

– железным кованым уплощенным гвоздем, найденным в кв. В-12, гл. - 1,0 м. (инд. № 8; рис. 6, 3); длина = 4,5 см, толщина = 3,5 мм, ширина головки = 1,6 см;

– зернотеркой из мелкозернистого песчаника (инд. № 11); длина = 26,5 см, ширина = 14 см, толщина = 3,0-5,5 см;

– обломками трех зернотерок из мелкозернистого песчаника (инд. №№ 9, 13, 14);

– обломком (1/4 часть) каменной крышки из мелкозернистого песчаника (инд. № 10);

– каменной крышкой сосуда (инд. № 22); размеры – 28×33 см, толщина = 3-5 см;

– фрагментом каменного корытца (инд. № 23); размеры – 26,5×9,5 см, сохранившаяся высота – до 7 см, толщина стенок = 4,5 см и 2,5 см, толщина дна = 3,3 см;

– каменной подвеской-амулетом из белой речной гальки (инд. № 12; рис. 6, 10); размеры – 29×35 мм, d отверстия = 5,0-6,5 мм, толщина = 6,5-8,5 мм;

– плоской дисковидной пуговицей или вотивным биллоновым (?) зеркальцем с припаянной центральной петелькой на оборотной стороне (инд. № 16; рис. 6, 11); $d = 23$ мм, толщина = 1,5 мм;

– фрагментом стенки сасанидского стеклянного светло-зеленого бокала с округлыми шлифованными фасетками (инд. № 17; рис. 6, 12);

– шарнирной прогнутой фибулы с крестовидным корпусом, пластинчатой дужкой и длинной ножкой, которая переходит в желобчатый приемник, закрепленный с помощью пластинки/подвязки, загнутой за перекладину

крестовидного корпуса; по спинке дужки корпуса проходят две параллельные зигзагообразные линии, выполненные тонкой чеканкой (инд. № 19; рис. 6, 13); длина корпуса = 58 мм, длина дужки = 31 мм, длина ножки = 27 мм, ширина дужки = 5–6,5 мм, высота дужки = 18 мм, толщина корпуса = 1,5 мм.

Керамический комплекс слоя 2 при учете датировки вышележащего слоя 1 и нижележащего слоя 3 (основанной на находках бронзовых поясных пряжках рубежа IV–V вв., и керамическом комплексе [2, с. 159, 162, рис. 7, 23, 24], позволяют датировать данный слой второй половиной V – началом VI в.

Обратим внимание на находки в слое хронологических индикаторов – шарнирной прогнутой фибулы с крестовидным корпусом, пластинчатой дужкой и длинной ножкой, находящей аналогии среди фибул второй пол. VI–VII вв. [11, с. 426, рис. 5, 14–17], и фрагмента стеклянного сасанидского бокала из светло-зеленого стекла с округлыми шлифованными фасетками, находящего многочисленные аналогии V–VI вв. н.э. Фибула из Дербента почти аналогична бронзовой шарнирной прогнутой фибуле с крестовидным корпусом, пластинчатой дужкой и длинной ножкой из раскопок позднесасанидского городища Каср-и Абу Наср [12, p. 167, fig. 62, n].

В процессе вскрытия слоев 1 и 2 в раскопе были выявлены семь впускных погребений в грунтовых ямах, которые получили продолжающуюся нумерацию – погребения №№ 31–37. Они, как и другие впускные погребения раскопа, представляют мусульманский обряд захоронения в грунтовой яме (араб. *shiqq / shaqq* ‘траншея’) и датируются XIV–XVI вв. [13, с. 61–71, 216–220, рис. 141–145].

В результате вскрытия слоев 1 и 2 в площади раскопа были полностью вскрыты помещения 7 и 8 и частично помещения 9–11 (рис. 2–4, 10). Стены этих и других помещений открытого жилищно-хозяйственного комплекса сложены из необработанного бутового крупного, среднего и мелкого камня, иногда немного подтесанного, на глиняном растворе. Для устойчивости стен в швы между камнями вставлялись мелкие камни. Ряды и вертикальные швы кладки не имеют четкой регулярности, перебиваются. Стыковки стен в ряде случаев имеют конструктивную перевязку, наряду с кладкой впритык. Кладка стен сохранилась на высоту 2–6 рядов (30–85 см) при толщине стен 45–50 см. Достаточно мощный завал камней, накрывавший выявленные строительные остатки, отсутствие сырцово-саманной массы указывает на то, что стены комплекса полностью были сооружены из камня и достигали высоты, судя по объему завала, около 2 м.

Помещение 7 (рис. 2–4, 10) образовано стенами 4 (восточной), 12 (северной), 13 (южной) и 16 (западной), имеет почти квадратную форму (4,4×4,5 м) и занимает площадь около 20 кв. м. Оно смежное с помещениями 6, 8 и 10. В центре помещения располагается выявленная в 2017 г. вымостка из частично подтесанных, относительно ровных, плоских плит, положенных плашмя. Между уложенными плитами вымостки наблюдаются пустоты. Площадь, занимаемая вымосткой, составляет 6 кв. м (2,4×2,5 м).

Ранее (в 2016 г.) в площади помещения 7 были зафиксированы два скопления керамики (рис. 3), регистрирующие уровень пола. Одно скопление

образовывали стенки крупного красноглиняного тарного сосуда со сплошной двусторонней штриховкой тулова и фрагменты сасанидской керамической посуды – раздвоенный венчик крупного коричневоглиняного сферического сосуда и кольцевого поддона красноглиняного кувшина. В сезоне 2017 г. в восточной части помещения 7 около стены 4 была выявлена нижняя часть стоявшего *in situ* розовоглиняного, с примесью песка в тесте, тарного сосуда (рис. 3) со сферическим туловом и с узким, неустойчивым, немного выпуклым дном. Очевидно, что сосуд, который также представляет характерный образец сасанидской тарной керамики, был установлен вкопанным в пол помещения.

Помещение 8 (рис. 2–4, 10) образовано стенами 13 (восточная), 12 (северная), 15 (западная) и 16 (южная). Помещение имеет прямоугольную форму и занимает площадь более 12 кв. м (2,8×4,4 м). Оно смежное с помещениями 6, 7, 9 и 11 и соответствующие стены являются для них общими. Стена 15, смежная для помещений 8 и 9 немного (0,95 м) не доходила до стыка со стеной 12 и, вероятно, здесь также располагался проход из одного помещения в другое. 7 и 8.

Также и стена 13, смежная для помещений 7 и 8, немного не доходила до стены 12 – свободное пространство было завалено упавшими крупными стеновыми камнями, и здесь, очевидно, располагался проход, шириной ок. 0,9 м, через который осуществлялось сообщение между помещениями. Стена 13 была сооружена впритык к эскарпу высоту ок. 0,5 м. Также перпендикулярно расположенные и связанные с ней стены 12 и 16, образующие соответственно северные и южные стены помещений 7 и 8, на данном участке имели перепад высотой ок. 0,4 м, и восточные их половины строились на эскарпированном участке. Тем самым документируется факт того, что уровень пола помещения 7, расположенного чуть ниже по склону по сравнению со смежным помещением 8, располагался немного ниже уровня пола помещения 7. На это указывает и разный уровень выявленных в них каменных вымосток (разница верхних отметок – ок. 0,3 м) и скоплений керамики.

В центральной части помещения 8, вплотную к стене 15, располагалась вымостка, сложенная из крупных и средних, относительно ровных и плоских плит, положенных плашмя. Занимаемая площадь каменной вымостки составляет около 5 кв. м (2,0×2,4 м).

В южном углу помещения 8 между стенами 15 и 16 был обнаружен наполовину вкопанный в грунт тарный сосуд-хум (рис. 11), перекрытый сверху каменной крышкой, представляющей собой обломок песчаниковой плиты. Красноглиняный хум сасанидского типа (рис. 12, 1) имеет яйцевидное тулово с узким округлым выделенным поддоном, без горловины с резко отогнутым венчиком. Плечики хума имеют неглубокие неровные горизонтальные каннелюрами, опоясывающие сосуд. Размеры сосуда: Н = 87 см, h венчика = 4,5, d венчика = 19 см, d наибольшего расширения тулова = 59–60 см, d поддона = 10 см. Хум связан стратиграфически со временем отложения верхней части слоя 2 помещения 8 и возникновения вымости 4, прилегающей к хуму. При выборке на анализ грунта из заполнения на дне тарного сосуда было найдено бронзовое

навершие головной булавки (?) со стилизованным под птицу (удод?) фигуркой (инд. № 21; рис. 6, 14). Длина изделия = 23 мм, $h = 24$ мм.

В восточном углу помещения 8 был обнаружен расположенный в той же стратиграфической позиции развал еще одного тарного сосуда-хума (№ 2) (№ 561, рис. 3), от которого сохранилась *in situ* нижняя часть и покрытого сплошной двусторонней гребенчатой штриховкой тулова и внутренней части плоского дна ($d = 21$ см).

Помещения 9–11 (рис. 2–4, 10) были вскрыты не полностью – они частично уходят в борта раскопа. Эти помещения, судя по открытым остаткам стен, также имели прямоугольный план. В помещении 10 также была выявлена вымостка из горизонтально уложенных, относительно ровных плит разных размеров. В центре помещения 11 зафиксированы две крупных плиты, уложенных рядом плашмя, и неясного назначения стенка из крупных и средних камней (рис. 3). Отметим также, что смежная стена 18, разделяющая помещения 10 и 11, перекрывает хозяйственную яму № 27, пятно которой четко «читалось» на уровне подошвы стены. Можно полагать, что первоначально оба помещения составляли единое пространство, которое позже было разделено указанной стеной на два помещения. На это указывает и то, что стена 18 примыкает к стене 16, являющейся общей северной стеной для этих помещений, и не имеет с ней перевязку. Вскрытие хозяйственной ямы было перенесено на следующий сезон.

В ходе вскрытия слоя 2 в помещении 11 на уровне древней дневной поверхности (пола) было выявлено скопление керамики, представлявшее развал двух коричневоглиняных кухонных горшков с примесью толченой ракушки и дресвы в тесте. Параметры горшка 1 (№ 565 – рис. 12, 2): d венчика = 15,8 см, d основания горловины = 14 см, d наибольшего расширения тулова = 21,5 см, d донца = 12,5 см, $H = 21,5$ см, h тулова = 19,5 см, h венчика = 2 см. Параметры горшка 2 (№ 566 – рис. 12, 3): d венчика = 16 см, d по центру горловины = 15 см, d наибольшего расширения тулова = 23 см, d донца = 11 см, $H = 15,5$ см, h тулова = 13,8 см, h венчика = 1,7 см.

Полученные в ходе раскопок материалы расширяют наши представления о стратиграфии и хронологии, исторической топографии и пространственной планировке, архитектуре и строительном деле, материальной и духовной культуре, повседневной жизни обитателей Дербентского поселения, которое идентифицируется с известным по раннесредневековым источникам городом-крепостью Чор/Чол, известным по раннесредневековым источникам. Значительное представительство в керамическом комплексе верхних слоев поселения сасанидской керамики, а также другие находки, имеющие сасанидское (иранское) происхождение (фрагменты стеклянных сосудов и др.), позволяют говорить о большом влиянии Сасанидского Ирана в контексте политической истории.

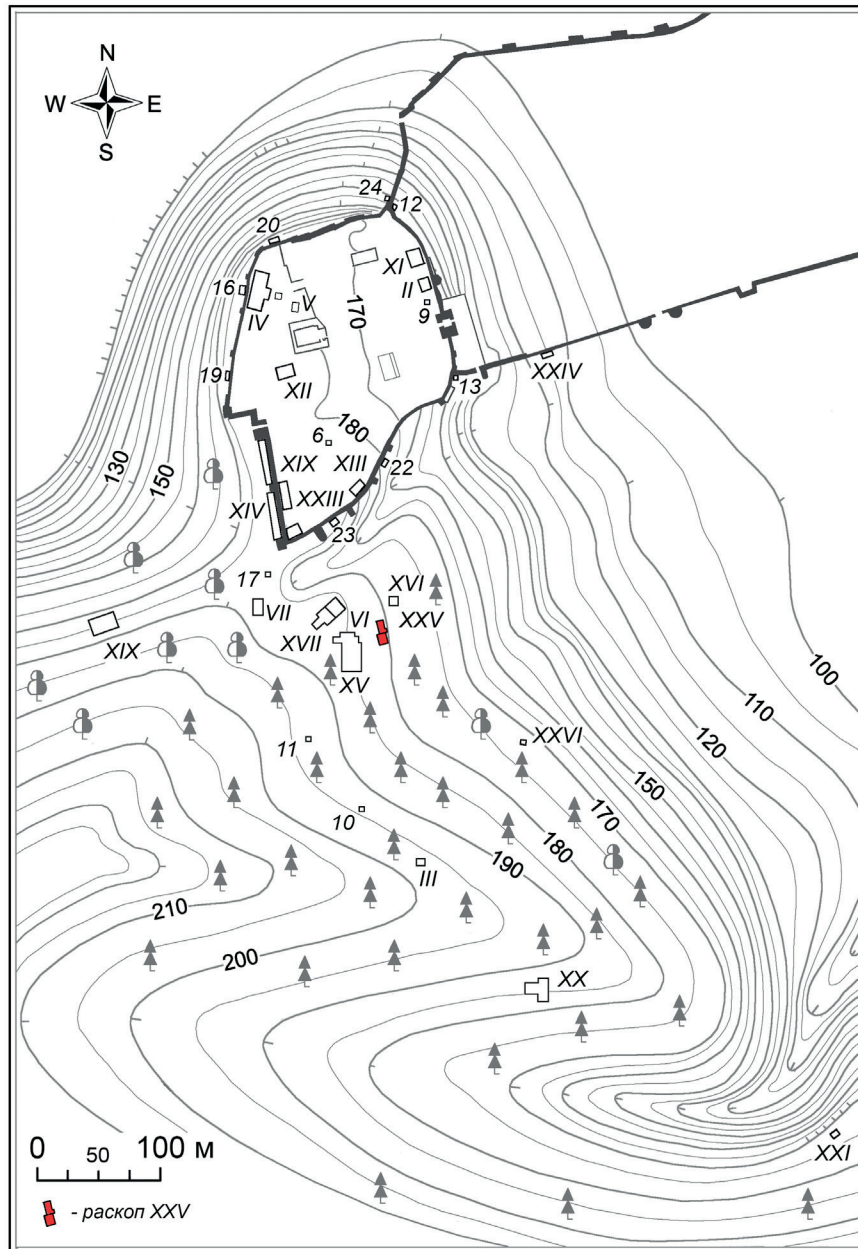


Рис. 1. Дербент. План цитадели Нарын-кала VI в. и Дербентского поселения с указанием места расположения раскопа XXV, а также ранее заложённых раскопов (обозначены римскими цифрами) и стратиграфических шурфов (обозначены арабскими цифрами)

Fig. 1. Derbent. The plan of the citadel Naryn-kala of the VI century AD and Derbent settlement with the indication of the location of the excavation area XXV, as well as the previously laid excavation areas (indicated by Roman numerals) and stratigraphic digs (indicated by Arabic numerals)



Рис. 2. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Послойный план 12 (2019 г.)

Fig. 2. Derbent settlement. Excavation area XXV. Plan 12 (2019)



- | | |
|--|--|
| 1 - железный наконечник стрелы, кв. а'-12, -0,01 м | 13 - обломок каменной зернотерки, кв. а'-13, -0,41 м |
| 2 - железный наконечник стрелы, кв. б'-13, -0,21 м | 14 - обломок каменной зернотерки, кв. б-12, -0,83 м |
| 3 - обломанная каменная зернотерка, кв. а'-13, -0,21 м | 15 - керамическое пряслице, кв. в-13, -1,30 м |
| 4 - керамическое пряслице, кв. б-13, -0,83 м | 16 - биллонная пуговица, кв. б-12, -0,96 м |
| 5 - фр-нт керамического штыря, кв. б-13, -0,79 м | 17 - фр-нт стенки стеклянного сосуда, кв. б'-13, -0,83 м |
| 6 - керамическое пряслице, кв. в-12, -0,88 м | 18 - сердоликовая бусина, из погр. 33, -0,90 м |
| 7 - керамическое пряслице, кв. в-12, -1,02 м | 19 - бронзовая фибула, а-13, -0,73 м |
| 8 - железный кованный гвоздь, кв. в-12, -1,0 м | 20 - каменное прслице, а'-12, -0,84 м |
| 9 - обломок каменной зернотерки, кв. в-13, -1,07 м | 21 - бронзовое навершие головной булавки, из пифоса |
| 10 - обломок каменной крышки сосуда, кв. в-13, -1,04 м | 22 - каменная крышка сосуда, кв. а'-12, -0,20 м |
| 11 - каменная зернотерка, кв. в-13, -0,87 м | 23 - фр-нт каменного корытца, кв. в-12, -0,80-0,87 м |
| 12 - каменная подвеска-амулет, кв. в-12, -1,25 м | |

Рис. 3. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Южный сектор.
План участков, раскопанных в 2016-2017, 2019 гг.

Fig. 3. Derbent settlement. Excavation area XXV. Southern sector.
Plan of plots excavated in 2016-2017, 2019



Рис. 4. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
План-схема выявленных архитектурных остатков – помещений 1-11

Fig. 4. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Plan-scheme of the revealed architectural remains – rooms 1-11

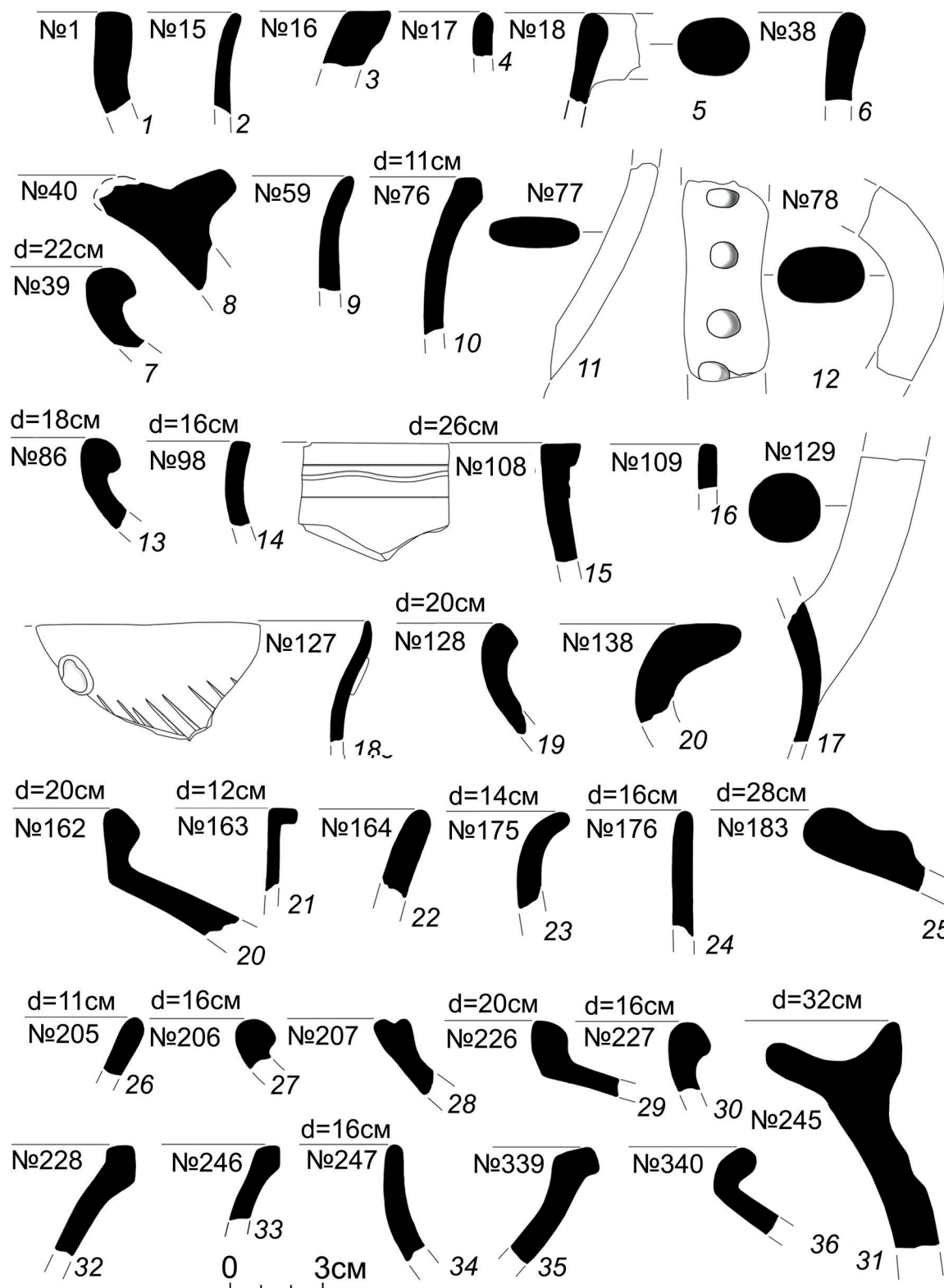


Рис. 5. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Слой 1.
Фрагменты керамических сосудов

Fig. 5. Derbent settlement. Excavation area XXV. Level 1.
Fragments of ceramic vessels

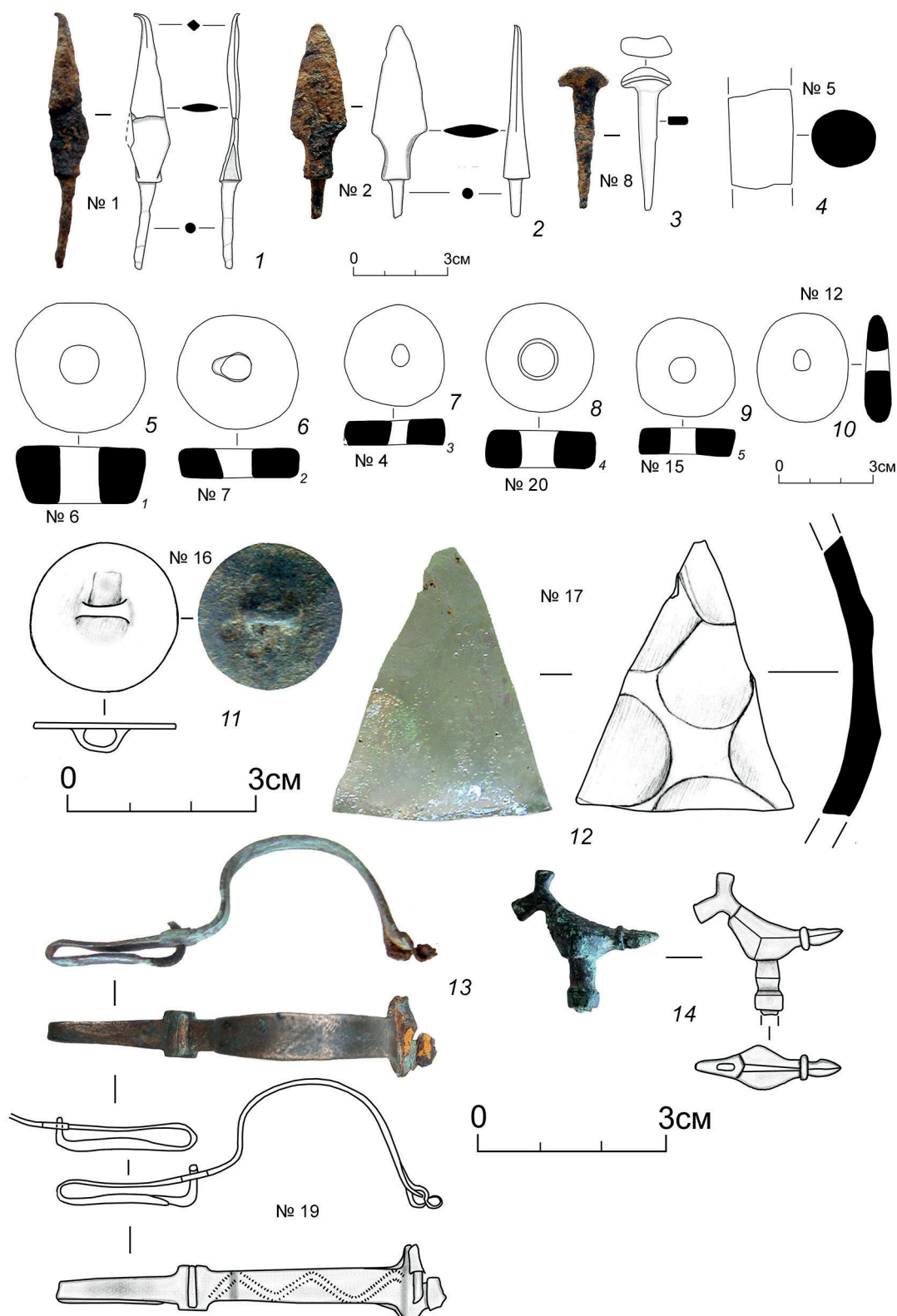


Рис. 6. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Индивидуальные находки:

1-3 – железо, 4-7, 9 – керамика, 8, 10 – камень, 12 – стекло,
13 – бронза, железо, 11, 14 – бронза

Fig. 6. Derbent settlement. Excavation area XXV.

Individual findings:

1-3 – iron, 4-7, 9 – ceramics, 8, 10 – stone, 12 – glass, 13 – bronze, iron, 11, 14 – bronze

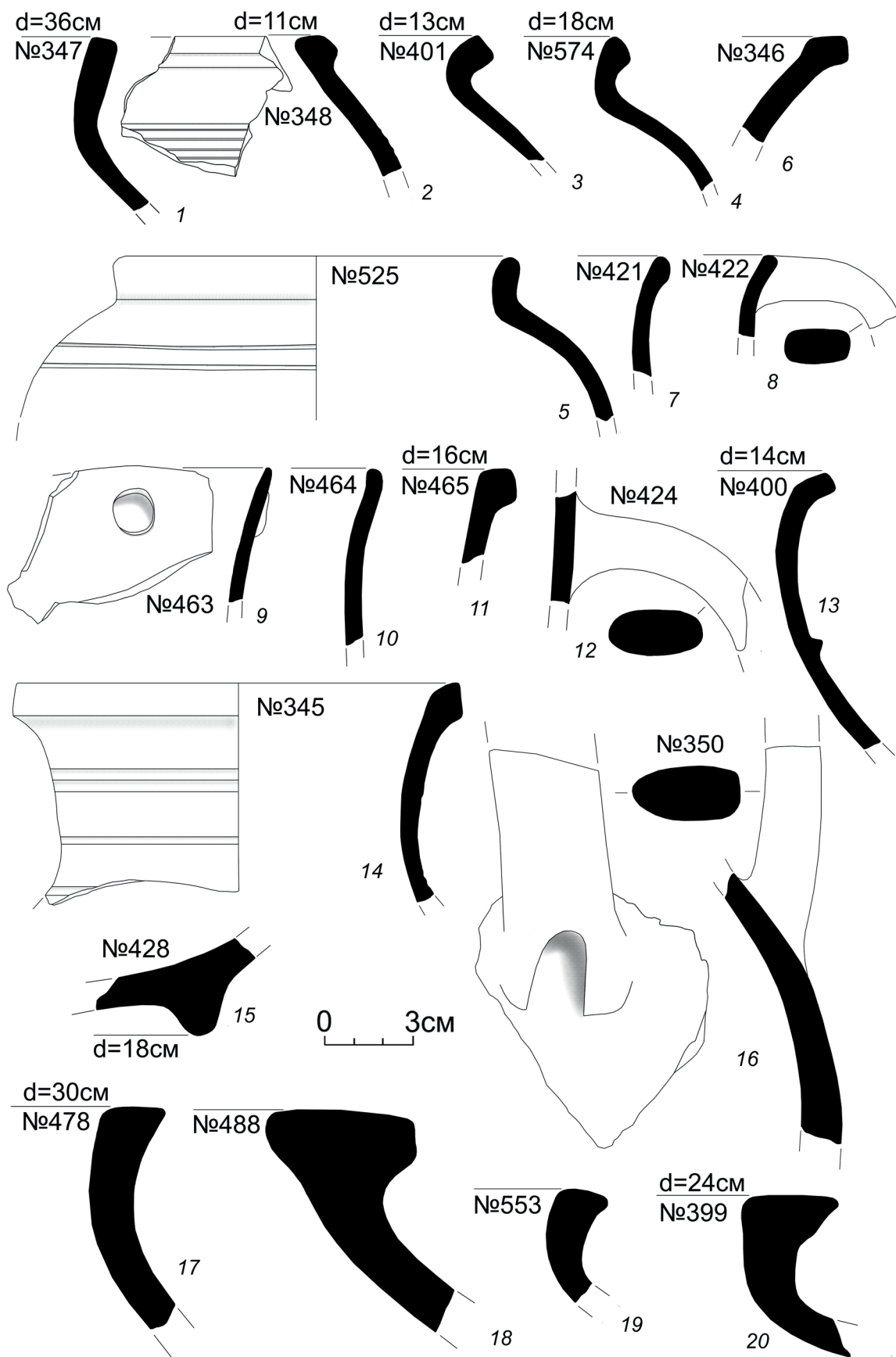


Рис. 7. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Слой 2. Фрагменты керамических сосудов

Fig. 7. Derbent settlement. Excavation area XXV. Level 2. Fragments of ceramic vessels

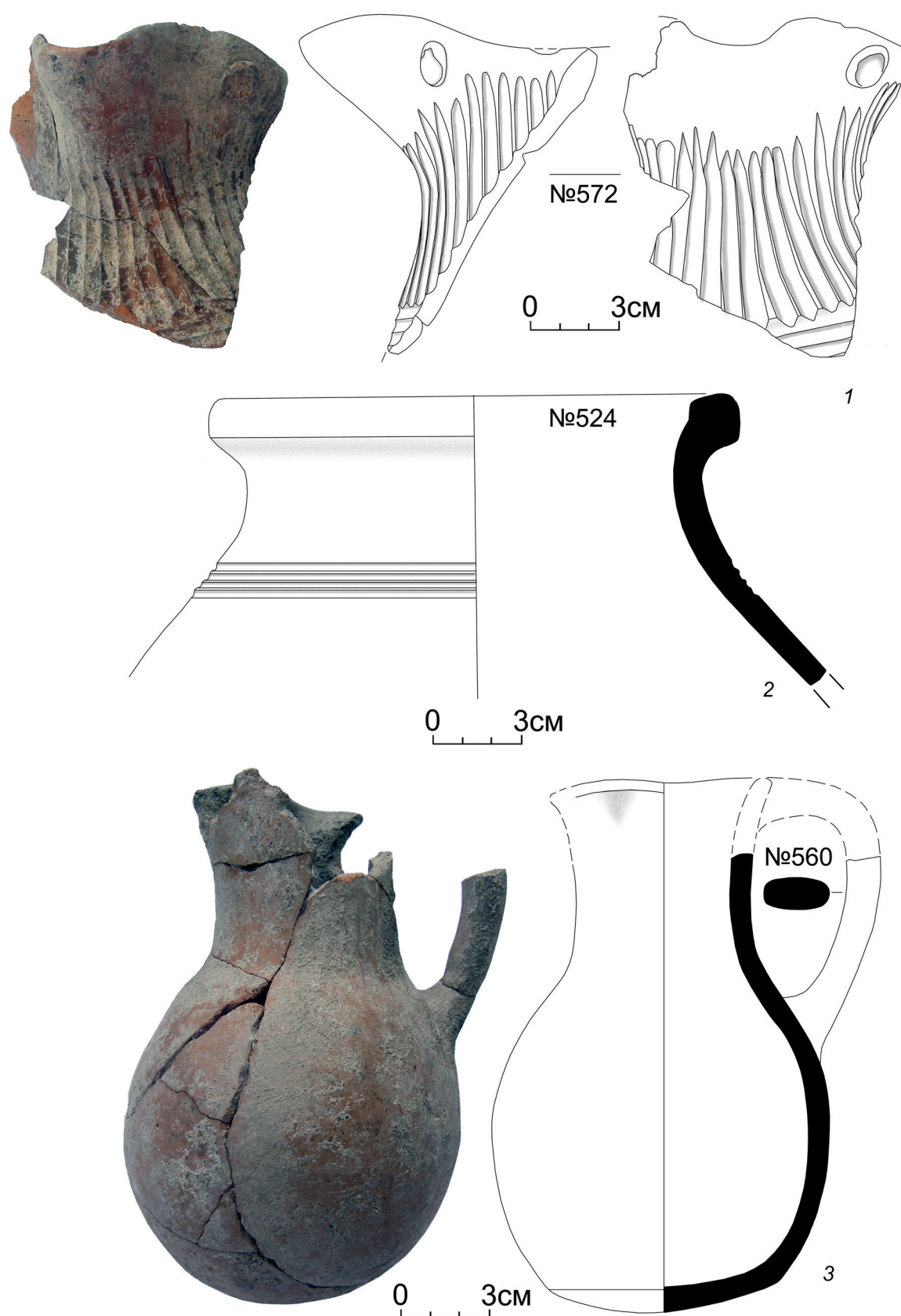


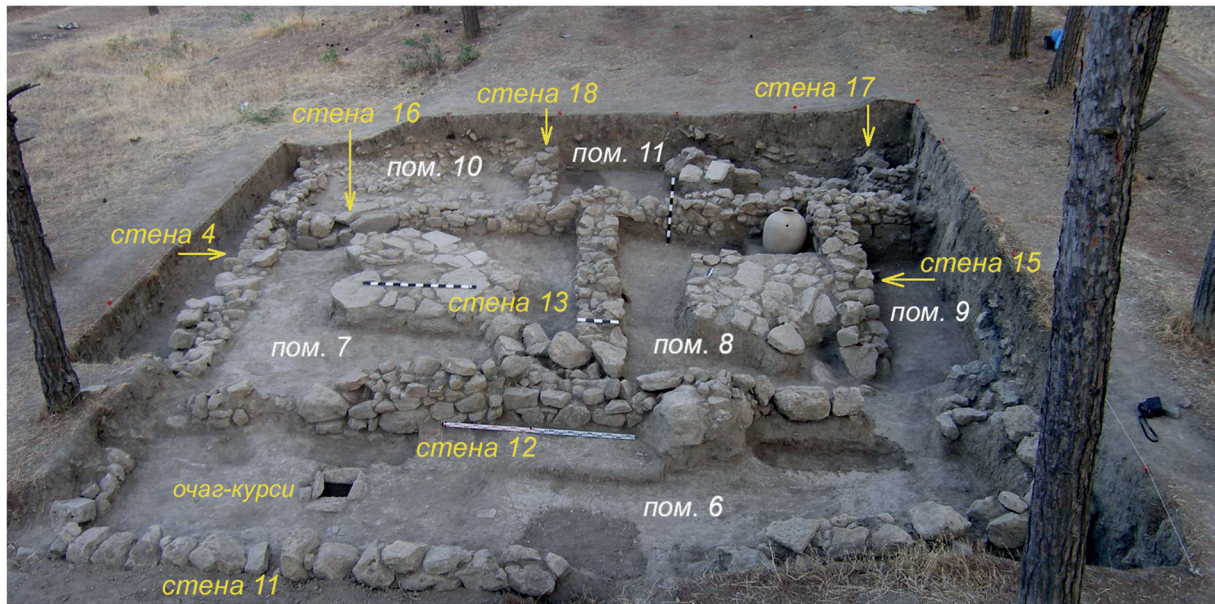
Рис. 8. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Слой 2. Фрагменты керамических сосудов

Fig. 8. Derbent settlement. Excavation area XXV. Level 2. Fragments of ceramic vessels

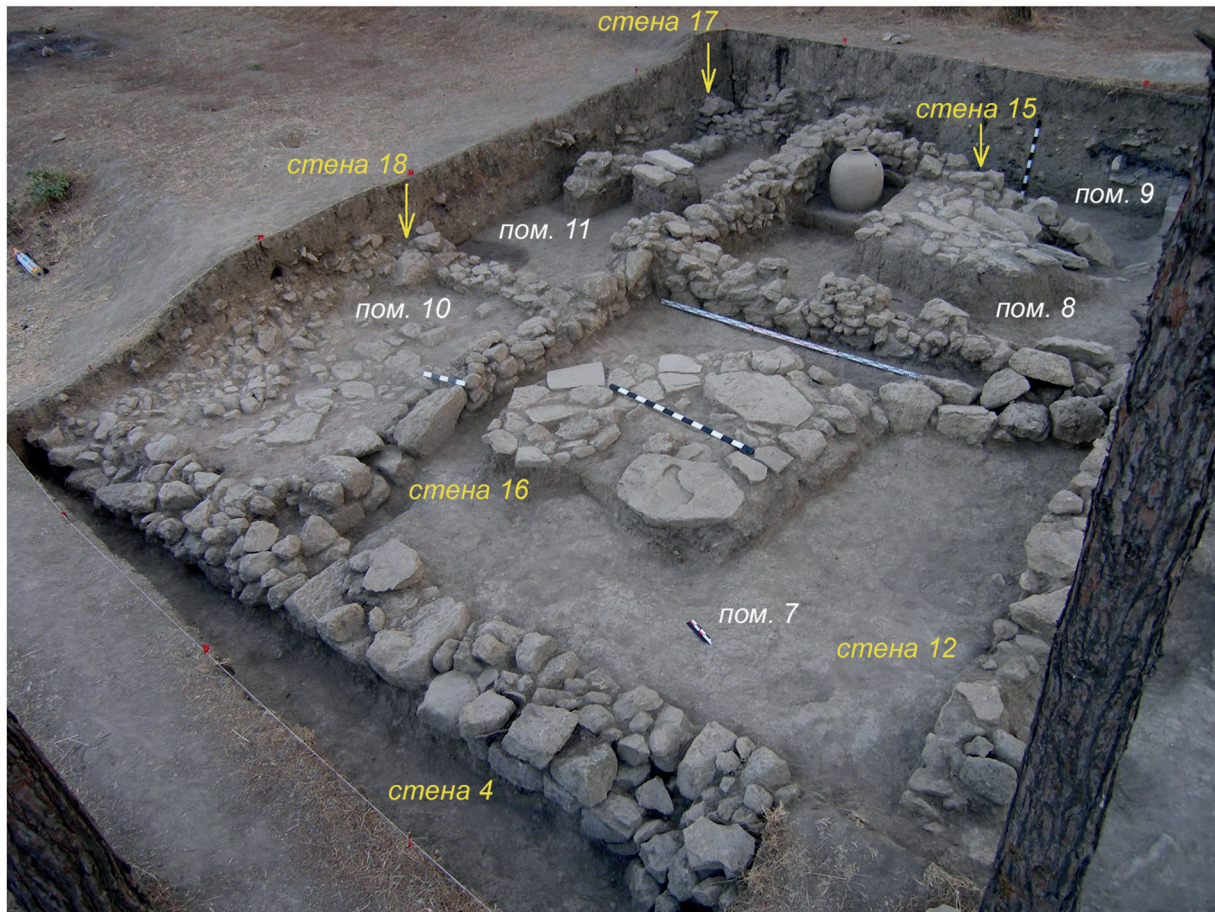


Рис. 9. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Слой 2.
Фрагмент кувшина-ойнохои

Fig. 9. Derbent settlement. Excavation area XXV. Level 2.
Fragment of jar-oinochoe



а



б

Рис. 10. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Южный сектор.
Помещения 6-11: а – вид с СЗ, б – вид с ССВ

Fig. 10. Derbent settlement. Excavation area XXV. Southern sector.
Rooms 6-11: a – view from NW; b – view from NNE



a



б

Рис. 11. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Помещение 8.
Тарный сосуд in situ

Fig. 11. Derbent settlement. Excavation of XXV. Room 8.
Big storage vessel in situ

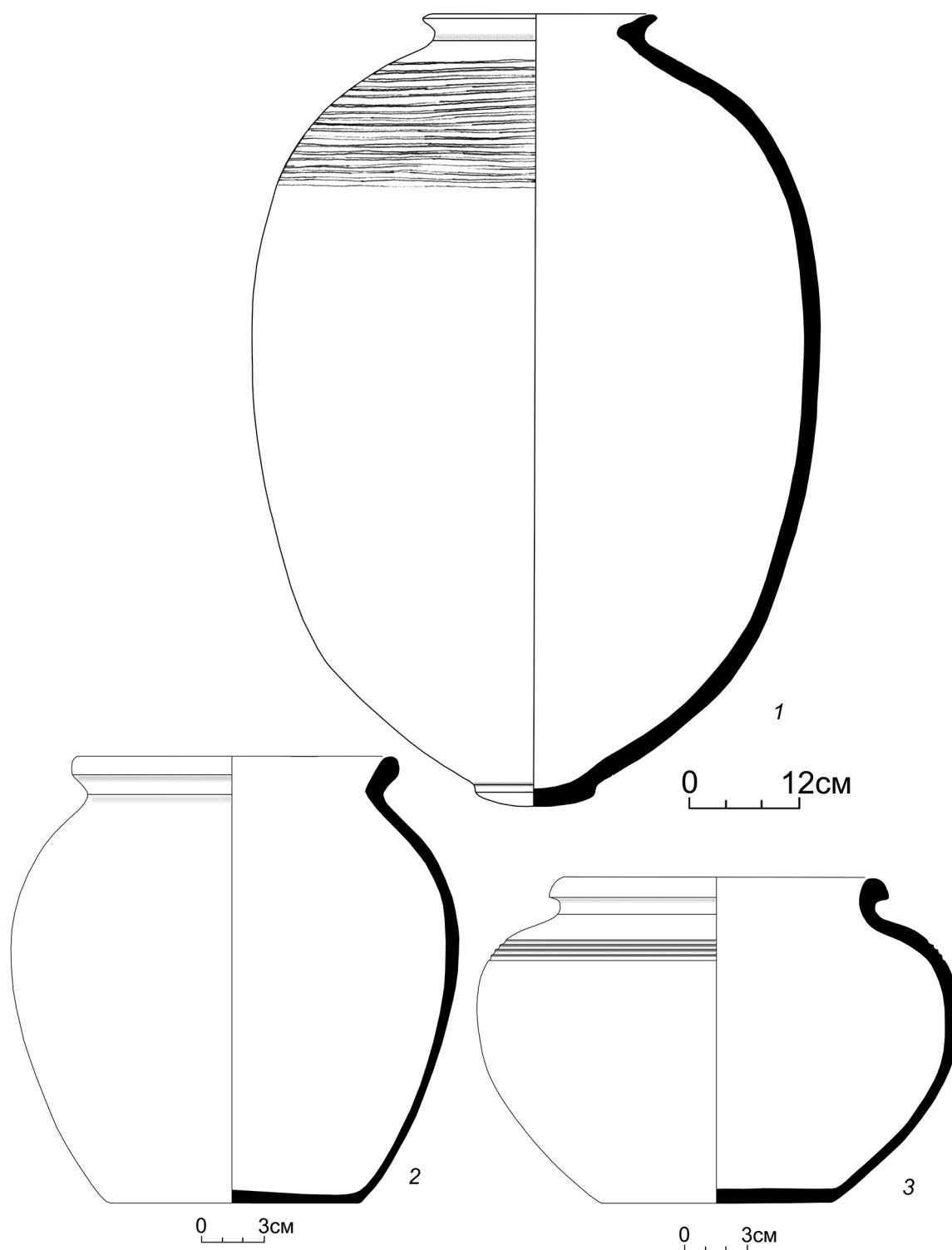


Рис. 12. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Кв. б'-10.
Тарный сосуд из помещения 8, горшки из помещения 11

Fig. 12. Derbent settlement. Excavation of XXV.
Big storage vessel from room 8, the kitchen pots (2, 3) from room 11

ЛИТЕРАТУРА

REFERENCES

1. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л. Раскопки Дербентского поселения в 2012 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. 2013. С. 108–129.
2. Гаджиев М.С. Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 гг.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. 2017. С. 155–163.
3. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2014 г. М.: ИА РАН, 2016. С. 226–228.
4. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Новейшие исследования Дербентского поселения первой пол. – сер. I тыс. н.э. // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии ДИЦ РАН. Махачкала, 21–22 октября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 94–95.
5. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения в 2012–2015 гг. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2016. С. 139–140.
6. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2015 г. М.: ИА РАН, 2017. С. 259–260.
7. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2016 г. М.: ИА РАН, 2018. С. 268–269.
8. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2017 г. М.: ИА РАН, 2019. С. 292–293.
9. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М. Новейшие исследования Дербентского поселения: сезоны 2016, 2017, 2019 гг. // XXXI Крупновские чтения. Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы Международной научной
1. Gadzhiev MS, Budajchiev AL. Excavation of Derbent settlement in 2012 [*Raskopki Derbentskogo poseleniya v 2012 g.*]. *Bulleting of Institute of history, archeology and ethnography*. 2013, 4: 108–129. (In Russ)
2. Gadzhiev MS. Derbent settlement: some results of excavation (2012–2016) [*Derbentskoe poselenie: nekotorye itogi raskopok (2012–2014 gg.)*]. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*. 2017, 2(87): 155–163. (In Russ)
3. Gadzhiev MS, Abiev AK, Budayichiev AL, Abdulaev AM, Shaushev KB. Excavation of Derbent settlement [*Raskopki Derbentskogo poseleniya*]. *Archaeological discoveries of 2014*. 2016: 226–228. (In Russ)
4. Gadzhiev MS, Budayichiev AL, Abdulaev AM. The latest researches of the Derbent settlement of the first half – mid. of the 1st mill. AD. [Novejshie issledovaniya Derbentskogo poseleniya pervoj pol. – ser. I tys. n.e.] *Dagestan in the Caucasian historical and cultural space. Proceedings of the International scientific conference devoted to the 90th anniversary of Institute of history, archeology and ethnography of DSC RAS. Makhachkala, October 21–22, 2014*. [*Dagestan v kavkazskom istoriko-kul'turnom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashennoj 90-letiyu Instituta istorii, arheologii i etnografii DNC RAN. Mahachkala, 21–22 oktyabrya 2014 g.*]. Makhachkala, 2014: 94–95. (In Russ)
5. Gadzhiev MS, Budayichiev AL, Abdulaev AM, Shaushev KB. Excavation of the Derbent settlement in 2012–2015 [*Raskopki Derbentskogo poseleniya v 2012–2015 gg.*] *Studying and preservation of archaeological heritage of the people of the Caucasus. XXIX Krupnovsky readings. Proceedings of the International scientific conference. Grozny, April 18–21, 2016* [*Izuchenie i sohranenie arheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Groznyj, 18–21 aprelya 2016 g.*]. Grozny: Chechen State University, 2016: 139–140. (In Russ)
6. Gadzhiev MS, Abiev AK, Budajchiev AL, Abdulaev AM, Shaushev KB. Excavation of the Derbent settlement [*Raskopki Derbentskogo poseleniya*]. *Archaeological discoveries of 2015*. 2017: 259–260. (In Russ)
7. Gadzhiev MS, Abiev AK, Budayichiev AL, Abdulaev AM, Shaushev KB. Excavation of Derbent settlement [*Raskopki Derbentskogo poseleniya*]. *Archaeological discoveries of 2016*. 2018: 268–269. (In Russ)

конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Издательский дом «Мавраевъ», 2020. С. 312–315.

10. Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 49–71.

11. Гавритухин И.О. 2010. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. Материалы охранных археологических исследований. Т. 11. М.: Таус, 2010. С. 410–428.

12. Whitcomb D.S. Before the Roses and Nightingales: Excavations at Qasr-i Abu Nasr, Old Shiraz. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1985. 271 p.

13. Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М. Средневековые мусульманские погребальные памятники Дербента (по данным археологии). Махачкала: МавраевЪ, 2021. 224 с.

8. Gadzhiev MS, Abiev AK, Budayichiev AL, Abdulaev AM. Excavation of Derbent settlement [*Raskopki Derbentskogo poseleniya*]. *Archaeological discoveries of 2017*. 2018: 292–293. (In Russ)

9. Gadzhiev MS, Budayichiev AL, Abiev AK, Abdulaev AM. The latest research of the Derbent settlement: seasons 2016, 2017, 2019 [*Novejshie issledovaniya Derbentskogo poseleniya: sezony 2016, 2017, 2019 gg.*]. In: Gadzhiev MS. (ed.). *The XXXIst Krupnov's Readings. Archaeological Heritage of the Caucasus: Topical Problems of Study and Preservation. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov's Readings and the 50th Anniversary of the Derbent Archaeological Expedition. Makhachkala, April 20–25, 2020*. Makhachkala: Mavraev, 2020: 312–315. (In Russ)

10. Abramova MP. Early Medieval cemetery near the village Chmi in Northern Ossetia. *New materials on archaeology of the Central Caucasus* [*Rannesrednevekovyy mogil'nik u s. Chmi v Severnoj Osetii. Novye materialy po arheologii Tsentral'nogo Kavkaza*]. Ordzhoniokidze, 1986: 49–71. (In Russ)

11. Gavritihin IO. The fibulae of the Mamison-don burial ground in the context of Caucasian finds [*Fibuly mogil'nika Mamison-don v kontekste kavkazskikh nahodok*]. In: Albegova Z.Kh., Vereshchinsky-Babailov L.I. *Early medieval burial ground Mamison-don. Results of archaeological research 2007–2008 in the zone of construction of the reservoir of Zaramag hydroelectric power stations / Materials of conservation archaeological research. Vol. 11* [*Rannesrednevekovyy mogil'nik Mamison-don. Rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy 2007–2008 gg. v zone stroitel'stva vodohranilishcha Zaramagskikh GES. Materialy ohrannykh arheologicheskikh issledovaniy. Tom 11.*]. Moscow: Taus, 2010: 410–428. (In Russ)

12. Whitcomb DS. *Before the Roses and Nightingales: Excavations at Qasr-i Abu Nasr, Old Shiraz*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1985.

13. Gadzhiev MS, Budayichiev AL, Abdulaev AM. *Medieval Muslim burials of Derbent (according to archeological data)* [*Srednevekovye pogrebal'nye pamjatniki Derbenta (po dannym arheologii)*]. Makhachkala: Mavraev, 2021.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182543-549>



Эльдaров Эльдар Магомедович
д.г.н., профессор кафедры менеджмента
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
geodag@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ

**на монографию: Алиев Б.Г. Историческая география
Дагестана первой половины XIX в. Махачкала, 2021.
ISBN 978-5-00128-890-9**

Аннотация. Данная рецензия посвящена крупной научной монографии «Историческая география Дагестана первой половины XIX в.» (Махачкала: ИИАЭ, АЛЕФ, 2021. 574 с.), написанной одним из основоположников дагестанской исторической географии профессором, д.и.н. Багомедом Гадаевичем Алиевым. Информационной базой для автора послужил огромный материал в виде архивных и литературных источников, а также разнообразных историко-этнографических сведений, собранный им за время многочисленных экспедиций в различные районы республики. С точки зрения географии важно, что, характеризуя общественно-историческое положение Дагестана, автор неизменно отмечает изменения окружающей природной среды, происходившие на разных исторических этапах развития республики. Весьма интересно и познавательно описываются особенности расселения и экономической жизни народов Дагестана. Не отворачивается автор и от геополитических исследований некоторых зарубежных авторов, затрагивающих тему внешних границ Дагестана. Самый крупный раздел монографии посвящается пространственным особенностям и закономерностям политической жизни в Стране гор. Причем, характеризуя феодальные владения и союзы сельских общин, автор довольно четко выделяет их границы. Также в работе описываются разнообразные формы управления территориями Дагестана в рассматриваемый период, в том числе управленческие структуры в пределах каждой его административной единицы, созданной имперскими властями и кавказским военным командованием. Автором сформулированы глубокие научные выводы и суждения, исходящие из проанализированного им весьма объемного и разнообразного по тематике историко-географического материала. В конечном счете, исследование Б.Г. Алиева дает очень полное и яркое представление о том, какой была территориальная природно-общественная система Дагестана в первой половине XIX века.

Ключевые слова: Дагестан; историческая география; этнополитические образования; феодальные владения; исторические источники; рецензия.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182543-549>



Eldar M. Eldarov,
Dr. Sci. (Geography), Prof. at Dep. of Management
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
geodag@mail.ru

REVIEW of the monograph by Aliev B.G. “Historical geography of Dagestan of the first half of the 19th century”. Makhachkala, 2021. ISBN 978-5-00128-890-9

Abstract. The present review is devoted to a large scientific monograph “Historical geography of Dagestan in the first half of the 19th century” (Makhachkala: IHAE, ALEF, 2021. 574 p.), written by one of the founders of Dagestan historical geography, Professor, Doctor of historical sciences Bagomed Gadayevech Aliev. The information base for the author was a huge material in the form of archival and literary sources, as well as various historical and ethnographic information, collected by him during numerous expeditions to various regions of the republic. From the perspective of geography, it is important that, characterizing the socio-historical position of Dagestan, the author notes the changes in the natural environment that took place at different historical stages of the development of the republic. The features of the settlement and economic life of the peoples of Dagestan are described in a very interesting and informative way. The author does not turn away from the geopolitical studies of some foreign authors that touch upon the topic of the external borders of Dagestan. The largest section of the monograph is devoted to the spatial features and patterns of political life in the Land of Mountains. Moreover, characterizing the feudal estates and unions of rural communities, the author clearly identifies their boundaries. The paper also describes various forms of administration of the territories of Dagestan in the period under review, including the administrative structures within each of its administrative units, founded by the imperial authorities and the Caucasian military command. The author formulates deep scientific conclusions and judgments based on the historical and geographical material analyzed by him, which is very voluminous and diverse in subject matter. Ultimately, B.G. Aliev gives a complete and clear picture of what the territorial natural-social system of Dagestan was like in the first half of the 19th century.

Keywords: Dagestan; historical geography; ethnopolitical formations; fiefs; historical sources; review.

Опубликованная в 2021 г. доктором исторических наук, профессором института Истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН Багомедом Гадаевичем Алиевым крупная научная монография «Историческая география Дагестана первой половины XIX в.» [1] является продолжением многолетних исследований, которые автор проводил совместно с профессором Магомед-Саламом Курбановичем Умахановым с 90-х годов прошлого столетия. За более чем 30-летний период этими двумя известными дагестанскими учеными был издан в соавторстве целый ряд научных статей и несколько фундаментальных историко-географических работ с охватом важнейших общественно-политических событий на территории нашей республики за последние примерно 500 лет [2–6].

В монографии делаются ссылки на работы, относящиеся к периоду XVII–XIX вв., советского и постсоветского времени. Их анализ и обобщение позволили автору подготовить эту крупную монографию по одному из чрезвычайно наполненных важнейшими общественно-политическими событиями периоду истории Дагестана – первой половине XIX в. Описанию историко-географических сюжетов этого периода предшествует небольшое введение, а также краткий экскурс в историю изучения данной темы, выделенный в отдельную главу. В ней присутствует довольно глубокий и многоплановый анализ имеющихся работ по исторической географии Дагестана рассматриваемого периода. Отмечая эти позитивные стороны исследования Б.Г. Алиева, все же заметим, что у автора не всегда хватает «критического заряда» в анализе используемых им источников. Это касается, например, приведенного в монографии сочинения генерала И. Бларамберга о народах Кавказа [1, с. 14], у которого встречаются не просто некорректные, а совершенно абсурдные утверждения по самым разным вопросам экономической и социокультурной истории Дагестана [7].

В работе заметное место отводится историко-географическим и геополитическим исследованиям современных чеченских и азербайджанских авторов, затрагивающих тему внешних границ Дагестана [8–11]. Багомед Гадаевич со своим коллегой профессором М-С.К. Умахановым ранее не раз обращался к данной проблематике. Казалось бы, нет необходимости возвращаться к этому острому и деликатному вопросу в нынешней монографии. Однако претензии наших соседей на дагестанские территории, которые впервые «замаячили на горизонте» в конце 1980-х – начале 90-х гг., ныне не только продолжаются, но и усиливаются. Тема внешних границ Дагестана, строящаяся на основе совершенно беспочвенных в научном плане аргументах, в настоящее время активно муссируется в целом ряде публикаций наших коллег из Чеченской и Азербайджанской республик. И эти работы с явно провокационными выводами дискутируются на уровне как общероссийских, так и международных научных форумов. Вот почему в своей новой монографии Б.Г. Алиев был вынужден обратиться к этому вопросу, убедительно доказывая необоснованность претензий наших северо-западных и южных соседей на земли Дагестана [1, с. 49–55; с. 337–362].

Раскрывая общую историко-географическую характеристику Дагестана (Глава II), автор приводит анализ изменений окружающей природной среды,

происходивших на разных исторических этапах развития республики. В частности, им указывается на историческую динамику почвенного и лесного покровов, речной гидрографии и геоморфологии берегов Каспийского моря. В принципе, мы и раньше отмечали, что вопрос о закономерностях и особенностях эволюции природно-географического пространства республики в работах профессионального историка ставится совершенно верно [12]. В книгах Б.Г. Алиева подвергается описанию широкая палитра процессов влияния природных факторов на хозяйственную деятельность людей, устройство их поселений и жилищ, характер взаимоотношений с другими народами. Справедливо подчеркивается роль горного рельефа в образовании географически изолированных этнополитических структур Дагестана.

Весьма интересно и познавательно в книге описываются особенности расселения народов Дагестана (Глава III). Автор приводит большой и, вместе с тем, разноречивый материал о численности населения рассматриваемой территории. Им анализируются тенденции расселения различных этнических групп, пространственная динамика этнополитических образований с акцентом на численность населения и количество хозяйств (дворов) [1, с. 98–154]. Но монография, на наш взгляд, была бы существенно богаче при более внимательном обращении автора к исследованиям известного дагестанского ученого-этнографа М.-Р.А. Ибрагимова, в трудах которого присутствуют глубокие и убедительные выводы относительно тенденций демографического развития Страны гор в XIX столетии.

В книге описываются основные природно-климатические зоны Дагестана, отмечается их значение в экономической жизни населения. По сути вся 4-я глава посвящена вопросам эволюции экономико-географических структур изучаемой территории. Отмечается, что ведущими отраслями дагестанской экономики XIX века при всем множестве видов хозяйственной деятельности являлись земледелие и скотоводство. Именно эти отрасли хозяйства давали основные продукты питания и сырье для разных видов ремесел и домашних промыслов. Заметное внимание отводит торговле, как одному из важнейших факторов экономической истории республики. В книге показана роль торговли в экономическом развитии различных регионов Дагестана [1, с. 261–295]. Вместе с тем, думается, что работа лишь выиграла бы при большем внимании автора к научному наследию таких известных дагестанских ученых, как Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, В.Г. Гаджиев, С.Ш. Гаджиева, Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов и М.А. Агларов, каждый из которых внес весомый вклад в разработку этнохозяйственного аспекта дагестанской исторической науки.

Почти половина объема работы посвящена пространственным особенностям и закономерностям политической жизни в Дагестане (Глава V). При этом автор стремится к решению трех крупных вопросов исторической географии первой половины XIX в., касающихся: (1) основных политических событий и отношений, (2) главных политических структур и ареалов, (3) административно-политического устройства Дагестана. В данной главе описываются военные акции

кавказского командования российской армии и отношение к ним феодальных владетелей, а также руководителей «вольных» обществ Дагестана. Вопросы колониальной политики России описываются в масштабе как Дагестана в целом, так различных его частей [1, с. 296–331]. Историю политических процессов автор стремится рассматривать через призму событий, происходивших в конкретном месте и в определенное время. Разработанный Б.Г. Алиевым пространственно-временной подход к региональному политико-географическому исследованию представляет собой заметный вклад в отечественное обществознание [13].

При характеристике феодальных владений и союзов сельских общин четко выделяются их границы. Можно сказать, что автор в своей книге приводит полную политическую карту Дагестана со всеми без исключения его административно-политическими образованиями первой половины XIX в. Однако из-за мелкого масштаба их репродукции на стандартных книжных страницах размером А5, внутреннее устройство этих образований читаются с большим трудом. Наверно, было бы более оправданным главные карты книги представить в виде разворачиваемых страниц формата А4. Но это упущение скорее издателя книги, чем её автора.

Следует заметить, что материал о том, как избирались или назначались административно-должностные лица, какую роль в системе управления играл народ и его главный орган – народное собрание в книге достаточно хорошо систематизирован. Автор приводит весьма скрупулезный анализ новых структур управления, созданных имперскими властями и кавказским военным командованием в каждой конкретной части Дагестана. Традиционно заметное место в таком анализе отводится правам и функциям управления, которыми наделялись сформированные в те годы органы местной власти [14, 15].

Отмечая глубину и многоаспектность материала 5-й главы, тем не менее, считаем, что было бы логичней разделить её на две самостоятельные части, в одной из которых описывались процессы функционирования и развития административно-политических и имперско-военных структур, а в другой – их территориальная и социально-экономическая организация.

В заключении монографии автор профессионально подытоживает свою работу, делая лаконичные выводы, исходящие из проанализированного материала. Здесь же читателю констатируется, на основе каких архивных источников и научной литературы данная работа строилась.

Таким образом, монография Багомеда Гадаевича Алиева представляет собой крупную, насыщенную интересной и полезной информацией книгу, в которой нашли отражение основные вопросы исторической географии Дагестана первой половины XIX в. Это цельное и завершенное исследование, дающее достаточно полное представление о том, какой была Страна гор в общественно-географическом плане в период ее вхождения в состав Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Б.Г. Историческая география Дагестана первой половины XIX в. — Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2021. — 574 с.
2. Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.-С.К. Из истории средневекового Дагестана. — Махачкала, 1970. — 235 с.
3. Алиев Б.Г., Иноземцева Е.И., Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения народов Дагестана с кавказскими народами // *Iran and the Caucasus*. 1997. Т. 1. № 1. С. 65–74.
4. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. I. Махачкала, 1999. — 371 с.
5. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. II. (Историческая география Южного Дагестана). Махачкала, 2001. — 324 с.
6. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Дагестан в XV–XVI вв. (вопросы исторической географии) / под ред. А.Р. Шихсаидова, А.И. Османова, М.М. Гусаева. Махачкала: типография ДНЦ РАН, 2004. — 496 с.
7. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. М.: Изд. Надыршин, 2010. — 400 с.
8. Ибрагимбеков М. «Дербент — азербайджанская земля, которую у нас захватили»: тайные подробности съезда в Москве [Internet]. — *EurAsia Daily* — 04.03.2016 [дата обращения: 20.01.2022]. Доступ по ссылке: <https://easaily.com/ru/news/2016/03/04/derbent-azerbaydzhanskaya-zemlya-kotoruyu-u-nas-zahvatili-taynye-podrobnosti-sezda-v-moskve>
9. Алиева С.И. Расчленение азербайджанских земель: появление Южного Дагестана на карте Российской империи // *Baki Universitetinin Xəbərləri*. 2011. № 3. С. 128–136.
10. Баширов М.С.-Э., Хасмагоматов Э.Х. Этническая история Терско-Сулакского междуречья (на примере семьи Башир-шейха Аксайского). Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2018. — 60 с.
11. Тесаев З.А. К вопросу об этнической картине в Терско-Сулакском междуречье // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2020. № 1(48). — С. 72–86.

REFERENCES

1. Aliev BG. *Historical geography of Dagestan in the first half of the XIX century* [Istoricheskaya geografiya Dagestana pervoy poloviny XIX v.]. Makhachkala: IHAЕ DFC RAS, ALEF, 2021.
2. Aliev BG, Akhmedov SM, Umakhanov M-SK. *From the history of medieval Dagestan* [Iz istorii srednevekovogo Dagestana]. Makhachkala, 1970.
3. Aliev BG, Inozemtseva EI, Umakhanov M-SK. Relations of the peoples of Dagestan with the Caucasian peoples. *Iran and the Caucasus*. 1997, 1(1): 65–74.
4. Aliev BG, Umakhanov M-S.K. *Historical geography of Dagestan XVII – beginning. XIX century. Book I* [Istoricheskaya geografiya Dagestana XVII – nach. XIX v. Kn. I]. Makhachkala, 1999.
5. Aliev BG, Umakhanov M-SK. *Historical geography of Dagestan XVII – beginning. XIX century Book II (Historical geography of Southern Dagestan)* [Istoricheskaya geografiya Dagestana XVII – nach. XIX v. Kn. II. (Istoricheskaya geografiya Yuzhnogo Dagestana)]. Makhachkala, 2001.
6. Aliev BG, Umakhanov M-SK. *Dagestan in the XV-XVI centuries (Questions of historical geography)* [Dagestan v XV-XVI vv. (voprosy istoricheskoy geografii)]. Shikhsaidov AR, Osmanov AI, Gusayev MM (eds.). Makhachkala: DSC RAS, 2004.
7. Blaramberg I. *Historical, topographical, statistical, etiographical and military description of the Caucasus* [Istoricheskoye, topograficheskoye, statisticheskoye, etnograficheskoye i voyennoye opisaniye Kavkaza]. Translated from French, foreword and comments by I.M. Nazarova. Moscow: Nadyrshin Publ., 2010.
8. Ibragimbekov M. “Derbent is the Azerbaijani land that was seized from us”: secret details of the congress in Moscow [Electronic resource]. *EurAsia Daily* — 2016 March 4 [updated 2022 Jan 20]. Available from: <https://easaily.com/ru/news/2016/03/04/derbent-azerbaydzhanskaya-zemlya-kotoruyu-u-nas-zahvatili-taynye-podrobnosti-sezda-v-moskve>
9. Alieva SI. Dismemberment of Azerbaijani lands: the appearance of Southern Dagestan on the map of the Russian Empire. *Baki Universitetinin Xəbərləri*. 2011, (3): 128–36.

12. Эльдаров Э.М. Рецензия на монографию Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова «Историческая география Дагестана XVII–XIX в.». Махачкала, 1999. Кн. I. 366 с.; 2001. Кн. II. 324 с. // Вестник Дагестанского научного центра. 2002. № 12. С. 149–151.
13. Давудов О.М. К 70-летию Багомед Гадоевича Алиева // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2005. № 1. С. 138–156.
14. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999. — 339 с.
15. Нурова С.М., Агларов М.А., Эльдаров Э.М. Система общественного самоуправления в досоветском Дагестане // Труды Географического общества Республики Дагестан. 1998. № 26. С. 134–138.
10. Bashirov MS-E, Khasmagomadov EH. *Ethnic history of the Tersko-Sulak interfluvium (on the example of the family of Bashir-Sheikh Aksai)* [Etnicheskaya istoriya Tersko-Sulakskogo mezhdurech'ya (na primere semi Bashir-shejha Aksajskogo)]. Grozny: IPK "Groznsky Rabochiy", 2018.
11. Tesaev ZA. On the question of the ethnic picture in the Tersko-Sulak interfluvium [K voprosu ob etnicheskoy kartine v Tersko-Sulakskom mezhdurech'e]. *Herald of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2020, 1(48): 72–86.
12. Eldarov EM. Review of the monograph by B.G. Aliyev and M.-S.K. Umakhanov "Historical geography of Dagestan of the XVII–XIX centuries". Makhachkala, 1999. Book I: 366; 2001. Book II: 324. *Herald of the Dagestan Scientific Center*. 2002, 12: 149–51.
13. Davudov OM. To the 70th anniversary of Bagomed Gadaevich Aliev [K 70-letiyu Bagomeda Gadaevicha Alieva]. *Bulletin of the IHAE DSC RAS*. 2005, 1: 138–56.
14. Aliyev BG. *Unions of rural communities of Dagestan in the XVIII – first half of the XIX century. Economy, land and social relations, power structure* [Soyuzы selskih obshin Dagestana v XVIII – pervoj polovine XIX v. Ekonomika, zemelnye i socialnye otnosheniya, struktura vlasti]. Makhachkala: IHAE DNC RAS, 1999.
15. Nurova SM, Aglarov MA, Eldarov EM. The system of public self-government in pre-Soviet Dagestan. *Proceedings of the Geographical Society of the Republic of Dagestan* [Sistema obshchestvennogo samoupravleniya v dosovetskom Dagestane. Trudy Geograficheskogo obshchestva Respubliki Dagestan]. 1998, 26: 134–8.

Рецензия поступила в редакцию 06.05.2022 г.

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 20.06.2022. Формат 60x84 1/8
Гарнитура Georgia.